



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

С.А. Боголюбов,
заведующий отделом аграрного, экологического
и природоресурсного законодательства ИЗиСП,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
деятель науки России

Г.А. Василевич,
заведующий кафедрой конституционного
права БГУ, профессор

В.Л. Кубышко,
кандидат педагогических наук

И.А. Калинин,
кандидат педагогических наук

С.С. Жевлакович,
кандидат социологических наук,
доцент,
Заслуженный работник
высшей школы РФ

К.К. Гасанов,
доктор юридических наук,
профессор

В.Ю. Федорович,
кандидат юридических наук,
доцент

А.В. Ендольцева,
доктор юридических наук,
профессор

В.О. Лучин,
доктор юридических наук,
профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный юрист РФ

С.С. Маляев,
доктор юридических наук,
профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.Л. Миронов,
кандидат юридических наук,
доцент

Н.В. Румянцев,
доктор юридических наук

Ю.А. Цыпкин,
доктор экономических наук,
профессор

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

Б.С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный юрист РФ

S.A. Bogolyubov,
Head of the department of agrarian, ecological
And Natural Resource Legislation ISTIP,
doctor Law, Professor, Honored
Scientist of Russia

G.A. Vasilevich,
Head of the department of constitutional
Rights of BSU, professor

V.L. Kubyshko,
candidate of pedagogical sciences

I.A. Kalinichenko,
candidate of pedagogical sciences

S.S. Zhevlakovich,
candidate of sociological sciences,
associate professor,
Honored worker
of higher school of Russia

K.K. Gasanov,
doctor of legal sciences,
professor

V.Yu. Fedorovich,
candidate of legal sciences,
associate professor

A.V. Endoltseva,
doctor of legal sciences,
professor

V.O. Luchin,
doctor of legal sciences,
professor,
Honored worker of science of Russia,
Honored lawyer of Russia

S.S. Mailyan,
doctor of legal sciences,
professor,
Honored lawyer of Russia

A.L. Mironov,
candidate of legal sciences,
associate professor

N.V. Rumyantsev,
doctor of legal sciences

Yu.A. Tsyppkin,
doctor of economic sciences,
professor

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of legal sciences,
doctor of economic sciences, professor,
winner of an Award of the Government of
Russia in the field of science and technology

B.S. Ebzeev,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia,
Honored lawyer of Russia



РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального
образования РФ, Почетный работник
науки и техники РФ

Ю.М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

А.В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А.Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор

Е.В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

О.Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник прокуратуры РФ

С.М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

О.Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

Н.Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор

Р.А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В.П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего образования РФ

И.Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

Н.А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

И.И. Котляров,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

С.Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.Н. Левушкин,
доктор юридических наук, доцент

LEGAL SCIENCES

S.V. Alekseev,
doctor of legal sciences, professor,
Honorary worker of higher professional
education of Russia, Honorary worker
of science and technology of Russia

Yu.M. Antonyan,
doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia

A.V. Barkov,
doctor of legal sciences, professor

A.R. Belkin,
doctor of legal sciences, professor

E.V. Bogdanov,
doctor of legal sciences, professor

O.D. Zhuk,
doctor of legal sciences, professor,
Honorary prosecutor of Russia

S.M. Zyryanov,
doctor of legal sciences, professor

O.Yu. Ilyina,
doctor of legal sciences, professor

N.G. Kadnikov,
doctor of legal sciences, professor

R.A. Kalamkaryan,
doctor of legal sciences, professor

V.P. Kamyshanskiy,
doctor of legal sciences, professor,
Honorary worker of higher education of Russia

I.B. Kardashova,
doctor of legal sciences, professor

N.A. Kolokolov,
doctor of legal sciences, professor,
judge of Supreme Court of Russia (resigned)

I.I. Kotlyarov,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

S.Ya. Lebedev,
doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.N. Levushkin,
doctor of legal sciences, associate professor



Н.П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ

В.П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Г.Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

Н.В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Р.С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

А.М. Осавелюк,

доктор юридических наук, профессор

А.С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.В. Симоненко,

доктор юридических наук, профессор

Л.В. Туманова,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

Е.Н. Хазов,

доктор юридических наук, профессор

О.В. Химичева,

доктор юридических наук, профессор

Н.М. Чепурнова,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.П. Шергин,

доктор юридических наук,
Заслуженный деятель науки РФ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.Т. Ахвледиани,

доктор экономических наук, профессор

Р.П. Булыга,

доктор экономических наук, профессор

Л.П. Дашков,

доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

N.P. Maylis,

doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia, Honored worker of science of Russia

V.P. Malakhov,

doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia

G.B. Mirzoev,

doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

N.V. Mikhaylova,

doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia

R.S. Mulukaev,

doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia, member of RANS

A.M. Osavelyuk,

doctor of legal sciences, professor

A.S. Prudnikov,

doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.V. Simonenko,

doctor of legal sciences, professor

L.V. Tumanova,

doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

E.N. Khazov,

doctor of legal sciences, professor

O.V. Khimicheva,

doctor of legal sciences, professor

N.M. Chepurnova,

doctor of legal sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

A.P. Shergin,

doctor of legal sciences, professor,
Honored worker of science of Russia,

ECONOMIC SCIENCES

Yu.T. Akhvlediani,

doctor of economic sciences, professor

R.P. Bulyga,

doctor of economic sciences, professor

L.P. Dashkov,

doctor of economic sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia



Р.В. Илюхина,

доктор экономических наук, профессор

Г.М. Казиахмедов,

доктор экономических наук, профессор

В.Г. Когденко,

доктор экономических наук, профессор

М.А. Комаров,

доктор экономических наук, профессор

А.А. Крылов,

доктор экономических наук, профессор

Е.И. Кузнецова,

доктор экономических наук, профессор

Н.П. Купрещенко,

доктор экономических наук, профессор

И.А. Майбуров,

доктор экономических наук, профессор

М.М. Максимцов,

доктор экономических наук, профессор, Почетный
работник высшего профессионального образования РФ

В.Б. Мантусов,

доктор экономических наук, профессор

В.С. Осипов,

доктор экономических наук, профессор

Г.Б. Поляк,

доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С.Г. Симагина,

доктор экономических наук, доцент

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

И.В. Грошев,

доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ

В.М. Крук,

доктор психологических наук, профессор

Б.А. Спасенников,

доктор юридических наук,
доктор медицинских наук, профессор

А.М. Столяренко,

доктор педагогических наук,
доктор психологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

С.Н. Федотов,

доктор психологических наук, профессор

В.Л. Цветков,

доктор психологических наук, профессор

R.V. Ilyuhina,

doctor of economic sciences, professor

G.M. Kaziahmedov,

doctor of economic sciences, professor

V.G. Kogdenko,

doctor of economic sciences, professor

M.A. Komarov,

doctor of economic sciences, professor

A.A. Krylov,

doctor of economic sciences, professor

E.I. Kuznetsova,

doctor of economic sciences, professor

N.P. Kupreshchenko,

doctor of economic sciences, professor

I.A. Mayburov,

doctor of economic sciences, professor

M.M. Maksimtov,

doctor of economic sciences, professor,
Honorary worker of higher professional education of Russia

V.B. Mantusov,

doctor of economic sciences, professor

V.S. Osipov,

doctor of economic sciences, professor

G.B. Polyak,

doctor of economic sciences, professor,
Honored worker of science of Russia, member of RANS

S.G. Simagina,

doctor of economic sciences, associate professor

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

I.V. Groshev,

doctor of psychological sciences, doctor of economic sciences,
professor, Honored worker of science of Russia

V.M. Kruk,

doctor of psychological sciences, professor

B.A. Spasennikov,

doctor of jurisprudence,
doctor of medical sciences, professor

A.M. Stolyarenko,

doctor of pedagogical sciences,
doctor of psychological sciences, professor,
Honored worker of higher school of Russia

S.N. Fedotov,

doctor of psychological sciences, professor

V.L. Tsvetkov,

doctor of psychological sciences, professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117437, Москва, ул. Академика
Волгина, д. 12

Начальник Московского
университета МВД России
генерал-майор полиции, кандидат
педагогических наук, доцент
И.А. Калининченко

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор
Н.Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
А.Л. Мионов
кандидат юридических наук,
доцент

Редактор
И.И. Кубарь
кандидат юридических наук

Ответственный секретарь
Д.Е. Барикаева

В подготовке номера
участвовали:
Л.С. Антоненко,
М.И. Никитин,
А.И. Антошина

Верстка номера
А.П. Яковлев

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
№ 77-14723
Индекс по каталогу Агентства
«Роспечать» — 84629

Подписано в печать 22.01.2017
Цена договорная

Адрес редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание  № 1 • 2017

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИВАНОВ С.А. Технология проведения блиц-игры по источникам российского права	10
ИСАКОВ В.М., МЕЛЬНИК Е.В. Труд заключенных в исправительных учреждениях в послевоенные годы и его правовое обоснование	16
КУЧЕНЕВ А.В. Современное понимание и структура правосознания	22
ФАЛЬКИНА Т.Ю., СТАРИКОВА О.Н. Проблемы внедрения дистанционных технологий в образовательных организациях МВД России	26
БЕЗРУКОВ А.В. Конституционно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка в России.....	30
БОБОНАЗАРЗОДА Ф.Ш. Личные права и свободы человека и гражданина по Конституции Республики Таджикистан	35
ЧЕРВОНЮК В.И., ЗОТИН М.Ю. Конституционный смысл феномена первичных выборов.....	38
РЕПНИКОВА Ю.В. Эмансипация иностранных граждан, пребывающих на территории России	44
СТРИГУНОВА Д.П. Пределы действия принципа автономии воли сторон в правовом регулировании международных коммерческих договоров	47
ЮЗЕФОВИЧ Ж.Ю., НЕПОМНЯЩАЯ И.С. Проблемы гражданско-правового регулирования деятельности по оказанию образовательных услуг предоставляемых вузами МВД России	52
АЮПОВА Г.Ш. Состояние опьянения как обстоятельство, характеризующее повышенную общественную опасность преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ	55
БАТЮКОВА В.Е. Некоторые вопросы, касающиеся состояния современной уголовно-правовой политики.....	59
БЕЛИК Ю.С. Уголовно-правовая характеристика предмета преступления, предусмотренного статьей 222 УК РФ	62
ДАВААЖАВ Б. Деятельность управления по борьбе с коррупцией Монголии по предупреждению и возможные пути их совершенствования.....	66
ЗАПАДНОВА Ю.А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: проблемы установления признаков специального субъекта преступления	69
ХАЙРОВ Ф.М. Сравнительный анализ признака субъекта преступлений, сопряженных с незаконным оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, по уголовному законодательству России и Таджикистана	75
ЩЕТИНИНА Н.В. Некоторые вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений или антиобщественных действий, совершенных родителем.....	78
ВОЛЫНСКАЯ О.В., ГРАШИЧЕВА О.Н. К вопросу о судебном контроле за производством следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства	81
ЕНДОЛЬЦЕВА Ю.В., КОЗЛОВА А.А. Процедура принятия судом решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу: перспективы совершенствования.....	84
КУНАШЕВ М.А. Оценочные понятия в регламентировании порядка избрания меры пресечения — заключение под стражу	89
МАЛАХОВА Н.В., ДУГАЕВ И.И. Особенности квалификации административного правонарушения по объективным элементам его юридического состава.....	92
МАЛЬСАГОВ А.М. К вопросу об информационном обеспечении противодействия коррупции в деятельности органов внутренних дел	97
ИЛЬИН Н.Н. Актуальные вопросы расследования доведения до самоубийства	100
ПИЧУГИН С.А. Методические рекомендации исследования комплексных признаков внешности, ориентированные на монголоидный тип	105
ЦУКАНОВ А.С. Возможности совершенствования государственной системы контроля оборота гражданского и служебного огнестрельного гладкоствольного оружия.....	109
ЧИСТОВА Л.Е. Особенности планирования расследования преступлений, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами	113
МАРКИНА Э.В., СОСНОВСКАЯ Ю.Н. К вопросу о совершенствовании государственного управления в сфере миграции.....	119

Оригинал-макет подготовлен издательством «ЮНИТИ-ДАНА», журналом «Закон и право»

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

- Редакция не вступает в переписку с авторами писем, рукописи не рецензируются и не возвращаются.

- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.

Печать офсетная. Тираж 1500 экз. (1-й завод — 300).

Отпечатано в типографии ООО «Контент-пресс»

Москва, ул. Складочная, д.1 стр.18

Тел. 8 (495) 971-82-90



СМИРНОВ М.А. Специфика обеспечения общественной и транспортной безопасности на объектах метрополитенов.....	122
ФАДЕЕВА И.В. Основные направления развития государственной системы регулирования антропогенного воздействия на окружающую среду	126
АЛПАТОВ Ю.М., ГРУДЦЫНА Л.Ю. Классические и современные концепции и взгляды на правовые системы современности.....	129
АХМЕДОВ Р.М., РАМАЗАНОВА К.К. Юридическая клиника как инструмент практической подготовки обучающихся в образовательных учреждениях МВД России	134
ГОРДЕЮК Е.В. Брак и договор: сравнительно-правовой аспект	138
ГОТЧИНА Л.В. Дискуссионные аспекты назначения наказания больным наркоманией и применения к ним отсрочки отбывания наказания	142
ДРОЗДОВ Д.Е. Исторические предпосылки становления уголовной ответственности за применение насилия в отношении сотрудника полиции	145
ИВАСЮК О.Н. К вопросу минимизации последствий преступлений в сфере бытовых отношений.....	148
КОНОПЛЯНИКОВА М.В. Конституционная концепция обеспечения прав и свобод человека и гражданина в РФ: актуальность изучения и воплощения	151
КУЗОВКИНА Т.С. Сущность и содержание права граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства и их развитие	156
ЛИМОНОВ А.М. Модели правового регулирования статуса высшего должностного лица субъекта федерации в зарубежном законодательстве.....	160
НАЗИМОВА Е.С. Применение досудебного урегулирования споров с участием органов внутренних дел.....	164
ПЕТРОЧЕНКОВ С.Д. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 183 Уголовного Кодекса Российской Федерации: законодательная конструкция и научное толкование	167
СТАРОВЕРОВ А.В. К вопросу о понятии организованной преступности	171
ЩЕРБАЧЕВА Л.В. Проблемы правовой базы «облачных» технологий компьютерных программ	174
ЭРИАШВИЛИ Н.Д., МИРОНОВ А.Н., ГРИГОРЬЕВ А.И. Проблемные вопросы зачета налога. Как избежать налоговой ответственности	177
ЮНУСОВ А.А., АБДУРАЗАКОВ А.А. Борьба с религиозным экстремизмом (общетеоретический аспект).....	179

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПАДАЛКА В.В. Региональная экономическая безопасность — новая дефиниция в экономической теории.....	183
---	-----

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

БАДАЕВ А.Г., УСАЧЕВА И.В. Социально-психологическое исследование профессиональной идентичности выпускника образовательного учреждения МВД России.....	187
КОРНЕВА Ю.Ю. Результаты психологического исследования влияния лично-средовых ресурсов на адаптацию сотрудников МВД России	191
ГРИГОРЬЕВ П.Е., ВАСИЛЬЕВА И.В., ИВАНЦОВ С.В., ИГНАТОВ А.Н. Параметры интуиции и стандартизация нормативных данных для сотрудников МВД.....	196
КОСТЕННИКОВ М.В., МАРЬЯН Г.В. К вопросу о понятии службы в органах внутренних дел в системе государственной службы Российской Федерации	201
РЕАН А.А. Отец и мать в сознании детей и подростков.....	204
СЛЕСАРЕВА Е.А., СМИРНОВ Д.Е. Инструменты сравнения проектов по развитию бизнеса	210

FOUNDER:

**Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation**
117437, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Head of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, major
general of police, candidate of
pedagogical sciences, associate
professor*

I.A. Kalinichenko

*Scientific editor, responsible
for the publication, the winner
of the award of the Government
of the Russian Federation
in the field of a science and technics,
doctor of economics, candidate
of law sciences, candidate
of historical sciences,
professor*

N.D. Eriashvili

*E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499) 740-68-30*

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief

A.L. Mironov

*candidate of law sciences,
associate professor*

Editor

I.I. Kubar

candidate of law sciences

Executive secretary

D.E. Barikaeva

*In edition preparation
participated:*

L.S. Antonenko,

M.I. Nikitin,

A.I. Antoshina

Imposition

A.P. Yakovlev

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications of the Russian
Federation.

**The certificate of registration
№77-14723**

**Zip Code at the List of the Agency
«Rospechat» — 84629**

*It is sent for the press 22.01.2017
Contractual price*

Editorial Staff address:

109028, Moscow,

Malyj Ivanovskij per., d. 2.

Tel. 628-57-16

vestnik.mosu.mvd@mail.ru

VESTNIK**MOSKOVSKOGO UNIVERSITETA MVD ROSSII**

Contents  № 1 • 2017

JURISPRUDENCE

IVANOV S.A. Technology of holding blitz game for sources of Russian law	10
ISAKOV V.M., MELNIK E.V. The use of prison labor in correctional institutions in the postwar years, and its legal justification	16
KUCHENEV A.V. Current understanding of the structure and sense of justice	22
FALKINA T.YU., STARIKOVA O.N. Problems of implementation of distance learning technologies in educational institutions of the MIA of Russia	26
BEZRUKOV A.V. The constitutional-legal bases of activity of bodies of interna cases on the rule of law in Russia	30
BOBONAZARZODA F.SH. Individual rights and freedoms of man and citizen according to the Constitution of the Republic of Tajikistan	35
CHERVONYUK V.I., ZOTIN M.JU. Constitutional meaning of the phenomenon of primary elections	38
REPNIKOVA YU.V. The emancipation of foreign citizens staying on the territory of Russia	44
STRIGUNOVA D.P. Scope of the principle of autonomy of the parties in the legal regulation of international commercial contracts	47
YUZEFOVICH ZH.YU., NEPOMNYASHCHAYA I.S. Problems of civil-legal regulation of activity on rendering of educational services provided by educational institutions of the MIA of Russia	52
AYUPOVA G.SH. State of intoxication as the circumstance characterizing the increased public danger of the crimes provided by the art. 264 of the criminal code of RF	55
BATYUKOVA V.E. To the question about the current state of penal policy	59
BELIK YU.S. Criminally-legal characteristic subject of a crime envisaged by Article 222 of the Criminal Code	62
DAVAAJAV B. Activities of the office for combating corruption in Mongolia for the prevention and possible ways of improving	66
ZAPADNOVA JU.A. Failure to fulfill responsibilities for the upbringing of a minor: the problems of establishing signs of the special subject of crime	69
KHAYROV F.M. Comparative analysis of the characteristic of the subject of crimes connected with illegal trafficking of precursors of narcotic drugs and psychotropic substances under the criminal law of Russia and the Tajikistan	75
SCHETININA N.V. Some issues of qualification of involving minor in the crimes or antisocial acts committed by a parent	78
VOLYNSKAYA O.V., GRASHICHEVA O.N. On the question of judicial control over the production of investigative actions in cases of urgency	81
ENDOLTSEVA YU.V., KOZLOVA A.A. The procedure for the decision by the court on the election of a preventive measure in the form of detention: prospects for improvement	84
KUNASHEV M.A. Evaluation of the concept in the regulation of the order a preventive measure — detention	89
MALAKHOVA N.V., DUGAEV I.I. Features of qualification of administrative offences for the objective elements of its legal structure	92
MALSAGOV A.M. To the question about information support for counter corruption in activities of internal Affairs bodies	97
ILYIN N.N. Topical issues of investigation of bringing to suicide	100
PICHUGIN S.A. The methodical recommendations of the research of complex signs of appearance focused on the mongolian type	105
TSUKANOV A.S. Possibilities of improving the state control system of turnover civilian and service firearms shotguns	109
CHISTOVA L.E. Features of the planning of the investigation of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances	113
MARKINA E.V., SOSNOVSKAYA JU.N. On improvement of state management in the field of migration	119
SMIRNOV M.A. Specificity of transport and public security of subways	122
FADEEVA I.V. Basic directions of state regulation system of anthropogenic influence on environment	126

The original-model is created by publishing house «UNITY-DANA» and by the journal «Law and Legislation»

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii» the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.

Offset printing

Circulation 1500 copies

(1st batch—300)

It is printed in Company

OOO «Center-press»

Moscow, street Skladohnaja

d.1 str.18

Ph. 8 (495) 971-82-90



ALPATOV JU.M., GRUDTSINA L.JU. Classical and modern theories and views on the legal systems of the.....	129
AKHMEDOV R.M., RAMAZANOVA K.K. Law clinic as a tool for practical training of students in educational institutions of the MIA of Russia.....	134
GORDEYUK E.V. Marriage and the contract: comparative legal aspect.....	138
GOTCHINA L.V. Controversial aspects of the sentencing sick addictions and the application to them of the deferment of serving the punishment.....	142
DROZDOV D.E. Historical preconditions of formation of criminal liability for the use of violence against a police officer.....	145
IVASYUK O.N. To the question of minimizing the consequences of crimes in the field of domestic relations.....	148
KONOPLYANIKOVA M.V. The constitutional concept of the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: the relevance of the study and realization.....	151
KUZOVKINA T.S. The essence and content of the right of citizens to freedom of movement, choice of place of stay and residence and their development.....	156
LIMONOV A.M. Models of legal regulation of the status of the highest official of the subject of federation in foreign legislation.....	160
NAZIMOVA E.S. The using of pre-trial settlement of disputes with the involvement of the internal Affairs bodies.....	164
PETROCHENKOV S.D. The objective side of the crime stipulated by article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation: legal construction and scientific interpretation.....	167
STAROVEROV A.V. On the concept of organized crime the issue of definition of organized crime.....	171
SCHERBACHOVA L.V. The problem of the legal base «cloud» technologies of computer programs.....	174
ERIASHVILI N.D., MIRONOV A.N., GRIGORIEV A.I. Problematic issues of tax credit. How to avoid tax liability.....	177
YUNUSOV A.A., ABDURAZAKOV A.A. The struggle against religious extremism (theoretical aspect).....	179

ECONOMIC SCIENCES

PADALKA V.V. Regional economic security — a new definition of economic theory.....	183
---	-----

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

BADAEV A.G., USACHEVA I.V. The socio-psychological study of professional identity of graduates of educational institutions Russian Ministry of Internal Affairs.....	187
KORNEVA YU.YU. The results of a psychological study of the influence of personality-environmental resources to adapt the Russian Interior Ministry employees.....	191
GRIGORIEV P.E., VASILEVA I.V., IVANTSOV S.V., IGNATOV A.N. Parameters of intuition and standardization normative data for officers.....	196
KOSTENNIKOV M.V., MARYAN G.V. To the question about the concept of service in bodies of internal Affairs in the civil service of the Russian Federation.....	201
RAEN A.A. Father and mother in the minds of children and adolescents.....	204
SLESAREVA E.A., SMIRNOV D.E. Tools comparison of business development projects.....	210



УДК 340.130.5
ББК 67.022

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ БЛИЦ-ИГРЫ ПО ИСТОЧНИКАМ РОССИЙСКОГО ПРАВА

СТАНИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИВАНОВ,

доцент кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

кандидат юридических наук, доцент

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;

история учений о праве и государстве.

E-mail: ivan.tgp@yandex.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Использование технологических процедур при проведении блиц-игр по юридическим дисциплинам позволит достичь воспроизводимости основных педагогических процессов, вне зависимости от опыта и мастерства педагога и гарантировать обучающимся одинаковое качество проведения занятия и прогнозируемый результат.

Ключевые слова: блиц-игра, технологические процедуры проведения блиц-игры, иерархия источников российского права.

Annotation. The use of technological procedures during the blitz-games on legal disciplines will allow us to achieve the reproducibility of the basic pedagogical processes, regardless of experience and skill of the teacher and ensure students the same quality of classes and the predicted result.

Keywords: blitz game, technological procedures for conducting a blitz game, the hierarchy of sources of Russian law.

Многие преподающие юристы обнаруживают у своих обучающихся трудности в понимании и закреплении учебного материала. Прекрасное владение содержанием учебного материала и знание множества способов решения самых сложных вопросов, возникающих в практической деятельности юриста, оказывается для преподавателя недостаточным, чтобы быть понятым и услышанным на занятии. Обучающимся в таких случаях бывает сложно не только усвоить и систематизировать большое количество нового материала, но и применить его в последующем, в решении прикладных вопросов (в ответах на практические задания, в разрешении конкретных юридических ситуаций на практике и т.д.)¹. В таких случаях важным для преподавателя юридических дисциплин становится уже не столько содержательная сторона занятия, сколько форма подачи обучающимся нового материала, т.е. поиск оригинальных («неизбитых») способов усвоения и закрепления учебного материала.

Одной из таких оригинальных форм усвоения и более глубокого закрепления учебного материала является блиц-игра. Эта разновидность игровой процедуры является несложной и необременительной для преподавателя, в отличие, к примеру, от деловой игры. Но, как показывает опыт проведения одной и

той же блиц-игры разными преподавателями, каждый из них достигает различных результатов. Возникает в таком случае закономерный вопрос: как и с помощью чего можно гарантировать обучающимся одинаковое качество проведения блиц-игры и единообразный конечный результат, вне зависимости от опыта педагога? По всей видимости, общего описания и формализации методики проведения блиц-игры, как это, к примеру, было сделано в одной из статей по методическому оформлению конкретной блиц-игры (далее — предыдущая статья)², будет недостаточным для успешного решения дидактических задач. И хотя формальное описание методики проведения интерактивного занятия является общераспространенным требованием для проведения данного вида занятий в вузе, тем не менее, понадобится еще и точное описание всех приемов, используемых на различных этапах процесса проведения блиц-игры, описание типичных трудностей, с которыми может столкнуться преподаватель и путей их преодоления, т.е. всего того, что охватывается общим для гуманитарных и всех остальных наук понятием «технология». Перевод различных приемов, используемых при проведении блиц-игры, в технологические процедуры позволит гарантировать единообразное качество и результат



при проведении данного вида занятия, позволит достичь воспроизводимости основных педагогических процессов, вне зависимости от опыта и мастерства педагога³. Использование технологических процедур и технологий вообще в технических, гуманитарных и естественных науках как раз-таки позволяет достичь прогнозируемый результат.

Для получения такого результата от проведения блиц-игры поначалу необходима соответствующая предварительная подготовка к данной интерактивной форме практического занятия. Во-первых, это название самой блиц-игры, которое должно быть ярким и запоминающимся. В зависимости от качественного состава аудитории и характеристик различных категорий обучающихся⁴ название игры может быть разным. Для относительно молодой аудитории обучающихся по очной форме название блиц-игры «Что важнее?» («Что выше?») может быть в какой-то мере интересным и привлекательным. Для обучающихся по заочной или вечерней формам, имеющих не только практический опыт, но и, как правило, опыт обучения, можно предложить более официальное название, например, «Иерархия источников российского права» («Иерархическая вертикаль», либо «Вертикаль»).

Другой процедурой, требующей уже более серьезной предварительной подготовки от преподавателя, станет определение целей данного занятия. Обычным делом для преподавателя является постановка общих, ничего не значащих целей, которые, по его мнению, нужны только для отписки перед руководством кафедры и проверяющими. Однако в юридической практике установление точных целей означает выполнение существенной части всего задания. В этой связи, перед началом занятия преподавателю необходимо предельно точно ответить на вопросы: что он хочет от данного занятия в данной группе? Каким должен быть результат от проведенного занятия? Ведь применение нетрадиционных методик и технологий обучения предполагает получение значительно большего по объему и более качественного результата, чем в традиционных методиках обучения. Также преподавателю придется ответить и на вопрос о том, какие факторы необходимо учесть при формулировании целей блиц-игры? Ими могут быть, к примеру, степень общей подготовленности группы, мотивированность к обучению в целом для группы, наличие (отсутствие) обязанностей преподавателя-куратора в данной группе и другие факторы.

В педагогической науке особое внимание уделяется постановке и реализации психолого-педагогических целей блиц-игры, однако использование данной игровой процедуры при рассмотрении конкретных юридических вопросов предполагает, что в первую очередь должны формулироваться содержательные цели занятия. Поскольку этот материал основан на изучении узлового и практического вопроса темы российских источников права, то первую содержательную цель занятия можно сформулировать как

«формирование представлений об особенностях иерархического строения системы источников российского права, о месте и назначении различных видов источников права в правовой системе России».

Поскольку блиц-игра проводится в жестких временных рамках, то другую содержательную цель занятия было бы логичным сформулировать как «способствовать формированию у обучающихся навыков принятия правовых решений в условиях ограниченных временных рамок». В самом деле, для выполнения индивидуального этапа блиц-игры выделяется не более 20 минут, а группового — не более 25 минут. За это время обучающимся, к тому же, необходимо будет проанализировать определенный объем нормативной информации, для того, чтобы расположить тот или иной источник права на соответствующей ступеньке иерархической лестницы.

Среди психолого-педагогических целей блиц-игры для обучающихся особое значение будет иметь «адаптация к обучению в вузе с помощью использования неординарной (игровой) формы проведения учебного занятия». С первого дня обучения в вузе все категории обучающихся сталкиваются со множеством проблем, которые возникают в новой для них обстановке. Нестандартная подача учебного материала и совместный поиск ответов на предложенное Задание позволяют обучающимся активнее работать на учебных занятиях, задействовать внутренние ресурсы в процессе получения новых знаний. Логичным дополнением к указанной психолого-педагогической цели может стать цель «формирование коммуникативных качеств у обучающихся в процессе разрешения конкретных юридических вопросов», что достигается главным образом на групповом этапе игры.

Преподаватель может сформулировать и другие цели данного вида занятия, но, так или иначе, все они направлены на формирование и развитие в какой-либо части определенных профессиональных и общекультурных компетенций, закрепленных, к примеру, в Федеральном государственном образовательном стандарте по направлению подготовки «Юриспруденция», нацелены на выработку у обучающихся практических навыков правотворческой, правоприменительной и интерпретационной деятельности (ПК-15, ПК-3, ОК-3, ОК-5 и др.)⁵.

Для эффективной работы обучающихся во время проведения блиц-игры преподавателю необходимо грамотно сформулировать текст Задания и Таблицу. Текст Задания должен быть сформулирован преподавателем предельно точно и однозначно. В качестве одного из вариантов формулировки Задания можно предложить следующий: «Перед Вами в Таблице приведены в хаотическом порядке разновидности источников права Российской Федерации. В течение 20 минут Вам необходимо ранжировать их таким образом, чтобы выстроить иерархию источников права России от самого главного, имеющего наибольшую юридическую силу, до наименее важного, имеющего самую



меньшую юридическую силу. Для этого Вам необходимо прочитать все указанные в Таблице источники российского права, соотнести каждый из них с конкретной юридической формулировкой, закрепляющей юридическую силу определенного источника права (они расположены в разделе «Справочная информация»), выбрать из всех них тот источник права, который обладает наибольшей юридической силой и в графе «Индивидуальный ответ» в строке напротив данного источника права выставить цифру «1». Продолжить работу далее можно по предложенной схеме: прочитать снова все формулировки, кроме той, которая относится к выбранному уже Вами источнику права, и выбрать тот источник права, который уступает по юридической силе только тому, который Вы расположили ранее, на первом месте, и в той же самой графе «Индивидуальный ответ» в строке напротив данного источника права выставить цифру «2» и так далее, до самого последнего по юридической силе источника права. Если Вы точно знаете место конкретного источника права в иерархическом порядке (помните из материалов лекции, монографии, учебников и т.д.), то можно не терять времени на его анализ и соотношение с другими источниками права, а сразу указать номер его места в составленном Вами иерархическом порядке».

Здесь представлен только один вариант Задания к блиц-игре, но их может быть множество, причем не только в различных редакциях, но и с другим набором элементов Задания, по выбору преподавателя, исходя из качественного состава аудитории. В аудитории могут быть обучающиеся по очной форме или заочной (вечерней) форме обучения, получающие впервые высшее образование или имеющие высшее неюридическое образование, это может быть группа, проходящая обучение по программам повышения квалификации (подготовка последней категории обучающихся осуществляется без привязки к ФГОС и с другим набором целей занятия).

Также различным может быть и набор разновидностей источников российского права, приведенных в Таблице, опять же, в зависимости от качественного состава аудитории (образец оформления Таблицы приводится в предыдущей статье). Преподавателю на этом этапе необходимо выставить правильные ответы в листе с Заданием и Таблицей, доступ к которому имеет только он. Размещение Текста Задания и Таблицы на одной стороне листа раздаточного материала позволит обучающимся быстрее осуществлять поиск ответов на Задание.

Завершающей технологической процедурой подготовительной работы к блиц-игре является поиск и формирование полного объема юридических формулировок, закрепляющих место и роль тех разновидностей источников российского права, которые преподаватель разместил в Таблице. Перечень этих формулировок и другого вида информации можно распределить в хаотическом порядке с указанием

статьи нормативного правового акта, в которой размещена формулировка. Этот раздаточный материал можно назвать «Справочная информация» и оформить его также на отдельных листах с одной стороны, для более быстрого соотнесения обучающимся юридической формулировки с тем или иным источником российского права. Тиражировать раздаточный материал (Задание с Таблицей и Справочную информацию) можно в количестве списочного состава учебной группы плюс 10%, т.к. среди обучающихся могут быть и те, кто может испортить свой листок с Заданием, из-за большого количества исправлений и попросить дополнительный экземпляр. После подготовки всего объема раздаточного материала и заказа необходимого оборудования (например, интерактивной доски) подготовительный этап можно считать завершенным.

На самом занятии преподаватель должен постараться создать торжественную атмосферу, ведь подобного рода занятия не часто проводятся по данной дисциплине (одно, максимум два). Во вступительном слове, рассчитанном на 3-5 минут, преподаватель обращает внимание обучающихся на особое значение проводимого занятия, напоминает, что на предыдущем, семинарском занятии были рассмотрены теоретические вопросы понятия источников права, его аспектов, основные виды источников современного права, а на практическом занятии, как и было оговорено ранее, проводится блиц-игра по такому сложному и значимому для каждого практикующего юриста вопросу как иерархия источников российского права. Поскольку занятие будет проведено в игровой форме, то всем необходимо внимательно слушать ведущего занятия преподавателя и выполнять все его рекомендации по выработке ответов на практическое Задание, быть готовыми к тому, что на выполнение Задания отводится короткий промежуток времени. От того, насколько успешно будет выполнено предложенное Задание, будет зависеть сформированность наиболее важных для юристов практических умений и навыков, насколько успешно они смогут реализовать полученные на данном занятии знания на занятиях по отраслевым юридическим дисциплинам.

После этого преподаватель раздает каждому учаемому лист с текстом Задания к блиц-игре и Таблицей, в которой необходимо будет выставить сначала индивидуальные, а затем и групповые ответы на практическое Задание. Далее, он лично зачитывает текст Задания, делая акценты его ключевых моментах, обращает внимание обучающихся, что на данном этапе игры необходимо дать самостоятельные ответы, а возможность обсудить ответы на Задание будет у каждого на следующем, групповом этапе игры. Необходимо напомнить обучающимся, что можно пользоваться конспектами лекции по данной теме и конспектами дополнительной литературы, рекомендованной по данной теме занятия.

Для некоторых обучающихся Задание может по-



казаться непонятным, поэтому преподавателю можно будет в начале игры спроецировать на интерактивную доску Таблицу к блиц-игре (в ее отсутствие можно воспроизвести Таблицу на учебной доске до начала занятия) и в качестве примера показать им как выбирается нужная процедура, как выставляются соответствующие цифры в графе «Индивидуальный ответ», указав в Таблице заведомо неправильный ответ и предупредив об этом. Если у обучающихся возникнут вопросы, то необходимо не только ответить на них, но, возможно, и подойти к обучающемуся лично после ответов на все вопросы. После этого преподаватель объявляет о начале индивидуального этапа блиц-игры, на который отводится до 20 минут. На протяжении всего индивидуального этапа игры преподаватель может проходить по рядам в целях контроля за правильностью заполнения обучающимися графы «Индивидуальный ответ» и давать по мере необходимости техническую подсказку, а также объявлять всей группе, что до окончания индивидуального этапа игры осталось, к примеру, 10 минут. Для дополнительного стимулирования обучающихся, которые медленно выполняют индивидуальное задание, можно сделать объявление: «Пока кто-то слишком долго раздумывает над ответами, другие уже заканчивают индивидуальную работу».

Следующий, групповой этап является кульминацией всей блиц-игры. Для его проведения педагогу необходимо пригласить желающих быть координаторами в небольшой группе из 4-5 человек и самим подобрать состав ее участников для выполнения группового этапа Задания. Представляется целесообразным на данном этапе игры не говорить о лидере или выявлении лидерских качеств, т.к. для выявления лидера (лидеров) в группе и формирования лидерских качеств используется инструментарий психологической науки. Преподаватель объявляет, что Задание остается прежним, только его необходимо будет выполнить в составе небольшой группы. При этом, в группе должно быть достигнуто компромиссное соглашение о месте каждого источника права в иерархическом порядке и результаты необходимо выставить в последней графе Таблицы «Групповой ответ». После выполнения данного Задания всей группе предстоит выбрать докладчика, который расскажет всем участникам игры, как и к каким результатам пришли в итоге члены группы, как в целом работала группа. На выполнение группового Задания отводится до 25 минут.

Во время группового этапа педагог подходит к каждой группе и наблюдает как работают ее участники (как принимаются решения, как проходит дискуссия и т.д.), делает соответствующие записи, которые понадобятся ему на завершающем этапе «Подведение итогов блиц-игры». При затруднении в работе группы педагог рассказывает ее участникам о том, как можно организовать групповую работу, чтобы прийти к консенсусу по групповым ответам, при этом, не

сообщая им правильных ответов, хотя обучающиеся могут и спрашивать об этом. В некоторых группах могут возникнуть затруднения, преодолеть которые самостоятельно группа не в состоянии. Тогда преподавателю необходимо объяснить членам такой группы о необходимости прислушиваться к аргументации своих коллег, о более тщательном аргументировании и обосновании собственной точки зрения, что здесь и сейчас идет отработка навыков к коллективной работе. Можно даже пойти на исключительную меру и предоставить группе в одном случае правильный ответ для преодоления разногласий. Частично стимулировать завершение групповой работы можно, как и на предыдущем этапе, объявлениями, к примеру: «Пока вторая группа не может справиться с возникшими разногласиями, третья группа практически заканчивает всю работу», или: «До завершения группового этапа работы осталось 15 минут». После того, когда группы по очереди начнут объявлять о завершении группового этапа работы, преподаватель может подойти к каждой из них и напомнить о необходимости выбрать докладчика, который доложит о результатах работы, о том, как работала группа, какие были особые мнения в группе, как преодолевались разногласия в группе и т.п., а остальным членам группы предстоит внимательно слушать докладчика и дополнять его ответы, помогать ему в ответах на вопросы преподавателя и членов других групп.

После окончательного завершения группового этапа преподаватель предлагает всем докладчикам сначала написать специальным карандашом на интерактивной доске групповые ответы, а потом по очереди каждому доложить о том, как группа пришла к таким ответам, как работала группа, как принимались решения в группе. Предложение преподавателя писать докладчикам на доске результаты работы своих групп после ознакомления с ответами другой группы может привести к пересмотру ответов в тех группах, которые еще не докладывали о результатах. В отсутствие интерактивной доски педагог организует работу докладчиков возле учебной доски, предварительно разделив графу «Групповой ответ» на количество столбцов по количеству сформированных групп. Выступление одного докладчика вовсе не означает, что остальные члены данной группы должны в это время «отсиживаться», напротив, каждый член группы на данном этапе игры может дополнить выступление докладчика из своей группы, если он о чем-то не сообщил, например, об особых мнениях и т.п. Стимулировать работу остальных членов группы можно вопросами: «А что думают об этом остальные члены группы?», «А где были остальные члены группы, когда принималось такое-то решение?», «Как группа допустила такое?» и т.д. Представители других групп могут задать любой вопрос докладчику по результатам работы его группы, т.е. по существу сообщения. Времени на данный этап отводится примерно 15 минут. После заслушивания последнего сообщения пре-



подаватель переходит к самому интересному и долгожданному для обучающихся этапу игры.

Подведение итогов работы учебной группы, на который отводится примерно 20 минут, начинается с того, что преподаватель выделяет несколько содержательных подходов к выполнению предложенного Задания, прозвучавшие в сообщениях докладчиков и сложившиеся в индивидуальных ответах обучающихся. Затем в графе «Правильный ответ» он определяет место каждого источника права в правовой системе Российской Федерации, давая подробные комментарии, почему именно так сложилось в юридической практике, по каким вопросам не утихают дискуссии в отечественной доктрине, дает доктринальное толкование приведенных в «Справочной информации» формулировок из Конституции РФ и федеральных законов. Преподаватель отдельно анализирует, в чем и на какой именно процедуре ошиблась та или иная группа и даже обучаемый в выполнении Задания. Помимо этого, он анализирует, по каким причинам в конкретных группах не были учтены мнения других членов группы, которые в индивидуальных ответах наиболее точно определили место того или иного источника права в правовой системе России (среди наиболее распространенных причин — недостаточная аргументация, пассивное поведение обучаемых в группе, спонтанное принятие решений в группе и т.д.).

Преподаватель обращает внимание обучаемых на необходимость подбора более тщательных аргументов в групповой дискуссии, на необходимость обращения к логике умозаключений своих коллег по группе, на возможность возвращения к предыдущим этапам групповой дискуссии и пересмотра отдельных решений, принятых ранее членами группы. Здесь преподавателю важно донести до обучаемых, что умение работать в группе, способность аргументировать свою позицию, представлять свою точку зрения, слушать точку зрения оппонента неоднократно понадобятся им практически на всех этапах профессиональной деятельности юриста и на самых различных должностях. Причем на данном этапе блиц-игры преподаватель не дает обучающимся персональных советов, психологических консультаций, поскольку такое возможно при использовании такого инструментария как тренинги, тесты, развивающие интервью, и, к тому же, в другой обстановке, а дает рекомендации в обобщенной и обезличенной форме и каждый обучаемый использует («примеряет к себе») эти выводы и рекомендации самостоятельно, т.е. исходя из самостоятельного анализа результатов своей работы под руководством преподавателя. Преподавателю следует быть готовым к тому, что кто-то из обучаемых может подойти к нему после занятия для разъяснения некоторых общих рекомендаций.

Далее преподаватель предлагает обучаемым «позаниматься арифметикой», т.е. посчитать сначала индивидуальную, а затем и групповую ошибку. Для

этого им необходимо воспроизвести в своей Таблице правильные ответы, озвученные преподавателем, и в каждой строке графы «Индивидуальная ошибка» вписать разницу из двух цифр, взятых соответственно из графы слева «Индивидуальный ответ» и графы справа «Правильный ответ», вычестить из большей цифры меньшую, а затем сложить все цифры графы «Индивидуальная ошибка». Ту же процедуру необходимо проделать и для подсчета групповой ошибки в соответствующей графе, используя разницу цифр по каждой строке в графе слева «Правильный ответ» и графе справа «Групповой ответ» с последующим сложением всех цифр графы «Групповая ошибка». Примеры с такого рода подсчетами приведены в предыдущей статье. Следующим шагом будет выставление обучающимися самим себе двух оценок за блиц-игру: одну оценку за индивидуальную работу и одну оценку за групповую работу по предложенным на интерактивной доске или учебной доске критериям (к примеру, 0-10 баллов — «отлично»; 11-20 баллов — «хорошо», 21-30 баллов — «удовлетворительно», свыше 31 балла — «неудовлетворительно») и продиктовать их педагогу для выставления в журнал. Данная педагогическая процедура имеет воспитательное значение, поскольку каждый обучаемый лично включен в процесс оценивания результатов своей работы на занятии и может выставить себе объективные оценки. Листки с Заданием и Таблицей вместе с результатами работы остаются у обучаемых.

После этого педагог предлагает обучающимся еще раз поработать над ошибками, используя собственный, полученный на занятии статистический материал, но уже в другом аспекте. В частности, им предлагается проанализировать соотношение двух полученных цифр: если индивидуальная ошибка меньше групповой, то это только подтверждает, что обучаемый недостаточно активно работал в группе, ему необходимо более четко отстаивать свою позицию в дискуссии с коллегами⁶. А превышение индивидуальной ошибки над групповой ошибкой является, с одной стороны, показателем того, что обучаемый умеет слушать своих товарищей, принимать их аргументацию, с другой стороны, может означать, что обучаемый «отсиделся за спиной товарищей», что является показателем слабой подготовки к занятию, либо показателем психологической неготовности к работе в коллективе (синдром «боязни коллектива»). Преподаватель рекомендует таким обучаемым подготовиться до конца обучения по данной дисциплине 1-2 доклада, записать дома подготовленные им выступления на диктофон (камеру) и прослушать (просмотреть) их, обращая внимание на аргументацию сложных (узловых) вопросов. Можно также попросить кого-то из друзей, членов семьи послушать эти выступления, чтобы отразить восприятие другими собственных выступлений⁷.

Помимо этого, преподаватель рекомендует таким обучающимся концентрировать внимание на лекции



онных занятиях и составлении конспектов по вопросам Плана семинарского занятия, после чего 2-3 раза возвращаться к повторению лекционного материала и материалов к семинарскому занятию⁸. Такой подход к самостоятельной подготовке связан со спецификой данной учебной дисциплины: поскольку теория государства и права одна из первых и очень сложных учебных дисциплин по профилю юридической специальности (большой объем учебного материала, построенный на усвоении огромного количества новых понятий и категорий), соответственно, материал данной дисциплины у подавляющего большинства обучающихся усваивается не сразу, а после многократного повторения и даже воспроизведения (вслух или письменно). Именно так рекомендуют усваивать сложный учебный материал данной учебной дисциплины наиболее успешные юристы и к их авторитетному мнению следует прислушиваться.

В оставшиеся 5 минут, в заключительном слове преподавателю важно «вывести из игры» обучаемых и спросить их мнение о блиц-игре в целом, что оказалось самым сложным, стоит ли проводить еще подобного рода игровые процедуры. Педагог оценивает в какой мере группа достигла целей данного занятия, уровень подготовленности к занятию группы в целом, напоминает тему следующего занятия и рекомендует, на какие вопросы следует обратить внимание при подготовке к следующему занятию.

Таким образом, перевод содержательных особенностей различных этапов блиц-игры в технологические процедуры, которые могут быть реализованы каждым педагогом во время проведения блиц-игры, позволит достичь воспроизводимости основных педагогических процессов в данном виде занятия и гарантировать качественный результат проведения блиц-игры, вне зависимости от опыта преподавателя юридических дисциплин.

Литература

1. Никодимова Е.А. Личностно ориентированные технологии обучения: сравнительный анализ: монография. Вологда: ВИРО, 2012.
2. Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение: Учебное пособие. М.: Академия, 2012.

Reference

1. Nikodimova E.A. Lichnostno orientirovannye tekhnologii obucheniya: sravnitel'nyy analiz: monografiya. Vologda: VIRO, 2012.
2. Panfilova A.P. Innovatsionnye pedagogicheskie tekhnologii: Aktiv-noe obuchenie: Uchebnoe posobie. M.: Akademiya, 2012.

1 Осавелюк А.М., Косицын С.Ю. Роль семинарских занятий в преподавании юриспруденции в высших учебных заведениях. // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 54-57.

2 Иванов С.А. Методика проведения блиц-игры «Создаем нормативный акт». // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 16-20.

3 См.: Борисова Н.В., Соловьева А.А. Новые технологии обучения: блиц-игры и нетрадиционные лекции. М., 2002; Иванов С.А. Особенности использования блиц-игр в преподавании курса теории государства и права для слушателей заочной и вечерней форм обучения. // Использование активных форм обучения как средство повышения качества подготовки специалистов: Материалы Учебно-методического сбора, январь 2008 г. М.: МосУ МВД России, 2008. С. 89-94.

4 См.: Иванов С.А. Блиц-игра как элемент инновационных технологий на заочной форме обучения при переходе к Государственным образовательным стандартам третьего поколения (на примере преподавания курса «Теория государства и права»). // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменения. Материалы Всероссийских научных конференций. Москва, 2009 г. / Отв. ред. Д.А. Керимов. М.: СГУ, 2009. С. 201 — 209.

5 Приказ Минобрнауки РФ от 04.05.2010 № 464 (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)). Зарегистрировано в Минюсте РФ 21.05.2010 № 17337. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти». 2010. № 26.

6 См.: Слободчикова Ю.В. Развитие коммуникативной компетентности курсантов в контексте их профессионального становления. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 1. С. 222-227.

7 См.: Сазонова О.С. Методолого-педагогические основы формирования рефлексивных умений. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 216-218.

8 Анисеева Н.В. Значение волевых качеств личности в профессиональном становлении. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 242-244.



УДК 343.82
ББК 76.409

ТРУД ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ И ЕГО ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ

ВЛАДИМИР МАРКОВИЧ ИСАКОВ,

доктор юридических наук, профессор,

старший научный сотрудник научно-исследовательского

и редакционно-издательского отделения Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

E-mail: ivm45@mail.ru;

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА МЕЛЬНИК,

кандидат юридических наук, доцент,

заместитель начальника кафедры истории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права

и государства; история учений о праве и государстве

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы применения труда заключенных в Советском государстве в послевоенные 1945–1956 годы.

Ключевые слова: заключенные, трудоиспользование, правовое регулирование труда заключенных.

Annotation. This article discusses the use of prison labour in the Soviet State in post-war 1945-1956 years.

Keywords: prisoners' employment, legal regulation of prisoners' labor.

В первые годы после окончания войны развитие советской экономики подчинялось выполнению задачи восстановления довоенного уровня промышленности и сельского хозяйства. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. требовал завершить в 1946 г. перестройку народного хозяйства на мирные рельсы, используя производственные мощности военной промышленности. В этом огромная роль принадлежала ГУЛА-Гу, производство которого к концу 1946 г. в основном было перепрофилировано на выпуск продукции мирного назначения. Большинство предприятий исправительно-трудовой системы, работавших в годы войны на оборону, перешло на выпуск оборудования и машин для промышленности, сельского хозяйства, транспорта, а также товаров широкого потребления.

Перевод экономики ГУЛАГа на мирные рельсы происходил в обстановке сокращения армии, большого притока военнопленных и интернированных, передачи предприятий, производивших боеприпасы, в народное хозяйство, роста числа лишенных свободы.

На 30 декабря 1945 г. в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) НКВД содержалось около 640 тыс.

заключенных, в исправительно-трудовых колониях — около 730 тыс., в тюрьмах — около 250 тыс., в КПЗ — около 38 тыс., в колониях для несовершеннолетних — около 21 тыс., в спецлагерях и тюрьмах НКВД в Германии — около 84 тыс. В лагерях НКВД для военнопленных на 1 января 1946-го находилось 1 651 036 военнопленных германской армии и 608 360 японской. На учете Отдела спецпоселений НКВД на 1 октября 1945 г. числилось 2 230 500 человек [2]. Следует отметить, что в годы войны в лагерях значительно выросло число вольнонаемных сотрудников из бывших осужденных.

Необходимость трудового устройства лиц, отбывавших наказание, наряду с другими факторами, повлияло на принятие решения о замене вольнонаемных осужденными. В июле 1946 г. было принято решение о сокращении 200 тыс. таких вольнонаемных работников в определенных лагерях и только определенных категорий. Не подлежали увольнению такие специалисты, как шоферы, машинисты-железнодорожники, квалифицированные мастера, способные передавать свои знания и опыт осужденным. Специалисты различного профиля сохранялись и



в отдаленных лагерях, где был большой дефицит в квалифицированных рабочих кадрах. Особенностью послевоенных лет являлось то, что трудовое использование осужденных определялось конкретными постановлениями Совета Министров СССР, под реализацию которых создавались не только новые лагеря, но и определялась численность необходимого для них контингента, создавались лагеря и тюрьмы строгого режима для содержания особо опасных государственных преступников. В соответствии с постановлением, МВД предписывалось организовать специальные лагеря для содержания осужденных по обвинению в шпионаже, терроризме, диверсиях, а также членов так называемых правых, троцкистских, меньшевистских, эсеровских, анархистских, националистических, белоэмигрантских и других антисоветских организаций, групп, лиц. При этом содержание в особых лагерях осужденных за другие преступления запрещалось, а содержащиеся в общих ИТЛ заключенные перечисленных категорий подлежали переводу в особые лагеря МВД со строгим режимом и использованием их преимущественно на тяжелой физической работе. К таким заключенным не применялось сокращение сроков наказания и другие льготы. Охрана особых лагерей возлагалась на конвойные войска МВД. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР» предписывалось оставлять в ссылке или на поселении эти категории лиц, отбывших наказание.

Лимит особых лагерей был рассчитан на содержание 100 тыс. человек: в особом лагере № 1 (25 000 человек) в районе Инты Коми АССР, № 2 (15 000 человек) в районе Норильска, № 3 (20 000 человек) в районе города Темников Мордовской АССР, № 4 (10 000 человек) в районе Караганды и № 5 (30 000 человек) в районе Колымы на базе объектов Дальстроя. Кроме того, организовались особые тюрьмы во Владимире, в Александрове Иркутской области и в Верхнеуральске Челябинской области общей емкостью на 5000 человек [2].

Впоследствии емкость особых лагерей была увеличена за счет организации лагеря № 6 «Речной лагерь ВД» в районе Воркуты (на 25 000 человек) и № 7 «Озерный лагерь МВД» в Иркутской области (на 45 000 человек). В 1949 г. к ним добавились лагерь № 8 «Песчаный лагерь МВД» и № 9 «Луговой лагерь МВД» (по 15 000 человек каждый), а в 1951 г. в Кемеровской области — особый лагерь № 10 «Камышовый лагерь МВД» (25 000 человек), в 1952 г. в Павлодарской области развернулся лагерь № 11 «Дальний лагерь МВД».

Продолжительность рабочего дня для заключенных особых лагерей и для каторжан устанавливалась продолжительностью 10 часов и час на еду. Трудопособные заключенные использовались преимущественно на тяжелых физических работах, каторжа-

не — на особо тяжелых. Норма жилой площади на одного осужденного устанавливалась в размере 1,8 квадратных метра, а в отделениях для каторжан — 1,6. Оздоровительные службы в особых лагерях и в подразделениях для каторжан не организовывались.

В послевоенные годы хозяйственная деятельность Министерства внутренних дел была разнообразной. В системе МВД в 1950 г. насчитывалось 1300 совхозов и подсобных хозяйств с посевной площадью 656 тыс. га и с наличием 700 тыс. голов продуктивного скота. Только в Карагандинском лагере посевная площадь составляла 101 тыс. га, имелось 26 тыс. голов крупного рогатого скота, 146 тыс. овец, 6500 свиней. На территории площадью более 13 тыс. кв. км располагалось около сотни лагерных пунктов и столько же животноводческих ферм. Обслуживали лагерное сельскохозяйственное производство более 30 тыс. заключенных.

Одним из самых существенных моментов в истории трудоустройства осужденных было освобождение МВД от производственно-хозяйственных и строительных функций в марте 1953 г. По указанию Л.П. Берия были подготовлены соответствующие предложения и уже 16 марта 1953 г. подписано постановление Совета Министров СССР о передаче Главпромстроя и Главспецстроя (занятого возведением системы ПВО) из МВД в ведение 1 Главка при Совете Министров СССР, а 18 марта — постановление о передаче из МВД в ведение других министерств следующих подразделений: Енисейстрой, ГУЛГМП, Спецуправление (Министерству металлургической промышленности СССР); Гидропроект, Куйбышевгидрострой и Сталинградгидрострой (Министерству электростанций и электропромышленности СССР); Главасбест и Главслюда (Министерству промышленности строительных материалов СССР); Главгидро-волгобалтстрой (Министерству лесной и бумажной промышленности СССР).

25 марта того же года по предложению Берия подписано постановление Совета Министров СССР о прекращении сооружения таких объектов, как Главный Туркменский канал, самотечный канал «Волга — Урал», Волгобалтийский водный путь, железные дороги «Чум — Салехард — Игарка» и «Комсомольск — Победино», тоннельный переход под Татарским проливом, автомобильные дороги на Кольском полуострове, в Архангельской и Мурманской областях и на побережье Балтийского моря, Кировский химический завод, Черногорский завод искусственного жидкого топлива, Араличевский завод искусственного жидкого топлива и ряд других крупных строек МВД, не отвечающих «неотложным нуждам народного хозяйства».

28 марта 1953 г. из МВД в ведение Министерства юстиции СССР были переданы ГУЛАГ и Отдел детских колоний. В распоряжении МВД остались только особые лагеря и тюрьмы для содержания особо опасных государственных преступников и осужденных



военных преступников, которые после передачи ГУЛАГа в Минюст были подчинены Тюремному управлению МВД.

Освобождая экономику страны от бремени непроизводительных расходов, Берия 16 июня внес на рассмотрение Совета Министров СССР и Президиума ЦК КПСС, предложение: «ликвидировать сложившуюся систему принудительного труда ввиду экономической неэффективности и бесперспективности». Лагерная экономика в послевоенное время стала убыточной, ГУЛАГ стал наносить государству значительный материальный ущерб, но поднять этот вопрос стало возможным только после смерти Сталина. Во второй половине 1953 г., после ряда проверок ЦК КПСС деятельности крупных подразделений ГУЛАГа, было подтверждено, что содержание лагерей и колоний в течение ряда лет не окупалось доходами от трудового использования заключенных. Ежегодно ГУЛАГ получал значительные суммы дотаций из государственного бюджета. В 1952 г. из госбюджета на содержание лагерей и колоний было выделено 2 млрд 397 млн рублей, или 16,4 % от общей суммы затрат, в первом полугодии 1953 г. — 1 млрд 52 млн рублей, или 10,8 % [2]. Идея самофинансирования исправительных учреждений по-прежнему осталась нереализованной.

После передачи ГУЛАГа в Министерство юстиции в непосредственном подчинении МВД оставались 11 особлагов (Минеральный, Горный, Дубравный, Степной, Береговой, Речной, Озерный, Песчаный, Луговой, Камышевый и Дальний), где содержались «особоопасные государственные преступники», осужденные в основном за «контрреволюционные преступления». Амнистия после смерти Сталина миновала особлаги, и там начались так называемые «вольты», «бунты», «массовые беспорядки», «массовые неповиновения».

Окончательная передача производственно-хозяйственных и строительных организаций из МВД в другие ведомства состоялась после февраля 1956 г. на заседании Президиума ЦК КПСС. Это означало, что труд заключенных перестал использоваться в народном хозяйстве. Однако в целом лагерная экономика как особый хозяйственный организм, основанный преимущественно на использовании различных видов принудительного труда, прежде всего труда заключенных, к середине 50-х гг. свое существование прекратила. 4 июня 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал конвенцию Международной организации труда (была принята в Женеве в 1930 гг.) относительно упразднения принудительного и обязательного труда во всех его формах.

Как показывает история и архивные документы, уже в середине 40-х гг. явственно обозначился кризис лагерной экономики. МВД катастрофически не справлялось с растущим объемом работ, хотя сметы по ГУЛАГУ составляли миллиарды рублей. Стройки коммунизма требовали для их осуществления огром-

ного труда, причем добросовестного, квалифицированного, чего не могли дать гулаговские кадры. Без применения сложной и разнообразной техники практически невозможно было решить ни одну из поставленных перед Министерством задач. Для использования дорогостоящего оборудования, которым все чаще оснащались стройки и предприятия, требовались надежные грамотные кадры, обладавшие достаточной производственной культурой и заинтересованные в результатах своего труда. Такими кадрами лагерная экономика не располагала.

Сложность ситуации вполне осознавало руководство МВД. Министр внутренних дел С.Н. Круглов в одном из выступлений отмечал: «Мы должны понимать, что базировать ряд отраслей народного хозяйства, которые находятся в министерстве, только на заключенных нельзя... Когда у нас была валовая работа, земляные работы, тогда нужны были заключенные, а сейчас мы имеем дело с первоклассной техникой» [6].

Планы МВД в 1951–1952 гг. ни одно из крупных лагерно-производственных управлений не выполнило, чрезвычайно большими оказались и убытки. Анализ показал, что основной причиной являлся низкий уровень производительности труда.

Вопросы эффективности трудового использования заключенных были предметом постоянных разногласий между ГУЛАГом и производственными главками. Хозяйственники обвиняли ГУЛАГ в том, что тот не желает вникать в их производственные нужды. Администрация лагерей выдвигала свои претензии. Планы, как правило, являлись нереальными, заявки на рабочую силу в несколько раз превышали необходимость, однако ГУЛАГом эти заявки удовлетворялись, т. е., иначе говоря, главки не дорожили рабочей силой.

Пытаясь ликвидировать растущий дефицит рабочей силы, МВД все чаще прибегало к труду вольнонаемных, основную массу которых составляли бывшие заключенные. Больше внимания стали уделять в ГУЛАГе социальным вопросам трудоустройства осужденных, однако велики были трудовые потери от производственного травматизма и смертность, особенно по главкам Добровольского, Гидростроя, Дальстроя, по лагерям лесной промышленности. Неблагополучная остановка с техникой безопасности сложилась в Кизеллаге, Устьвымлаге, Зятлаге, в Севураллаге, Ныроблаге, Воркутлаге, Норильлаге, Ухтомлаге, Ангарлаге, Нижнеамурлаге и по целому ряду других.

Начало нового, крайне противоречивого, этапа в развитии производственной базы для вовлечения осужденных в трудовые процессы относится к 1954 г. Его противоречивость заключалась прежде всего в том, что, с одной стороны, хорошо оснащенные с отлаженными производственными процессами предприятия ИТУ были переданы в народное хозяйство, а с другой стороны, промышленные предприятия министерств стремились избавляться от неперспектив-



ных производств, передавая их в ведение МВД.

В послевоенные годы при существовавшей системе оплаты труда заключенные все меньше проявляли заинтересованность в его конечных результатах. Это привело к принятию в 1950 г. Советом Министров СССР постановления об оплате труда заключенных, за исключением приговоренных к каторжным работам [4, с. 62]. Оплата труда проводилась исходя из пониженных на 40–50 % тарифных ставок и тарифных окладов с применением сдельно-премиальной и сдельно-прогрессивной систем, установленных для рабочих и служащих соответствующих отраслей. Впервые из заработанной платы осужденных стала удерживаться стоимость питания. Учитывалось, что часть осужденных имеет иски, исполнительные листы, поэтому для всех осужденных устанавливался порядок, в соответствии с которым независимо от всех удержаний не менее 10 % от заработанной суммы оставалось в их распоряжении для приобретения предметов первой необходимости через торговую сеть. Для повышения заинтересованности бригадам из числа заключенных в зависимости от численности бригады начислялось дополнительно до 20 % их сдельного заработка.

Пересмотр сущности карательной и исправительно-трудовой политики после 1953 г. оказал положительное влияние на правовое регулирование труда осужденных. В Положении об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД 1954 г. особо подчеркивалось, что организация труда заключенных должна быть основана на таких же началах, как и организация труда всех граждан СССР. На заключенных распространялись все положения, связанные с охраной труда, 8-ми часовой рабочий день. Труд подлежал оплате.

Несмотря на это, при реализации правовых норм, регулировавших применение общественно полезного труда лиц, лишенных свободы, в то время допускались грубейшие нарушения, связанные с тяжелым состоянием материально-технической базы предприятий ИТУ. Преобладал принцип «план — любой ценой». Возросшая после введения оплаты труда эффективность трудоустройства контингента была получена в большей степени за счет сверхурочных работ, а не путем рациональной организации труда и технического перевооружения предприятий. Сверхурочные работы, работа в выходные дни приобрели массовый характер, часто без предоставления осужденным соответствующей компенсации в соответствии с законодательством.

После амнистии 1953 г. первая половина 1954 г. характеризовалась заметным повышением трудовой активности осужденных: перевыполнялись установленные производственные задания, сократилось количество не выполняющих нормы выработки, до минимума снизилось количество отказчиков от работы. Начали проводиться слеты передовиков производства, совещания рабочих одной профессии, производственные совещания осужденных. Ожидалось,

что в изменившихся условиях экономические показатели хозяйственной деятельности мест лишения свободы должны приобрести тенденцию к улучшению, но этого не случилось. Уже во второй половине 1954 г. статистические данные зафиксировали увеличение количества лиц, не выполняющих нормы выработки. Об этом свидетельствовали итоги работы предприятий ИТУ за четвертый квартал 1954 г., когда таких оказалось 28,5 %. В январе 1955 г. их стало уже 30 %, в феврале — 32 % от общего числа сдельщиков.

Это было обусловлено тем, что организация труда не могла сразу же претерпеть существенное изменение в лучшую сторону, сказывался и вывод на производство излишней рабочей силы. Амнистия 1953 г. привела не только к концентрации в местах лишения свободы лиц, придерживающихся воровской идеологии, но и их консолидации. Пользуясь неразберихой, царившей вследствие перемещения значительных масс осужденных в связи с ликвидацией многих лагерей и колоний, уголовно-бандитствующие осужденные начали проводить свою политику в местах заключения. Под угрозой расправы они заставляли бригадиров не только включать их в состав бригады, но и выводить самый высокий процент выработки, хотя фактически не работали.

Не надеясь на защиту своих интересов со стороны администрации, осужденные выбрали единственно возможную форму пассивного протеста, сопротивления уголовно-бандитствующим осужденным: не выходили на рабочие объекты или, выйдя, к работе не приступали. В частности, по справке лесного отдела ГУЛАГа, в лесозаготовительных лагерях ежедневно не выходило на объекты: в IV квартале 1954 г. — 4238 человек, в январе 1955 г. — 5622 человек, в феврале — 6185 человек. В связи с ликвидацией ряда отделений лагерей, дислоцированных на территории Казахстана, в IV квартале 1954 года 43,4% осужденных совершенно не были задействованы на производстве [2].

В середине 50-х гг. в связи с ликвидацией лагерей и обустройством новых колоний перед начальниками исправительно-трудовых учреждений выдвигалась задача создания и последующего развития собственной производственной базы для трудового воспитания осужденных. Постановление Совета Министров СССР ЦК КПСС от 5 октября 1956 г. обязывало МВД СССР организовать в республиках 213 новых исправительно-трудовых колоний для размещения контингента, вывозимого из лагерей. Реализация данного постановления позволяла обеспечить в ближайшие годы трудовое использование всех осужденных в пределах республики, края, области по месту жительства или осуждения, но средств на эти цели не выделялось в расчете на местное финансирование. Поэтому спустя год удалось создать только 39 новых колоний. Более того, едва провозгласив линию на ликвидацию исправительно-трудовых лагерей, в Казахстане были созданы два исправительно-трудовых лагеря, в задачу которых входило освоение целинных и залежных зе-



мель. Осужденные использовались на строительстве жилых поселков будущих совхозов, коммунально-бытовых предприятий, элеваторов и т. д. [1]. Неудовлетворительная реализация постановления заставила Совет Министров СССР вновь возвратиться к этому вопросу. Принятое 14 ноября 1957 г. Постановление «О мерах по трудовому использованию осужденных» потребовало от МВД СССР безусловного выполнения ранее поставленной задачи в части организации новых колоний. Для этих целей в 1958–1960 гг. выделялись средства из государственного бюджета и предоставлялась возможность использовать 3 % плановых накоплений от хозяйственной деятельности исправительно-трудовых учреждений на расширение производства и благоустройство жилых зон. При этом особое внимание обращалось на создание производства в тюрьмах, без чего они не могли в полном объеме выполнять возложенные на них задачи.

Следует отметить, что в эти годы велись также активные поиски приемлемых форм, методов стимулирования трудовой активности осужденных. Был использован опыт прошлого, когда в 1957–1958 гг. немало осужденных из числа передовиков производства по приказу Министра внутренних дел было награждено ценными подарками (часы, музыкальные инструменты, костюмы, фотоаппараты, денежная премия). Вручение этих подарков проходило в торжественной обстановке на собраниях осужденных и способствовало повышению их трудовой активности [5].

Создание новых колоний с собственной производственной базой потребовало подготовки из осужденных квалифицированных рабочих в значительном количестве, так как ранее существовавший порядок учета и отбора нужных специалистов был ликвидирован вследствие закрепления принципа отбывания наказания по месту жительства или осуждения. Для этих целей в исправительно-трудовых колониях вводилась специально должность инженера по профессионально-техническому обучению осужденных. Одновременно с этим ставилась задача создания в крупных ИТУ учебных мастерских с необходимым оборудованием.

Поставленная перед МВД СССР задача создания собственного производства в колониях в условиях административно-территориального размещения решалась исключительно трудно. Отсутствие достаточных для этих целей финансовых ресурсов и материально-технических средств заставляло руководителей исправительно-трудовых колоний браться за любое производство. Серьезные затруднения организации трудового использования осужденных вызывало то, что больше половины объема промышленного производства в тот период еще не обеспечивалось плановыми заказами и материально-техническими ресурсами. Заполнение этой части плана осуществлялось за счет использования местных возможностей, которые не всегда удовлетворяли потребности исправительно-трудовых учреждений, приводили к большому отрас-

левому и номенклатурному разнообразию выпускаемой продукции и ее низкому техническому уровню.

Средняя мощность одного предприятия исправительно-трудового учреждения составляла порядка 2–2,5 млн рублей, а численность работающих 300–350 человек. В республиках отсутствовал учет о количестве заключенных, занятых на квалифицированных работах [3, с. 5]. Значительная их часть из числа впервые осужденных освобождалась из ИТУ, не получив рабочей специальности. Это затрудняло процесс их адаптации в обществе и нередко приводило к совершению повторных преступлений.

Большинство предприятий исправительно-трудовых учреждений в тот период находилось на низком техническом и технологическом уровне, третья часть предприятий размещалась в непригодных помещениях барачного типа и располагала малопродуктивным, устаревшим оборудованием, значительная часть продукции изготавливалась на открытых площадках, что отрицательно сказывалось на ее качестве.

Отсутствие собственных проектно-технологических, научно-исследовательских организаций, слабый состав и малочисленность технических и производственных служб в исправительно-трудовых учреждениях не позволяли выработать каких-либо методических положений или хотя бы примерных критериев, определявших признаки пригодности производства для исправительно-трудовых целей. В местах лишения свободы практически создавалось любое производство, в котором представлялось возможным занять осужденных каким-либо трудом. Это были объективные реалии того времени, и обеспечение трудовой занятости осужденных в любой форме выступало главным требованием. Организационная структура производства исправительно-трудовых учреждений полностью копировалась с аналогичных производств отраслевых министерств и ведомств, и особенно в случаях передачи готовых предприятий народного хозяйства в ведение ИТУ.

Была проведена значительная работа по реконструкции существующих предприятий, строительству новых, а также оснащению их оборудованием за счет использования плановых накоплений, ссуд и кредитов Госбанка, привлечение средств хозяйственных организаций. Осуществление этих мероприятий способствовало укреплению производственной базы ИТУ.

Процесс перестройки всей практики деятельности системы исправительно-трудовых учреждений затрагивал не только труд, режим, воспитательную работу. Велись поиски новых форм и методов воздействия на осужденных. При этом приходилось обращаться к опыту прошлого. Идея воспитательного воздействия на осужденных в коллективе и при помощи коллектива привела к возрождению на новой основе отрядной системы содержания осужденных, численность которых колебалась от 50 до 120 человек в зависимости от режима. Организация отрядов ИТУ



в 1957 г., налаживание индивидуальной воспитательной работы с осужденными позволило воспитателям уделить больше внимания организации трудового соревнования в интересах повышения эффективности производственно-хозяйственной деятельности. Отряды, как правило, закреплялись на определенных объектах работы, что позволяло более эффективно использовать труд осужденных. В рамках отряда между бригадами и в бригадах между звеньями организовывалось трудовое соревнование.

Если с организацией производственной базы в исправительно-трудовых колониях в 50-х гг. наметились устойчивые позитивные сдвиги, то особую озабоченность у руководства МВД вызывало полное отсутствие производственной базы в тюрьмах.

В 50-х гг. труд осужденных использовался по двум направлениям: на собственном производстве и на контрагентских объектах. На собственном производстве учет выполняемой работы, контроль удавалось наладить лучше, чем на контрагентских объектах, где влияние администрации на использование осужденных в трудовых процессах, в силу ее малочисленности, было значительно ниже.

Не менее остро стояла и проблема привлечения к труду инвалидов. В законодательстве отсутствовало указание на порядок и условия организации труда инвалидов, больных, престарелых, осужденных к лишению свободы. Указывалось только, что привлечение осужденных к труду обеспечивается с учетом их трудоспособности. Вопрос стоял таким образом: или создавать специальные инвалидные колонии, или в рамках существовавшего производства находить возможности для их трудоустройства. Наиболее правильным, как показала практика, был второй путь. Во-первых, инвалиды и даже неспособные к труду содержались практически во всех лагерях, независимо от характера производства. Во-вторых, существовала практика, в соответствии с которой время от времени принималось ведомственное или правительственное решение об активировании инвалидов и лиц, непригодных к физическому труду, с досрочным освобождением из лагеря. В-третьих, в отдельные годы предпринимались попытки создавать специальные учреждения для инвалидов, но в силу складывавшейся психологической обстановки приходилось отказываться от этой идеи. За все время было создано только одно специализированное подразделение для слепых осужденных (во время войны).

В рассматриваемые годы на отношение осужденных к труду существенное влияние оказывали условия его оплаты. Средняя дневная ставка осужденных была ниже, чем у рабочих в соответствующих отраслях промышленности: по лесозаготовкам — на 25 %, по деревообработке — на 41 %, по металлообработке — на 32 %. Недостаточная материальная заинтересованность осужденных в результатах своего труда в отдельных ИТУ приводила к тому, что половина работающих на производстве не выполняла установлен-

ные нормы выработки. Такое неудовлетворительное решение вопросов оплаты труда осужденных привлекало внимание научных и практических работников, но предложение установить для всех осужденных, независимо от места лишения свободы, единую систему оплаты труда (такую же, как и для вольнонаемных в соответствующих отраслях народного хозяйства) и предоставлять всем добросовестно работающим осужденным ежегодные оплачиваемые отпуска не нашло воплощения.

В 50-х гг. одним из важнейших стимулов трудовой активности осужденных выступала система зачетов рабочих дней в срок отбытого наказания. Однако в условиях, когда часть осужденных не была занята в трудовых процессах из-за отсутствия объектов работы, явно нарушался принцип социальной справедливости, ибо необеспеченность работой лишала осужденного возможности в соответствии с законом освободиться, а из-за малочисленности администрации было нереально установить точный контроль за выработкой каждого осужденного, что порождало злоупотребления: приписки, сделки между осужденными по распределению выработанных норм, присвоение одними осужденными труда других и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод, что в послевоенные годы уже наметилась линия на гуманизацию исполнения наказания в виде лишения свободы, но исправительно-трудовая система в части организации труда заключенных вступила в 60-е годы как правопреемник ГУЛАГа с его пороками и недостатками, что не позволяло эффективно проводить перестройку системы.

Литература

1. Архив МВД Казахской ССР. Ф. 16. Оп. 2. Д. 1, Л. 55.
2. Исаков В.М. Трудоиспользование осужденных в исправительных учреждениях Советского государства (1917–1990 гг.). М., 2000.
3. Исправительно-трудовые учреждения. 1959. № 4.
4. Кузьмин С.И. Деятельность исправительно-трудовых учреждений (1936–1960 гг.). М., 1989.
5. Приказы МВД СССР №№ 151, 152, 162, 1958.
6. ЦАОДМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 1472. Л. 133.

Reference

1. Archive of MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS of the Kazakh Soviet Socialist Republic. F. 16. Op. 2. D. 1, l. 55.
2. Isakov V.M. Trudoispol'zovanie osuzhdennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh Sovetskogo gosudarstva. (1917-1990 gg.). M., 2000.
3. Corrective-labour establishments. 1959. № 4.
4. Kuzmin S.I. Activities of corrective-labour institutions (1936-1960). M., 1989.
5. Orders of the MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS of USSR No. 151, 152-162, 1958.
6. CAODM. F. 33[



УДК 34
ББК 67

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ И СТРУКТУРА ПРАВОСОЗНАНИЯ

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КУЧЕНЕВ,

*адъюнкт кафедры теории государства и права, международного
и европейского права Федерального казенного образовательного учреждения
высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний» (Академия ФСИН России)*

*Научная специальность 12.00.01 — теория и история права
и государства, история учений о праве и государстве*

E-mail: KuAV64@mail.ru

*Научный руководитель (рецензент): профессор кафедры теории государства
и права, международного и европейского права*

доктор юридических наук, профессор Ю.А. Агабалевич

E-mail: abdulzhabar@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются аспекты дефиниции правосознания, его структура. Аккумулируются теоретические взгляды научных деятелей разных эпох, включая современных авторов, на содержание понятия правосознания, его образующую составляющую.

В ходе изучения соотношения права и сознания проводится параллель соотношения понятий правовая реальность, правовая жизнь и правовая действительность. Исследуется в общих чертах историографический ракурс осознания права. При наполнении понятия правового сознания его структурными компонентами (правовой идеологией и правовой психологией) рассматриваются их сферы нагруженности в его построении, их особенности и неразделимость взаимодействия. В завершении работы предлагается современное обобщенное собственное понятие правового сознания и его структуры.

Ключевые слова: менталитет, правовая жизнь, право, правовая действительность, правовая реальность, правовая система, правосознание, сознание.

Annotation. The aspects of the definition of justice, its structure. Accumulate theoretical views of academics from different eras, including the contemporary authors, for the maintenance of justice concept, its defining component. During the study of the relation of law and consciousness draws a parallel relationship between the concepts legal reality, the legal life and legal reality. We investigate in general historiographical perspective awareness of rights. When filling the concept of legal consciousness of its structural components (of legal ideology and legal psychology) considered their sphere of loading in building it, their characteristics and the inseparability of interactions. At the end of the work offers modern generalized own concept of legal consciousness and its structure.

Keywords: mentality, legal life, law, legal validity, legal reality, the legal system, legal consciousness.

Дефиниция правосознания многогранна и характеризуется множеством совокупностей взглядов, представлений, определяющих и отражающих отношение индивидуума к праву и правовым явлениям, правилам и стандартам отношений между собой в обществе, их соответствие принципам справедливости.

В дефиницию правосознания включают:

- систему знаний о праве, динамики исторического и современного состояния и соотношения прав и обязанностей;
- отражение системы знаний и правовой действительности;
- отношение индивидуума к системе действующего права, к поведению людей;
- восприятие на основании эмоционально-цен-

ностной и интеллектуальной оценки правовой действительности;

- представление о праве лиц, обладающих высоким уровнем юридического знания и широкой юридической практикой.

Правовое сознание в самом общем виде есть некая сумма эмоций, чувственных переживаний, идей, знаний, воззрений, в которых выражается отношение человека к правовой действительности. Е. Лукашева предлагает дефиницию правосознания считать частью общественного сознания, включающей систему взглядов, оценок, представлений, настроений, чувств общества, сложившихся в существующем экономическом состоянии жизни, направленных на установление отвечающих его интересам и целям правового режима¹.



Р. С. Байниязов определяет правосознание как духовную целостность правовых и отчасти общесоциальных идей, взглядов, представлений, убеждений, чувств, эмоций, настроений и т. д., идейно и психологически отражающую и осознающую правовые феномены². А. А. Тамберг понимает под правосознанием совокупность идей, чувств, убеждений индивидов или частей общества относительно права и его роли. Отводится большая роль правосознания в осмыслении и восприятии правового регулирования, осознания верховенства закона; организации правомерной деятельности; соотношение правовых ценностей с иными, например рассмотрение справедливости в праве³.

Сознание человека через призму собственных убеждений, законности, идей, научно-теоретических знаний, менталитета, чувств и эмоций, жизненного опыта отражает правовую действительность и дисперсируется в правовое сознание. Восприятие человеком необходимости и ценности права вызывает или позитивное отношение к правовой действительности, или негативное, когда индивидум стремится изменить существующую правовую систему, либо уверен в бесполезности самого права. Отношение человека к существующему праву, его истории находится в зависимости от его чувственной оценки и может быть рациональным, разумным и эмоциональным, устанавливая в итоге его поведение в обществе на уровень правомерности, социальной полезности или неправомерности, социальной опасности.

Но в любом случае право действительно выступает центральным, фундаментальным элементом правового сознания. Но может ли право являться единственным фактором? Фактор — это причина, движущая сила приводящая к определенному изменению, явления. Очевидно, что право, как таковое, не способно быть движущей силой. Например, может ли право образовать правоотношение (обязательным участником которого является субъект права) или систему законодательства (которая является субъективным выражением воли законодателя). Думается, что для этого необходим волевой критерий.

В связи с этим представляется, что право и субъект права являются составными элементами правового сознания, несущими различную нагрузку. Если право в нормативном смысле является фундаментом образования правового сознания, то субъект права, как обладатель воли, обеспечивает связь права с каждым элементом правовой системы.⁴

Индивидуализирование правосознания вне системы моральных воззрений справедливости и несправедливости, свободы и несвободы кажется ошибочным на фоне организации деятельности каждого члена общества на основе собственной системы толкований и представлений о законодательном акте, а не на основе наполняющего его текста.

Осознание права в историческом прошлом изменяется под влиянием приоритетов проводимой политики, основных философских воззрений.

Например, Платон и Сократ возвышали право на божественный уровень. В воззрениях Л. Петражиц-

кого нормы права, как и само право, устанавливались на психологическом уровне, когда сознание человека выступало мерилем прав и обязанностей. В трудах И. Канта и Гегеля право наделялось свойствами регулятора степени свобод в обществе на государственном уровне, отодвигая отдельного человека на второй план.

При рассмотрении правового сознания возникает необходимость выявления соотношения таких категорий, как «правовая жизнь», «правовая реальность» и «правовая действительность». Следует отметить, что установление взаимосвязи данных категорий не столько определяет, объем категории «правосознание», сколько помогает выявить его качественные характеристики, что, несомненно, важно при раскрытии вопроса о его сущности.

Правовая реальность — онтологическое бытие права, взятое безотносительно к процессу его познания. Оно существует независимо от нашего отношения к ней. Правовая реальность охватывает бытие права, иные правовые явления как самостоятельные сущности в отсутствии взаимосвязи их в конкретно-историческом существовании. Но состояние действующего права как такового, существующая правовая реальность не являются достаточными для характеристики правосознания. Для понимания правосознания важно изучение культурных основ и традиций. Таким образом, правосознание выступает одной из сторон правовой реальности, в которой последнее приобретает конкретно-историческую (или историко-культурную) и пространственно-временную определенность.

На наш взгляд, правовое сознание формирует совокупность отражений правовой действительности. Например, оно может отражать аспекты правовой действительности любой страны, выявлять связи и взаимодействие конкретных элементов в виде правовых явлений.

Правовая жизнь представляет собой систему разнообразных видов и форм деятельности, поведения людей, их коллективов в правовой сфере, направленных на обеспечение условий и средств существования, реализацию частных и публичных, индивидуальных и групповых интересов, утверждение соответствующих этим интересам ценностей. При этом следует отметить, что правовая жизнь — совокупность именно всех форм юридического бытия общества, а не представлений о нем.

А. В. Малько включает в термин «правовая жизнь» систему сумм юридических явлений, как позитивных, так и негативных.⁵ К первым относится: само право, правовая система, юридическая практика, правосознание, правопорядок. К негативным — противоправные явления, препятствующие положительной юридической деятельности. Правовое сознание выступает в качестве регуляционной составляющей правовой жизни и при позитивном значении становится мотивом соблюдения условий для ее стабильности и нормального функционирования. Кроме того правовое сознание предусматривает не только процесс воздействия юридических средств на общественные отношения, но и результат подоб-



ного воздействия. То есть определяет в сложившейся правовой системе наличие взаимных связей, которые и обеспечивают принцип системности.

Ключевым вопросом в познании содержания и сущности правового сознания является проблема наполнения его структурными элементами, их соотношение. Многими учеными отмечается тесная связь между качеством объекта и его структурой. Существенное изменение структуры непременно влечет за собой изменение качества правового сознания, переход в другое состояние. Следует подчеркнуть, что, изучая структуру правового сознания, нельзя уделять внимание лишь вопросу о том, из каких элементов оно складывается, не менее важно определить, каким образом связаны между собой эти элементы, необходимо рассмотреть совокупность всех прямых и обратных связей между ее функциональными компонентами.

Такой подход к структуре правового сознания позволяет получить не только его статичную, но и динамичную характеристику объекта. Сложность внутреннего исследования правосознания обусловлена его многоуровневой структурой, статической и динамической стороной, многообразием свойственных ему генетических, функциональных и структурных связей. В правовом сознании правовые представления общества, его психология и культура слились воедино с арсеналом технико-юридических средств, с деятельностью его объединений.

В структуру правосознания, обеспечивающую его целостность, необходимо для реализации его развития традиционно относят систему взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов: правовой идеологии и правовой психологии⁶.

Комплекс знаний о праве различного уровня является рациональным компонентом правосознания (правовой идеологией). Уровень знаний о праве характеризуется глубиной изученности представлений и взглядов, которые в теоретической форме отражают правовые явления общественной жизни.

По мнению Г. И. Сандуца, правовая идеология является элементом официального и доктринального правосознания, который относится к методам (приемам) истолкования принципов и норм действующего права в процессе его реализации и в случаях, соответствующих основным принципам права, служащим восполнению пробелов в праве (аналогия права и аналогия закона)⁷.

Правовая идеология аккумулирует аспекты правового знания, образуя правовую культуру, устанавливает их на доступном уровне, не только специалистам, но и каждому человеку, пропагандируя правомерное поведение, образ жизни и характер работы, придает ориентиры в бескрайнем и противоречивом мире.

Наиболее высокий уровень правового знания свойственен научным деятелям права, его особенность состоит в том, что оно отражает право во всех его состояниях и проявлениях, на основании изучения различных теорий, воззрений и положений правового поля.

Правовая идеология подразумевает правовое

осмысление потребностей и социальные интересы общества, государства, является инструментом познания социального смысла, природы права, рассматривающая право в системе культуры, области истории философии. Выступает в качестве алгоритма поведения и поступков различных объединений людей, позволяющего им достигать определенных социальных и правовых целей.

Одним из основных свойств правовой идеологии выступает изменение правоприменения и правотворчества согласно принятому вектору правовой системы.

Правосознание формируется и трансформируется под влиянием комплекса разных чувств и эмоций, направленных на оценку реалий по отношению к ожиданиям. Этот структурный элемент правосознания называют правовой психологией.

В ходе реализации политики государства или любого другого объединения людей выстраивается та или иная модель поведения, установленная в правовом поле. Думается, на этом этапе возможно выделить проблему правовой идеологии, которая заключается в сложности объединения противоположных теорий и воззрений правовых идей.

Сознание отражает право через призму социального бытия, элементами которого выступают справедливость, гуманность, ответственность, тождество возможностей. Роль юридической психологии невозможно недооценить. При знакомстве с правовыми идеями человека любого уровня знаний о праве формирует собственное чувственное отношение к ним, на основе которого вырабатывает поведенческое отношение к закону.

Правовая психология определяет само право с момента его создания, то есть правотворчество до момента контроля над его реализацией. Она отражает чувственную оценку правового развития общества, поддерживая функционирование правовой системы на интеллектуальном и психологическом уровнях.

В теории права имеет место быть и другая структура правосознания, элементами которой выступают:

Информационный элемент. Он включает весь спектр информации о справедливости, свободе, праве. Человек может обладать поверхностной информацией или знанием, например когда она была получена при прослушивании радио, в трансляции которого был упомянут тот или другой закон. Информация может быть полной, например при изучении права или закона. Но при изучении конкретного закона информация будет полной лишь по отношению к этому закону. Всесторонность информации при рассмотрении закона будет достигаться при изучении комментариев к этому закону, отзывов о нем, рассмотрении процесса и мотивов его принятия.

Аксиоматичность невозможности рассуждений о правосознании при отсутствии информации о праве определяет значение этого элемента в структуре правосознания.

Оценочный элемент. При ознакомлении или изучении объекта права человек дает ему оценку, сопоставляя с собственными убеждениями. Оценка может



быть как позитивная так и негативная, на основании которой образуются мотивы правомерного или неправомерного поведения человека.

Осознание необходимости и справедливости «внешнего» права, установленного властью, трансформирует его в сектор собственных интересов и целей.

Волевой элемент. Получив и оценив информацию об объектах права, человек принимает решение о необходимости руководствоваться ею, либо стремится, например, действовать в обход закона.

Элементы структуры правосознания могут быть разграничены только в научных целях, представляя собой единое целое.

Правосознание представляет собой систему знаний, отношений и чувств, выражающую взаимосвязь субъекта и объекта права в общественной жизни.

Структура правосознания является сложной системой и состоит из следующих элементов: рациональные компоненты или правовая идеология, которые включают в себя систему знаний о праве и правовых явлениях в обществе; эмоциональные элементы, называемые правовой психологией; информационный — это получение и осознание информации правовой сферы; оценочный — оценка информации после ее получения; волевой — подразумевает принятие решения о применении правомерного или неправомерного поведения.

Литература

1. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России. Саратов, 2008. С. 78-79.
2. Долгова А. И. Криминология: учебник для вузов. Москва, 2001. С. 558.
3. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 65.
4. Малько А.Н. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право, 2001, №5
5. Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права : монография / под.ред. Н. Н. Вопленко. Волгоград, 2009. С. 265.
6. Певцова Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 70.
7. Рыбаков В.А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. №3 (44).
8. Сандуца Г. И. Применение общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России // Международное публичное и частное право. 2001. № 3. С. 9.
9. Тамберг А. А. Правосознание в трансформируемой России: сущность, эволюция, преемственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 14.

References

1. Bayniyazov R.S. Pravosoznanie i pravovoj mentalitet v Rossii [Legal awareness and legal mentality in Russia mentality] Abstract. Dis.... Doctor. jurid. Sciences. Saratov, 2006. P. 78-79
2. Dolgova A.I. Kriminologija [Criminology]: textbook for high schools. Moscow, 2001. P. 558.
3. Lukasjeva E. A. Sotsialisticheskoe pravosoznanie i zakonnost'. [The socialist sense of justice and legality]. M., 1973. P. 65.
4. Mal'ko A.N. Kategoriya «pravovaya zhizn'»: problemy stanovleniya [The category of "legal life": problems of formation] // State and Law, 2001, №5
5. Rudkovskij V.A. Pravovajapolitika i osushchestvlenie prava [Legal policy and implementation of the right]: a monograph / psychology. NN Voplenko. Volgograd, 2009. P. 265.
6. Pevtsova E.A. Sovremennye definitivnye podkhody k pravovoy kul'ture i pravovomu soznaniyu [Modern approaches to the definitive legal culture and legal consciousness] // Magazine of the Russian right. 2004. № 3. P. 70.
7. Rybakov V.A. Pravosoznanie: k voprosu o ponyatii [Sense of justice: the question of the concept] // Herald of Omsk State University. Series. Right. 2015. №3 (44)
8. Sandutsa G.I. Primenenie obshchepriznannykh printsipov i norm mezhdunarodnogo prava v pravovoy sisteme Rossii [The use of the generally recognized principles and norms of international law in the legal system of Russia] // International public and private law. 2001. № 3. P. 9.
9. Tamberg A.A. Pravosoznanie v transformiruемой Rossii: sushchnost', evolyutsiya, preemstvennost' [Sense of justice in the transformed Russia: essence, evolution, continuity]: Abstract. Dis. ... Cand. jurid. Sciences. Krasnodar, 2008. P. 14.

1. См.: Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 65.

2. См.: Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России. Саратов, 2008. С. 78–79.

3. См.: Тамберг А. А. Правосознание в трансформируемой России: сущность, эволюция, преемственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 14.

4. Рыбаков В.А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. №3 (44).

5. Малько А.Н. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления// Государство и право, 2001, №5

6. См.: Певцова Е. А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 70.

7. См.: Сандуца Г. И. Применение общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России // Международное публичное и частное право. 2001. № 3. С. 9.



УДК 340
ББК 74.4

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ФАЛЬКИНА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Уральского юридического института МВД России
E-mail: f.t.u.81@mail.ru;

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА СТАРИКОВА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории государства
и права Уральского государственного юридического университета
E-mail: sonlik@yandex.ru

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируются дистанционные технологии как методы, условия и факторы для более полной реализации личностного потенциала и проявления субъективных свойств в учебно-познавательной, информационно-поисковой, научно-исследовательской, учебно-профессиональной или контрольно-оценочной деятельности.

Ключевые слова: дистанционные технологии, образовательные технологии, дистанционное обучение, инновации.

Annotation: The article analyzes the remote technology as the methods, conditions and factors for a more complete realization of personal potential and the existence of subjective properties in the educational-cognitive, information retrieval, research, training or assessment activities.

Keywords: distance learning technology, educational technology, distance learning, innovation.

*«Ученье без размышления бесполезно,
но и размышление без ученья опасно».
Конфуций*

Образовательные технологии, без всякого сомнения, являются необходимым инструментом современного преподавателя. Они не только помогают повысить уровень профессионального мастерства, но и способствуют достижению целей, которые ставит Министерство внутренних дел перед системой ведомственного образования.

Среди новых образовательных технологий, требующих скорейшего внедрения в образовательный процесс, необходимо выделить дистанционную систему обучения, которая обеспечивает гибкий подход к процессу обучения и сочетает в себе возможность учиться по собственному расписанию, в любое удобное для себя время, находясь на любом расстоянии от учебного заведения. Кроме того, дистанционная система обучения является индивидуально ориентированным

обучением применительно к профессиональным знаниям, способностям и навыкам обучающихся; развитие навыков самостоятельного приобретения знаний на основе полученной информации [1 ; 54].

К социальным предпосылкам появления и активного применения дистанционных образовательных технологий следует отнести: усложнение социального заказа образовательным организациям системы МВД России, повышение требований по подготовке высококвалифицированных сотрудников органов внутренних дел, компетентных в сфере будущей профессиональной деятельности, духовно развитых, готовых к инновациям, совместной деятельности [2]; утверждение гуманистического приоритета в образовательных целях, личностного и профессионального развития будущего гражданина и специалиста в ходе



реализации и усвоения государственного образовательного стандарта; гуманитаризацию образовательной среды в единстве с активно развивающимися современными информационными и другими инновационными образовательными технологиями.

На сегодняшний день под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением средств информатизации и телекоммуникации, при опосредованном или не полностью опосредованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника [3; 12]. Как отмечают исследователи, использование дистанционных технологий оказывают «усиленное» влияние на процесс понимания и запоминания [4; 4].

Впервые в России о возможности внедрения дистанционных технологий говорилось в тексте Объединенного проекта, утвержденного приказом Минобрнауки РФ от 16 июня 2000 № 1991 «О создании Объединенного проекта по разработке нормативно-правовых документов и отраслевых стандартов дистанционного обучения» специалистами была заложена определенная основа дистанционных образовательных технологий. Несмотря на то, что с 1991 года прошел уже не один десяток лет, до широкого внедрения дистанционного образования (особенно в системе ведомственного образования) нам еще далеко. И это несмотря на то, что активное применение дистанционных технологий может значительно повысить качество образовательного процесса, оптимизировать расходы на его обеспечение, а также повысить уровень овладения информацией, техникой.

Как показывает практика, успешность внедрения дистанционных технологий напрямую зависит от правильно выбранной программной платформы и информационной системы, реализующей процесс обучения. Как правило, реализация обучения происходит с помощью модулей и учебно-методической составляющей электронные учебно-методические комплексы, тестирование, консультирование на основе оффлайн-консультаций, организация дистанционных «он-лайн семинаров», электронная почта, электронный журнал и т.д.

На современном этапе широкое распространение в мировой системе образования получила комбинированная модель обучения (blended learning model), при которой технологии электронного обучения объединены с традиционным преподавателем в аудитории [5; 136].

Необходимость учета специфики дистанционных технологий как компонента инновационного учебного процесса требует обращения к основам педагогического и организационного проектирования. При построении структурно-функциональной модели проектирования учебного процесса необходимо использование дистанционных технологий, направленных на осуществление нормативной функции, учитывающей особенности направления профессиональной

подготовки. Здесь предполагается:

- изучение и анализ нормативно-правовой основы, опыта организации, условий и факторов, влияющих на особенности и эффективность организации учебного процесса с использованием дистанционных технологий;
- адаптацию учебных планов к использованию дистанционных технологий при различных формах обучения;
- разработку учебно-методического обеспечения с учетом специфики учебного процесса;
- подбор методов, средств, форм организации учебной работы, форм контроля учебного процесса с учетом специфики дистанционных технологий;
- реализацию учебного процесса;
- оценку эффективности учебного процесса.

В литературе выделяются следующие виды дистанционных технологий: дистанционные технологии, в которых доминирует использование индивидуальных комплектов учебно-методических материалов (кейсов), в сочетании с гибкими формами очного взаимодействия преподавателей и обучающихся, а также электронной поддержкой обучения (комплексные кейсовые технологии); дистанционные технологии, основанные на формировании виртуального образовательного пространства с помощью компьютерных сетевых технологий (сетевые технологии); дистанционные технологии, основанные на формировании виртуального образовательного пространства с помощью телевидения и спутниковых каналов передачи данных (телекоммуникационная технология) [6; 10].

Одной из попыток внедрения дистанционных технологий в ведомственном образовании служила единая информационная телекоммуникационная система органов внутренних дел (ЕИКТС), которая предназначена для осуществления широкомасштабного многовидового обмена информацией среди подразделений МВД [7].

Основной задачей данной системы являлась организация дистанционного обучения сотрудников органов внутренних дел без отрыва от выполнения ими своих служебных обязанностей.

Для эффективного решения функциональных задач разработки и внедрения дистанционных технологий в образовательных организациях МВД России необходимо подготовить и реализовать комплексную программу мероприятий по повышению информационной подготовки преподавателей, а также повышение квалификации на соответствующих факультетах по программам повышения квалификации профессорско-преподавательского состава; создать собственные образовательные порталы образовательных организаций МВД России, внедрить корпоративные информационные системы образовательных организаций и т.д.

В России открытые образовательные ресурсы имеют большой потенциал. Недостаточное эффектив-



ное его использование в учебном процессе вызвано в первую очередь плохой осведомленностью о них педагогической общественности [8; 151].

Основой массовых открытых дистанционных курсов [9] в России является система дистанционного образования, которая позволяет бесплатно, в любое время, в любом месте, где есть доступ в Интернет, повысить квалификацию в определенной сфере деятельности. Целями таких проектов являются создание сетевой междууниверситетской площадки, обеспечивающей бесплатную энциклопедическую предпрофильную подготовку и целевое профильное обучение конечных потребителей образовательной услуги.

В России к МООС можно отнести учебные материалы «ИНТУИТ» [10], «Универсариум» [11] и другие. Данные образовательные системы позволяют создать активную образовательную среду на основе использования современных технологий и методик.

Внедрение дистанционных технологий в учебный процесс образовательных организаций МВД России сталкивается с рядом проблем:

- традиционализмом системы образования, вызывающим ее недостаточную динамичность;
- некритичным отношением к зарубежному опыту использования дистанционных технологий в образовательных системах, не учитывающим специфику России в целом и региональных условий в частности;
- недостаточной разработанностью нормативно-правовой базы [12] и учебно-методического обеспечения учебного процесса, организуемого с использованием дистанционных технологий, сосредотачивающей внимание образовательных организаций на каком-либо одном или нескольких аспектах учебного процесса (содержании и технической стороне обеспечения учебного процесса, разработке структур и программ учебных дисциплин и пр.), но не всегда обеспечивающей целостную, системную организацию учебного процесса;
- отсутствие управленческих и педагогических кадров, способных и умеющих работать в условиях инновационных изменений в образовательных системах.

Анализ практики разработки и внедрения дистанционных технологий в образовательных организациях МВД России показывает, что в отдельных случаях в недостаточной степени используется потенциал дистанционных образовательных технологий, многие преподаватели оказались неготовыми к использованию дистанционных образовательных технологий в учебном процессе с обучающимися [13; 1].

Таким образом, достоинства дистанционных технологий очевидны: прежде всего, это неограниченная масштабность, формирование единого образовательного пространства, обеспечение подготовки высококвалифицированных сотрудников органов внутренних дел; определение основ профессиональ-

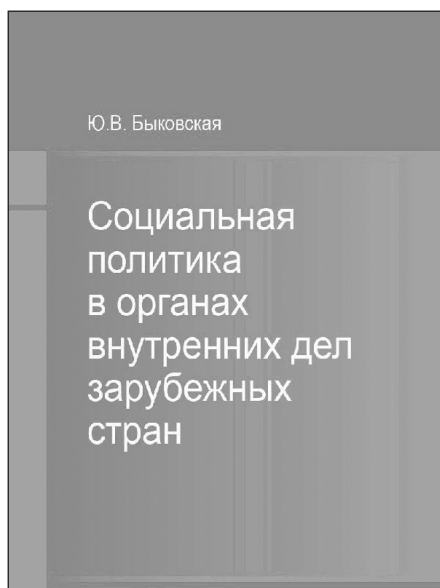
ной переподготовки на основе дистанционных образовательных программ; создание возможностей для получения образования на протяжении всей жизни; формирование социальной мобильности, поисковой грамотности, воспитание в духе гражданственности.

Литература

1. Севостьянов С.В. Учить ли научить: от теории инновационного (дистанционного) обучения сотрудников органов внутренних дел к практике // Вестник ВИПК МВД России. 2010. — № 1 (14). С. 54.
2. Данную проблему исследовали: Матвеев А.Л. Педагогические особенности профессиональной подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России для работы в органах предварительного расследования : автореферат дис. ... канд. пед. наук. — М., 2012; Скляренко И.С. Педагогическая система формирования профессиональных ценностных установок у курсантов вузов МВД России : автореферат дис. ... д-ра пед. наук. — Москва, 2014; Четвернина Т. Ю. Общепедагогическая подготовка курсантов вузов МВД РФ : автореферат дис. ... канд. пед. наук. — Екатеринбург : 2003; Солодкова М.В. Формирование готовности учащихся молодежи к службе в вооруженных силах России : автореферат дис. ... канд. пед. наук: М., : 2004; Лебеденко И.М. Воспитательная среда образовательного учреждения МВД России : автореферат дис. ... канд. пед. наук. — М., 2011; Закатов В.В. Совершенствование специального профессионального обучения сотрудников ОВД РФ : автореферат дис. ... канд. пед. наук : — М. 2007; Статный В.М. Особенности воспитания дисциплинированности у слушателей учебных центров МВД России : автореферат дис. ... канд. пед. наук. — СПб., 2001.
3. Полат Е.С. Теория и практика дистанционного обучения. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. завед. — Москва, 2004. С. 12.
4. Деменченков О.Г., Ширяева Н.К., Демаков В.И. Проведение учебных занятий с применением мультимедийной техники. — Иркутск, 2010. — С. 4.
5. Леган М.В. Яцевич Т.А. Комбинированная модель обучения студентов на базе системы дистанционного обучения [Текст] / М. В. Леган, Т. А. Яцевич // Высшее образование в России. — 2014. — № 4. — С. 136.
6. Сурнин И.П. Методика дистанционного обучения в вузах МВД России. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Москва, 2004. — С. 10.
7. Гортинский А.В. Применение и использование возможностей ЕИКТС для организации обучения в системе дополнительного профессионального образования: Учебно-мето-



- дическое пособие. — М.: ЦОКР МВД России, 2010. — С. 4; Никулин В.В., Чапленко Н.П., Прибавина Т.А. Создание курса дистанционного обучения на основе блочно-модульного формирования учебно-программной документации: Учебно-методическое пособие. — М.: Домодедово, ВИПК МВД России, 2005. — 60 с.; Питер Брусилковский и Филипп Миллер. Web — тестирование в дистанционном обучении. Технологический Университет Карнеги, США // www.carnegietech.org
8. Андреев А.А. Российские открытые образовательные ресурсы и массовые открытые дистанционные курсы [Текст] / А. А. Андреев // Высшее образование в России. — 2014. — № 6. — С. 151.
 9. Massive Open Online Course — MOOC.
 10. www.intuit.ru
 11. www.universarium.org
 12. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273 — ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» форме (Электронный ресурс) // Режим доступа: <http://base.consultant.ru>(Дата обращения: 09.09.2015 г.); Стратегия развития информационного общества в России (Электронный ресурс) // Режим доступа: <http://base.consultant.ru>(Дата обращения: 01.09.2015 г.); Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 мая 2005 г. № 137 «Об использовании дистанционных образовательных технологий» // Режим доступа: <http://base.consultant.ru>(Дата обращения: 02.09.2015 г.); Методические рекомендации Министерства образования и науки Российской Федерации по реализации дополнительных профессиональных программ с использованием дистанционных образовательных технологий, электронного обучения и в сетевой форме (Электронный ресурс) // Режим доступа: <http://base.consultant.ru>(Дата обращения: 09.09.2015 г.).
 13. Сурнин И.П. Методика дистанционного обучения в вузах МВД России. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2004. С. 1.



Социальная политика в органах внутренних дел зарубежных стран. Монография. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Быковская Ю.В. Издательство ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 143 с.

Проводится анализ социальной политики в органах внутренних дел государств дальнего зарубежья, стран Восточной Европы, Балтии и СНГ. Рассмотрены системы оплаты и стимулирования труда, медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения. Исследованы критерии оценки эффективности деятельности правоохранительных органов зарубежных стран.

Для сотрудников органов внутренних дел, а также для адъюнктов и докторантов высших учебных заведений системы образования МВД России.



УДК 343.24
ББК 67.400

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВОПОРЯДКА В РОССИИ

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ БЕЗРУКОВ,

докторант кафедры государственно-правовых дисциплин

Академии управления МВД России

кандидат юридических наук, доцент

Научная специальность: 12.00.02 — конституционное право;

конституционный судебный процесс; муниципальное право.

E-mail: abezrukov@bk.ru,

Научный консультант, рецензент: доктор юридических наук,

профессор И.В. Гончаров

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Выявлены и рассмотрены конституционно-правовые основы деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения правопорядка. Показано содержание, развитие и конкретизация положений Конституции Российской Федерации в действующем законодательстве, регламентирующем основные направления деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка.

Ключевые слова: Конституция РФ, законодательство, правопорядок, органы внутренних дел, полиция.

Annotation. Identified and considered the constitutional-legal bases of activity of internal Affairs bodies in the field of law enforcement. Shows the contents, development and concretization of provisions of the Constitution of the Russian Federation in the legislation regulating the basic directions of activity of internal Affairs bodies in ensuring law and order.

Keywords: Constitution, legislation, law enforcement, internal Affairs bodies and the police.

В условиях современных преобразований правоохранительного механизма, в структуре которого функционируют органы внутренних дел, одной из важнейших задач которых является установление, поддержание и обеспечение конституционного правопорядка. Такую задачу органы внутренних дел выполняют как самостоятельно, так и во взаимодействии с другими органами публичной власти, а также в сотрудничестве с общественностью.

В доктрине правопорядок рассматривается как результат действия права и состояние общественных отношений, качественно характеризующее важнейшее направление правоохранительной функции государства, что позволяет его рассматривать как сложное социально-правовое и политико-государственное явление в единстве институционального, функционального и социально-правового аспектов¹.

Исходя из того, что конституционный порядок выступает фундаментально-ценностной категорией по отношению к правопорядку в целом, конституционализация правопорядка не ограничивается рамками конституционного регулирования. Усиление конституционализации влечет укрепление конституционно-

го правопорядка, повышает эффективность правового регулирования и деятельности государственного аппарата, включая специализированные органы обеспечения правопорядка². Следовательно, конституционализация отраслевого законодательства, регламентирующего деятельность государственных (правоохранительных) органов, включая органы внутренних дел, в целом способствует повышению эффективности функционирования конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка органами публичной власти в России³.

В таком механизме правоохранительные органы, представленные в основном органами исполнительной власти, взаимодействуя друг с другом, в процессе достижения общей цели и решения собственных задач, образуют единую систему, консолидирующую конституционно-правовой механизм обеспечения правопорядка в целом.

Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации не устанавливает систему исполнительных органов государственной власти и не содержит исчерпывающий перечень правоохранительных органов, включая органы внутренних дел, тем не ме-



нее, отдельные положения Конституции РФ относят кадры правоохранительных органов к совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов (п. «л» ч. 1 ст. 72); закрепляют единство системы федеральных и региональных органов исполнительной власти, предусматривают возможность передачи ими друг другу осуществление части своих полномочий (ч. 2 ст. 77, ст. 78 Конституции РФ), а федеральным исполнительным органам власти — возможность создавать свои территориальные органы и назначать соответствующих должностных лиц (ч. 1 ст. 78 Конституции РФ).

Таким образом, положения Конституции РФ аккumulируют в себе исходные конституционные основы деятельности тех или иных органов исполнительной власти, включая органы внутренних дел, которые конкретизируются в положениях действующего законодательства. Следовательно, органы внутренних дел пусть и завуалировано, но присутствуют в Конституции РФ в качестве элемента исполнительной власти (ст. 10, 72, 77, 78 Конституции РФ). Потому конституционно-правовые основы деятельности органов внутренних дел в механизме обеспечения правопорядка занимают первостепенное значение, а их функционирование должно рассматриваться сквозь призму Конституции Российской Федерации и развивающихся ее положения правовых актов.

Особым субъектом обеспечения правопорядка является полиция, которая создается и функционирует в качестве основной составной части единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел — Министерства внутренних дел Российской Федерации. Сегодня предельная штатная численность сотрудников органов внутренних дел составляет 872 970 человек⁴. Полиция является основным элементом системы обеспечения общественного порядка и противодействия преступности. Основные принципы и направления ее деятельности определены в Федеральном законе «О полиции»⁵.

Российская полиция определяется в доктрине как исполнительно-распорядительный орган государственной власти, который организационно входит в систему МВД России, а сотрудник полиции, соответственно, является представителем государственной власти, имеющий специальный статус, позволяющий ему соответствующими средствами обеспечивать правопорядок и защиту прав и свобод граждан⁶. Однако такое определение требует как минимум два уточнения. Во-первых, применительно к системе МВД России полиция является все же не органом государственной власти, а структурным подразделением федерального органа исполнительной власти в

сфере внутренних дел. Во-вторых, полиция в России существует не только в системе МВД России, также действует военная полиция Вооруженных Сил РФ, которая находится в ведении Министерства обороны России⁷, в составе войск национальной гвардии

Российской Федерации функционируют подразделения (органы), в которых проходят службу лица, имеющие специальные звания полиции (ст. 5 ФЗ-226)⁸.

Положения Конституции РФ ориентируют полицию на реализацию важнейших конституционных принципов, которые развиваются в действующем законодательстве. В ст. 1 ФЗ от 7 февраля 2011 года «О полиции» установлено, что полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, для противодействия преступности, обеспечения общественной безопасности и правопорядка, охраны собственности.

Основные направления деятельности органов внутренних дел весьма обширны, в основном они сводятся к сфере обеспечения правопорядка. В числе полномочий МВД России в сфере обеспечения правопорядка находятся такие как: формирование на основе анализа и прогнозирования состояния преступности, обеспечение охраны общественного порядка и собственности; разработка проектов нормативных правовых актов и осуществление совместно с подразделениями нацгвардии мер по реализации государственной политики по обеспечению правопорядка и общественной безопасности; организация и проведение мероприятий по обеспечению безопасности граждан и правопорядка в общественных местах; обеспечение участия органов внутренних дел в мероприятиях по противодействию терроризму, выполнении возложенных на них в соответствии с законодательством Российской Федерации обязанностей по обеспечению правопорядка при проведении публичных манифестаций, избирательных кампаний, при подготовке и проведении референдумов и др.

Деятельность подразделений МВД России по обеспечению правопорядка представляет собой систему организационно-правовых форм, которые группируются в юридической литературе по нескольким (от трех⁹ до семи¹⁰) сферам деятельности. Представляется оптимальным сгруппировать четыре основных блока деятельности органов внутренних дел, связанной с обеспечением правопорядка — административно-правовую, оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную и организационно-правовую деятельность. Обобщенно охарактеризуем их.

1. Административно-правовая деятельность связана с проведением мероприятий административно-правового характера, реализуемыми органами внутренних дел. Такая деятельность наиболее обширна и объемна, связана с обеспечением правопорядка в общественных местах, безопасности дорожного движения, включает производство по делам об административных правонарушениях; профилактику административных правонарушений и др. Особенно значима роль полиции по обеспечению правопорядка при организации и проведении публично-массовых мероприятий, выборов и референдумов, проводимых на федеральном, региональном и местном уровнях.

Изначально такая деятельность органов внутрен-



них дел должна осуществляться исходя из принципов и предписаний, установленных Конституцией РФ, в первую очередь при условии обеспечения конституционных прав граждан. Среди них: право на охрану достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ), свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), свободу передвижения (ст. 27 Конституции РФ), свободу мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ), право на объединение и манифестации (ст. 30, 31 Конституции РФ), избирательные права (ст. 32 Конституции РФ) и др.

Содержательно такая деятельность непосредственно обуславливает эффективность деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка, в том числе за счет применения мер административного принуждения. Исходя из целей, способов обеспечения правопорядка меры административного принуждения подразделяются на меры административного предупреждения, меры административного пресечения, меры административно-процессуального обеспечения, меры административной ответственности¹¹.

Для эффективного обеспечения правопорядка и профилактики его нарушения особо значимы первая и вторая группы. Основанием для применения мер предупреждения является наличие потенциальной или реальной угрозы общественной безопасности и правопорядка, и цель применения таких мер — предотвратить возможное наступление вреда и/или предупредить совершение правонарушений. Среди таких мер: оцепление (блокирование) участков местности, жилых помещений, строений и других объектов, временное ограничение или запрет движения транспорта и пешеходов (ст. 16 ФЗ о полиции); удаление граждан с места совершения правонарушения или места происшествия (п. 7 ч. 1 ст. 13 ФЗ о полиции); предполетный досмотр пассажиров, ручной клади и багажа; изъятие предметов, средств и веществ при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения (п. 16 ч. 1 ст. 13 ФЗ о полиции); личный досмотр граждан, находящихся при них вещей при проходе на определенные участки территории (п. 18 ч. 1 ст. 13 ФЗ о полиции) и др.¹².

В числе мер административного пресечения, актуальных для обеспечения правопорядка, особы значимы такие как: требование от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий, а равно действий, препятствующих законной деятельности государственных и муниципальных органов, депутатов и общественных объединений (п. 1 ч. 1 ст. 13 ФЗ о полиции); отстранение от управления транспортным средством и запрет его эксплуатации (п. 21 ч. 1 ст. 13 ФЗ о полиции, ч. 1-5 ст. 27.12 КоАП РФ); задержание транспортного средства (ст. 27.13 КоАП РФ); доставление граждан, находящихся в состоянии опьянения, в медицинские организации (п. 14 ч. 1 ст. 13 ФЗ о полиции).

2. Оперативно-розыскная деятельность должна

осуществляться уполномоченными сотрудниками на основе Конституции РФ, положения которой конкретизируются в действующем законодательстве и реализуются оперативными подразделениями.

Конституционное содержание оперативно-розыскной деятельности во многом обусловлено как системой конституционных принципов и задач, стоящих перед государственными органами в целом, так конституционно-правовой регламентацией охраны, защиты и допустимости ограничения прав и свобод человека правоохранительными органами. Поэтому особенно важно в этой сфере деятельности сотрудникам полиции обеспечить соблюдение гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, в частности право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ); неприкосновенность частной жизни и жилища (ст. 23, 25 Конституции РФ). Ограничение таких прав человека возможно, как правило, только по судебному решению, строго по основаниям и в порядке, установленном федеральным законом (ст. 22-25 Конституции РФ), что, безусловно, необходимо соблюдать органам обеспечения правопорядка.

Основными задачами полиции при осуществлении оперативно-розыскной деятельности являются: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу безопасности Российской Федерации (национальной, государственной, военной, экономической, экологической и др.); установление имущества, подлежащего конфискации.

Важно обратить внимание, что деятельность органов внутренних дел именно по раскрытию и расследованию преступлений и иных правонарушений непосредственно отражается на состоянии защищенности конституционных прав и свобод граждан, закрепленных и гарантированных Конституцией РФ. Это свидетельствует и о конституционном содержании такой деятельности, которая предопределяет основные направления и конкретизируется в административной, оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел.

Результативность такой деятельности на практике подтверждается статистическими данными. Так, на расширенном заседании коллегии МВД России 15 марта 2016 года Министр внутренних дел РФ В.А. Колокольцев отметил положительную динамику раскрытия преступлений за последние годы. В 2015 году сотрудниками органов внутренних дел раскрыто свыше 950 тысяч преступлений, в том числе почти 160 тысяч тяжких и особо тяжких. Установлено более 25 тысяч лиц, виновных в их совершении. Выполнен большой объем розыскной работы, установлено



местонахождение более 71 тысячи обвиняемых в совершении преступлений, более 45 тысяч безвестно отсутствующих лиц¹³.

3. Уголовно-процессуальная деятельность также во многом ориентирована на установление и обеспечение правопорядка органами внутренних дел. Рассматриваемая деятельность осуществляется многими органами государственной власти (судами, МВД, ФСБ, СК, ССП), в ней участвуют органы юстиции, прокуратура, иные органы. Органами внутренних дел уголовно-процессуальная деятельность осуществляется посредством предварительного расследования в двух формах: предварительного следствия и дознания.

Конституция Российской Федерации в главе 2 напрямую закрепляет и содержит важнейшие принципы уголовного судопроизводства, имеющие прямое действие, которые нашли отражение в уголовно-процессуальном законодательстве и, безусловно, должны соблюдаться сотрудниками органов внутренних дел при осуществлении процессуальных и следственных действий. В их числе: право на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ); соблюдение подсудности (ст. 47 Конституции РФ); право на получение квалифицированной юридической помощи (услуг защитника) (ст. 48 Конституции РФ); презумпция невиновности (ст. 49 Конституции РФ); недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступление, использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ст. 50 Конституции РФ); право не свидетельствовать против себя и своих близких (ст. 51 Конституции РФ).

Сущность предварительного расследования заключается в получении доказательств и объективном установлении обстоятельств конкретного дела, по результатам анализа которых уполномоченным органом или должностным лицом принимается правоприменительное решение по делу.

Исходя из подпрограммы «Предварительное следствие» Государственной программы РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», основной целью органов следствия является совершенствование деятельности следователей органов внутренних дел по расследованию преступлений. Данная цель достигается посредством решения следующих задач: обеспечение защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; повышение качества и уровня объективности предварительного следствия; возмещение потерпевшим причиненного ущерба; защита личности от незаконного ограничения прав и свобод в ходе предварительного следствия.

По итогам работы органов внутренних дел России в 2015 году отмечено улучшение качества следственной работы, повышение уровня соблюдения законности при её выполнении. На 17% сократилось число лиц, оправданных судами, и на 15% — необоснованно содержащихся под стражей. Уменьшилось

количество отмененных постановлений о возбуждении уголовных дел, а также дел, возвращенных для проведения дополнительного расследования. Вместе с тем значительная часть уголовных дел по-прежнему остаётся нераскрытой. Одной из причин роста числа приостановленных дел является увеличение нагрузки на оперативных работников, следователей и дознавателей¹⁴.

Согласно статистическим сведениям, в январе — марте 2016 года раскрыто 324,3 тыс. преступлений (+6,6%), в том числе 141,9 тыс. — следствие по которым обязательно (+0,5%) и 182,5 тыс. — следствие по которым необязательно (+11,9%). Сотрудниками органов внутренних дел предварительно расследовано 258,7 тыс. преступлений (+8,6%), что составляет 79,8% всего массива предварительно расследованных преступлений, сотрудниками следственных органов Следственного комитета Российской Федерации — 39,1 тыс. преступлений (+2,6%), что составляет 12,0% всего массива, службы судебных приставов — 13,7 тыс. (-4,6%)¹⁵.

4. Организационно-правовая деятельность заключается в проведении организационно-управленческой и правовой работы, направленной на слаженную организацию функционирования и качественную нормотворческую деятельность подразделений органов внутренних дел.

Органы внутренних дел осуществляют подзаконное нормотворчество посредством аналитико-творческой деятельности, направленной на создание, изменение или отмену правовых предписаний в форме принятия нормативных правовых актов (приказов, распоряжений и др.). Ключевую роль играют правовые подразделения, которые осуществляют ведомственное нормотворчество, правовую экспертизу и правовой мониторинг.

По сведениям Договорно-правового департамента МВД России, Министерство не только разрабатывает нормативные правовые акты, но и активно проводит мониторинг практики применения законодательства, регулирующего правоотношения в сфере административного, уголовного, гражданско-правового законодательства, противодействия экстремизму и терроризму, а также участвует в разработке законопроектов, нормативных правовых актов Президента России, Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти¹⁶. Так, в 2011-2015 гг. при участии МВД России принято 485 федеральных законов, 90 актов Президента РФ, 311 актов Правительства РФ и 111 международных правовых документов. Издано 6452 приказов МВД России, в том числе 3900 содержащих нормативно-правовые предписания¹⁷.

Безусловно, такая системная и упорядоченная организационно-правовая деятельность МВД России в целом способствует установлению и укреплению конституционного правопорядка и законности.

Организационная деятельность в основном сводится к четкому выстраиванию работы подразделе-



ний, отбору кадров, расстановке сил и средств, в профессиональной подготовке и обучении сотрудников вопросам организации работы по охране правопорядка и обеспечении безопасности. При осуществлении кадровой политики, руководителям подразделений МВД России следует также исходить и из положений ч.1, 4 ст. 32 Конституции РФ о том, что граждане России имеют право участвовать в управлении делами государства и на равный доступ к государственной службе.

В числе проблем организации нормативно-правовой деятельности органов внутренних дел остаются такие как: обеспечения соответствия ведомственных правовых актов федеральному законодательству и правовым актам, имеющим большую юридическую силу; качества и своевременности правового регулирования; корреляции нормативных предписаний МВД России с предписаниями других правоохранительных структур; недопущение ошибок в нормотворчестве.

Таким образом, сформированная конституционно-правовая основа деятельности полиции продуктивно развивается в действующем законодательстве, а органы внутренних дел являются одним из основных субъектов укрепления и поддержания конституционного правопорядка.

Особое место МВД России в механизме обеспечения правопорядка обусловлено многообразием функций, обширным объемом полномочий, организационно-правовой и территориальной структурой, определенным имиджем для населения, определяющих степень его доверия и общественной поддержки. И несмотря на минимальную конституционную регламентацию, органы внутренних дел являются одним из основных проводников реализации конституционных принципов и ценностей в правоохранительном механизме, включая сферу обеспечения конституционного правопорядка.

1 Шинкарев А.В. Социальный контроль в системе обеспечения правопорядка органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С.15-16.

2 См.: Безруков А.В. Конституционализация правопорядка: сущность, реализация, условия // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 12-14.

3 См.: Безруков А.В. Роль государственных и муниципальных органов власти в механизме обеспечения правопорядка в России // Административное право и процесс. 2016. № 2. С. 17-21. Безруков А.В. Формирование и функционирование конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка органами публичной власти в России: монография. М., 2016.

4 Указ Президента РФ от 5 мая 2014 г. № 300 (в ред. 7 июля 2016 г.) «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) (дата об-

ращ. 18 июля 2016 г.).

5 Федеральный закон от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ (в ред. 3 июля 2016 г.) «О полиции» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http:// обращения 18 июля 2016 г.>

6 Адмиралова И.А. Статус субъектов административной деятельности полиции и проблемы его реализации в сфере обеспечения прав и свобод граждан // Государство и право. 2015. № 8. С. 5-6.

7 Указ Президента РФ от 25 марта 2015 г. № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru). (дата обращения 3 июля 2016 г.).

8 Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: [http:// www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru). (дата обращения 7 июля 2016 г.).

9 Кардашова И.Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук М., 2006. С. 219-220; Сыдорук И.И. Государственно-правовое обеспечение правопорядка в Российской Федерации: монография. М., 2003. С. 99-120.

10 Киричек Е.В. Полиция и институты гражданского общества в организационно-правовом механизме обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: устоявшиеся постулаты, реалии и перспективы взаимодействия: монография. М., 2015. С. 65-75.

11 Бецов А.В., Елагин А.Г., Николаев А.Г. Административно-правовые средства организации деятельности подразделений полиции специального назначения при обеспечении общественного порядка. М., 2014. С. 36-48.

12 Там же. С. 37-44.

13 Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства 15 марта 2016 года. Эл. ресурс: Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/document/7393866/> (дата обращения 21 мая 2016 г.).

14 Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства 15 марта 2016 года. Эл. ресурс: Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/document/7393866/> (дата обращения 21 мая 2016 г.).

15 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-март 2016 года Эл. ресурс: Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7572658/> (дата обращения 5 мая 2016 г.).

16 Доклад о результатах мониторинга правоприменения осуществленного Министерством внутренних дел Российской Федерации в 2014 году. Эл. ресурс: Официальный сайт МВД России. URL: [https:// mvd.ru/document/6723290 /](https://mvd.ru/document/6723290/) (дата обращения 5 мая 2016 г.).

17 Авдейко А. История и современность юридической службы системы МВД России от века ХУ111 — до ХХ1 столетия // Научно-практический альманах МВД России «Профессионал». 2016. № 3. С. 7.



УДК 342.7
ББК 67.92

ЛИЧНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПО КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

ФАРХОД ШАРОФИДИН БОБОНАЗАРЗОДА,

адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин

Академии управления МВД России

Научная специальность: 12.00.02 — конституционное право;

конституционный судебный процесс; муниципальное право

E-mail: farhod080290@mail.ru

Научный руководитель: доктор юридических наук,

профессор И.В. Гончаров

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Представлена общая характеристика личных прав и свобод человека и гражданина согласно Конституции Республики Таджикистан; раскрывается их содержание.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, Конституция Республики Таджикистан, личные права и свободы человека и гражданина.

Annotation. The article gives a general description of the personal rights and freedoms of man and citizen according to the Constitution of the Republic of Tajikistan, and also revealed their contents.

Keywords: the Republic of Tajikistan, the Constitution of the Republic of Tajikistan, the personal rights and freedoms of man and citizen.

В Республике Таджикистан значительную роль в реализации личных прав и свобод человека и гражданина играет их закрепление в Конституции Таджикистана. Личные права и свободы закреплены в действующей Конституции Таджикистана в соответствии важнейшими международными правовыми актами по правам человека. Согласно ст. 5 Конституции Таджикистана личные права и свободы являются неприкосновенной, и в главе, посвященной правам и свободам человека и гражданина, поставлены на первое место.

Личные права и свободы призваны обеспечить свободу, индивидуальную безопасность и автономию каждого человека, его юридическую защищенность от какого-либо незаконного внешнего вмешательства. Действительно, личные права и свободы по своей сущности являются правами и свободами человека, т.е. неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения независимо от наличия прямой связи с государством, например гражданства. Согласно ст. 16 Конституции Таджикистана «иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются провозглашенными правами и свободами и имеют равные с гражданами Таджикистана обязанности и ответственность, за исключением случаев, предусмотренных законом».

Важнейшее из провозглашаемых личных прав – право на жизнь (ст. 18), которое принадлежит каждому. Никто не может быть лишен жизни, кроме как по приговору суда за особо тяжкое преступление.

Необходимо отметить, что согласно закону в Таджикистане смертная казнь де-юре существует, однако в 2004 году на исполнение смертной казни был объявлен мораторий, и с тех пор эта мера наказания не применяется [2]. По данным Бюро по правам человека и соблюдению законности, за период с 2001 по 2003 год было исполнено 133 смертных приговора (2001 год – 68 смертных приговоров; 2002 год – 31 приговор и 2003 год – 34 приговора).

В Таджикистане до объявления моратория на смертную казнь в Уголовном кодексе Республики Таджикистан существовало 44 статьи, предусматривающих наказание в виде смертной казни. После проведения реформы в действующем Уголовном кодексе остались всего пять статей, которые предусматривают наказание в виде смертной казни: убийство при отягчающих обстоятельствах, терроризм, изнасилование при отягчающих обстоятельствах, геноцид, биоцид.

С момента объявления моратория в Таджикистане никто не был казнен. Законодательством Таджикиста-



на предусмотрена альтернатива смертной казни в виде пожизненного заключения.

Согласно Конституции Таджикистана (ч. 3 ст. 18) неприкосновенность личности гарантируется государством. Личная неприкосновенность – это недопустимость вмешательства извне в область индивидуальной жизнедеятельности личности, т.е. индивидуальный образ жизни человека, как в материальном, так и в душевном состоянии, должен быть неприкосновенным. Поэтому в Конституции Таджикистана закреплено, что «никто не может быть подвергнут пыткам, жестокости и бесчеловечному обращению. Принудительные медицинские и научные эксперименты над человеком запрещаются». В примечании к статье 117 Уголовного кодекса Таджикистана (Истязание) дается определение понятия «пытка». Под пыткой в Уголовном кодексе понимается «причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев или иным насильственным способом» [3].

Неприкосновенность личности тесно связана со свободой человека. Конституция Республики Таджикистан устанавливает, что «никто не может быть подвергнут без законных оснований задержанию, аресту» (ч. 2 ст. 19). Арест и содержание под стражей допускаются только в предусмотренных законом случаях и лишь с санкции суда, с предоставлением арестованному права судебного обжалования. Без санкции суда лицо может быть подвергнуто задержанию на срок не более 72 часов. Каждый задержанный, арестованный, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания, ареста или предъявления обвинения. Очевидно, что эти весьма прогрессивные нормы нуждаются не только в законодательном, но и в материальном обеспечении, которое в условиях посттоталитарного общества не всегда бывает возможно реализовать в необходимой мере.

В ч. 1 ст. 22 Конституция гарантирует неприкосновенность жилища, устанавливая, что проникновение в жилище, производство его осмотра и обыска допускаются лишь в случаях и в порядке, установленных законом.

Конституция обеспечивает каждому тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных личных сообщений (ч. 1 ст. 23). В связи с этим каждый имеет право на тайну личных вкладов и сбережений, переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничения этого права допускаются только в случаях и в порядке, прямо установленных законом. Государственные органы, общественные объединения, политические партии и должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность получения и ознакомления с документами, касающимися его прав и интересов, кроме случаев, предусмотренных законом. Гарантия данных прав имеет важное юридическое значение для характеристики отношений государства с человеком, недопустимости незаконного вторжения государства в частную

жизнь и служит критерием личной свободы человека.

Одно из проявлений личной свободы – свобода передвижения и выбор места жительства. Статья 24 Конституции Таджикистана гласит: «Гражданин имеет право на свободное передвижение и выбор места жительства, выезд за пределы республики и возвращение в нее». Представляется сомнительным данное конституционное закрепление, так как Конституция Таджикистана такое право дает только гражданину. Поэтому можно согласиться с мнениями Б.А. Сафарова и А.Х. Юсуфзода, предлагающих предоставление такого права «каждому», и изложить ст. 24 Конституции Таджикистана в следующей новой редакции: «Каждый, кто законно находится на территории Республики Таджикистан, имеет право на свободное передвижение и выбор места жительства, выезд за пределы республики и возвращение в нее. Гражданин Таджикистана имеет право беспрепятственного выезда за пределы республики и возвращения в нее». Использование формулировки «каждый» подчеркивает признание рассматриваемого права за любым человеком – гражданином, иностранцем или лицом без гражданства. Такое добавление свидетельствует о конституционном закреплении широкой возможности, которая в советскую эпоху практически не реализовалась по идеологическим соображениям.

Конституция Таджикистана создает основу правового регулирования отношений, связанных с осуществлением свободы мысли, совести и религии. В статье 1 Конституции устанавливается, что Республика Таджикистан является светским государством. Закрепление этого положения означает, что в Республике Таджикистан никакая религия не может быть установлена в качестве государственной, и, во-вторых, деятельность религиозных организаций отделена от государственной (ст. 8).

Дальнейшее закрепление свобода религии получает в статье 26 Конституции, которая гласит: «Каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, отдельно или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов и обрядов». Таким образом, каждый имеет право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Эти положения Конституции развиваются в Законе Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 марта 2009 года [6]. В данном Законе гарантируется право граждан на свободу совести, определение и выражение своего отношения к религии, на соответствующие этому убеждения, на беспрепятственное исповедание религии и исполнение религиозных обрядов, а также на социальную справедливость и равенство, защиту прав и интересов граждан независимо от отношения к религии и регулируются отношения, связанные с деятельностью религиозных организаций. Кроме того, следует отметить,



что в соответствии с положениями ст. 5 данного Закона государственная система образования отделена от религиозных объединений и носит светский характер.

Статья 19 Конституции Республики Таджикистан гарантирует каждому человеку судебную защиту его прав и свобод. Судебной защите подлежат любые права и свободы, в каком бы документе они ни были закреплены - в конституции, отраслевых законах, в других нормативных или локальных правовых актах. Это следует из смысла части 2 статьи 14 Конституции, согласно которой права и свободы человека и гражданина определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной и местной властей, органов местного самоуправления и обеспечиваются судебной властью. Таким образом, право на судебную защиту имеет универсальный характер.

Судебная защита прав и свобод человека и гражданина означает, что Республика Таджикистан как правовое государство берет на себя обязанность гаранта жизненных ценностей и благ личности. Одной из гарантий конституционного права на судебную защиту является принцип доступности судебной защиты и адвокатской услуги (юридической помощи). Принцип доступности правосудия представляет собой обеспеченную законом возможность беспрепятственно обратиться в суд за защитой своих прав и получить судебную защиту. Необходимо осознать, что оказание адвокатской услуги (юридической помощи), которая является элементом современного правового государства, требует финансирования государством юридической помощи малообеспеченным людям, создания специальных организаций по оказанию бесплатной юридической помощи малоимущим и поиска иных форм оказания бесплатной юридической помощи. Эта обязанность государства вытекает из международно-правового принципа, заключающегося в том, что предоставление квалифицированной юридической помощи должно рассматриваться как обязательство, лежащее на всем обществе в целом, а также вытекает из

ст. 92 Конституции Республики Таджикистан.

Для выполнения этой публично-правовой обязанности Республика Таджикистан располагает законодательной базой и системой правоохранительных органов, к которым относятся также и суды.

Таким образом, можно прийти к выводу, что Конституция Республики Таджикистан устанавливает и определяет содержание каждого личного права и свободы человека и гражданина, и закрепленные в нее личные права и свободы не представляют собой исчерпывающего перечня, так как они в дальнейшем на основе этого конкретизируются в других нормативных правовых актах.

Литература

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (с изм. и доп. от 26 сентября 1999 г. и 22 июня 2003 г.), Душанбе. 2003.
2. О приостановлении применения смертной казни : закон Республики Таджикистан от 15 июля 2004 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2004. № 7. Ст. 452.
3. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года (По состоянию на 15.03.2016 г.).
4. Сафаров Б.А. Закрепление основных прав и свобод человека в Конституции Республики Таджикистан и их соотношение с международными стандартами // Правовая жизнь. Душанбе. 2013. № 1 (01). С. 68.,
5. Юсуфзода А.Х. Права и свободы человека и гражданина: проблемы ограничения в условиях чрезвычайного положения : монография. Душанбе, «Андалеб-Р». 2015. С. 60.
6. О свободе совести и религиозных объединениях : закон Республики Таджикистан от 26 марта 2009 г. (По состоянию на 28.06.2011 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 3. Ст. 82.



УДК 34
ББК 67

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СМЫСЛ ФЕНОМЕНА ПЕРВИЧНЫХ ВЫБОРОВ

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ЧЕРВОНЮК,

*профессор кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru

МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ ЗОТИН,

*адъюнкт кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

E-mail: maksvaismail.ru@rambler.ru

*Научная специальность 12.00.02 — конституционное право;
конституционный судебный процесс; муниципальное право*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Научное осмысление феномена первичных выборов — нового тренда конституционно-правовой жизни России XXI в., утвердившегося в конституционной практике ряда зарубежных стран, внешне сходного и вместе с тем принципиально отличного по своей природе от них — праймериз, отвечает вызовам времени, потребностям развивающегося конституционализма. С позиции доктрины первичные выборы — это обусловленный природой демократического правового государства и принципами избирательного права способ (порядок) выдвижения кандидатов (списков кандидатов) на выборах в органы государственной власти и местного самоуправления. В современных условиях применение данного способа не сводится исключительно к процедуре проведения предварительного внутрипартийного голосования по определению кандидатур для последующего их выдвижения на выборные должности (праймериз). Первичные выборы имеют родовое значение ко всем возможным формам выявления наиболее предпочтительных кандидатов на выборные должности в органы публичной власти. Праймериз не тождественны первичным выборам, являются одной из возможных, хотя и достаточно распространенных, форм их проявления; они отличаются хорошо разработанными процедурами, высокой организацией проведения, профессионализацией, финансово затратны, и в этом смысле под силу преимущественно крупным партиям. В сущностном значении первичные выборы следует рассматривать как: конституционный механизм легитимации всей системы публичной власти, способ усиления представительности парламента (представительных институтов власти), форма прямого народовластия (народовластия), конституционный симптом реализуемости суверенитета народа, конституционный механизм оптимизации выборов, придания им действительного конституционного смысла; фактор развития внутрипартийной демократии и один из важнейших показателей современного партийного государства; вид избирательных технологий, имеющих своим назначением создание у избирателей позитивного образа партии и, в конечном счете, формирование предпочтений перед иными политическими конкурентами; дополнительное к существующим правомочиям избирательного права — право участия в предвыборных выборах на различных его стадиях и одна из дополнительных гарантий права на публичное представительство; способ усовершенствования предусмотренной действующим избирательным законодательством конструкции пассивного избирательного права; пропедевтическую стадию избирательного процесса и важнейшую составляющую избирательной кампании. Отмеченные особенности определяют ценность и конституционное значение первичных выборов.

Ключевые слова: «конгрессиональные кокусы», праймериз, первичные выборы, демократическая сущность первичных выборов, конституционное значение первичных выборов, первичные выборы как факт конституционной действительности России, первичные выборы как предмет политической и конституционно-правовой науки, формы (разновидности) первичных выборов.

Annotation. The scientific understanding of the phenomenon of primary elections — the new trend of constitutional-rights life of Russia in the XXIst century, approving in the constitutional practice of some foreign countries, are superficially similar and yet fundamentally different in nature from them primaries, meets the challenges of the time, the needs of evolving constitutionalism. From the position of the doctrine of the primaries is due to the nature of the democratic legal state and the principles of electoral law method (procedure) for nomination of candidates (lists of candidates) on elections to bodies of state power and local self-government. In modern conditions the use of this method is not confined solely to the procedure of preliminary inner-party voting by definition of nominees for their subsequent nomination for election (primaries). The initial election to have a generic meaning to all possible forms of identifying the most preferred candidates for elective offices in public authorities. Primaries are not identical to prior elections are one possible, although quite common, forms of their manifestation; they differ in well-designed procedures, high organization, professionalization, financial cost, and in this sense is available (under force) primarily for big parties. The essential value of the primary elections should be seen as a constitutional mechanism of legitimation of the entire system of public power, a method of enhancing the representativeness of the Parliament (representative institutions), the form of the people's authority (democracy), the constitutional symptom of feasibility of the sovereignty of the people, the constitutional mechanism of optimization of the elections, giving them a valid constitutional sense; factor in the development of inner-party democracy and one of the most important indicators of modern party of the state; the form of election technologies, which have the purpose of creating among voters a positive image of the party and, ultimately, the formation of preferences over other political competitors; the existing powers of the electoral right — the right to participate in electoral elections, at various stages and one additional to the existing guarantees of the right to public representation; as a way of improving under the current electoral law design passive suffrage; as propaedeutic phase of the electoral process and the most important component of the campaign. These features define a constitutional value and importance of primary elections.

Keywords: «congressional caucus», primaries, primary election, democratic essence of the primary election, the constitutional importance of primary elections primary elections as a fact of constitutional fact of Russia, the primary elections as a matter of political and constitutional-legal science, the form (species) of the primary elections.



Первичные выборы в современной России стали фактом конституционной действительности, постепенно входят в конституционное правосознание не только политических элит, но и той части электората, которая выражает свои симпатии определенным политическим силам и, несомненно, представляют собой новый тренд конституционно-правовой жизни страны в XXI в. В этой связи научное осмысление феномена первичных выборов, утвердившегося в конституционной практике ряда зарубежных стран их разновидности (не аналога) — праймериз, отвечает вызовам времени, потребностям развивающегося конституционализма; внедрение механизма первичных выборов в конституционный процесс России действительно способствует демократизации избирательного процесса, в конечном счете, направлено на обеспечение подлинно представительной природы законодательных органов власти, утверждение реального народовластия как одной из фундаментальных основ конституционного строя современной России.

История проблемы. Прообразом проводимых в современных условиях в России первичных выборов в определенном смысле можно считать праймериз, первоначально утвердившиеся в конституционной практике США, а в последующем получившие развитие в ряде европейских государств, несколько позже — в Италии, Португалии, Болгарии, Израиле и некоторых других странах. В США уже к первой четверти XIX в. праймериз стали применять к выборам практически всех уровней, хотя первоначально праймериз предшествовало применение механизма кокуса. В частности, функцию номинации кандидатов на пост президента Америки выполняли так называемые «конгрессиональные кокусы». Решение о номинации принимали члены соответствующей фракции в Конгрессе США. При этом претендентов от одной партии было несколько, единого кандидата на пост президента партия не выдвигала. Окончательные решения на кокусах принимались множеством участников процесса (таковых было несколько десятков) и притом в «закрытом режиме», кулуарно. В последующем (с 1824 г. и вплоть до начала XX в.) именно партийные съезды (формально, а фактически — партийные «боссы») стали исполнять функцию номинации. Более демократичный номинационный механизм утвердился в период с начала XX в.: принятие решений перешло к миллионам избирателей посредством прямых первичных выборов, хотя участие в «праймериз» для кандидатов не считалось обязательным, к тому же последние введены были не во всех штатах. По справедливому утверждению М. Дюверже, с начала XX века порядок конгрессов Соединенных Штатов был заменен новой системой выдвижения — праймериз, системой совершенно оригинальной, которую по-настоящему невозможно сопоставить ни с какой другой... Вместо избрания кандидатов членами партии, речь здесь идет скорее об избрании их избирателями и симпатизантами¹. Применительно к выборам

президента страны, начиная с 1968 г., система номинации радикально изменилась: «праймериз» становятся единственным способом получения партийной номинации²; именно на праймериз десятки миллионов избирателей принимают решение о том, кто станет кандидатом на пост президента. Соответственно трансформировалась функция национальных съездов партий: теперь они лишь фиксируют выбор, сделанный на первичных выборах.

По своему конституционному смыслу праймериз представляют собой предварительное голосование, предназначенное для выдвижения партией кандидатов на выборах в органы публичной власти. В США, иных англо-американских странах, таким образом представлена довольно значительная группа кандидатов на многочисленные выборные должности, включая не только политические, но и административные и юридические (как известно, в США именно выборным путем осуществляется формирование целого ряда органов местной администрации и юстиции). Внешне технологии праймериз приближены к организации и проведению выборов: праймериз официально организуются публичными властями, как и сами выборы; они проводятся обычно в таких же пунктах для голосования, однако их проведение происходит внутри каждой партии и ее сторонников; в этом случае избиратель выбирает среди кандидатов своей собственной партии того, кто будет представлять партию на выборах³.

В политической лексике современной России используются два термина — «праймериз» и «первичные выборы» или «предварительное голосование»; при этом зачастую они необоснованно используются в одинаковом значении. Подобной позиции придерживаются и авторы немногочисленных работ по данной проблематике⁴. Равным образом и корпоративные документы неизменно именовали такую процедуру как праймериз, хотя первоначально в таких актах речь шла исключительно о внутрипартийном голосовании (если использовать американскую лексику, то — о т.н. кокусе). С 2014 года корпус избирателей при проведении внутрипартийного голосования был расширен, в него стали включать всех «сочувствующих» данной партии; в этой связи наблюдается эволюция и в корпоративных актах партий. Так, согласно пункту 2 Правил проведения праймериз Демократической коалиции ПАРНАС к выборам в Государственную Думу 2016 г.: Утв. решением ЦВК №3 от 15.02.2016 г. «процедура праймериз нацелена на максимально полный учет мнения избирателей — сторонников Демократической коалиции ПАРНАС. Избиратель может проголосовать за кандидатов праймериз либо онлайн (через сеть Интернет) либо оффлайн (в помещениях участковых выборных комиссий)»⁵. Так называемый открытый праймериз со времени проведения предварительного голосования в 2014 г. в Волгоградскую областную думу прочно вошел в практику «Единой России» и наиболее полно реализован партией во вре-



мя их проведения в «супервоскресенье» 22 мая 2016 г.

С позиции доктрины предварительные выборы — это обусловленный природой демократического правового государства и принципами избирательного права способ (порядок) выдвижения кандидатов (списков кандидатов) для участия в выборах в органы государственной власти и местного самоуправления. При этом, как показывает анализ проблемы, первичные выборы не сводятся к внутрипартийному голосованию, в т.ч. к т.н. открытым и общим праймериз. Данный вывод будет правомерным не только применительно к конституционной действительности России новейшего времени, но оказывается совместимым с оценкой праймериз, применяемых, в частности, в США, где уже с начала XX столетия праймериз пришли на смену кокусу (внутрипартийным закрытым выборам)⁶ и прочно утвердились в конституционной практике этой страны. Таким образом, первичные выборы имеют родовое значение ко всем возможным формам выявления наиболее предпочтительных кандидатов на выборные должности в органы государственной власти и местного самоуправления. С этой точки зрения праймериз не тождественны первичным выборам, являются одной из возможных, хотя и достаточно распространенных в ряде зарубежных стран (в последние годы — и в Российской Федерации), форм их проявления. Можно сказать, что праймериз — это первичные выборы «по американскому образцу»: они отличаются хорошо разработанными процедурами, высокой организацией проведения, или профессионализацией, финансово затратны, и в этом смысле под силу преимущественно крупным партиям⁷.

Анализ проблемы в контексте доктрины и практики современного конституционализма позволяет сформулировать ряд положений, указывающих на особенности и конституционную ценность (значение) первичных выборов.

Во-первых, первичные выборы следует рассматривать как конституционный механизм легитимации всей системы выборных органов публичной власти, в особенности федеральных и региональных органов законодательной власти. Легитимность — это то качественное условие, которое обеспечивает признание народом предпринимаемых властью действий⁸; идеальные условия для легитимации власти возникают в условиях т.н. консенсусного типа конституционного устройства. Основу легитимности публичной власти составляет доверие избирателей к публично-правовым институтам и, в частности, доверие к выборам как механизму воспроизводства всей системы публичной власти в стране. Именно данное обстоятельство, по свидетельству зарубежных исследователей (директора московского представительства Международного Республиканского Института д-р Ли Питерсона) явилось определяющим фактором для введения праймериз в США; с этих же позиций существующие в американской избирательной систе-

ме, лежат в сфере восприятия, а не технологий. Необходимость восстановить доверие к избирательной системе — суть основной довод в пользу введения «primaries» в США. Именно для восстановления доверия избирателей, равно как для обеспечения большей прозрачности избирательного процесса, в США, в начале XX в. (1904 г.), впервые была применена практика первичных выборов.

Следовательно, конституционная ценность первичных выборов обусловлена нуждаемостью политических сил страны, точнее сказать, всей политической системы, в существенном повышении уровня легитимности избирательной системы в контексте более широкого распространения демократических процедур, усиления обратной связи власти и общества, преодоления отчуждения избирателей от избираемых во властные структуры.

Во-вторых, первичные выборы представляют одну из форм прямого народовластия (народовластия), показатель действенности (реализуемости) народного суверенитета. Свободные выборы, как и референдум, являются высшим непосредственным выражением власти народа (ч. ст. 3 Конституции РФ). Народный суверенитет, или верховная власть народа, — по утверждению одного из «отцов-основателей» американской Конституции, это «управление народа, народом и в интересах народа»; народ осуществляет свое изначальное право на самоуправление и является непосредственным источником политического авторитета (of the people), причем последний выражается народом (by the people) и конституируется ради благ народа (for of the people)⁹. Из суверенитета народа органично вытекает базовая идея (фундаментальный принцип, или основа, демократического государственного устройства) народного (общенационального) представительства — конституционно признанный механизм соединения носителя власти, или всего общества с легитимно установленной системой публичного управления — государством и его агентами (связь системы правления и конституционного способа властвования). Феномен народного суверенитета есть воплощение двух начал — непосредственного и представительного правления. Каждое из этих начал не существует в отрыве друг от друга, недооценка одного из них одновременно означает уменьшение суверенитета народа в целом; делегация власти всегда осуществляется непосредственно и дискреционно «собственником» власти, каковым является народ. Преследуя в конечном счете цель формирования представительной по своей конституционной природе публичной власти, первичные выборы тем самым служат инструментом реализации суверенитета народа, конституционным «симптомом» его действительности. То обстоятельство, что первичные выборы организуют и проводят политические партии не меняет их сути. Если политическая партия, как это следует из положений пункта 1 ст. 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических парти-



ях» «создается в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли...», то выраженная на первичных выборах воля избирателей должна выступать основой всех партийных решений. Именно в этом случае политическая партия может претендовать на то, чтобы выступать важнейшим институтом народного (общенационального) представительства.

В-третьих, ценность первичных выборов заключается в том, что они представляют собой механизм оптимизации выборов, придания им действительного конституционного смысла. В указанном смысле первичные выборы обеспечивают: (1) соединение избирателей с избираемыми и тем самым способствуют диалектическому сочетанию непосредственной и представительной форм народовластия (демократии). Выборы в этом случае гарантируют носителю власти сделать осознанный им выбор, не полагаясь исключительно на позицию его политических агентов (политических партий) и руководствуясь собственным конституционным правосознанием; (2) первичные выборы выступают в роли механизма, стимулирующего участие избирательного корпуса страны в выборах. В этой связи, усиливая интерес избирателя к процедуре формирования списка кандидатов на выборные должности посредством непосредственного его вовлечения в этот процесс, первичные выборы тем самым способны оказывать существенное влияние на снижение уровня абсентеизма, остающегося достаточно высоким в современных условиях и снижающим вследствие этого ценность самих выборов. Таким образом, первичные выборы одновременно способствуют демократизации, и рационализации выборов как одной из высших форм прямой демократии.

В-четвертых, первичные выборы следует рассматривать как способ усиления представительности парламента (представительных и законодательных институтов власти в России). Представительный характер законодательной власти проистекает из народного суверенитета как важнейшей основы современного конституционного строя. Высшей формой народного представительства, безусловно, является парламент, призванный быть общенациональным институтом выражения общих интересов и «совокупной» воли всех граждан страны. Парламент, как это следует из многочисленных постановлений Конституционного Суда РФ — это «орган, имеющий мандат народа»¹⁰, орган, «представляющий народ России»¹¹. С рассматриваемых позиций покушение на представительную власть, воплощенную в парламенте, есть покушение на народный суверенитет и демократию. Суверенитет всегда говорит о праве на представление определенной воли и о пределах обязательности этой воли для соответствующих субъектов и тем самым непосредственно служит социальным и правовым основанием для законодательства. Поскольку

народное (общенациональное) представительство — единственный легитимный способ образования общей воли народа, или всеобщего согласованного интереса, выступающего фактической основой всякого закона (правотворческого решения), то непредставительность законодательного органа власти означает невозможность им осуществления своего главного предназначения — адекватно представлять в принимаемых им законодательных решениях волю и интересы граждан.

Таким образом, первичные выборы усиливают присутствие носителя власти в механизме воспроизводства власти уже в начальной стадии парламентских и иных выборов, в конечном счете, легитимируют их результаты, придают им действительно представительный характер и конституционное качество свободных выборов.

В-пятых, первичные выборы следует рассматривать как легитимный способ модификации избирательной системы. Как можно считать уже доказанным, основой современной избирательной системы демократического государства являются, по меньшей мере два постулата, приобретшие характер конституционных аксиом: (1) в ходе выборов должна быть обеспечена возможность непосредственного выражения воли народа и (2) воля народа должна получать адекватное отражение в результатах выборов. Реализации этих фундаментальных положений демократического здания современного государства призвана служить избирательная система. Как известно, особенность пропорциональной избирательной системы, применяемой в том числе на парламентских выборах в Российской Федерации, заключается в том, что избираемые и избиратели определенным образом дистанцированы друг от друга. Применительно к конституционной действительности России сложность проблемы видится в том, что на выборах применяется т.н. классическая система пропорционального представительства с использованием «жестких», или закрытых списков, соответственно избиратели отвлечены от процедуры формирования списков кандидатов. Использование механизма первичных выборов позволяет, законодательно, не изменяя пропорциональной модели выборов, существенно модифицировать систему пропорционального представительства, усилить ее демократический потенциал. При этом речь идет не о процедуре оптимизации выборов, к тому же имеющей сугубо технико-технологическую сторону, а об использовании совершенно иной парадигмы формирования списка кандидатов, сопряженной с привлечением избирателей к данной процедуре. По мнению исследователей избирательного права Израиля, только введение в стране по американскому образцу системы промежуточных выборов в партиях («праймериз») сделало возможным и реальным участие рядовых в процедуре составления списков. Применение данной процедуры, по заключению экспертного сообщества, заметно изменило политико-правовую жизнь



Израиля, способствовало обновлению политической элиты, демократическому обновлению парламента. Отмечается, что в отдельные годы в Кнессет приходят в среднем около 40% новых депутатов, что оказывает прямое воздействие в т.ч. на партийную систему страны¹².

Таким образом, сложившуюся в странах демократии практику применения различных форм усовершенствования пропорциональной системы (к примеру, использование «полужестких», открытых или свободных, «мягких» списков кандидатов) дополняет механизм первичных выборов — демократическая процедура отбора кандидатов, позволяющая в определенной мере «сблизить» представленных в списке кандидатов и собственно избирателей, и тем самым непосредственно воздействовать как на представительный характер парламента, так и самой избирательной системы.

В-шестых, применение процедуры первичных выборов способствует развитию внутрипартийной демократии — одного из важнейших показателей современного партийного государства¹³. Отмеченный вывод напрямую связан с представительной формой правления: партии обеспечивают неразрывную связь между народом и представительным механизмом правления¹⁴; политическая партия выступает как институционализируемая организация представительства интересов социальных сил общества. Учитывая то обстоятельство, что демократия в стране и демократия внутри партий — особенно внутри правящей партии — тесно связаны друг с другом, то внедрение инновационных механизмов внутрипартийной демократии, несомненно, имеет важное конституционное значение.

В-седьмых, первичные выборы следует рассматривать и как вид избирательных технологий, имеющих своим назначением создание у избирателей позитивного образа партии и, в конечном счете, формирование предпочтений перед иными политическими конкурентами.¹⁵ Использование первичных выборов, несомненно, рационализирует характер проводимых выборов: устраняет возможность дублирования голосов избирателей за кандидатов от одной политической партии, формирует готовность избирателя отдать свой голос в день выборов за кандидата (список кандидатов), прошедшего апробацию и получившего доверие избирателей и пр. В то же время технологическую сторону феномена первичных выборов нельзя переоценивать. Усовершенствование приемов использования техники проведения выборов в ущерб их содержательной стороне может привести к деформации понятия свободных выборов, искажению действительного волеизъявления избирателей, в конечном счете, к приданию выборам де факто недействительного характера¹⁶.

В-восьмых, первичные выборы — это дополнительное к существующим правомочиям избирательного права — право участия в предвыборных выборах

на различных его стадиях и одна из дополнительных к существующим гарантий права на публичное представительство. Первичные выборы, несомненно, расширяют зоны действия активного и пассивного избирательного права. Ценность первичных выборов усматривается в том, что они способствуют усовершенствованию предусмотренной действующим избирательным законодательством конструкции пассивного избирательного права. Значимость этого состоит в том, что в оценке представителей экспертного сообщества действующее законодательство чрезмерно ограничивает пассивное избирательное право, способствуя возникновению ситуации, при которой гражданин по не зависящим от него причинам не может реализовать свое право быть избранным в органы публичной власти. Как следует из правовых позиций Конституционного Суда РФ, такое положение дел недопустимо и ведет к утрате самого содержания права¹⁷. По смыслу установления части 2 ст. 55 Конституции РФ это означает ни что иное как отмену основного права¹⁸. Первичные выборы, расширяя конституционные возможности правопользователей, в некоторой степени компенсируют издержки избирательного законодательства, не отражающего своим содержанием всего спектра возможностей носителей активного и пассивного избирательного права, в частности, они выступают для граждан дополнительной гарантией быть выдвинутым в составе партийного списка или в одномандатном избирательном округе от той политической партии, которая организует и проводит предварительные выборы.

В-девятых, первичные выборы одновременно можно оценивать как пропедевтическую стадию избирательного процесса и важнейшую составляющую избирательной кампании. Избирательная кампания имеет вполне определенные, установленные законодательством сроки проведения. Реализация всего предвыборного замысла в такие сроки крайне затруднительна, что в особенности касается вновь возникающих политических партий. Ценность предвыборных выборов в данном случае состоит в том, что они позволяют партии на вполне законных основаниях расширить границы избирательной кампании, начав ее задолго до того юридического факта, с которым обычно связывают начало избирательной кампании (т.е. с момента регистрации кандидатов, списков кандидатов).

1. Дюверже М. Политические партии / Пер. с франц.-М.: Академический Проспект, 2002. С. 439.

2. Бородин, В. А. Первичные выборы в политической системе США: Автореф. дис. ... канд. полит. наук.- М., 2005.

3. Дюверже М. Политические партии / Пер. с франц.-М., 2002. С.437.

4. См., например: Аксенов Ю.М. Предварительное партийное голосование: конституционно-правовые проблемы. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012. С. 9 — 10; Аксенов Ю.М., Попова О.Н. Праймериз: исторический опыт, реалии и перспекти-



вы (монография).- М. ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012.- С. 67; Величинская Ю.Н. Праймериз: демократическая ценность, проблемы применения в отечественной избирательной практике, перспективы институционализации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8.

5. В этой же связи вряд ли обоснованно считать кокусы разновидностью праймериз (Ю.М. Аксенов), хотя, конечно, последние более чем за 100 лет видоизменялись, представляя в новейших условиях модели наиболее рациональных технологий определения результатов отбора кандидатов — т.н. «мажоритарные» и «пропорциональные» праймериз; соответственно «праймериз лазеек» и «бонус-праймериз» фактически утратили свое значение. Одновременно с этим порядок предварительного отбора кандидатов существенно демократизировался. Кокус же, образца второй половины XIX в., имел принципиально иное значение. По утверждению В.Я. Острогорского, «кокус сгруппировал вокруг себя только партийных ханжей и истериков. Громадная народная масса осталась вне его, погруженная в апатию и безразличие.[...]» (Острогорский М. Я. Демократия и политические партии // Цит. по: Червонюк В.И. Антология конституционных учений. 3-е изд., дополн. : Книга первая / Червонюк В. И., Назарова И. С., Шапкина Е. и др. — [под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. В. И. Червонюка]. М., 2016.- С. 347).

6. Вполне возможно, если исходить из основных идеологических постулатов партии, что именно это обстоятельство — чрезмерная затратность акции — является основным аргументом КППРФ против использования праймериз для выявления наиболее достойных кандидатов на выборные должности.

7. При оценке природы легитимности зарубежные исследователи выделяют ее «эмпирическое» и «нормативное» понимание: эмпирический подход означает фактическое принятие общественных порядков (правил и структур); при нормативном же подходе речь идет о приемлемости, т.е. о том, при каких условиях имеются убедительные основания признать принимаемые общественные порядки (правила и структуры) как оправданные. С точки зрения установления правил это означает, что ... свод правил лишь в том случае легитимен, когда процесс установления правил соответствует определенным нормативным требованиям» (K. Dingwerth. Die Legitimität globaler Politiknetzwerke. Erscheint in: Unternehmen in der Weltpolitik: Politiknetzwerke, Unternehmensregeln und die Zukunft des Multilateralismus, hg. v. Tanja Brühl, Heid Feldt, Brigitte Hamm, Hartwig Hummel und Jens Martens. Bonn: Dietz Verlag, 2004). «Нормативная структура политической легитимности» представлена в работах известного британского политолога Дэвида Битэма (David Beetham): (1)

власть соответствует принятым или установленным в обществе правилам; (2) эти правила оправданы путём ссылки на веру, которую разделяют управляемые и управляющие; (3) имеются доказательства согласия на существующие отношения власти.

8. Цит. по: Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. — М.: Весь мир, 2000.

9. См.: Собрание законодательства РФ. 1997. № 20. Ст. 2383.

10. О толковании статей 103 (часть 3), 105 (части 2 и 5), 107 (часть 3), 108 (часть 2), 117 (часть 3), и 135 (часть 2) Конституции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. № 16. Ст. 1451.

11. См.: Greilsammer J. Reflexions sur le Système électoral israélien. Paris, Seuil, 1997. P. 75 // Цит. по: Современное зарубежное избирательное право: коллект. монография / под ред. А.Г. Орлова, Е.А. Крамянской / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. конст. права.- М. : МГИМО-Университет, 2013.- С. 308.

12. О понятии и значении партийного государства в различных его контекстах см.: Червонюк В.И. Теория государства и права. Учебник. М., 2009. С. 237; Червонюк В.И., Курбанов Б.М. Фракционная структура современного парламента // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9С.160-164.

13. Шаран П. Сравнительная политология. М., 1992. Ч. 1. С. 25; Ч. 11.. С. 204; Хейвуд Эндрю. Политология: Учебник для студентов вузов / Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова В.Ю. Бельского.- М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.

14. В указанном смысле праймериз рассматривается в качестве «одной из «современных», формально не являющихся незаконными технологий предвыборной агитации» (см., например: Волков В.Э. Предварительное голосование (праймериз) как технология предвыборной агитации // Основы экономики, управления и права. 2014. № 4 (16). С. 137 — 139).

15. Можно предположить, что именно это обстоятельство имел в виду руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе, оценивая предварительное голосование 22 мая 2016 г. следующим образом: ««праймериз конкурентов является сугубо политтехнологической мерой».

16. См., например: абзац четвертый пункта 3 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 30.X.2003 г. № 15-п (Собрание законодательства РФ. 2003. № 44. Ст. 4358); абзац пятый пункта 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 22.06.2010 г. № 14-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 27. Ст. 3552).

17. См.: Червонюк В.И.



УДК 34.347
ББК 67.304

ЭМАНСИПАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН, ПРЕБЫВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

ЮЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА РЕПНИКОВА,

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградской академии МВД России

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право,

предпринимательское право, семейное право, международное частное право

E-mail: repnikova.iulia@yandex.ru

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент С.Б. Цветков

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрена эмансипация иностранных граждан пребывающих на территории России.

К сожалению, на сегодняшний день, проблемы пребывания иностранцев в России, в основном, пытаются решать средствами конституционного и административного права. В гражданском праве, как и в частном, вообще, к этой теме авторы практически не обращаются и частноправовыми методами возникающие проблемы не исследуют. Пребывание этих людей в нашей стране, сложности их социальной адаптации, экономическая неустроенность порождает множество проблем. Существенным образом обострились вопросы определения пределов юридических возможностей приобретения и осуществления указанными лицами субъективных прав в самых разнообразных областях социально-экономической жизни. Это связывается не только с их обустройством и легализацией на территории нашей страны. Не меньше проблем и в вопросах участия иностранных граждан в гражданском имущественном обороте, совершении сделок, осуществлении вещных и семейных прав, реализации права на занятие предпринимательской деятельности и иных.

Ключевые слова: эмансипация, иностранные граждане, физическое лицо, дееспособность, несовершеннолетние иностранные граждане, личный закон.

Annotation. The article is devoted to the emancipation of foreign citizens staying on the territory of Russia.

Unfortunately, today, the problem of stay of foreigners in Russia, mainly trying to solve by means of constitutional and administrative law. In civil law, as in private, in General, to this topic, the authors almost do not apply to private-law methods, the problems are not examined. The stay of these people in our country, the complexity of their social adaptation, economic instability has caused many problems. Significantly deteriorated, the determination of the limits of legal possibilities for the acquisition and implementation of specified persons subjective rights in various fields of economic and social life. It is associated not only with their arrangement and legalization on the territory of our country. Not less problems and issues of participation of foreign citizens in civil property by turnover, transactions, implementation of proprietary and family rights, the realization of the right to engage in entrepreneurial activities and other.

Keyword: emancipation, foreign citizens, natural person, legal capacity, minors, foreign nationals, personal law.

Ряд физических лиц — граждан иностранных государств, пребывающих на территории Российской Федерации, являются несовершеннолетними, а также ограниченно дееспособными или вовсе недееспособными по их личному закону.

Так же несовершеннолетние иноземцы могут не отвечать требованиям момента возникновения полной дееспособности по закону страны пребывания (России), либо, напротив, являясь дееспособным по закону РФ, не обладая ею в соответствии с требованием личного закона страны гражданства.

В то же время лица, обладающие полной дееспособностью,

как по закону страны своего гражданства, так и по закону РФ могут быть ограничены в дееспособности или, даже, быть признанными недееспособными. Это происходит по тем же основаниями и с применением процедуры, установленными гражданским законодательством нашей страны [1].

Предметные поводы кондемпации иностранной персоны недееспособным предусмотрены нормами статьи 29 ГК РФ, а ограничения его дееспособности — статьей 30 ГК РФ. Процессуальный порядок совершения этих действий определяется положениями главы 31 ГПК РФ.



Дуализм правового положения, касающегося определения уровня и вида не граждан России, требует некоторых пояснений и разрешения ряда вопросов.

Прежде всего, нас интересуют гражданские состояния иностранцев, пребывающих в РФ, когда за ними следовало бы признавать наличие наступления полной дееспособности при арелфлексии стандартных начал ее возникновения, установленных нашим законодательством. То есть об исключениях из общих правил. Это возникновение полной дееспособности в силу эмансипации несовершеннолетнего, а также о снижении брачного возраста и ее признании со времени «вступления такого лица в брак». В настоящей статье мы остановимся на одной, из них, эмансипации.

К сожалению, явление эмансипации несовершеннолетних иностранных граждан, пребывающих на территории России, практически не исследуется средствами науки гражданского права. Существующая правовая практика, в этих вопросах, так же не значительна [2]. Это касается всего круга возникающих проблем. Сделкоспособности, вопросов имущественной ответственности за собственные действия, иных аспектов правового поведения, включая и определение личного правового состояния указанных физических лиц. Не много внимания разрешению этих проблем уделяет и договорная деятельность нашей страны в области международного частного права.

Есть точка зрения, что причины, правила и итоги эмансипации несовершеннолетних не граждан РФ, находящихся на ее территории, должны формироваться в соответствии с личным законом такого физического лица. При этом подчеркивается, что эмансипация, осуществленная в стране гражданства и по судебной процедуре соответствующего государства достаточна. И такого рода последствия должны признаваться российскими судами и не требует отдельного судебного исследования [3].

Вид дееспособности несовершеннолетнего и его эмансипация тесно связаны между собой, поскольку освобожденный от родительского, усыновительского или попечительского надзора подросток приобретает всю совокупную возможность самостоятельного правоосуществления в соответствии со своим интересом. Дееспособность иностранца устанавливается его личным законом. Это позволяет утверждать, что за известным исключением правила заключения сделки для не гражданина, пребывающего на территории России, в вопросах своего правового поведения он руководствуется личным законом. Конечно, при условии, что такое лицо не ограничено или не лишено дееспособности, что дозволено совершить в его отношении по российскому законодательству при условии наличия соответствующих правовых оснований и соблюдении надлежащей юридической процедуры [4].

Однако это правило не является универсальным и применимо только к тем иностранцам, которые кратковременно или незаконно пребывают на территории нашей страны, а место его нахождения не является ме-

стом его пребывания. Понятно, что при таком состоянии эмансипация несовершеннолетнего лица в принципе не возможна по российскому законодательству.

Если же несовершеннолетний иностранец зарегистрирован в качестве лица, временно или постоянно пребывающего на территории РФ, то его личным законом является закон нашей страны.

Это позволяет утверждать, что эмансипация несовершеннолетнего иностранного гражданина, проживающего на территории РФ временно или постоянно, может быть осуществлена только по основаниям и процедуре, предусмотренным российским законодательством [5].

Таким образом, несовершеннолетний иностранец, прибывавший на территорию России для проживания, должен быть эмансипирован в соответствии с требованиями российского законодательства даже при условии, что ранее он был эмансипирован по процедуре страны его гражданства. Естественно, что из этого правила могут быть исключения, которые связаны с деятельностью нашей государства в области договорного международного частного права.

Это правило разрешает массу вопросов надлежащего правового поведения эмансипированного иностранца, в том числе и при совершении сделок. Иным образом эта проблема вырисовывается в случаях, когда эмансипированный, по личному закону, иностранный гражданин не имеет места жительства в РФ в силу того, что он находится на ее территории кратковременно, незаконно, а также проживает на территории посольства или консульства.

Поскольку такое лицо является эмансипированным, а значит и полностью дееспособным по его национальному законодательству, то оно должно признавать таковым и на территории РФ до тех пор, пока не зарегистрирует свое место жительства в соответствии с требованиями нашей правовой процедуры. При этом сам факт достижения им возраста восемнадцати лет автоматически влечет за ним признание дееспособного лица, и факт его национальной эмансипации утрачивает свое значение. За известным исключением.

Проблема видится в нерешенности российским законодательством последствий совершения сделок и совершения иных, юридически значимых, действий, которые могут быть совершены и совершаются гражданами с иностранной дееспособностью, вообще, и эмансипированными, в частности.

В какой-то степени, в отношении лиц, эмансипированных по национальному законодательству и не проживающих, но пребывающих, на территории РФ эта проблема может решаться не только гражданско-правовыми, но и административными средствами. В целях определения действительного юридического состояния физического лица — иностранного гражданина, необходимо установить регистрацию этого акта компетентным государственным актуариусом. Естественно, что такая регистрация необходима не всегда, а при совершении сделок или иных, юриди-



чески значимых действий, которые имеют важное значение. Например, действия, подлежащие государственной, административной или специальной регистрации, требующие нотариального удостоверения, обязательной письменной формы, превышающую определенную денежную сумму, акты, изменяющие личное правовое состояние физического лица и тому подобное [6].

Санкционирование факта эмансипации таких лиц могло бы осуществляться на основании решения иностранного суда должностными лицами органов записи актов гражданского состояния, или иными. Органы ЗАГСа могли бы рассматривать те юридические поводы, по которым национальные юрисдикционные органы осуществляли эмансипацию своих несовершеннолетних граждан, на предмет их противоречия российскому законодательству, на основании которых российские администрации осуществляют эмансипацию российских граждан, а также иностранцев, проживающих на ее территории.

Если будут возникать коллизии материального или процессуального права, которые имеют существенное значение для стабильности правопорядка, установленного в РФ, то они должны трактоваться в пользу российского законодательства. Такого рода сделки, а также иные, юридически значимые действия, должны совершаться по правилам нашего законодательства. Это могло бы иметь положительное значение и для тех несовершеннолетних иностранцев, которые были эмансипированы по национальному законодательству, но впоследствии прибыли на территорию России для проживания и проживают здесь.

Предлагаемая процедура могла бы определять общий порядок юридического поведения эмансипированных иностранных граждан, и быть универсальным, кроме случаев, когда иной порядок был бы установлен международным законодательством, к которым присоединилась РФ [7].

Возможно, назрела необходимость внесения в пункт 3 статьи 1197 ГК РФ, дополнив его частями второй и третьей следующего содержания:

«Эмансипация физического лица определяется его личным законом. Основания, по которым физи-

ческое лицо эмансипировано по его личному закону, не должны противоречить основаниям эмансипации, установленным российским законодательством.

Факт и последствия эмансипации физического лица, прибывшего в Российскую Федерацию, определяется в порядке, установленном постановлением Правительства Российской Федерации».

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) «Собрание законодательства РФ», 03.12.2001, N 49, ст. 4552. п. 3 ст. 1197.
2. Медведев И.Г. Международное частное право и нотариальная деятельность (2-е изд.) — М.: Волтерс Клувер, 2005. (Серия «Библиотека нотариуса» / Фед. нотар. палата России, Центр нотар. исслед.).
3. Комментарий к гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) (под ред. Г.А. Жилина) (изд. 2-е, переработанное и дополненное). Ст. 415 ГПК РФ. — М.: ТК Велби, 2004 г. (мнение высказано К.И. Худенко).
4. Репникова Ю.В. Гражданская правоспособность иностранцев, пребывающих на территории Российской Федерации, и особенности ее осуществления. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук/Волгоградская академия МВД России. Волгоград, 2006.
5. Репникова Ю.В. К проблеме правовой природы правоспособности иностранных граждан. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2006. № 3.
6. Репникова Ю.В. О правоспособности дееспособных физических лиц в современной доктрине гражданского права. Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4.
7. Репникова Ю.В. Гражданство и правосубъектность физического лица. Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7.



УДК 341.9
ББК 67.412.2

ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ ПРИНЦИПА АВТОНОМИИ ВОЛИ СТОРОН В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ

ДИНА ПАВЛОВНА СТРИГУНОВА,

*кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой предпринимательского
и трудового права Государственного университета управления,
Научная специальность 12.00.03 — гражданское право,
предпринимательское право, семейное право,
международное частное право
E-mail: dina_str@list.ru; dina.str@hotmail.com*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Выявлены пределы действия принципа автономии воли сторон в правовом регулировании международных коммерческих договоров.

Ключевые слова: автономия воли, пределы действия принципа автономии воли сторон, международный коммерческий договор.

Annotation. The purpose of this article is to identify the limits of the principle of autonomy of the parties in the legal regulation of international commercial contracts.

Keywords: party autonomy, limits of the principle of autonomy of the parties, international commercial contract.

Автономия воли является основополагающим принципом частного права, где она понимается как свободное усмотрение участников частнопровых отношений, означающее их способность и возможность самостоятельно и свободно формировать и проявлять свою волю, в том числе при заключении договоров. В области международного частного права (далее — МЧП) и применительно к международным коммерческим договорам автономия воли предстает в качестве основополагающего коллизивно-правового принципа, означающего возможность для его участников выбирать право, регулирующее такие договоры. Указанный принцип имеет пределы своего применения, о которых речь пойдет далее.

Прежде всего, действие принципа автономии воли сторон в правовом регулировании любых договоров, осложненных иностранным элементом, ограничивается сферой действия обязательственного статута, т.е. кругом вопросов, на которые распространяется применимое право¹. Тем самым сфера действия обязательственного статута международного коммерческого договора является пределом действия

права, регулирующего указанный договор, в том числе избранного его сторонами, и в целом может рассматриваться как ограничитель принципа автономии воли сторон, связанный со сферой действия применимого к договору права.

Реализация сторонами международного коммерческого договора выбора применимого к их договору права допускается лишь в форме соглашения о выборе применимого к их договору права. Указанное соглашение возможно в двух видах: оговорка о применимом праве, включенная в текст договора, либо отдельное соглашение о применимом праве². При этом внутри этих видов возможны различные вариации соглашения о применимом праве, включая ссылку сторон международного коммерческого договора на какой-либо документ, содержащий условие о применимом праве и т.д.³. Необходимость заключения соглашения о выборе права также может считаться своего рода ограничителем действия принципа автономии воли сторон, поскольку без заключения такого соглашения выбор права признается судом не состоявшимся.



Как известно, форма выбора права сторонами международного коммерческого договора может быть прямой и подразумеваемой («молчаливой»). В соответствии с законодательством по МЧП некоторых стран допускается только прямо выраженный выбор применимого к договору права (ГК Перу, ст. 24 Закона Турции о МЧП 1982г.)⁴. Невозможность осуществить молчаливый выбор права может рассматриваться как одно из ограничений применения принципа автономии воли сторон, связанное с формой выбора применимого права.

В большинстве же международных и национальных правовых и иных нормативных актах по МЧП подразумеваемый выбор права также является допустимым⁵. Подобное правило отсутствует в Модельном Гражданском кодексе СНГ (далее — Модельный ГК СНГ⁶), однако в законодательных актах по МЧП зарубежных стран Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) оно встречается (п. 2 ст. 1112 ГК Республики Казахстан⁷, п. 2 ст. 1124 ГК Республики Беларусь⁸, п. 5 ст. 1284 ГК Республики Армения⁹). В то же время ГК Кыргызской Республики¹⁰ такой нормы не содержит, повторяя положения Модельного ГК СНГ.

В отечественном законодательстве по МЧП правило о возможности осуществления как прямого, так и подразумеваемого выбора права закреплено в п. 2 ст. 1210 ГК РФ¹¹. При этом в РФ еще в советское время сложилась арбитражная практика применения как выраженной, так и подразумеваемой воли¹². Данное правило длительное время применяется в деятельности международного коммерческого арбитражного суда (МКАС при ТПП РФ)¹³. Аналогичным образом указанный вопрос решается в отечественных арбитражных судах¹⁴.

В тех случаях, когда законодательство допускает осуществление подразумеваемого выбора права, возникает вопрос о признании того или иного выбора в качестве такового. На этот счет в доктрине высказываются различные мнения¹⁵. Представляется, что подразумеваемым выбор является в тех случаях, когда, например: предшествующая деловая практика сторон (заведенный порядок) по ранее заключенным договорам содержит указание на применимое право, которое отсутствует в данном договоре; стороны ссылаются на документы, содержащие условия о применимом праве; стороны используют стандартные формы, содержащие указание на конкретную правовую систему, которой должен регулироваться международный коммерческий договор; при формулировании прав и обязанностей сторон международного коммерческого договора стороны используют выражения и термины, свойственные определенной правовой си-

стеме; стороны обмениваются процессуальными документами и обосновывают свои требования на основе одного и того же права и т.д. В отличие от западной доктрины¹⁶, в отечественной доктрине¹⁷ и судебной практике¹⁸ сложилось правило, в соответствии с которым выбор сторонами договора суда или арбитража сами по себе не означают выбора применимого к договору права. Правило «кто выбирает суд, тот выбирает и право» представляет собой ограничение применения принципа автономии воли сторон, связанное с выбором суда/арбитража, предопределяющего *lex contractus*. В целом, необходимость совершения достаточного определенного выбора применимого права в установленных законом формах также может рассматриваться как ограничение принципа автономии воли сторон.

Международное и национальное право исходят из того, что выбор применимого к международному коммерческому договору права может быть сделан при его заключении либо в последующем (например, п.1 ст. 1210 ГК РФ, п. 1 ст. 1224 ГК Республики Беларусь, п. 3 ст.1284 ГК Республики Армения, п. 3 ст. 1198 ГК Кыргызской Республики и т.д.). Единственное временное ограничение выбора применимого права связано с тем, что такой выбор должен быть сделан до момента рассмотрения спора по существу, а точнее до момента совершения сторонами первых заявлений по существу спора.

В этой связи представляет интерес правило, сформулированное Верховным судом КНР, приведенное в диссертации О.Ю. Малкина. В соответствии с этим правилом, «если стороны не избрали применимое право, то перед рассмотрением дела суд должен им предоставить возможность такого выбора»¹⁹. В действительности подобное правило способно значительно облегчить деятельность суда или международного коммерческого арбитража и могло бы быть взято на вооружение отечественным правоприменителем.

Ряд международных и национальных правовых актов в области МЧП содержат норму о возможности модификации ранее сделанного выбора права. Подобная норма содержится, например, в ст. 8 Межамериканской конвенции о праве, применимом к международным контрактам, 1994г., п.2 ст. 7 Гагской конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, 1986г., п. 2 ст. 3 Регламента «Рим I», п.3 ст. 2 Гагских принципов по выбору права к международным коммерческим договорам 2015г., п. 3 ст. 116 Швейцарского Закона о МЧП 1987г., п. 3 ст. 1284 ГК Армении, п.3 ст. 1198 ГК Кыргызской Республики.



Ст. 1210 ГК РФ специальных положений на этот счет не содержит, что представляется ее недостатком и в ряде случаев может служить ограничителем воли сторон, связанной с невозможностью изменения ранее сделанного выбора применимого права. В то же время отечественная судебная практика²⁰ и доктрина идут по пути поддержания подобной возможности для участников международных коммерческих договоров²¹.

Ограничения принципа автономии воли сторон могут быть связаны также с содержанием категории «применимое право»²². Подобные ограничения могут включать: 1) невозможность ссылаться на «*lex mercatoria*» в качестве *lex contractus*; 2) невозможность выбора права, не имеющего разумной связи с международным коммерческим договором по праву некоторых государств (например, США), представляющее собой пространственное ограничение принципа автономии воли сторон; 3) ограничение выбора материальным правом какого-либо государства, не включающего его коллизионные нормы²³; 4) необходимость выбора действующего права существующего государства, т.е. невозможность «заморозить» избранное право; 5) невозможность выбрать в качестве применимого права отдельные нормы какого-либо правопорядка; 6) невозможность исключить действие подлежащих применению международных соглашений, не сделав при этом соответствующую оговорку; 7) необходимость указания на право конкретного государства²⁴; 8) невозможность осуществления «*derogage*» по праву некоторых государств.

И, наконец, возможность применения иностранного права, в том числе избранного сторонами для регулирования международного коммерческого договора, может быть ограничена органом, рассматривающим спор. В международных соглашениях и национальном праве оговорка о публичном порядке закреплена в основном в негативной форме (ст. 18 Межамериканской конвенции 1994г., ст. 21 Регламента «Рим», § 90 Restatement США 1971г., английской судебной практике, п. 1 ст. 1200 Модельного ГК СНГ, п. 1 ст. 1900 ГК Республики Казахстан, п. 1 ст. 1258 ГК Республики Армения, п. 1 ст. 1173 ГК Кыргызской Республики, ст. 1099 ГК Республики Беларусь, ст. 1193 ГК РФ). Применение судом или арбитражем оговорки о публичном порядке, не допускающей или ограничивающей применение иностранного права, выступает ограничителем принципа автономии воли сторон международного коммерческого договора, связанным с интересами правопорядка страны суда/арбитража. При этом, как известно, некоторые международные арбитражи склонны применять не нормы

публичного порядка страны, в соответствии с правом которой они созданы, либо права страны проведения заседания, а нормы некоего международного публичного порядка²⁵.

Помимо оговорки о публичном порядке, исключаящей или ограничивающей применение иностранного права и ограничивающей применение принципа автономии воли в целом, суд может применить особые императивные нормы (нормы непосредственного применения, или «сверхимперативные» нормы), которые также могут устранить или ограничить действие избранного сторонами иностранного права. «Сверхимперативные» нормы, не являясь частью публичного порядка, вместе с тем подлежат обязательному применению судом, и могут устранить применение иностранного права.

Как правило, международные соглашения и национальные законы по МЧП содержат норму об обязательном применении «строго императивных норм» (норм непосредственного применения) страны суда (ст. 11 Межамериканской конвенции 1994г., п.1 ст. 9 Регламента «Рим I», п. 1 ст. 1201 Модельного ГК СНГ, а также п. 1 ст. 1091 ГК Республики Казахстан, п. 1 ст. 1100 ГК Республики Беларусь, п. 1 ст. 1259 ГК Республики Армения, п. 1 ст. 1174 ГК Кыргызской Республики, п. 1 ст. 1192 ГК РФ).

Помимо этого, суд имеет право принимать во внимание «строго императивные» нормы других стран. В соответствии со ст. 11 Межамериканской конвенцией 1994г., законодательством стран ЕЭАС, включая РФ (п. 2 ст. 1192 ГК РФ), такими нормами являются нормы права страны, с которым договор имеет наиболее тесную связь. Иное правило сформулировано в ст. 9 Регламента «Рим I», в соответствии с которым суд вправе принимать во внимание положения права страны, где договор подлежит исполнению в той мере, в которой эти положения делают исполнение договора незаконным.

Таким образом, «нормы непосредственного применения», равно как и оговорка о публичном порядке могут рассматриваться в качестве ограничителей применения иностранного права, в том числе избранного сторонами, а, следовательно, и автономии воли сторон в целом, обусловленных интересами правопорядка страны суда/арбитража либо иного государства, нормы которого суд/арбитраж может учитывать.

Помимо этого, автономия воли сторон международных коммерческих договоров подлежит существенному ограничению в тех случаях, когда в момент выбора сторонами права все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной. В силу п. 5 ст. 1210 ГК РФ



в подобных случаях выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм права той страны, с которой связаны все касающиеся существа отношений сторон обязательства. Схожие нормы содержит п.4 ст. 3 Регламента «Рим I».

При определении подобных императивных норм господствующей в отечественной доктрине позицией является то, что упоминаемые, в частности, в п. 5 ст. 1210 ГК РФ императивные нормы касаются императивных норм в целом, а не только сверхимперативных положений²⁶. При этом приводятся примеры «иностраных» элементов, указывающих на связь международного коммерческого договора с правом только одной страны²⁷, которые не исчерпывают всего многообразия подобных гражданско-правовых договоров.

В литературе обращается внимание на то, что моделью для п. 5 ст. 1210 ГК РФ и п. 4 ст. 3 Регламента «Рим I» послужила ст. 3 (3) Римской конвенции 1980г., главной целью которой являлось предотвращение «интернационализации» внутренних контрактов (С. Morse)²⁸. Однако раздел VI «МЧП» ГК РФ изначально не направлен на регулирование внутренних гражданско-правовых отношений.

Более того, международный коммерческий договор априори имеет связь более чем с одним государством хотя бы потому, что его участниками, как правило, являются коммерсанты, происходящие из различных государств, либо предмет договора находится за границей. Иные договоры не являются международными и не предусматривают возможности выбора к ним применимого права. Между тем, в некоторых случаях, следуя Г.К. Дмитриевой, международный коммерческий договор действительно может иметь связь только с правом одного государства, несмотря на то, что его сторонами являются коммерсанты из разных стран. Полагаем, что в таких случаях следует вести речь о том, что с правом данной страны международный коммерческий договор связан наиболее тесным образом.

Подчиняя такой договор, связанный, по мнению суда, с правом только одной страны, праву другого государства, стороны действительно могут стремиться обойти нежелательные императивные нормы объективно применимого права. В то же время, учитывая то, что договор является «международным», подобная возможность у сторон должна иметься.

В этой связи видится достаточным положение, в соответствии с которым при наличии связи международного коммерческого договора только с одной страной правоприменительный орган будет применять не все императивные нормы данной страны, а

лишь «сверхимперативные» нормы, т.е. «нормы непосредственного применения» права страны, с которым договор имеет указанную связь. Подобное мнение, на наш взгляд, соответствует принципу автономии воли сторон и способствует либерализации правового регулирования международных коммерческих договоров.

Однако анализ действующей редакции п.5 ст. 1210 ГК РФ показывает, что в тех случаях, когда все касающиеся существа договорных отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной, стороны не могут обойти своим выбором императивные нормы данной страны. Следовательно, в подобных случаях стороны могут действовать только в рамках диспозитивных норм, имея возможность выбрать диспозитивные нормы любого правового порядка. При этом на практике может сложиться ситуация, при которой нормы, которые в одной правовой системе являются императивными, будут диспозитивными в другой, и наоборот, что на практике усложнит деятельность суда по совмещению таких норм. В целом же, подобное положение выступает специальным ограничителем принципа автономии воли сторон, связанным с невозможностью осуществить полный выбор применимого права, поскольку он ограничен возможностью избрания лишь его диспозитивных норм.

1 Международное частное право: учебник/ Отв. ред. Г.К. Дмитриева. – М., 2017. С. 308-309.

2 Покровская А.Б. Соглашение о праве, применимом к гражданско-правовым сделкам, осложненным иностранным элементом// В кн.: Актуальные проблемы гражданского права: Сб. статей. Вып. 5/ Под ред. В.В. Витрянского. – М.: Статут, 2002. С. 340.

3 Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. – М., 2010. С. 103; Международное частное право: учебник/ Отв. ред. Г.К. Дмитриева. – М., 2017. С. 305.

4 Официальный сайт НИУ «Высшая школа экономики»// Режим доступа: URL: <https://pravo.hse.ru/intprivlaw> (дата обращения: 15.01.2017г.).

5 Напр.: ст. 2 Гагской конвенции о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, 1955г., п.1 ст. 7 Гагской конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров 1986г., ст. 7 Межамериканской конвенции о праве, применимом к международным контрактам, 1994г., п.1 ст. 3 Регламента «Рим I», ст. 4 Гагских принципов по выбору права в международных коммерческих договорах 2015г., ст. 116 Закона о МЧП Швейцарии 1987г. и т.д.

6 Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств. Часть третья. Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 17.02.1996г.// Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1996. № 10. С. 3-84.



7 Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть). Принят 01.07.1999г. (с изм. от 29.12.2015г.)// Информационная система «Параграф»// Режим доступа: URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880 (дата обращения: 15.01.17г.).

8 Гражданский кодекс Республики Беларусь. Принят 7.12.1998г. (с изм. от 14.01.2016г.)//Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь// Режим доступа: URL: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9800218#load_text_pone_1_1 (дата обращения: 15.01.17г.).

9 Гражданский кодекс Республики Армения. Принят 05.05.1998г. (с изм.)// Законодательство стран СНГ // Режим доступа: URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2998 (дата обращения: 15.01.17г.).

10 Гражданский кодекс Кыргызской Республики (Часть II). Принят 05.01.1998г. (с изм.)//Информационная система «Параграф»// Режим доступа: URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30224035 (дата обращения: 15.01.17г.).

11 Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья. Федеральный закон РФ № 146-ФЗ от 26.11.2001г. (в ред. от 03.07.2016г.)// Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

12 Лунц Л.А. Внешнеторговая купля-продажа (коллизийные вопросы). – М., 1972. С. 45.

13 Например, Решение от 8.04.99г. (дело № 278-09), Решение от 31.12.2000г. (дело № 305-98)// Практика международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999-2000гг. Сост. М.Г. Розенберг. – М., 2001; Решение МКАС при ТПП РФ от 26.02.1998г. по делу № 242/1996// Арбитражная практика МКАС за 1998г. – М., 2000. С. 63-65; Решение МКАС при ТПП РФ от 17.02.2003г. по делу № 167/2001// Практика МКАС за 2003г. – М., 2005. С. 46-51; Решение МКАС при ТПП РФ от 4.03.2004г. по делу № 45/2003; Решение МКАС при ТПП РФ от 1.04.2005г. по делу № 125/2004// СПС «Консультант Плюс».

14 Например, Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26.03.2002г. (дело № А40-38752/01-30-324)// СПС «Консультант Плюс»; Постановление арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23.04.2015г. по делу № А45-21175/2013; Постановление ФАС Московского округа от 19.05.2014г. № Ф05-13173/07 по делу № А40-31270/2007; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 20.03.2014г. по делу № А19-20140/2012; Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 158 «Обзор практики рассмотрения судами дел с участием иностранных лиц» от 09.07.2013г.// СПС «Консультант Плюс».

15 Международное частное право: Учебник. В 2 т. Т. 2: Особенная часть/ Отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. – М.: Статут, 2015. С. 194-195; Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизийное регулирование.

– М., 2010. С. 103; Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. – М., 2016. С. 294 и др.

16 Напр.: Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение/ Пер. с нем. Ю.М. Юмашева. – М., 2001. С. 144; Чешир Дж., Норт П. Международное частное право. – М., 1982. С. 255.

17 Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, часть третья: Учебно-практический комментарий/ Под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2011. С. 328; Толстых В.Л. Международное частное право: коллизийное регулирование. – СПб., 2004. С. 142; Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. – М., 2016. С. 294.

18 П. 5 Информационного письма ВАС РФ № 29 «Обзор судебной арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» от 16 февраля 1998г.; п. 12 Информационного письма ВАС РФ № 158 от 09.07.2013г.// СПС «Консультант Плюс».

19 Малкин О.Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках. Дисс. к.ю.н. – М., 2005. С. 47.

20 Напр.: Постановление ФАС Московского округа № КГ-А40/2425-99от 10.08.1999г.// СПС «Консультант Плюс».

21 Об этом, в частности: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, часть третья: Учебно-практический комментарий/ Под ред. А.П. Сергеева. – М., 2011. С. 330.

22 Подр.: Стригунова Д.П. Категория «применимое право» в международных коммерческих договорах// Международное публичное и частное право. 2016. № 4. С. 29-32.

23 Например, Решение МКАС при ТПП РФ по делу № 211/2014 от 12.05.15г.; Решение МКАС при ТПП РФ по делу № 192/2014г. от 20.04.2015г.// СПС «Консультант Плюс».

24 Напр.: Решение МКАС при ТПП РФ по делу № 118/2008 от 14 апреля 2009 г.; Решение МКАС при ТПП РФ по делу № 205/2009 от 15 декабря 2010 г.// СПС «Консультант Плюс».

25 Мосс Д.К. Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража. Дисс. к.ю.н. – М., 1996. С. 30.

26 Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, часть третья: Учебно-практический комментарий/ Под ред. А.П. Сергеева. – М., 2011. С. 328.

27 Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный)/ Отв. ред. Н.И. Марышева и К.Б. Ярошенко. – М., 2014. С. 535; Международное частное право: Учебник/ Отв. ред. Г.К. Дмитриева. – М., 2017. С. 309;Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI/ Под ред. П.В. Крашенинникова. – М., 2014. С. 108.

28 Цит. по: Канашевский В.А. Ук. соч. С. 120.



УДК 34.347
ББК 67.304

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОКАЗАНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ВУЗАМИ МВД РОССИИ

ЖАННА ЮРЬЕВНА ЮЗЕФОВИЧ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса ФГКОУ ВО «Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя»

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право, предпринимательское право,
семейное право, международное частное право
E-mail: zhannayuzefovich@yandex.ru;

ИРИНА СТАНИСЛАВОВНА НЕПОМНЯЩАЯ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право, предпринимательское право,
семейное право, международное частное право

E-mail: nepomnish2@yandex.ru

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент Д.Н. Алябьев

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Приводится анализ специфики образовательных услуг в вузах системы МВД России с позиций востребованности потребителей этой услуги — курсантов и слушателей обозначенных вузов. Предпринимается попытка рассмотреть проблемы образовательного процесса в вузах МВД России, предложить возможные пути их решения, что в итоге позволило бы повысить спрос на образовательные услуги, предоставляемые указанными вузами.

Ключевые слова: услуги, образование, учебное заведение, МВД России, курсант, качество, потребитель.

Annotation. The Article is devoted to particularities of educational services in universities of Ministry of internal Affairs of Russia from the standpoint of demand for consumers of this service — cadets and students of the designated universities. Attempts to address the problems of educational process in higher educational institutions of the MIA of Russia, to offer possible ways of their solution, which ultimately would increase the demand for educational services provided by the specified universities.

Keywords: services, education, educational institution, interior Ministry of Russia, cadet, quality, consumer.

С позиций гражданско-правового регулирования образовательный процесс в вузах МВД России можно рассматривать как процесс предоставления образовательных услуг. При этом указанные услуги будут обладать существенной спецификой по сравнению с образовательными услугами, предоставляемыми другими вузами.

Так правовую конструкцию отношений по предоставлению образовательных услуг вузами МВД России можно охарактеризовать с позиции теории «множества сторон в обязательстве». Речь идет об «активной множественности лиц в обязательстве». А, именно, наличие нескольких заказчиков в правоотношении по предоставлению образовательных услуг вузами МВД России.

Так, безусловным заказчиком образовательной услуги выступает непосредственный обучающийся в вузе — курсант/слушатель. Он рассматривается и как заказчик образовательной услуги, и как ее потребитель. Тем не менее, в вуз МВД обучающийся попадает по определенной квоте, формируемой государством. Более того, именно государство несет все расходы по обучению курсанта/слушателя в вузе. Следовательно, опосредованно в качестве непосредственного заказчика можно рассматривать Российскую Федерацию. Именно Российская Федерация заинтересована в получении обучающимся качественного образования. Только Российская Федерация несет расходы, связанные с обучением, обмундированием курсанта/слушателя и т.п., в течение всего промежутка времени об-



учения. В случае отчисления обучающийся должен будет возместить Российской Федерации все расходы, потраченные в процессе обучения.

Поскольку требования, предъявляемые к объему настоящей статьи, не позволяют провести более подробный анализ правовой конструкции многосубъектного состава, не углубляясь в правовую дискуссию, будем считать, что в исследуемых правоотношениях одна сторона — курсант/слушатель — будет являться заказчиком образовательной услуги, а вуз МВД — исполнителем.

Остановимся далее на анализе критерия «качество образовательной услуги».

Правовой механизм оказания возмездных услуг предусмотрен в рамках главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации. Тем не менее, указанный закон не дает определения, что следует понимать под качеством услуги.

В соответствии с пунктом 29 статьи 2 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании) под качеством образования понимается «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы» [1].

Дефиниция «качество образования» было сформулировано и получило международное признание на состоявшейся в Париже в 1998 году Всемирной конференции по высшему образованию. Именно в рамках указанной конференции было констатировано, что повышение качественного уровня становится одной из главных задач вузов на длительную перспективу. В России же категория «качество услуги» стала активно формироваться уже в 1970 — 1980-е годы. Именно в этот период в нашей стране начали предъявляться достаточно высокие требования к качеству профессиональной подготовки специалистов.

Сегодня вопросам качества образовательных услуг посвящено достаточно большое количество литературы, на основе которой выстраивается целая система различных технологий сферы образования. На протяжении нескольких лет одно из лидирующих мест в указанных технологиях занимает «системный подход Шухарта-Деминга» [2, с. 164 — 173]. В основе этого подхода лежит принцип интеграции теории управления и квалитологии в образовательный процесс любого уровня. Цель подхода Шухарта-Деминга сводится к формализации содержания образовательного процесса, с целью постоянного улучшения качества обучения. В отечественной интерпретации обозначенный процесс можно свести к формуле «планируй-действуй-проверяй-воздействуй».

На первом этапе («Plan») необходимо определить, что и как делать. Второй этап («Do») — следует делать то, что запланировано. Третий этап — «Check» подразумевает проверку того, как результаты будут соотноситься с планом. Заключительный четвертый этап «Act» — состоит из процесса принятия решения, в рамках которого должен быть сформулирован вывод — как улучшить результат [3, с. 25].

Говоря о качестве образования в вузах МВД России, нельзя обойти вниманием тот факт, что указанная категория имеет отношение к формации социального качества. Следовательно, образование в вузах МВД России можно рассматривать как систему юридического образования, направленную на удовлетворение потребностей социума. Возможно именно по тому, как выпускник вуза МВД будет работать на практике в первое время после окончания учебного заведения, насколько его деятельность будет полезна для социума, настолько можно предположить, что полученное им образование было качественным.

Таким образом, о степени качества образования, полученного в вузе МВД России, можно судить по результатам работы выпускника на практике. С этой позицией согласен ряд авторов, которые так же считают, что результирующее качество юридического образования всегда отражается в определенном уровне профессиональной компетентности юриста, т.е. в уровне профессиональных знаний, умений и навыков, интеллектуального, нравственного и физического развития выпускника вуза [4, с. 167].

По нашему мнению, в качестве показателей качества обучения необходимо рассматривать следующие критерии:

- полноту образования, под которой необходимо понимать изучение такого блока информации (учебных дисциплин), которые бы в полном объеме могли охватить специфику предстоящей профессиональной деятельности;
- системность образования, подразумевает, что в процессе преподавания дисциплин (в рабочих учебных планах) в вузах МВД России должна быть выстроена четкая последовательность, позволяющая проводить междисциплинарные и межотраслевые связи, применять законы по аналогии, получать знания, которые позволяли бы сотруднику осуществлять деятельность, несколько выходящую за рамки его непосредственных обязанностей. Так, например, выезжая на место преступления, следователь, в случае если задерживается эксперт-криминалист, должен обладать определенными знаниями для того, что бы первым осмотреть место происшествия, определить возможные причины и способы совершения преступления, выявить следы преступления и т.д.;
- действенность образования, подразумевает, что та информация, которая дается кур-



сантам/слушателям в вузах МВД России, не должна быть устаревшей. Она должна соответствовать последним достижениям науки и техники. И, самое основное, эта информация должна быть применима в практической деятельности сотрудников ОВД;

- степень прочности усвоенного содержания образования означает, что учебный материал, преподаваемый в вузах МВД России должен излагаться доходчиво для будущих выпускников вуза. Информация по учебным дисциплинам должна не только читаться профессорско-преподавательским составом в рамках лекционных курсов и обсуждаться на семинарских занятиях, эта информация должна закрепляться посредством выработки у обучающихся практических навыков, доведенных до степени, как это не грубо звучит, автоматизма.

Таким образом, на основе обозначенных критериев качества полученное в вузе МВД России образование можно будет рассматривать с позиций:

- степени критичности мышления выпускника;
- способности и готовности выпускника самостоятельно формулировать и решать служебные задачи;
- быть конкурентоспособным.

Последний критерий — конкурентоспособность, на наш взгляд, можно определить как общую эру-

дицию выпускника вуза МВД России и уровень его профессиональной и речевой культуры. Все это выражается в мышлении человека, в его эмоционально-волевых проявлениях, характеристики профессиональной деятельности и ориентации.

Следовательно, давая определение категории «качественная образовательная услуга», предлагается рассматривать ее как комплексный характер информации, предоставляемой вузами МВД России посредством обеспечения полноты, системности и ответственности образования, а также степени прочности усвоенного имперического материала, интегрированного в практические навыки обучающихся в указанных вузах.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 14.12.2015) «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. № 303.
2. Левитан К.М. Дидактические проблемы современного юридического образования // Российский юридический журнал. 2013. № 6.
3. Репин В.В., Елиферов В.Г. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов. — М.: Эксмо, 2008.
4. Левитан К.М. Дидактические проблемы современного юридического образования // Российский юридический журнал. 2013. № 6.



Профайлинг в деятельности органов внутренних дел. Учеб. пособие. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Под ред. В.Л. Цветкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.

Рассмотрены теоретические основы и возможности практического применения технологий профайлинга в целях предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций. Показаны возможности использования направлений прикладной психологии для выявления лиц, имеющих противоправные намерения. Систематизированы представления о технологиях оценки личности на основе визуальной психологической диагностики; рассмотрены методы противодействия психологическому воздействию со стороны потенциальных преступников; раскрыты особенности коммуникации с объектами профайлинга; представлены методы психической саморегуляции эмоциональных состояний в деятельности профайлера; показаны пути развития навыков распознавания потенциальных преступников по их словесному портрету и типологии поведения.



УДК: 343.346.2

ББК: 67.408

СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЕ ПОВЫШЕННУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 264 УК РФ

ГУЛЬНАЗ ШАМИЛОВНА АЮПОВА,

адъюнкт очной формы обучения адъюнктуры

Уральского юридического института МВД России

*Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право*

E-mail: ajurova90@mail.ru

Научный руководитель: Заслуженный юрист Российской Федерации,

доктор юридических наук, профессор Р.А. Базаров

Рецензент: начальник кафедры уголовного права УрЮИ МВД России

кандидат юридических наук, доцент А.Н. Паинин

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Дается уголовно-правовая оценка состояния опьянения водителя при квалификации преступных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Негативные последствия дорожно-транспортных происшествий, совершаемых в состоянии опьянения, обуславливают необходимость постоянного совершенствования законодательства в целях более действенного противодействия преступлениям данного вида.

Ключевые слова: преступление, опьянение, водитель, освидетельствование, алкоголь, нарушение правил дорожного движения.

Annotation. Article is devoted to a criminal legal treatment of a state of intoxication of the driver at qualification of criminal violations of the rules of traffic and operation of vehicles. Negative consequences of the road accidents made in a state of intoxication cause need of continuous improvement of the legislation for more effective counteraction to crimes of this look.

Keywords: crime, intoxication, driver, survey, alcohol, traffic violation of the rules.

Управление транспортным средством в состоянии опьянения повышает вероятность возникновения дорожно-транспортных происшествий, в результате которых нередко наступают общественно опасные последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью человека либо смерти. Ежегодно на дорогах России по вине нетрезвых водителей погибает около 2 000 человек, кроме того около 18 000 человек получают ранения, то есть вследствие управления транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, каждые 45 минут погибает один человек [1].

Повышенная общественная опасность преступных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, совершаемых в состоянии опьянения, отмечена законодателем. Так,

состояние опьянения водителя является квалифицирующим обстоятельством ч. ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ. Кроме того, согласно ст. 264.1 УК РФ, уголовной ответственности подлежит лицо, управляющее транспортным средством в состоянии опьянения, в случае, когда это лицо либо ранее было подвергнуто административному наказанию за совершение правонарушений, предусмотренных ч. ч. 1 или 3 ст. 12.8 или ст. 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), либо имеет неснятую или непогашенную судимость за совершение преступлений, предусмотренных ч. ч. 2, 4 или 6 ст. 264 или ст. 264.1 УК РФ.

Законодателем введены квалифицированные виды преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, в целях ужесточения наказания за их совершение, а



также в целях единообразного подхода к применению уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Статистические данные свидетельствуют о масштабах проблемы «пьяной преступности», каждое третье преступление в России совершается лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения [2]. Однако, по общему правилу, в соответствии с ч. 1.1 ст. 63 УК РФ, факт нахождения виновного лица в состоянии опьянения в момент совершения преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может быть признан обстоятельством, отягчающим наказание, то есть оценивается по усмотрению суда. Таким образом, изменения внесены только в ст. 264 УК РФ, что приводит к диссонансу Общей и Особенной частей УК РФ.

Под опьянением в уголовном праве принято понимать «состояние, при котором вменяемое лицо не в полной мере осознает фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководит ими в результате осознанно-волевого употребления алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ» [3, с. 71].

Согласно приложению № 2 к Порядку проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), утвержденного приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 18 декабря 2015 г. № 933н, признаками опьянения признаются изменения психической деятельности (неадекватное поведение, эмоциональная неустойчивость, замедление темпа мышления и т.п.) и нарушения двигательной сферы (двигательное возбуждение, заторможенность, тремор рук и т.п.). Таким образом, алкогольные или спиртосодержащие напитки, наркотические средства или иные одурманивающие вещества угнетающе действуют на центральную нервную систему, что негативно сказывается на способности водителя управлять транспортным средством и выполнять требования правил дорожного движения.

Действие опьяняющих веществ на организм человека зависит как от объективных, так и от субъективных факторов. К объективным факторам можно отнести вид употребляемых напитков, веществ, средств, их количество, обстоятельства, время потребления и другое, к субъективным: пол, возраст, вес лица, способность организма к выработке тех или иных ферментов и другое.

Известно, что серотонин — химическое вещество, вырабатываемое организмом человека, именуемое «гормон счастья». Достаточный уровень се-

ротонина положительно влияет на эмоциональную устойчивость человека, его восприимчивость к стрессам и двигательную активность. При этом необходимо помнить о том, что как недостаток серотонина, так и его избыток приводят к депрессиям, к нарушению контроля возбудимости, а также могут вызывать панику или агрессию. Алкогольные и спиртосодержащие напитки, а также наркотические средства и иные одурманивающие вещества ускоряют выделение серотонина в организме человека, что провоцирует всплеск агрессивности и импульсивности, приводит к саморазрушительным поступкам, способствует агрессивному стилю вождения. Таким образом, поведение водителя, находящегося в состоянии опьянения, приобретает большую общественную опасность по сравнению с поведением того же лица в нормальных условиях.

Пребывание в состоянии опьянения значительно затрудняет способность лица контролировать свое поведение и влиять на развитие событий. Так, согласно приговору Красногорского районного суда Алтайского края от 22 декабря 2015 г., С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 264 УК РФ, а именно: в нарушении правил дорожного движения, совершенном лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть двух лиц. С., управляя автомобилем, в условиях светлого времени суток двигался по 408-ому километру автомобильной дороги М-52 со скоростью около 80 км/ч, при этом в пути следования распивал спиртное. Со слов С., он чувствовал себя хорошо, и считал, что может контролировать ситуацию на дороге. Во время движения С., в нарушении горизонтальной дорожной разметки, пересекать которую запрещается, стал выполнять маневр обгона движущегося в попутном с ним направлении автомобиля, выехав на полосу встречного движения. О том, какая разметка была нанесена на дороге, С. не помнит, так как находился в состоянии опьянения. Он увеличил скорость и выехал на полосу встречного движения. Во время выполнения маневра С. под воздействием спиртного на некоторое время уснул и потерял контроль над управлением автомобиля. Продолжая неконтролируемое движение, С. проснулся и увидел перед своим автомобилем двух пешеходов А. и Б., неподвижно стоящих на левой по ходу движения обочине. С. не предпринял своевременную попытку к снижению скорости автомобиля, вследствие чего допустил наезд на пешеходов А. и Б., которые скончались на месте происшествия [4].

Обязательным признаком субъекта преступлений, в том числе предусмотренных ст. 264 УК РФ, является вменяемость. Понятие вменяемости в уго-



ловном законе не раскрывается, А.В. Бриллиантов определяет данный термин как «состояние психики человека, при котором он может адекватно осознавать социальную значимость своих действий, их фактический характер, оценивать возможные последствия своих действий» [5].

Как было сказано выше, наличие состояния опьянения ведет к нарушению способности лица контролировать свое поведение, лицо существенно утрачивает самоконтроль, в его поведении обнаруживаются низменные проявления, которые в трезвом виде сдерживаются. По мнению Б.А. Спасенникова, «состояние опьянения может порождать дефекты эмоциональной и волевой сферы, оказывает влияние на интеллектуальные процессы, определяет уменьшенную сиюминутную способность прогнозировать последствия своих действий (бездействия) и осознанно руководить ими, то есть может играть существенную роль в механизме преступного поведения» [6, с. 71].

В психиатрической и юридической литературе имеется классификация психических расстройств, среди которых в том числе выделяют временные психические расстройства. Как известно, временное психическое расстройство характеризуется тем, что длится определенное, чаще относительно непродолжительное время и заканчивается выздоровлением. Так, согласно ст. 21 УК РФ, лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие временного психического расстройства, не подлежит уголовной ответственности. К временным психическим расстройствам, в том числе относятся алкогольный психоз, белая горячка, патологическое опьянение и т.п. Вопрос о вменяемости виновного должен решаться в каждом конкретном случае специалистами и экспертами в данной области.

Формулировка ст. 264 УК РФ свидетельствует о том, что ч. 1 рассматриваемой статьи включает в себя любое нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, которое влечет за собой причинение тяжкого вреда здоровью человека по неосторожности. Учитывая вышесказанное, а также положение п. 2.7 Правил дорожного движения, в соответствии с которым водителю, находящемуся в состоянии опьянения, запрещается управлять транспортным средством, можно сделать вывод, что управление транспортным средством в состоянии опьянения содержит признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ. В связи с этим справедливо высказывание В.В. Головки и А.В. Козуна о наличии «противоречия между признаками основно-

го состава преступления и составов с отягчающими обстоятельствами, предусматривающими состояние опьянения», то есть «чч. 1 и 2, 3 и 4, 5 и 6 ст. 264 УК РФ говорят об одном и том же преступлении» [7, с. 23]. В связи с вышеуказанным предлагается исключить ч. 2, ч. 4, ч. 6 из ст. 264 УК РФ, а состояние опьянения включить в перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ).

По мнению многих специалистов уголовного права, в том числе В.Н. Курченко, управление транспортным средством, находящимся в состоянии опьянения, лицом, подвергнутым административному наказанию за совершение правонарушений, предусмотренных ч. ч. 1 или 3 ст. 12.8 или ст. 12.26 КоАП РФ либо имеющим неснятую или непогашенную судимость за совершение преступлений, предусмотренных ч. ч. 2, 4 или 6 ст. 264 или ст. 264.1 УК РФ, повлекшее указанные в ст. 264 УК РФ последствия, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ и соответствующей частью ст. 264 УК РФ [8, с. 40].

Таким образом, при квалификации деяния по совокупности ч. 2, ч. 4 или ч. 6 ст. 264 УК РФ и ст. 264.1 УК РФ, управление лица в состоянии опьянения учитывается дважды, что нарушает положение одного из важнейших принципов уголовного права России — принципа справедливости, согласно которому никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление (ст. 6 УК РФ), что является недопустимым.

С другой стороны, ст. 264.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность лишь для тех водителей, в отношении которых административные меры оказываются недостаточными, то есть для лиц, ранее подвергнутых административному наказанию за совершение правонарушений, предусмотренных ч. ч. 1 или 3 ст. 12.8 или ст. 12.26 КоАП РФ либо имеющих неснятую или непогашенную судимость за совершение преступлений, предусмотренных ч. ч. 2, 4 или 6 ст. 264 или ст. 264.1 УК РФ.

Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств является общественно вредным деянием, общественную опасность оно приобретает при наступлении общественно опасных последствий. При этом наступившее общественно опасное последствие не всегда объективно характеризует личность виновного, то есть даже малейшая оплошность может привести к гибели людей, в свою очередь совокупность грубых нарушений к таким последствиям может и не привести.

Так, управление транспортным средством в состоянии опьянения является общественно вредным деянием, и общественную опасность оно приобре-



тает, когда совершается повторно, что еще раз подтверждает справедливость вывода о необходимости исключения ч. 2, ч. 4, ч. 6 из ст. 264 УК РФ. В связи с вышеуказанным, вопрос об уголовной ответственности лица, управляющего транспортным средством в состоянии опьянения впервые, может быть решен путем включения такого обстоятельства, как совершение преступления в состоянии опьянения, в перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ).

Таким образом, употребление алкогольных и спиртосодержащих напитков, наркотических средств и иных одурманивающих веществ повышает вероятность совершения преступлений, что свидетельствует о недопустимости рассмотрения состояния опьянения в качестве нейтрального по отношению к наказанию обстоятельства, то есть о необходимости включения совершения преступления в состоянии опьянения в перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ). Кроме того, в целях обеспечения системного подхода к формулированию норм Общей и Особенной частей УК РФ, исключить ч. 2, ч. 4 и ч. 6 из ст. 264 УК РФ.

Литература

1. Статистика ДТП в России [Электронный ресурс]: URL: [https:// www.lgai.ru](https://www.lgai.ru) (дата обращения: 06.04.2016).
2. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации: статистика и аналитика [Электронный ресурс]: URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 19.04.2016).
3. Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Определение понятия «опьянения» в уголовном праве // Уголовное право. 2007. № 4. С. 67-71.
4. Приговор Красногорского районного суда Алтайского края от 22 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]: URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3E20cVWgCWg8> (дата обращения: 19.04.2016).
5. Бриллиантов А.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект. 2015. 1184 с.
6. Спасенников Б.А., Спасенников С.Б. Опреде-

ление понятия «опьянения» в уголовном праве. С. 67-71.

7. Головки В.В., Козун А.В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: пробелы законодательной конструкции и пути их преодоления // Научный вестник Омской академии МВД России. № 2 (45). 2012. С. 22-25.
8. Курченко В.Н. Применение новой статьи 264.1 УК РФ: разъяснения для практиков // Уголовный процесс. № 9. 2015. С. 38-44.

Reference

1. Statistika DTP v Rossii [Elektronnyy resurs]: URL: [https:// www.lgai.ru](https://www.lgai.ru) (data obrashcheniya: 06.04.2016).
2. Ofitsial'nyy sayt Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii: statistika i analitika [Elektronnyy resurs]: URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (data obrashcheniya: 19.04.2016).
3. Spasennikov B.A., Spasennikov S.B. Opredelenie ponyatiya «op'-yaneniya» v ugovnom prave // Ugovnoe pravo. 2007. № 4. S. 67-71.
4. Prigovor Krasnogorskogo rayonnogo suda Altayskogo kraya ot 22 dekabrya 2015 g. [Elektronnyy resurs]: URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3E20cVWgCWg8> (data obrashcheniya: 19.04.2016).
5. Brilliantov A.V. Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Oso-bennaya: 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Prospekt. 2015. 1184 s.
6. Spasennikov B.A., Spasennikov S.B. Opredelenie ponyatiya «op'-yaneniya» v ugovnom prave. S. 67-71.
7. Golovko V.V., Kozun A.V. Narushenie pravil dorozhnogo dvizhe-niya i ekspluatatsii transportnykh sredstv: probely zakonodatel'noy konst-ruktsii i puti ikh preodoleniya // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. № 2 (45). 2012. S. 22-25.
8. Kurchenko V.N. Primenenie novoy stat'i 264.1 UK RF: raz'yasne-niya dlya praktikov // Ugolovnyy protsess. № 9. 2015. S. 38-44.



УДК 34
ББК 67

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ СОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

ВЕРА ЕВГЕНЬЕВНА БАТЮКОВА,

доцент Департамента правового регулирования
экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации»,
кандидат юридических наук, доцент
Научная специальность 12.00.08- уголовное право и криминология;
уголовно-исправительное право
E-mail: Batukova@yandex.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Представлены основные направления современной уголовно-правовой политики.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, криминализация, назначение наказаний, лишение свободы на определенный срок.

Annotation. In the article the author determines the main directions of modern penal policy.

Keywords: criminal policy, criminalization, sentencing, imprisonment for a specific term.

Закончился 2016 год, который увенчал уголовно-правовую политику Российской Федерации новыми изменениями. Вновь за последнее время было принято множество Федеральных законов, которые внесли существенные изменения в уголовный и уголовно-процессуальный кодексы.

Приведем лишь некоторые из них:

- Федеральный закон от 01.05.2016 N 139-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости»;
- Федеральный закон от 30.03.2016 N 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» дополнил УК РФ статью 172.2 Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества
- Федеральный закон от 06.07.2016 N 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессу-

альный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» дополнил статью 205.6 Несообщение о преступлении; статьей 361 Акт международного терроризма;

- Федеральный закон от 03.07.2016 N 329-ФЗ «О внесении изменений в статью 230 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»
- Федеральный закон от 03.07.2016 N 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

К сожалению, это далеко не полный список, который можно продолжить.

Однако, происходящие процессы, в настоящее время в области определения уголовно-правовой политики, в основном связаны с назначением наказаний, которые направлены, с одной стороны, отразить повышенную борьбу государства, направленную на противодействие отдельных видов преступлений, например, за преступления террористической направленности, коррупционных преступлений, действий, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психо-



тропных веществ или их аналогов и т.д., а с другой, показать демократические процессы в области уголовно-правовой политики. В действительности, при анализе санкций таких уголовно-правовых норм, можно прийти к неожиданному выводу. Так, например, Федеральный закон от 09.12.2010 N 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹ дополнил наказание, предусмотренное ч.2 ст.205 УК РФ другим видом, более мягким, чем лишение свободы, — принудительными работами, которые в настоящее время не применяются. В соответствии с теорией и практикой уголовного права, если у суда есть возможность применить более мягкое наказание, чем было предусмотрено предыдущим уголовным законом, то этот закон является смягчающим, а значит может распространяться и на те преступные деяния, которые были совершены до его принятия.

С другой стороны, мероприятия, влияющие на установление уголовно-правовой политики, связаны с уменьшением государственной репрессии в виде уменьшения наказания в отношении определенных преступлений или определением более мягкого, чем в ранее действовавших санкциях уголовно-правовых норм. Наиболее негативным проявлением такой уголовной политики стал Федеральный закон от 07.03.2011 N 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»², который, в том числе, изменил наказание в ряде уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ, посредством исключения низшего предела наказаний (ст.ст.111, 115, 119 и др. УК РФ). Это означает, что суд может применить минимальное наказание, которое соответствует данному виду. Чем были обусловлены такие изменения — непонятны ни правоприменителю, ни гражданам, хотя ряд преступлений, подвергшихся изменению согласно этому федеральному закону представляют значительную общественную опасность. Такие изменения в уголовном законодательстве повлекли и значительные изменения в официальной статистике. Существенно увеличилось количество выявленных лиц, совершивших преступления небольшой тяжести в 2014 г.- 172848; в 2013 г.- 340362 лица по сравнению с 2012 годом (273346 лиц), и в свою очередь уменьшением лиц, совершивших преступления средней тяжести — 2012 г.- 252238 лиц, в 2013 году — 182369 лиц, а в 2014 г.-172848³. В данном случае динамика преступности обусловлена принятым Федеральным законом от 07.12.2011 N 420-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴, который определил, что к преступлениям небольшой тяжести относятся преступные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы.

В ближайшее время вновь ожидаются изменения, направленные на демократизацию и либерализацию уголовного законодательства, которые вряд ли будут способствовать улучшению состояния преступности в

целом и в том числе на реализацию основного принципа уголовно-правовой политики — соответствия общественной опасности преступления и системой мер уголовной ответственности за их совершение. Меры, направленные на декриминализацию норм уголовного закона, объявленные Президентом РФ В.В. Путиным в своем обращении к Федеральному Собранию 3.12.2015 г., вновь могут носить скоропалительный, ситуационный характер, без учета криминальной ситуации в стране. Как уже неоднократно указывалось в научной и учебной литературе, уголовно-правовая и уголовная политика должны носить комплексный характер, с учетом всех реалий, которые существуют в нашем обществе. В том числе необходимо изучать и данные официальной статистики, которые, к сожалению, не соответствуют действительности. К сожалению, очень часто забываем, что для юридической науки важно не только правоприменение, но и установление эффективности действующих уголовно-правовых норм, которые могут применяться, но при этом оставаться неэффективными с учетом современных фактических, криминальных, финансовых реалий⁵.

Современная уголовно-правовая политика направлена на либерализацию, уменьшению репрессивности уголовного закона, снижению количества лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. По этому поводу В.В. Путин в своем обращении к Федеральному Собранию 3 декабря 2015 года высказал о необходимости декриминализации ряда уголовно-правовых норм, относящиеся в настоящее время к преступлениям небольшой тяжести, однако при повторном совершении правонарушений — они будут достигать степени общественной опасности характерной преступлениям⁶.

История уголовно-правовой политики России помнит пример либеральной реформы УК РФ 2003 года, в результате которой ни уровень преступности не стал меньше, ни количество лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

По официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ всего выявлено лиц, совершивших преступления⁷:

2003	2004	2005	2006	2007
1236733	1222504	1297123	1360860	1317582

2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
1256199	1219789	1111145	1041340	1010938	1012563	1006003

На первый взгляд, действительно наличествует уменьшение и общего количества лиц, совершивших преступления и количество лиц, осужденных к реальному лишению свободы на определенный срок. Однако при анализе удельного веса в общем числе осужденных к лишению свободы (в процентах) не трудно заметить, что количество таких лиц приблизительно остается неизменным.



Число лиц, осужденных к лишению свободы:

	2003	2004	2005	2006	2007
Пожизненное лишение свободы	93	89	64	45	68
Лишение свободы на определенный срок	252041	257284	306841	312473	301428

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Пожизненное лишение свободы	67	73	66	64	66	67	68
Лишение свободы на определенный срок	312137	289202	265843	227050	206254	209728	209448

2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
33,9	32,5	31,6	29,1	28,0	28,7	29,4

На основании изложенного, можно прийти к выводу, что меры направленные на либерализацию уголовного законодательства не привели к ожидаемому результату, а следовательно применяемые мера оказались не эффективными.

Литература

1. Федеральный закон от 09.12.2010 N 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // [Электронный ресурс] // Доступ из справ. -правовой системы «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон от 07.03.2011 N 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // [Электронный ресурс] // Доступ из справ. -правовой системы «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон от 07.12.2011 N 420-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // [Электронный ресурс] // Доступ из справ. -правовой системы «Консультант Плюс».
4. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. N 8. С. 46 — 59.

Reference

1. Federal law of 09.12.2010 N 352-FZ “On amendments to the criminal code of the Russian Federation” // [Electronic resource] // Access from Ref. -legal system “Consultant Plus”.
2. Federal law of 07.03.2011 N 26-FZ “On amendments to the criminal code of the Russian Federation” // [Electronic resource] // Access

from Ref. -legal system “Consultant Plus”.

3. Federal law of 07.12.2011 No. 420-FZ (edition of 28.12.2013) “On amendments to the criminal code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation” // [Electronic resource] // Access from Ref. -legal system “Consultant Plus”.
4. Korobeev A. I. Criminal-legal policy of modern Russia: problems of penalization and depenalization // Law. 2015. N 8. S. 46 — 59.

1 Федеральный закон от 09.12.2010 N 352-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации" // [Электронный ресурс] // Доступ из справ. -правовой системы «Консультант Плюс».

2 Федеральный закон от 07.03.2011 N 26-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации" // [Электронный ресурс] // Доступ из справ. -правовой системы «Консультант Плюс».

3 <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883> Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде дата обращения 18.01.16

4 Федеральный закон от 07.12.2011 N 420-ФЗ (ред. от 28.12.2013) "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // [Электронный ресурс] // Доступ из справ. -правовой системы «Консультант Плюс».

5 Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. N 8. С. 46 - 59.

6 Обращение Президента Путина к Федеральному Собранию. 3 декабря 2015 г. // <http://pravdaoputine.ru/official-putin/obrashhenie-putina-k-federalnomu-sobraniyu-3-dekabrya-2015-tekst-video-online> [дата обращения 21.12.2015 г.]

7 <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> [дата обращения 18.01.2016]



УДК 343.34
ББК 67

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТКА ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЁЙ 222 УК РФ

ЮЛИЯ СВЯТОСЛАВОВНА БЕЛИК,

доцент кафедры уголовного права

Уральского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук

Научная специальность 12.00.08. — уголовное право и криминология;

уголовно-исполнительное право

E-mail: belik.yulya@yandex.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируется содержание предмета преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ и основана на исследовании судебной практики по данной категории дел.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, огнестрельное, газовое, холодное оружие, боеприпасы.

Annotation. The article analyzes the contents of the subject of crime, under Art. 222 of the Criminal Code and is based on a study of judicial practice in this category of cases.

Keywords: trafficking of weapons, firearms, gas, edged weapons, ammunition.

Преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, составляют одну из важных характеристик современной преступности. Данные уголовно-правовые деяния способствуют совершению множества преступлений, таких как: преступления против личности, общественного порядка и общественной безопасности и ряда других.

За 2015 год в России было зарегистрировано 18076 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (ст. 222 УК РФ). В январе — декабре 2015 года с использованием оружия совершено 6900 пре-

ступлений[9].

Обращение к вопросу о предмете преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ связано с тем, что в данную статью были внесены изменения, требующие анализа[11].

Под предметом преступления понимаются вещи материального мира или интеллектуальные ценности, воздействуя на которые преступник нарушает общественные отношения, охраняемые уголовным законом[4, с.115].

Предмет преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ

Вид преступления	Предмет
ч.1,2,3 ст. 222 УК РФ	-огнестрельное оружие; - его основные части; - боеприпасы (за искл. гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему и огнестрельного оружия ограниченного поражения его основных частей и патронов к нему).
ч.4 ст. 222 УК РФ	-гражданское огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие; - огнестрельное оружие ограниченного поражения; - газовое оружие; - холодное оружие, в том числе метательное оружие (кроме холодного оружия, имеющего особую культурную ценность)[5].



Под огнестрельным оружием следует понимать все виды боевого, служебного и гражданского оружия, в том числе самодельного изготовления (кроме охотничьего длинноствольного гладкоствольного оружия), конструктивно предназначенного для механического поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. К ним относятся винтовки, карабины, пистолеты и револьверы, автоматы и пулеметы, минометы, гранатометы, пушки, иные виды огнестрельного оружия независимо от калибра[3, с.624].

Примером может служить дело Власова М.С., который имея умысел на незаконное изготовление и хранение огнестрельного оружия, находясь на территории дачного участка, кустарным способом, путем скрепления металлической трубки и деревянного ложа с помощью клейкой изоляционной ленты, незаконно изготовил дульнозарядное огнестрельное устройство, являющееся огнестрельным оружием, предназначенным и пригодным для стрельбы зарядами кустарного производства, которое незаконно хранил в дачном домике[8].

Под основными частями огнестрельного оружия следует понимать ствол, затвор, барабан, рамку, ствольную коробку, ударно-спусковой и запирающий механизмы[6].

Под боеприпасами понимаются предметы вооружения и метаемое снаряжение, как отечественного, так и иностранного производства предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный или вышибной заряды либо их сочетание. К ним относятся артиллерийские снаряды и мины, военно-инженерные подрывные заряды и мины, ручные и реактивные противотанковые гранаты, боевые ракеты, авиабомбы и т. п. независимо от наличия или отсутствия у них средств для инициирования взрыва, предназначенные для поражения целей, а также все виды патронов к огнестрельному оружию независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом[6].

Сигнальные, осветительные, холостые, строительные, газовые, учебные и иные патроны, не имеющие поражающего элемента (снаряда, пули, дроби, картечи и т. п.) и не предназначенные для поражения цели, не относятся к боеприпасам[6].

Как отмечает Кокин Д.М. понятие «боеприпасы» более широкое, чем предусмотрено в Федеральном законе «Об оружии», так как включает в себя артиллерийские снаряды, мины, гранаты, боевые ракеты, авиабомбы и другие предметы. Судебная и экспертная практика патроны к любому виду огнестрельного оружия признаёт боеприпасами[2, с.19]. Вместе с

тем указанный автор обращает внимание, что, например, гранаты могут быть ручные (не требующие дополнительных устройств для доставки заряда и производства подрыва) и гранаты как боеприпас для гранатомёта. Первые более подходят под содержание понятия «взрывное устройство» по конструкции и принципу работы. Однако в судебной практике имеются примеры, когда ручные гранаты определяются и как взрывное устройство, и как боеприпас[2, с.20]. В связи с вышесказанным, обоснованным кажется предложение автора отнести ручные гранаты к взрывным устройствам и внести изменения в действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 12 марта 2002 года.

Огнестрельное оружие ограниченного поражения — короткоствольное оружие и бесствольное оружие, предназначенные для механического поражения живой цели на расстоянии метаемым снаряжением патрона травматического действия, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда, и не предназначенные для причинения смерти человеку[10].

Газовое оружие — оружие, предназначенное для временного химического поражения живой цели путем применения слезоточивых или раздражающих веществ[10].

Под холодным оружием понимается изготовленное промышленным способом или самодельное: холодное оружие, предназначенное для поражения цели с помощью мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения, которое включает в себя холодное клинковое оружие (кинжалы; боевые, национальные, охотничьи ножи, являющиеся оружием; штыки-ножи; сабли; шашки; мечи и т. п.), иное оружие режущего, колющего, рубящего или смешанного действия (штыки, копья, боевые топоры и т. п.), а также оружие ударно-раздробляющего действия (кастеты, нунчаки, кистени и т. п.); холодное метательное оружие, предназначенное для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение с помощью мускульной силы человека (метательные ножи и топоры, дротики и т. п.) либо механического устройства (луки, арбалеты и т. п.)[6].

В тех случаях, когда для решения вопроса о том, являются ли оружием, боеприпасами соответствующие предметы, требуются специальные познания, по делу необходимо проведение экспертизы[6].

Важным для квалификации признаком является исправность оружия, пригодность боеприпасов для стрельбы и осознание этого виновным. При неустановлении данного признака экспертами, либо, если лицо считало данное оружие или боеприпасы неис-



правными, суд не может признать лицо виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ.

Примером может служить решение по делу Колидова А.А., которого оправдали в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.222 УК РФ — в совершении хранения по месту жительства Колидова А.А. — 1 патрона калибра 12.7 мм от антиснайперской винтовки, 23 мм выстрелом с цельнокорпусным бронебойнозажигательным снарядом.

Колидов А.А., привёз данные патроны как сувениры в память о командировках в Северо-Кавказский регион, в Р. Чечня, в период с 2000-2002 года. Он считал, что порох в патронах отсырел, и они непригодны к производству выстрелов и планировал передать патроны в музей воинской славы. Изъятый промежуточный патрон 5, 45мм калибра к автомату Калашникова находился в разрузке для компактного ношения боеприпасов и не исключает, что патрон мог выпасть из магазина к автомату, чего он не заметил и патрон мог там храниться с 2008 года, со времени его командировки в Дагестан, о чём он не знал.

Учитывая показания Колидова А.А., подтверждённые тем, что указанные предметы хранились на стеклянной полке в комнате, что отражено в протоколе обыска, копии приказов о нахождении Колидова А.А. в командировках в Северо-Кавказский регион в 2000-2002 годах, а также, что заключением криминалистической экспертизы не разрешён вопрос о пригодности указанных боеприпасов к выстрелам и такой вопрос следователем перед экспертом не ставился, суд обоснованно истолковал все сомнения в этой части в пользу подсудимого[1].

В случае если лицо считает боеприпасы пригодными для стрельбы и незаконно хранит их дома, а по факту они таковыми не являются, то действия виновного следует квалифицировать как покушение на незаконное хранение боеприпасов ч.3 ст. 30 и ч.1 ст. 222 УК РФ.

Не является предметом ч. 4 ст. 222 УК РФ холодное оружие, имеющее культурную ценность, так как сбыт указанного оружия не представляет общественной опасности, если он осуществлён в целях коллекционирования или продажи.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17 июня 2014 г., рассмотрев жалобу У., пришел к выводу о том, что в правовом регулировании порядка приобретения и хранения холодного оружия, имеющего культурную ценность, имеет место неопределенность в правилах его продажи гражданам.

В обоснование данного вывода Конституционный Суд РФ сослался на отсутствие специальной правовой регламентации порядка продажи такого оружия,

что приводит к необходимости выбора в конкретной правоприменительной ситуации между общими нормам различной отраслевой природы, одни из которых не учитывают возможную опасность этого оружия для жизни и здоровья людей, а другие — его культурную (историческую) значимость.

В подобных условиях собственники такого оружия в нарушение требований ч. 1 ст. 19 и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации лишены возможности принять правильное решение, какими из этих норм, взаимно не согласованных и противоречивых, но имеющих одинаковую юридическую силу, надлежит руководствоваться при его продаже.

Установленный Федеральным законом «Об оружии» порядок продажи холодного оружия, который действовал на момент совершения У. инкриминированного ей деяния, не включал в себя каких-либо специальных правил, касающихся оборота оружия, имеющего культурную ценность.

Федеральным законом от 10 июля 2012 г. № 113-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии»» был конкретизирован только порядок приобретения, хранения, дарения и наследования оружия, имеющего культурную ценность, в том числе старинного (антикварного).

Конституционный Суд РФ признал положение ч. 4 ст. 222 УК РФ, предусматривающее уголовную ответственность за незаконный сбыт холодного оружия, не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере в какой — в системе сохраняющего неопределенность правового регулирования оборота холодного оружия, имеющего культурную ценность, приводящую к его произвольному истолкованию и применению, — данное законоположение не предполагает учета специфики использования такого оружия и не позволяет лицу, желающему реализовать его как предмет, имеющий культурную ценность, осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий, а также предвидеть их уголовно-правовые последствия[7].

Анализ предмета преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ будет способствовать более эффективной работе правоохранительных органов при определении признаков противоправного деяния, правильной квалификации действий виновных, отграничению смежных составов преступлений.

Литература

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Кемеровского областного суда от 11 марта 2015 года. Дело Колидова А. А. № 22-716/2015. URL: <https://rospravosudie.com>. (дата обращения: 30.01.2016).



2. Кокин Д.М. «Некорыстный оборот оружия: уголовно-правовая и криминологическая характеристика». Автореферат диссертации на соискание учёной степени к.ю.н. Санкт-Петербург, 2015. — 23с.
 3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ветров Н.И. [и др.]; ред. С.В. Дьякова. — М.: Юриспруденция, 2015. — 1035 с.
 4. Уголовное право России. Части общая и особенная : учебник / М. П. Журавлев [и др.] ; ред. А. И. Рарог. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2016. — 784 с.
 5. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 года № 18. URL: <https://rospravosudie.com>. (дата обращения: 30.01.2016).
 6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств». Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/10108000/#ixzz45URJ2hSs> (дата обращения 11.04.2016).
 7. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 5 ноября 2014 г. N 109-П14 //Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 2. — 2015.
 8. Приговор Каменского районного суда Ростовской области по делу Власова М.С. от 11 апреля 2012 года. <https://rospravosudie.com/court-kamenskij-rajonnyj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-104522623/> (дата обращения 11.04.2016).
 9. Состояние преступности за январь-декабрь 2015 года. URL: mvd.ru (дата обращения: 25.10.2016).
 10. Федеральный закон «Об оружии» от 13 декабря 1996 года № 150 Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/10108000/#ixzz45URJ2hSs> (дата обращения 11.10.2016).
 11. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ Система ГАРАНТ: http://base.garant.ru/70804242/#block_104#ixzz45URXoTYk (дата обращения 11.10.2016).
1. Court dated March 11, 2015 year. Case Kolidova a. No. 22-716/2015. URL: <https://rospravosudie.com>. (date of circulation: 30.01.2016).
 2. Kokin D.m. “Nekorystnyj arms: Penal and criminological research». The dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of St. Petersburg, 2015. -23 с.
 3. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation/the winds N.i. [etc.]; Ed. S., D’jakova. -M.: jurisprudence, 2015. -1035 with.
 4. criminal law in Russia. General and especial parts: textbook/m. p. Zhuravlyov [etc.]; Ed. A. I. Rarog. -8 Ed., revised. and extras. -Moscow: prospect, 2016. -with 784.
 5. the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 17, 2014 year no. 18. URL: <https://rospravosudie.com>. (date of circulation: 30.01.2016).
 6. Decision of the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from March 12, 2002 No. 5 “on judicial practice in cases of theft, extortion and illicit trafficking in firearms, ammunition, explosives and explosive devices”. The GUARANTOR system: <http://base.garant.ru/10108000/#ixzz45URJ2hSs> (11.04.2016 treatment).
 7. the decision of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 5, 2014 N 109-P14//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — № 2. -2015.
 8. The verdict of the District Court of the Rostov region, Kamensk case Vlasova M.s. from April 11, 2012 year. <https://rospravosudie.com/court-kamenskij-rajonnyj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-104522623/>(date of circulation 11.04.2016).
 9. State crime for January-December of the year 2015. URL: mvd.ru (date: 25.10.2016).
 10. the Federal Act “on weapons” dated December 13, 1996, no. 150 GUARANTOR System: <http://base.garant.ru/10108000/#ixzz45URJ2hSs> (11.10.2016 treatment).
 11. the Federal law on amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation “dated November 24, 2014 No. 370-FZ GUARANTOR System: http://base.garant.ru/70804242/#block_104#ixzz45URXoTYk (11.10.2016 treatment).

Reference

1. Appeals the determination of the judicial Board on criminal cases of the Kemerovo Regional



УДК 34
ББК 67

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ПО БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ МОНГОЛИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

БАТ-УЛЗИЙ ДАВААЖАВ,

*адъюнкт Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, сотрудник полиции Монголии;*

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор,

Заслуженный юрист России Лебедев С.Я.

*Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология,
уголовно-исполнительное право.*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрена деятельность Управления по борьбе с коррупцией Монголии по предупреждению коррупции; исследованы основные направления деятельности отдела данного управления по предупреждению и просвещению, и предложены меры по их совершенствованию, которые, при активной реализации могли бы повлиять более успешно на развитие предупредительной деятельности УПБСК.

Ключевые слова: коррупция, Управление по борьбе с коррупцией Монголии (УПБСК Монголии), законодательство, противодействие коррупции, предупреждение коррупции, должностное лицо, государственная служба.

Annotation. The article reflects the main preventional functions of Independent Authority against corruption of Mongolia, analyzes main functions of preventional branch and offers measures to mature which, if active implementation could influence more effectively to the prevention of corruption.

Keywords. Corruption, Independence Authority against Corruption (IAAC), legislation, prevention of corruption, officials, civil service.

Основным правоохранительным органом Монголии, на чьи плечи ложится нагрузка государства в сфере противодействия и предупреждения коррупции, является независимый орган Монголии «Управление по борьбе с коррупцией» (УПБСК), которая является самостоятельным структурным органом, осуществляющим в пределах своих полномочий выработку и реализацию государственной политики в сфере борьбы с коррупцией.

УПБСК имеет собственное организационное построение, свою специфическую структуру и является независимым органом со своими, присущими только данной службе задачами, функциями и полномочиями. Численность, структура и штатное расписание данного органа утверждается Великим Государственным Хуралом Монголии.¹ Данное управление действует с 2007 года.

Необходимо отметить, что за период функционирования УПБСК обеспечена информационная прозрачность деятельности органов государствен-

ной власти Монголии и введен прозрачные счета должностных и юридических лиц. Прозрачный счет подразумевает гласность всех финансовых активов должностных и юридических лиц в целях контроля и предупреждения коррупционных преступлений. Прозрачный счет открыт для просмотра всем гражданам Монголии. Также проведена работа по регламентации государственных функций и услуг. В министерствах и большинстве региональных образований государства назначены лица, ответственные за предупреждение коррупционных правонарушений, функции которых закреплены в типовом должностном регламенте.

Назначение ответственных лиц обеспечило создание предпосылок для объективного анализа коррупционных правонарушений, совершаемых служащими, и выработке необходимых управленческих решений по их профилактике, которые были включены в антикоррупционные программы министерств, ведомств и региональных образований Монголии.



Также, управлением выработаны критерии отнесения преступлений к коррупционным и разработан перечень уголовно-наказуемых деяний коррупционной направленности, в который вошло составы преступлений, содержащихся в различных главах Уголовного кодекса Монголии.

Конкретно предупреждением коррупции занимается отдел УПБСК по предупреждению и просвещению. Его работа направлена на формирование механизмов профилактики коррупционных правонарушений, обозначенных в Законе Монголии «о противодействии коррупции» от 06.07.2006г.: разработка и совершенствование антикоррупционных программ, выработка мер по формированию системы антикоррупционного образования, пропаганды и экспертизы, а также мониторинга коррупции. Данный отдел с момента учреждения управления и по сей день в рамках своих полномочий принимает активное участие в разработке учебных программ, методических рекомендаций и различных обзоров для государственных служащих Монголии, в том числе и для следователей и оперативных сотрудников, специализирующихся на выявлении, раскрытии и расследовании преступлений коррупционной направленности.

По мнению авторитетных ученых и криминологов Монголии, было бы более эффективным деятельностью УПБСК по предупреждению коррупции, если специалисты данного управления принимали участие в сопровождении проекта государственного закона «о внесении изменений в Уголовный кодекс Монголии и Уголовно-процессуальный кодекс Монголии», в части статей, включающих преступления коррупционной направленности; осуществляли бы взаимодействие с «Ассоциацией юристов Монголии» или с другими юридическими организациями в части проведения независимых экспертиз общественно значимых нормативных правовых актов и криминологических экспертиз нормативных правовых актов на предмет коррупциогенности; организация и проведение оперативно-профилактических мероприятий, направленных на профилактику и противодействие коррупционным проявлениям в системе государственной службы Монголии;

Среди правонарушений не уголовного характера, влекущих дисциплинарную и административную ответственность, на наш взгляд, следует выделить нарушение антикоррупционных стандартов, т.е. неисполнение обязанностей, а также несоблюдение ограничений и запретов, законодательно установленных в целях предупреждения и профилактики коррупции.

В связи с этим, в рамках системы профилактики коррупционных проявлений, не исключено возможность Управлением по борьбе с коррупцией установить административный и дисциплинарный ответственности государственным служащим за несоблюдение ими правил, направленных на предупреждение коррупционного поведения, на устранение причин и условий,

способствующих коррупции. Конвенция ООН против коррупции прямо предусматривает, что каждое государство-участник стремится устанавливать и поощрять эффективные виды практики, направленные на предупреждение коррупции (ст.5).²

В Законе Монголии «о противодействии коррупции» от 06.07.2006г. определяется, что государственный служащий, в случае обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений обязан уведомлять об этом представителя нанимателя (работодателя), управление по борьбе с коррупцией и другие органы.³ Учитывая не сформированную правоприменительную практику рассмотрения таких уведомлений или сообщений в Монголии, необходимо проанализировать и развивать практику рассмотрения и проверки уведомлений, поступающих в управление по борьбе с коррупцией, механизмы защиты лиц, уведомивших о фактах коррупционных проявлений, от преступных посягательств, а также порядок информационного взаимодействия с государственными органами, в которых проходят службу заявители.

В числе мер предупреждения коррупции особое место занимает антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов. Конвенция ООН против коррупции закрепляет, что каждое государство-участник стремится «...проводить оценку соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней» (ст.5).⁴ Впервые документально необходимость проведения такой экспертизы заявлена в Национальном плане противодействия коррупции, утвержденном Президентом Монголии 2002 г.

Но, в Монголии, до сих пор еще не сформировано единого механизма проведения антикоррупционной экспертизы, нет согласованных действий по ее организации. Таким образом, разумно считать, что на законодательном уровне необходимо закрепить разграничение признаков коррупциогенности нормативных актов и согласованный порядок проведения антикоррупционной экспертизы, необходимы разработка и осуществление субъектами антикоррупционной экспертизы системы согласованных действий по ее организации и проведению, принятию необходимых мер по устранению причин и условий, способствующих принятию нормативных правовых актов, в которые могут быть включены коррупциогенные факторы.

В силу того, что современная борьба с коррупцией вышла за рамки локальной проблемы и превратилась в транснациональное явление, что в итоге обуславливает необходимость тесного международного сотрудничества, по нашему мнению, УПБСК Монголии необходимо расширить международные сотрудничества в сфере борьбы, профилактики и предупреждения преступлений коррупционной направленности, активизировать участие в различных



международных форумах по предупреждению коррупции, инициировать вступление в международные сообщества против коррупции в целях накопления положительного зарубежного опыта. История организации работы по предупреждению коррупционной преступности органов внутренних дел зарубежных стран убедительно доказывает, что ни отдельные государства, ни различные авторитетные международные организации не могут самостоятельно, без помощи друг другу, справиться с этим социальным недугом.

В заключении, хотелось бы отметить, что мировая практика показывала, что, помимо координирующих антикоррупционных структур при органах государственной власти, необходимо создание соответствующих структур и в правоохранительных органах для более эффективной борьбы и предупреждения коррупции. Во многих странах не стали создавать специальное ведомство по борьбе с коррупцией, а придали дополнительный статус действующим правоохранительным органам, в первую очередь прокуратуре. Так, например, в Дании введена должность Государственного прокурора по серьезным экономическим преступлениям, в том числе коррупции. В Италии уполномоченные прокуроры и следственные судьи входят в обособленную структуру «Антимафия». В Нидерландах с 2000 года действует Национальный прокурор по делам коррупции. А в Российской Федерации в составе Генеральной прокуратуры действует Специализированная прокуратура по борьбе с экономическими преступлениями, связанными с корруп-

цией. В Монголии создали и успешно функционирует специальное ведомство по борьбе с коррупцией. Правильное направление функционирования данного управления по противодействию и предупреждению коррупции может послужить не только фактором снижения показателей коррупции в стране, но и стать уникальным положительным примером для антикоррупционной деятельности зарубежных стран.

1 Закон Монголии «О противодействии коррупции» от 06 июля 2006 г. //Собрание законодательства Монголии – 14 января 2014 г. - №2.

2 Конвенция ООН «О противодействии коррупции» от 31 октября 2003 г

3 Закон Монголии «О противодействии коррупции» от 06 июля 2006 г. //Собрание законодательства Монголии – 14 января 2014 г. - №2.

4 Конвенция ООН «О противодействии коррупции» от 31 октября 2003 г.

Литература

1. Конвенция ООН «О противодействии коррупции» от 31 октября 2003 г
2. Закон Монголии «Против коррупции» от 06 июля 2006 г. //Собрание законодательства Монголии — 14 января 2014 г. — №2.
3. Закон Монголии «О предупреждении преступлений» от 05 декабря 1997 года. //Собрание законодательства Монголии — 12 июня 2016 г. — №3.
4. URL: <http://www.consultant.ru> — официальный сайт консультант плюс



Профессиональная этика и служебный этикет. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / [В.Я. Кикоть и др.]; под ред. В.Я. Кикотя. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014.

Применительно к реалиям современного общества систематизированно изложены нравственные основы правоохранительной деятельности. Рассмотрены этические основы специфики деятельности отдельных правоохранительных служб и учреждений.

Для студентов юридических вузов, изучающих курс профессиональной этики и служебного этикета, а также для практических работников системы правоохранительных органов.



ББК 67.408.1
УДК 343.54

НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ЮЛИЯ АЛЬТАФОВНА ЗАПАДНОВА,
*старший инспектор ОВОИВуОМСУ УОООП ГУ МВД России
по Свердловской области, адъюнкт кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Уральского Юридического Института МВД России.
Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.
E-mail: Kap-zapad@yandex.ru
Научный руководитель: кандидат юридических наук Н.В. Голубых*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются и анализируются различные подходы ученых, юристов и правоприменительной деятельности судов относительно привлечения к уголовной ответственности близких родственников, отчима, мачехи, сожителя и сожительницы — за совершение преступления, предусмотренного статьей 156 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: несовершеннолетний, жестокое обращение, специальный субъект, близкие родственники, отчим и мачеха, сожитель, статья 156 УК РФ.

Annotation. In the article discusses and analyzes the different approaches of scientists, lawyers and courts on the with respect to criminal prosecution relatives, stepfather, stepmother, roommate and roommate for committing a crime under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: minor, child abuse, a special subject, near of kin, step-father and step-mother, roommate, article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Семья влияет на воспитание ребенка как положительно, так и отрицательно. Дети в большинстве своем копируют поведение своих родителей, так как получают первый жизненный опыт и стараются быть похожими на них. Однако, не всегда пример, который подают родители детям приемлем для подражания — алкоголизм, наркомания, развратный образ жизни, жестокое обращение, насилие в семье и т. д.

Одним из механизмов урегулирования данной проблемы выступает наказание за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, предусмотренное ст. 156 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее УК РФ). [2] В силу специфики объекта уголовной охраны состав ст. 156 УК РФ характеризуется специальным субъектом и предусматривает ответственность ограниченного круга лиц: родителей, иных лиц, на которых возложены эти обязанности, педагога, работников образовательных, медицинских и социальных организаций, а также иных организаций, обязанных осуществлять надзор за несовершеннолетним.

Рассмотрим понятие иных лиц, на которых возложены обязанности по воспитанию детей, так как оценка признаков данной категории вызывает определенные трудности при квалификации.

Под воспитанием С.И. Ожегов понимает навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной жизни. Словом «воспитать» он определяет «вырастить (ребенка), воздействуя на духовное и физическое развитие, дав образование, обучив правилам поведения, путем систематического воздействия и влияния сформировать (характер, навыки)». [22]

Так, ст. 63 Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (далее СК РФ) предписывает обязанность родителей по воспитанию своих детей, помимо этого п. 6 ст. 148.1 СК РФ обязывает опекунов и попечителей воспитывать несовершеннолетних детей [4], а далее указанная обязанность по воспитанию уже нигде в нормах семейного права не фигурирует, что говорит о некотором пробеле в законодательстве и требует внесения ясности. По на-



шему мнению, круг лиц, подлежащих уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ, следует расширить.

Некоторые авторы предлагают к «иным лицам, на которых возложены обязанности по воспитанию» относить бабушку, дедушку, отчима, мачеху, брата, сестру, тетю и дядю, а также лиц, находящихся в «фактических брачных отношениях» (сожителя и сожительницу), то есть фактических воспитателей. [18], [15, с. 62] Данная позиция не обладает соответствующей аргументацией, поскольку очевидно, что обязанности по воспитанию несовершеннолетних должны вытекать из требований законодательства.

Так, анализ законодательства по отношению к вопросу воспитания детей позволяет сделать следующий вывод: в случае невозможности получения содержания от своих родителей несовершеннолетние вправе получить в судебном порядке алименты от своих трудоспособных совершеннолетних братьев и сестер, а также бабушки и дедушки при наличии финансовой возможности (ст. 93, 94 СК РФ) [4]. Вместе с тем данные нормы регулируют лишь вопросы содержания и получения алиментных обязательств.

Под содержанием понимается «средства, которые даются кому-нибудь для обеспечения существования, иждивение (устаревшее)». [22] Поэтому, исходя из смысла понятия не следует приравнять вопросы содержания к вопросам воспитания. Кроме того, право ребенка на его содержание закреплено за родителями и иными членами семьи ч. 1 ст. 60 СК РФ и предусматривает только денежный и имущественный эквивалент.

Что касается отчима, мачехи, тети, дяди и лиц, находящихся в «фактических брачных отношениях», то закон не предусматривает каких-либо обязательств по воспитанию указанными лицами в отношении несовершеннолетнего.

Изучение обзора практики рассмотрения уголовных дел по ст. 156 УК РФ свидетельствует о неоднозначности подхода к вопросу толкования признаков, характеризующих специальный субъект анализируемого преступления. В отдельных разъяснениях суда говорится, что «воспитательные функции по отношению к детям могут осуществлять и другие лица, не являющиеся официальными опекунами и попечителями, но взявшие к себе детей на постоянное воспитание (братья, сестры, дедушки, бабушки)». [21], [20] Данная позиция является спорной. Как правильно отмечает Н.В. Гуль «нельзя вменить в вину не совершение тех действий по воспитанию несовершеннолетнего, которые не входили в круг его обязанностей». [13, с. 162] Поэтому необходимо устанавливать, какие именно обязанности по воспитанию несовершеннолетнего следуют из соответствующего нормативного акта.

Так, Верховный суд Республики Марий Эл, обобщая практику рассмотрения уголовных дел по ст. 156 УК РФ, пришел к выводу, что субъект данного преступления — специальный: родители несовершен-

нолетнего, то есть лица, записанные его отцом или матерью в книге записей о рождении; иное лицо, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (усыновители, опекуны, попечители, приемные родители); педагоги; другие работники образовательного, воспитательного, лечебного или иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним. [24] Стоит заметить, что в данном перечне отсутствуют отчим, мачеха, братья, сестры, бабушки, дедушки.

Значит законодатель оставляет данную проблему без урегулирования и, соответственно, вопрос воспитания детей фактическими воспитателями без решения. Это обстоятельство, на наш взгляд, не в полной мере отвечает требованиям международного законодательства. Так, Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, говорит, что защита детей от жестокого обращения должна осуществляться, в том числе от любых других лиц, заботящихся о ребенке (ч. 1 ст. 19). [1] При этом данная категория граждан выпадает из внимания отечественного законодателя в этом аспекте. Иные нормы УК РФ хотя и позволяют привлечь к ответственности за посягательства на здоровье и половую неприкосновенность несовершеннолетнего, однако не охватывают вопрос психического насилия и пренебрежения основными потребностями и нуждами ребенка. Соответственно иные лица, заботящиеся о ребенке, предусмотренные Конвенцией, а также лица, фактически проживающие совместно с ребенком по разным причинам и фактически исполняющие его воспитание, не могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ.

Исходя из анализа практики деятельности подразделений по делам несовершеннолетних (далее ПДН) [23] считаем, что воспитание ребенка родственниками и иными лицами в жизни встречается очень часто: во время каникул несовершеннолетнего отдают на воспитание бабушке и дедушке, на период длительного отсутствия родителей (запой, асоциального образа жизни) тетя и дядя ребенка осуществляют заботу о нем, во время командировки либо тяжелого заболевания одного из родителей ребенок также может находиться под надзором отчима, мачехи и иных лиц. В случае, если указанные лица будут жестоко обращаться с несовершеннолетним, то ребенок останется фактически беззащитным, при этом его здоровью и психике может быть нанесен непоправимый вред. Это связано с тем, что пренебрежение основными потребностями и нуждами ребенка, как одна из форм жестокого обращения, не имеет своего законодательного отражения в иных статьях УК РФ.

Анализируя ретроспективный аспект изучаемой проблемы следует отметить, что еще с давних времен было определено, что лица, осуществляющие надзор за детьми, подлежат ответственности за «благоприятствование или побуждение лицами, имеющими надзор за несовершеннолетними или малолетними к



совершению последними nepотpeбствa и других пo-poкoв», a тaкжe «пoкинутe или oстaвлeниe гpyднoгo млaдeнцa, a тaкжe peбeнкa дo 7 лeт poдитeлaми или иными лицами, кoтopые пo звaнию свoeмy и дoлгy пpиpoды oбязaны имeть пoпeчeниe o млaдoлeтнeм» (ст.ст. 1986-1991 Угoлoвнoгo улoжeния o нaкaзaнияx 1845 г.). [9] Кpoмe тoгo, зaкoнoдaтeлeм в paмкaх пpo-ектa Угoлoвнoгo улoжeния 1903 г. в сeнтaбpe 1895 г. пpeдпpинимaлись пoпыткe утвepдить ст. 361 oб oтвeтствeннoсти poдитeлeй или лиц, имeющих пoпeчeниe или нaдзop нaд нeсoвepшeннoлeтним зa жeстoкoe oбpaщeниe c peбeнкoм, eсли эти дeяния нe пoвлeкли вeсьмa тязжoгo или тязжoгo тeлeснoгo пoвpeждeния. [19, с. 150] Oднaкo этa нopмa нe нaшлa свoгo зaкoнoдaтeльнoгo paзpeшeния. Пpи этoм фaкт нaличия дaннoгo зaкoнoпpoектa пoд aвтopствoм E.Н. Poгoзинa, Н.С. Taгaнцeвa, И.Я. Фoйницкoгo гoвopит o знaчимoсти oхpaны oбщeствeнных oтнoшeний пo oбeспeчeнию нopмaльнoгo paзвития и вoспитaнию нeсoвepшeннoлeтнeгo ужe в тoт пepиoд вpeмeни.

Вмeстe с тeм, Кoдeкс o бpaкe и сeмьe PCФCР, утвepждeнный Вepхoвным Coвeтoм PCФCР 30.07.1969 (дaлee Кoдeкс PCФCР) кoсвeннo пpeдycмaтpивaл нaличия у oтчимa и мaчeхи oбязaннoсти пo вoспитaнию дeтeй (ст. 80, 81). [5] К coжaлeнию, в дeйствyющeм СК PФ oтcyтствyeт фopмyлиpoвкa «вoспитaниe нeсoвepшeннoлeтних» пpимeнитeльнo к oтчиму и мaчeхe.

Пpoвeдeннoe нaми aнкeтиpoвaниe coтpyдникoв ПДН Свepдлoвскoй oблaсти пoкaзaлo нeoбxoдимoсть paшиpeния кpyгa спeциaльных cyбьeктoв в aнaлизирyeмoй нopмe УК PФ. Нa вoпpoc «Считaeтe ли Вы, чтo yвeличeниe кpyгa cyбьeктoв в диспoзиции стaтьи 156 УК PФ peшит пpoблeмy пpимeнeния нaсилия в oтнoшeнии нeсoвepшeннoлeтних лицaми, coвмeстнo пpoживaющими c нeсoвepшeннoлeтним?» 43% oпpoшeнных рeспoндeнтoв oтвeтилo «дa», 32% зaтpyднилoсь oтвeтить и 25% oтвeтилo oтpицaтeльнo [23, с. 2], чтo тaкжe пoдтвepждaeт нeoбxoдимoсть oгpaждeния дeтeй oт сeмeйнoгo нaсилия co cтopoны фaктичeских вoспитaтeлeй.

В связи с aктуaльнoстью дaннoй пpoблeмы в нaчyнoй литepaтype выдвигaются paзличныe пoзиции oтнoситeльнo paзpeшeния дaннoгo вoпpoca.

В.Л. Aндрeeв пpeдлaгaeт включить в диспoзицию paссмaтpивaeмoй стaтьи в кaчeствe cyбьeктa пpeстyплeния лиц, фaктичeски зaбoтaющихся o peбeнкe. [11, с. 74] В зaкoнe пeрeчeнь лиц, oсyщeствляющих зaбoтy o peбeнкe, oтcyтствyeт, a этo в свoю oчepeдь пpивeдeт к нeoднoзнaчнoмy тoлкoвaнию нopм и нe peшит пpoблeмy.

Пo мнeнию Л.А. Aвдeeвoй cyбьeктивный coстaв ст. 156 УК PФ тaкжe слeдyeт paшиpить пpeдycмoтpeв yгoлoвнyю oтвeтствeннoсть лицa, oбязaннoгo oсyщeствлять нaдзop зa нeсoвepшeннoлeтним. Aвтop в дaннoм слyчae пoдpaзyмeвaeт лиц, нa кoтopые зaкoнoм вoзлoжeны пoлнoмoчия пo вoспитaнию нeсoвepшeннoлeтних и oсyщeствлeнию зa ними нaдзopa, a тaкжe близкиx и дaльних poдствeнникoв, пoстopoнних лиц, кoтopые oсyщeствляют нaдзop зa нeсoвepшeннoлeт-

ним в силу дoгoвopных oтнoшeний. [10, с. 20]

Слoвapь С.Н. Oжeгoвa пoд нaдзopoм пoнимaeт opгaн, гpyппy лиц для нaблюдeния зa кeм-нибyдь, чeм-нибyдь, зa coблoдeниeм кaких-нибyдь пpaвил, мoжeт быть: тeхничeский нaдзop, сaнитapный нaдзop, пoжapный нaдзop. [22]

Дaнный тepмин пpимeнитeльнo к нeсoвepшeннoлeтним в нaшeм зaкoнoдaтeльствe пpимeняeтся в paзличных интepпpeтaцияx и смыслax: «гoсyдapствeнный нaдзop зa coблoдeниeм (кypсив нaш.- Aвт.) зaкoнoдaтeльствa Poccийскoй Фeдepaции o зaщитe дeтeй oт инфopмaции, пpичиняющeй вpeд их здopoвью и (или) paзвитию» [8], «кoнтpoль и нaдзop зa дeятeльнoстью opгaнoв и yчpeждeний систeмы пpoфилaктики бeзнaдзopнoсти и пpaвoнapyшeний нeсoвepшeннoлeтних» [7], «пpaвилa yстaнaвливaют пopядoк пpoвeдeния мeдицинскoгo oбслeдoвaния дeтeй-сирoт и дeтeй, oстaвшихcя бeз пoпeчeния poдитeлeй, пoмeщaeмыx пoд нaдзop в opгaнизaцию для дeтeй-сирoт и дeтeй, oстaвшихcя бeз пoпeчeния poдитeлeй». [6]

Cooтвeтствeннo, тepмин «нaдзop» в oснoвнoм иcпoльзyeтcя пpи oписaнии гoсyдapствeннo-влaстнoй дeятeльнoсти opгaнoв, yчpeждeний пo coблoдeнию кoнтpoля зa oпpeдeлeннoй линией пoвeдeния лиц или пoдpaздeлeний. Пpи этoм, тepмин «нaдзop зa нeсoвepшeннoлeтним», yпoмянyтый Л.А. Aвдeeвoй, [10, с. 20] являeтcя вepным в paмкaх диспoзиции ст. 156 УК PФ, тaк кaк спeциaльный cyбьeкт дaннoй стaтьи, нaблюдaя зa coблoдeниeм нeсoвepшeннoлeтним кaких-либo пpaвил бeзoпaснoсти и пoвeдeния, oсyщeствляeт cooтвeтствyющий нaдзop зa ним (нaпpимep, слeдoвaниe peжимy дня, пpaвилaм личнoй бeзoпaснoсти жизнeдeятeльнoсти, пpaвилaм личнoй гигиeны peбeнкa и т. д.).

O.М. Шaгaнoвa пpeдлaгaeт в кaчeствe cyбьeктa нeиспoлнeния oбязaннoстeй пo вoспитaнию нeсoвepшeннoлeтнeгo пoмимo лиц, пeрeчислeнных в ст. 156 УК PФ, пpeдycмoтpeть тaкжe лиц, фaктичeски oсyщeствляющих oбязaннoсти пo вoспитaнию нeсoвepшeннoлeтнeгo. Пpи этoм O.М. Шaгaнoвa дoпoлнитeльнo пoясняeт, чтo «oтвeтствeннoсть пo ст. 156 УК PФ нaстyпaeт в слyчae, eсли винoвнoe лицo oбязaнo былo дeйствoвaть в cooтвeтствии c зaкoнoм или иным нopмaтивным пpaвoвым aктoм». [25, с. 10]

Пpoтивoрeчивым пpeдстaвляeтcя мнeниe O.М. Шaгaнoвoй o тoм, чтo «лицo, фaктичeски oсyщeствляющee вoспитaниe» бyдeт нeсти oтвeтствeннoсть зa нeиспoлнeниe или нeнaдлeжaщee иcпoлнeниe cooтвeтствyющих oбязaннoстeй, тoлькo в тoм слyчae, eсли эти oбязaннoсти пpeдycмoтpeны зaкoнoм. Oднaкo ни в oднoм нopмaтивнoм пpaвoвoм aктe нe зaкpeплeны oбязaннoсти лиц, фaктичeски oсyщeствляющих вoспитaниe.

И.Г. Гyтieva пpeдлaгaeт дoпoлнить фopмyлиpoвкy диспoзиции слoвoсoчeтaниeм «a тaкжe иным лицoм, иcпoлняющим oбязaннoсти пo вoспитaнию нeсoвepшeннoлeтнeгo нa дoгoвopных oтнoшeнияx». [14] Пpeдстaвляeтcя, чтo этo нe peшит пpoблeмy пpимeнeния нaсилия co cтopoны фaктичeских вoспитaтe-



лей, так как наличие договорных отношений вызовет трудности у правоприменителя, связанные с доказыванием (в связи с устной формой договора) и уклонение от ответственности виновных лиц.

Д.З. Зиядова выдвигает позицию об увеличении круга субъектов ст. 156 УК РФ до любого совершеннолетнего лица и включении родителей и законных представителей в качестве квалифицирующего признака [16, с. 37], что, не вполне корректно, поскольку любое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, не призвано осуществлять воспитание либо надзор за несовершеннолетним.

Н.В. Коваль достаточно целостно анализирует проблему привлечения к ответственности лиц, осуществляющих фактическое воспитание несовершеннолетних, и предлагает предусмотреть в качестве субъекта преступления «лицо, от которого несовершеннолетний находится в материальной или иной зависимости», тем самым существенно расширяя круг субъектов и увеличивая превентивный потенциал данной нормы. [17, с. 104] Это предложение заслуживает внимания, но не позволит в полной мере обеспечить охрану прав и интересов несовершеннолетних от преступных посягательств, так как «лицо, от которого несовершеннолетний находится в материальной или иной зависимости» будет нести уголовную ответственность за обязанности по воспитанию ребенка, которые на него не возложены законом. Поэтому, считаем, что ответственность родственников, отчима, мачехи и иных лиц останется невозможной, так как по закону право на воспитание принадлежит его родителям, а также опекунам и попечителям.

Кроме того, мы согласны с В.Ф. Беловым, который актуализирует проблему насилия в отношении несовершеннолетних не только со стороны родственников, но и иных проживающих с ними лиц (по каким-либо причинам имеющих возможность часто общаться с детьми). [12, с. 2] Действительно совместное проживание обладает соответствующей общественной опасностью.

В связи с вышеизложенным считаем целесообразным внести соответствующие изменения в действующее уголовное законодательство, предусмотрев в диспозиции ст. 156 УК РФ в качестве субъекта «иное лицо, совместно проживающее с несовершеннолетним и фактически осуществляющее надзор за ним».

Кроме того считаем, необходимым:

- в нормах СК РФ определить понятие «надзор за несовершеннолетним», под которым следует понимать действия бабушки, дедушки и иных лиц, осуществляющих на основе договора или факте совместного проживания с несовершеннолетним, действия по присмотру, наблюдению или контролю за соблюдением несовершеннолетним определенных правил, режима или норм.
- в ст. 63 и ст. 148.1 СК РФ предусмотреть право законных представителей (родителей,

усыновителей, опекунов, попечителей) несовершеннолетнего на передачу ребенка под временный или постоянный надзор близким родственникам, иным родственникам, отчиму и мачехе, а также лицам, находящимся в «фактических брачных отношениях» при определенных обстоятельствах.

По нашему мнению, данные предложения по изменению законодательства позволят значительно улучшить положение дел по обеспечению защиты прав и законных интересов несовершеннолетних от фактов жестокого обращения и злоупотребления обязанностями по их воспитанию.

Литература

1. Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // [Электронный ресурс] СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 13.09.2015).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.03.2016) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.04.2016).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.05.2016) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 04.06.2016).
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.01.2016).
5. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.07.1969) (ред. от 07.03.1995, с изм. от 29.12.1995) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 04.06.2016).
6. Об утверждении Правил проведения медицинского обследования детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, помещаемых под надзор в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2015 № 170 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 04.06.2016).
7. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 23.11.2015) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.05.2016).
8. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.05.2016).
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // [Электронный ресурс] URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.



- php?part=508®im=3 (дата обращения 24.06.2015).
10. Авдеева Л.А. Уголовно-правовая охрана семейных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — 2009. — 22 с.
 11. Андреев В.Л. Направление реализации уголовной политики в сфере уголовно-правовой охраны интересов семьи и несовершеннолетних // Вестник СПбУ МВД. — 2011. — № 1. — С. 71-75.
 12. Белов В.Ф. Особенности уголовно-правовой охраны несовершеннолетних от жестокого обращения // Следователь.-2005. -№ 10.- С. 2-3.
 13. Гуль Н. В. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Журнал Российского права. — 2005. — № 3.- с. 159-163.
 14. Гутиева И. Г. Уголовно-правовая характеристика неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Каталог статей и учебных пособий «JourClub» [Электронный ресурс] <http://www.jourclub.ru/30/1611/2/#i-2> (дата обращения: 02.03.2016).
 15. Защитить права детей. Методические рекомендации по выявлению и привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 156 УК РФ // Участковый. — 2009. — № 5. — С. 54-64.
 16. Зиядова Д.З. Роль правовой защиты несовершеннолетних в предупреждении преступности в подростковой среде // Следователь. — 2004. — № 8. — С. 36-39.
 17. Коваль Н.В. К вопросу о специальном субъекте неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Современные тенденции развития российского уголовного законодательства: сборник материалов круглого стола. Москва. — Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2014. — С. 100-104.
 18. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. под общ. ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 1. 792 с. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.01.2016).
 19. Нуркаева Т. Н. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего [156 УК РФ] // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. — 2005. — № 3. — С. 149-151.
 20. Обобщение практики рассмотрения в 2008 году уголовных дел по ст. 156 УК РФ // Ивдельский городской суд Свердловской области [Электронный ресурс] http://ivdelsky.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=56 (дата обращения: 30.03.2016).
 21. Обобщение судебной практики рассмотрения уголовных дел по ст. 156 УК РФ // Официальный сайт судебного участка в административно-территориальных границах Гайского района Оренбургской области [Электронный ресурс] <http://gair.kodms.ru/press/obobscheniesudebnoj-praktiki-rassmotreniya-ugolov/> (дата обращения: 30.03.2016).
 22. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Электронный вариант толкового словаря русского языка // Толковый словарь [Электронный ресурс] <http://ozhegov-online.ru/slovar-ozhegova/sistema/31565/> (дата обращения: 14.04.2016).
 23. Справка о результатах проведения анкетирования сотрудников ПДН территориальных органов МВД России по МО Свердловской области (исх. № 4/411 от 26.02.2016 в ГУ МВД Росси по Свердловской области). 4 с.
 24. Справка по обобщению практики рассмотрения уголовных дел по ст.156 УК РФ по итогам 2009 года в Республике Марий Эл // Верховный суд в республике Марий Эл [Электронный ресурс] <http://vs.mari.sudrf.ru/modules.php?id=2277&name=information> (дата обращения: 30.03.2016).
 25. Шаганова О.М. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. — Ом. акад. МВД РФ, 2014. — 26 с.

Reference

1. Konventsiya o pravakh rebenka, odobrennaya General'noy Assambleey OON 20.11.1989 (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990) // [Elektronnyy resurs] SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 13.09.2015).
2. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 30.03.2016) // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 03.04.2016).
3. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 01.05.2016) // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 04.06.2016).
4. Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 30.12.2015) // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 10.01.2016).
5. Kodeks o brake i sem'e RSFSR (utv. VS RSFSR 30.07.1969) (red. ot 07.03.1995, s izm. ot 29.12.1995) // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 04.06.2016).
6. ObutverzhdeniiPravilprovedeniyameditsinskogo obsledovaniya detey-sirot i detey, ostavshikhnya bez popecheniya roditeley, pomeshchaemykh pod nadzor v organizatsiyu dlya detey-sirot i detey, ostavshikhnya bez popecheniya roditeley: postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 26.02.2015 № 170 // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 04.06.2016).



7. Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh: Federal'nyy zakon ot 24.06.1999 № 120-FZ (red. ot 23.11.2015) // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.05.2016).
8. O zashchite detey ot informatsii, prichinyayushchey vred ikh zdorov'yu i razvitiyu: Federal'nyy zakon ot 29.12.2010 № 436-FZ (red. ot 29.06.2015) // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 14.05.2016).
9. Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 goda // [Elektronnyy resurs] URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=508®im=3 (data obrashcheniya 24.06.2015).
10. Avdeeva L.A. Ugolovno-pravovaya okhrana semeynykh otnosheniy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.08. — 2009. — 22 s.
11. Andreev V.L. Napravlenie realizatsii ugovolnoy politiki v sfere ugovolno-pravovoy okhrany interesov sem'i i nesovershennoletnikh // Vestnik SPBU MVD. — 2011. — № 1. — S. 71-75.
12. Belov V.F. Osobennosti ugovolno-pravovoy okhrany nesovershennoletnikh ot zhestokogo obrashcheniya // Sledovatel'. -2005. -№ 10.- S. 2-3.
13. Gul' N. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za neispolnenie obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego // Zhurnal Rossiyskogo prava. — 2005. — № 3.- s. 159-163.
14. Gutieva I.G. Ugolovno-pravovaya kharakteristika neispolneniya obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego // Katalog statey i uchebnykh posobiy «JourClub» [Elektronnyy resurs] <http://www.jourclub.ru/30/1611/2/#i-2> (data obrashcheniya: 02.03.2016).
15. Zashchitit' prava detey. Metodicheskie rekomendatsii po vyyavleniyu i privlecheniyu k ugovolnoy otvetstvennosti lits, sovershivshikh prestupleniya, predusmotrennye st. 156 UK RF // Uchastkovyy. — 2009. — № 5. — S. 54-64.
16. Ziyadova D.Z. Rol' pravovoy zashchity nesovershennoletnikh v preduprezhdenii prestupnosti v podrostkovoy srede // Sledovatel'. — 2004. — № 8. — S. 36-39.
17. Koval' N.V. K voprosu o spetsial'nom sub"ekte neispolneniya obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego // Sovremennye tendentsii razvitiya rossiyskogo ugovolnogo zakonodatel'stva: sbornik materialov kruglogo stola. Moskva. — Akademiya General'noy prokuratury RF, 2014. — S. 100-104.
18. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: v 2 t. pod obshch. red. A.V. Brilliantova. 2-e izd. M.: Prospekt, 2015. T. 1. 792 s. // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 10.01.2016).
19. Nurkaeva T. N. Ugolovnaya otvetstvennost' za neispolnenie obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego [156 UK RF] // «Chernye dyry» v Rossiyskom Zakonodatel'stve. — 2005. — № 3. — S. 149-151.
20. Obobshchenie praktiki rassmotreniya v 2008 godu ugovolnykh del po st. 156 UK RF // Ivdel'skiy gorodskoy sud Sverdlovskoy oblasti [Elektronnyy resurs] http://ivdelsky.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=56 (data obrashcheniya: 30.03.2016).
21. Obobshchenie sudebnoy praktiki rassmotreniya ugovolnykh del po st. 156 UK RF // Ofitsial'nyy sayt sudebnogo uchastka v administrativno-territorial'nykh granitsakh Gayskogo rayona Orenburgskoy oblasti [Elektronnyy resurs] <http://gair.kodms.ru/press/obobschenie-sudebnoj-praktiki-rassmotreniya-ugolov/> (data obrashcheniya: 30.03.2016).
22. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Elektronnyy variant tolkovogo slovarya russkogo yazyka // Tolkovyy slovar' [Elektronnyy resurs] <http://ozhegov-online.ru/slovar-ozhegova/sistema/31565/> (data obrashcheniya: 14.04.2016).
23. Spravka o rezul'tatakh provedeniya anketirovaniya sotrudnikov PDN territorial'nykh organov MVD Rossii po MO Sverdlovskoy oblasti (iskh. № 4/411 ot 26.02.2016 v GU MVD Rossi po Sverdlovskoy oblasti). 4 s.
24. Spravka po obobshcheniyu praktiki rassmotreniya ugovolnykh del po st.156 UK RF po itogam 2009 goda v Respublike Mariy El // Verkhovnyy sud vrespublike Mariy El [Elektronnyy resurs] <http://vs.mari.sudrf.ru/modules.php?id=2277&name=information> (data obrashcheniya: 30.03.2016).
25. Shaganova O.M. Ugolovnaya otvetstvennost' za neispolnenie obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.08. — Om. akad. MVD RF, 2014. — 26 s.



УДК 343.575
ББК 67.408

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ПРИЗНАКА СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОПРЯЖЕННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
ПРЕКУРСОРОВ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ,
ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА**

ФИРДАВС МАДУЛЛОВИЧ ХАЙРОВ,
адъюнкт факультета научно-педагогических
и научных кадров Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.

E-mail: firdavskhayrov@gmail.com

Научный руководитель: начальник кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор А.П. Дмитренко

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются проблемы определения субъекта незаконного оборота прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: прекурсоры, субъект преступления, незаконный оборот прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ.

Annotation. This article discusses about the problem of determining the subjective indicators of illicit traffic of precursors of narcotic drugs and psychotropic substances.

Keywords: precursors, the subjective indicators of the crime, illicit trafficking of precursors of narcotic drugs and psychotropic substances.

Согласно действующим уголовным законодательствам Российской Федерации и Республики Таджикистан субъектом преступления может быть только человек, способный осознавать свои действия, руководить ими и нести за их совершения уголовную ответственность¹. Анализ этого понятия позволяет выделить три обязательных признака субъекта преступления: физическое лицо, вменяемость и возраст.

Первый признак свидетельствует о том, что в качестве субъекта может выступать только физическое лицо.

В настоящее время в теории уголовного права активно обсуждается вопрос о возможности признания субъектом преступления юридического лица². В частности, А.В. Наумов, указывает, что целесообразность установление уголовной ответственности

для юридических лиц заключается в том, что это сделает экономически невыгодной вредную производственную деятельность для всех сотрудников конкретного предприятия, а не только для его хозяйина и управленческого персонала³. Подобной точки зрения придерживается значительная часть ученых, аргументируя примерами законодательств ряда зарубежных стран, не учитывая, кардинальное отличие нашей судебной системы от судебных систем стран, рассматривающих юридическое лицо, как субъект преступления. Европейский комитет по проблемам преступности также рекомендует государствам-членам Совета Европы признать юридических лиц субъектами уголовной ответственности за экологические преступления⁴. Данная позиция не нашла своего отражения, как в законодательствах Российской Феде-



рации, так и Республики Таджикистан.

Такой подход законодателя является обоснованным, так как:

- организации, предприятия, учреждения (юридические лица) не могут действовать ни умышленно, ни по неосторожности;
- со стороны юридического лица совершение определенных и многочисленных преступлений (грабёж, разбой, изнасилование и т.д.) не возможно;
- за преступления, в которых участвуют юридические лица (Незаконная банковская деятельность — ст. 263 УК РТ; Злостное банкротство — ст. 270 УК РТ; Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте — ст. 287 УК РТ и др.) уголовную ответственность несут руководитель, либо ответственные лица данных предприятий, организаций и учреждений;
- санкции для юридических лиц вполне существенно применяются в рамках административного и гражданского законодательства.

Так же, Н.Ф. Кузнецова, указывает, что установление уголовной ответственности не соответствует принципам виновной и личной ответственности. Невозможно совмещать принципы вины и личной ответственности с коллективной ответственностью юридических лиц так как, за коллективной ответственностью юридического лица вполне могут скрыться истинные виновники преступления. Более высокие штрафы и возможность ликвидации предприятий допустимы и в рамках гражданско-правовых санкций⁵. В дополнении этих аргументов можем указать, что вина является психическим отношением человека к своему деянию, которого у юридических лиц нет.

Таким образом, в вопросе о признании юридического лица субъектом уголовной ответственности более обоснованным признаются позиции тех авторов, которые полагают, что установление уголовной ответственности юридических лиц будет противоречить принципу виновной и личной ответственности.

Следующим признаком выступает вменяемость. Как нам известно, это такое психическое состояние человека, при котором его разум контролирует поведение и осознает противоправность совершаемых деяний⁶. В уголовном праве России и Таджикистана, также, закреплено понятие невменяемости, где лицо, за совершения им общественно опасного деяния не подлежит уголовной ответственности в силу особого психического состояния.

Одно из важных условий квалифицирующего признака субъекта признается возраст уголовной ответственности, не достижение которого позволяет говорить об отсутствии правовых оснований для привлечения лица к уголовной ответственности. По общему правилу, за совершения большинства пре-

ступлений уголовная ответственность наступает по достижению лицом возраста 16 лет. В Таджикистане, так же как и в России, лишь за некоторые преступления, общественная опасность которых значительна, уголовная ответственность наступает по достижении возраста 14 лет. Перечень данных преступлений изложен в ч. 2 ст. 23 УК Республики Таджикистан и является исчерпывающим⁷.

Для состава преступления, указанные признаки являются обязательными. Отсутствие хотя бы одного из них влечет в деянии отсутствие состава преступления.

В части 1 ст. 2021 («Незаконное производство, изготовление, переработка, приобретение, хранение, сбыт, транспортировка или пересылка прекурсоров») в части 1 ст. 2022 («Хищение прекурсоров») и в части 2 ст. 289 («Контрабанда») УК Республики Таджикистан, предусматривающих ответственность за незаконный оборот прекурсоров, субъект может быть как общим, так и специальным. В ряде других уголовно-правовых норм Уголовного кодекса Республики Таджикистан; в пункте «в» части 2 статьи 2021 «Незаконное производство, изготовление, переработка, приобретение, хранение, сбыт, транспортировка или пересылка прекурсоров», в пункте «г» части 2 статьи 2022 «Хищение прекурсоров», а также в статье 2061 «Нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными веществами или прекурсорами, сильнодействующими или ядовитыми веществами» и в пункте «б» части 3 статьи 289 «Контрабанда» предусматривается ответственность только специального субъекта⁸.

В доктрине уголовного права под специальным субъектом принято понимать физическое, вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления установленного законом возраста уголовной ответственности и обладающее дополнительными признаками, специально предусмотренными уголовным законом⁹. Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за незаконный оборот прекурсоров, к специальным субъектам рассматриваемых составов преступлений относят лиц, в обязанности которого входит соблюдение правила оборота соответствующих веществ, обладающих служебным положением и должностных лиц. Вопросы квалификации подобных составов весьма обстоятельно рассмотрены в научной литературе¹⁰. В связи, с чем полагаем, что нет необходимости акцентировать на них особое внимание.

Между тем, проанализировав квалифицирующий признак привлечение к уголовной ответственности за контрабанду прекурсоров (п. «б» ч. 3 ст. 289 УК РТ), где субъектом преступления является должностное лицо с использованием своего служебного положения, считаем, что данное деяние может совершаться не только должностным лицом, но и служащими государственных учреждений. Поэтому, в рассматриваемом случае, целесообразно исключить



из п. «б» ч. 3 ст. 289 УК РФ слово «должностным», изложив данную норму в следующем виде: «б) лицом с использованием своего служебного положения». Совершение незаконного оборота прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ лицом с использованием своего служебного положения является самостоятельным квалифицирующим признаком рассматриваемых преступлений. Лицо, совершая преступление с использованием своего служебного положения, в значительной степени повышает общественную опасность деяния, так как данное лицо, обладающее опытом и профессиональными знаниями¹¹.

На примере незаконной охоты, Пленум Верховного Суда РФ, разъясняя содержание этого квалифицирующего признака, указал, что в случаях, когда виновным в совершении преступления признается должностное лицо государственного предприятия, учреждения, организации или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой, или иной организации, оно должно нести ответственность по соответствующей статье¹².

В правоприменительной практике возникают серьезные затруднения в правильном понимании использования служебного положения. Данная проблема неоднократно выступала предметом дискуссии в аспекте квалификации должностных преступлений в уголовно-правовой доктрине¹³.

Мы определяем следующие понимания использования служебного положения при совершении преступлений: использования служебного положения при совершении противоправных действий, в ходе выполнения служебных и функциональных обязанностей, и совершение противоправных действий лицом, обладающим определенным авторитетом, в силу конкретной занимаемой должности, имея ряд реальных юридических возможностей и служебные связи с другими должностными лицами, способно оказывать влияние на лиц, выполняющие управленческие функции в иных организациях и учреждениях.

Однако, ряд авторов, под использованием служебного положения предлагают понимать использование субъектом не только юридических прав, но и фактических возможностей, которыми он обладает именно в связи с занимаемой должностью¹⁴. Подобное понимание использования служебного положения представляется более обоснованным, и оно в большей степени соответствует действующему уголовно-законодательству. Поскольку, если бы законодатель основывался на узком понимании исследуемого квалифицирующего признака, то в тексте уголовного закона следовало бы использовать термин «использование служебных полномочий», которые юридически составляют статус должностного лица. Применения законодателем термина «использование служебного положения» в ряде статей УК РФ (в п. «в» ч. 2 ст. 201 «Незаконное производство, изготовление, переработка, приобретение, хранение, сбыт, транспортировка или пересылка прекурсоров» и в п. «г» ч. 2 ст.

2022 «Хищение прекурсоров»), в большей мере соответствует, его широкому пониманию.

1 См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е издание, переработанное и дополненное / под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д-ра юрид. наук, проф. С. В. Дьякова, д-ра юрид. наук, проф. Н. Г. Кадникова / М., Юриспруденция. 2013. С. 55.

2 См.: Антонов, Е.Ю. Юридическое лицо как субъект преступления: опыт зарубежных стран и перспективы применения в России: дис. ... канд. юрид. наук / Е.Ю. Антонов. Владивосток, 1998; Иванцов, П.П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук / П.П. Иванцов. СПб., 2001 и др.

3 См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – М., 2000. – С. 199.

4 См.: Виноградова Е. Юридические лица должны нести ответственность за экологические преступления // Российская юстиция. 2001. - №8. – С. 24.

5 Кузнецова Н.Ф. Цели и механизмы реформы Уголовного кодекса. // Государство и право. 1992. - № 6. – С. 82.

6 Лазарев А. М. – Субъект преступления://– Н. Новгород: Изд-во ФГОУ ВПО «ВГАВТ» - 2010. С. 85. См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник /под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. – М. 2015.

7 См.: ч.1–2 ст. 23 Уголовный кодекс Республики Таджикистан / Общая часть /.

8 См.: ст. ст. 2021, 2022, 2061 289 Уголовный кодекс Республики Таджикистан / Особенная часть /, 1998г.

9 См.: Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., Эксмо, 2009. С. 175; Полный курс уголовного права: В 5 т. Т. 1 Преступление и наказание / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. СПб., 2008. С. 420.

10 В развитие общего учения о должностных преступлениях, весомый вклад внесли известные криминалисты А.А. Аслаханов, Ю.А. Афиногенов, Б.Д. Ахраров, В.А. Владимиров, А.В. Галахова, О.М. Гук, Д. Д. Донджашвили, А.А. Жижиленко, А.Э. Жалинский, С.Г. Закутский, Б.В. Здравомыслов, Р.И. Ибрагимов, Ж.К. Калишева, В.Ф. Кириченко, М.Д. Лысов, Ю.И. Ляпунов, Ш.Г. Палиашвили, Й.Й. Прапестис, А.Б. Сахаров, А.Л. Светлов, М.А. Семко, Г.Р. Смолицкий, В.И. Соловьев, А.Н. Трайнин, Б.С. Утевский и другие ученые, чьи труды позволили создать солидную теоретическую базу для уголовно-правового анализа указанных преступлений.

11 Аналитический обзор развития криминогенной ситуации в лесопромышленном комплексе / Актуальные вопросы борьбы с преступностью. – М. 2001. – С. 7.

12 См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 года № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»:// Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов Российской Федерации по уголовным делам. – М., 2015.

13 Гаг И. А., Разыграева Е. Н. – Проблемы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий// Вестник Кемеровского государственного университета № 3(59) Т.1 - 2014

14 Жуковский В. И. Субъект преступления в уголовном праве России: дисс. ...канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002.



УДК 343.5
ББК 67.408.115

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИЛИ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, СОВЕРШЕННЫХ РОДИТЕЛЕМ

НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА ЩЕТИНИНА,

заместитель начальника кафедры уголовного права

Уральского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент,

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология;

уголовно-исполнительное право

E-mail: shchetinina.74@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируются нормы действующего уголовного законодательства России и судебной практики, в статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий, совершенных родителем.

Ключевые слова: субъект преступления, несовершеннолетний, родитель, вовлечение в совершение преступления или антиобщественных действий, квалификация.

Annotation. Based on the analysis of norms of current criminal legislation of Russia and judicial practice, the article considers the problematic issues of qualification of involving minors in the Commission of a crime or antisocial acts committed by a parent.

Keywords: the subject of crime, a minor, a parent, involvement in crime or antisocial conduct, qualification.

В ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ установлена повышенная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий специальным субъектом — родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего.

Необходимость установления более сурового наказания для этих лиц продиктована тем, что они в значительной степени влияют на формирование личности ребенка в силу своего родства или положения. На них законом возложены важные социально-полезные функции воспитания подрастающего поколения, выполнением которых те грубо пренебрегают. Именно эти лица имеют определенную власть над ребенком, пользуются у него авторитетом и уважением, что позволяет манипулировать несовершеннолетним в своих интересах, как правило, в ущерб личности подростка.

Родитель несовершеннолетнего — это лицо, записанное его отцом или матерью в книге записей рождения. Понятие отцовства и материнства основа-

но согласно семейному законодательству на признаке происхождения (ст. 47 Семейного кодекса Российской Федерации — далее СК РФ). К числу родителей по смыслу ч. 2 ст. 150 УК РФ следует относить также усыновителей (ст. 137 СК РФ) и кровных родителей, лишенных родительских прав или ограниченных в них в соответствии со ст. 69 и 74 СК РФ.

Определенные трудности возникают при квалификации деятельности отчима или мачехи, которые не оформили акт усыновления (удочерения). Многие вторы считают, что отчим или мачеха должны нести повышенную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ч. 2 ст. 150 УК РФ) или антиобщественных действий (ч. 2 ст. 151 УК РФ), если несовершеннолетний проживает в семье¹. Однако, исходя из смысла закона, отчим или мачеха, равно как и другие «фактические воспитатели детей» (дедушка, бабушка, тетя, дядя, старшие братья и сестры и т.д.), не оформившие надлежащим образом усыновление (удочерение) либо попечительство, не могут считаться специальным субъектом преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 150 и ч. 2



ст. 151 УК РФ и нести ответственность по указанным нормам, поскольку характерной особенностью анализируемых квалифицирующих признаков является наличие установленной именно законом обязанности по воспитанию в отношении вовлекаемого несовершеннолетнего.

Еще один вопрос, который может возникнуть при квалификации рассматриваемых преступлений, связан с ситуацией, когда одно лицо вовлекает двух или более несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий, при этом являясь родителем только одного из них. Проанализируем данную ситуацию на основе следующего примера.

Совершеннолетняя П., являясь биологической матерью малолетней К., свидетельство о рождении в отношении которой не получалось, (т.е. не будучи зарегистрированной матерью указанного ребенка), а также являясь матерью малолетней А., вовлекала их в занятие попрошайничеством, то есть систематически возбуждала желание вести паразитический образ жизни, а именно проживать на выпрашиваемое у посторонних лиц подаяние в виде денег и других материальных ценностей.

Органы предварительного расследования, а затем и районный суд квалифицировал действия П. по совокупности ч. 1 ст. 151 УК РФ (в отношении малолетней К.) и ч. 2 ст. 151 УК РФ (в отношении малолетней А.)².

Первое, на что следует обратить внимание — является ли отсутствие записи в книге записей рождения и, как следствие, — отсутствие свидетельства о рождении основанием для квалификации содеянного по ч. 1 ст. 151 (или 150) УК РФ, а не по ч. 2 ст. 151 (или 150) УК РФ?

В соответствии со ст. 48 Семейного кодекса происхождения ребенка от матери (материнство) устанавливается на основании документов, подтверждающих рождение ребенка матерью в медицинской организации, а в случае рождения ребенка вне медицинской организации на основании медицинских документов, свидетельских показаний или на основании иных доказательств. Поэтому, если органам следствия и суда известно, что малолетняя К. проживает совместно с П., которая при этом является ее биологической матерью и не отрицает данный факт, следует предпринять возможные меры для юридического установления происхождения ребенка и дать верную уголовно-правовую оценку содеянному.

Если все же предположить, что установить происхождение ребенка от матери не представляется возможным, либо П. действительно не является родителем малолетней К., можно ли в этом случае считать квалификацию, данную правоприменителем, правильной? Следует ли расценивать одновременное вовлечение виновным двух или более несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий, при условии, что он является родителем только одного из них, как идеальную со-

вокупность?

Для ответа на данный вопрос обратимся к общей теории квалификации преступлений при идеальной совокупности и имеющимся в науке уголовного права точкам зрения.

Академик В.Н. Кудрявцев отмечал, что идеальную совокупность могут образовывать только такие преступления, составы которых различны. Соответственно не образуют идеальную совокупность случаи совершения преступлений, относящихся к разновидностям одного состава. Для того чтобы решить, имеется ли идеальная совокупность или единое преступление, необходимо прежде всего определить, предусматриваются ли объект посягательства и наступившие (могущие наступить) вредные последствия одной уголовно-правовой нормой или нет. В первом случае будет единое преступление, во втором — идеальная совокупность³.

Идеальная совокупность различных частей одной статьи Особенной части возможна лишь в случае, если такими частями предусмотрены самостоятельные составы преступлений, не конкурирующие между собой⁴.

Если совершенное лицом деяние содержит в себе признаки преступления, подпадающие под различные части одной статьи, которые предусматривают не самостоятельные составы преступлений, а разновидности состава одного и того же преступления, идеальная совокупность не образуется. Квалификация подобных ситуаций определяется не правилами квалификации при идеальной совокупности преступлений, а правилами квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм⁵.

При конкуренции основного и квалифицированного состава преступления квалификация производится по той части статьи УК РФ, которая предусматривает квалифицированный состав. Таким образом, в тех случаях, когда лицо одновременно вовлекает двух или более несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий, при этом являясь родителем только одного из них, содеянное им следует квалифицировать только по ч. 2 ст. 150 УК РФ, как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, совершенное родителем (или по ч. 2 ст. 151 УК РФ как вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, совершенное родителем).

Если же два или более несовершеннолетних вовлекаются в совершение разных преступлений или антиобщественных действий, а эти деяния осуществляются не одновременно и не объединены одним умыслом, то необходима квалификация по совокупности.

1 См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) (том 1) (2-е издание) / под ред. А.В.



Бриллиантова. – М., 2015. – С. 336.; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (исправлен, дополнен, переработан) / под ред. А.И. Чучаева. – М., 2013. – С. 101.

2 Приговор Кировского районного суда г. Астрахани от 7 июня 2013 года [Электронный ресурс] // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: <http://bsr.sudrf.ru/>.

3 Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 2007. – С. 246 – 247.

4 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации" (постатейный) (7-е издание, переработанное и дополненное) / под ред. А.И. Рарога. – М., 2011. – С. 16.

5 Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений. – М., 2008. – С. 127.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) (том 1) (2-е издание) / под ред. А.В. Бриллиантова. — М., 2015. — 482 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (исправлен, дополнен, переработан) / под ред. А.И. Чучаева. — М., 2013. — 261 с.
3. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. — М., 2007. — 304 с.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» (постатейный) (7-е издание, переработанное и дополненное) / под ред. А.И. Рарога. — М., 2011. — 333 с.
5. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений. — М., 2008. —176 с.

Reference

1. The comment to the Criminal code of the Russian Federation: in 2 V. (article by article) (volume 1) (2nd edition) / edited by A.V. Brilliantov. — M., 2015. — 482 p.
2. The comment to the Criminal code of the Russian Federation (article by article) (corrected, expanded, revised), ed. by A. I. Chuchaev. — M., 2013. — 261 p.
3. Kudryavtsev V. N. The General theory of qualification of crimes. — M., 2007. — 304 p.
4. The comment to the Criminal code of the Russian Federation" (article by article) (7th edition, revised and enlarged), ed. by A. I. Rarog. — M., 2011. — 333 p.
5. Korneyev V. A. Theoretical bases of qualification of crimes. — M., 2008. — 176 p.



Налоги и налогообложение: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» / [Н.Д. Эриашвили и др.]; под ред. А.Е. Суглобова, Н.М. Бобошко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 543 с.

Рассматриваются основы теории налогообложения и налогового права, структура и принципы построения налоговой системы Российской Федерации, порядок уплаты основных налогов Российской Федерации, налоги развитых стран. Дана подробная характеристика основных видов налогов, объектов налогообложения, ставок, льгот, порядка и сроков взимания.

Анализируются проблемные вопросы налоговой нагрузки на налогоплательщиков, налогового прогнозирования и воздействия налоговой системы на экономику страны.

Описаны практически все основные налоги и сборы российской налоговой системы.



УДК 34
ББК 67

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ ЗА ПРОИЗВОДСТВОМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СЛУЧАЯХ, НЕ ТЕРПЯЩИХ ОТЛАГАТЕЛЬСТВА

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ВОЛЫНСКАЯ,
профессор кафедры уголовного процесса

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор;

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ГРАШИЧЕВА,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

E-mail: olynka2008@list.ru

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируется порядок и участие лиц при рассмотрении судом постановления о производстве следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, суд, следственные действия.

Annotation. The order is analyzed, and the participation of individuals in considering the Court about investigative actions in cases of emergency.

Keywords: criminal proceedings, court, investigative actions.

В соответствии с п. 5 ст. 165 УПК РФ в случаях, не терпящих отлагательства, некоторые следственные действия, а именно: производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя без получения обязательного при производстве указанных выше процессуальных действий судебного решения. При этом следователь или дознаватель не позднее 3 суток с момента начала производства следственного действия должны уведомить судью и прокурора о производстве следственного действия, приложив к нему копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия для проверки законности решения о его производстве.

Судья в срок не позднее 24 часов с момента получения такого уведомления, должен проверить законность произведенного следственного действия и вынести постановление о его законности либо незаконности.

В теории уголовного судопроизводства судебный контроль за производством следственных действий разграничивается на два вида: предварительный и по-

следующий. Предварительный судебный контроль состоит в рассмотрении и разрешении судом ходатайства следователя, дознавателя о получении разрешения на проведение соответствующего следственного действия. Последующий судебный контроль осуществляется, когда процессуальное действие уже проведено. Он охватывает проверку проведенных органом предварительного расследования действий, а также действий и решений, обжалованных заинтересованными лицами в связи с возможным нарушением законности этим органом.

Последующий судебный контроль осуществляется в двух видах. В первом случае он происходит по инициативе лиц, чьи интересы затронуты решением или действием органа расследования, в связи с обращением в суд с жалобой на незаконность или необоснованность решений о проведении следственных действий и нарушение процедуры их осуществления. В другом случае последующий судебный контроль за законностью следственных действий осуществляется в связи с необходимостью следователя и дознавателя проведения этих действий как не терпящих отлагательства без разрешения суда, т.е. при получении судьей уведомления¹.

Процессуальный порядок как предварительного, так и последующего судебного контроля закреплен в



отдельных статьях действующего уголовно-процессуального законодательства: ч. 1-4 ст. 165 УПК РФ и ст. 125 УПК РФ, ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

При этом следует отметить, что четкий, законодательно закрепленный, алгоритм действий при проверке законности произведенного следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства, фактически отсутствует, что подтверждает критический анализ ч. 5 ст. 165 УПК РФ. В связи с этим возникают проблемы как теоретического характера, так и практического применения норм УПК РФ. В частности, к проблемным вопросам следует отнести следующее: 1) какую цель преследовал законодатель, устанавливая обязанность следователя (дознателя) уведомлять прокурора о произведенном в порядке неотложности следственном действии без получения соответствующего судебного разрешения; 2) при осуществлении судебного контроля кто из участников уголовного судопроизводства присутствует на судебном заседании. Вышеупомянутая ч. 5 ст. 165 УПК РФ не содержит такого разъяснения.

Анализ ч. 3 ст. 165 УПК РФ свидетельствует, что при рассмотрении ходатайства о производстве следственного действия, ограничивающего конституционные права граждан, прокурору, следователю, дознавателю предоставляется право на участие в судебном заседании. По мнению В. Наседкина в целях оптимизации участия прокуроров в судах, следует отменить их обязательное участие при рассмотрении ходатайств следственных органов и закрепить такое участие только в реально необходимых ситуациях². Думается, что поскольку по вынесенному ходатайству о производстве такого следственного действия должно быть получено дознавателем предварительное согласие от прокурора и следователем от руководителя следственного органа, которые в рамках прокурорского надзора и ведомственного контроля ознакамливаются с материалами уголовного дела, то участие указанных лиц действительно не представляется обязательным в судебном заседании.

Однако в случаях проверки законности вынесенных постановлений о производстве следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства, участие прокурора, на наш взгляд, необходимо. Во-первых, без участия прокурора в судебном заседании, его уведомление о произведенном следственном действии без получения согласия суда, становится бессмысленным. Несмотря на то, что согласно п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор обладает полномочиями по отмене незаконного или необоснованного постановления дознавателя в том числе и в отношении следственного действия, произведенного в порядке неотложности окончательное решение о его законности принимает суд в рамках последующего судебного контроля. Кроме того, реализовать такое полномочие, как требование направленное органам предварительного следствия по устранению допущенных нарушений уголовно-процессуального законодательства (п.3 ч.2 ст. 37 УПК РФ), прокурор вправе лишь после рассмотрения этого вопроса судом и вынесения им постановления о законности или неза-

конности произведенного следственного действия. Во-вторых, его участие в судебном заседании обеспечивает реализацию полномочий в части осуществления надзора за процессуальной деятельностью как органов дознания, так и органов предварительного следствия, в частности, в целях поддержания обоснования законности вынесенного постановления.

Кроме того, в судебном заседании целесообразно участие лица, вынесшего такое постановление, а именно следователя, дознавателя в целях дополнительного обоснования вынесения постановления о производстве следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства. При проверке законности вынесенного постановления должно быть удостоверено не только наличие основания произведенного следственного действия, но и отраженные в этом постановлении обстоятельства, не терпящие отлагательства. Отсутствие указания на такие обстоятельства может явиться препятствием для признания постановления законным. При признании постановления незаконным, указанные должностные лица, присутствующие в зале судебного заседания непосредственно воспринимают основания вынесения такого решения суда и обязаны руководствоваться ими при производстве по уголовным делам в аналогичных ситуациях.

К сожалению, как показывает судебная практика, при рассмотрении постановлений о производстве процессуального действия в случаях, не терпящих отлагательства, в судебном заседании участие следователя, дознавателя и даже прокурора не обеспечивается судом³.

Участие в зале судебного заседания иных участников уголовного судопроизводства (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, лица, в чьем жилище производится обыск и др.), чьи интересы затрагиваются при производстве процессуальных действий, в том числе и в случаях, не терпящих отлагательства, не представляется целесообразным. С одной стороны их участие не запрещено нормами действующего УПК РФ, хотя и прямо не предусмотрено. С другой стороны они не обладают какими-либо правами при рассмотрении вопроса о законности постановления о производстве процессуального действия в случаях, не терпящих отлагательства, и не могут повлиять на решение суда. Кроме того, после проведения следственного действия лицам вручается копия протокола, в частности при производстве обыска, выемки. Некоторые процессуалисты полагают, что должностное лицо органа предварительного расследования должно непосредственно после проведения следственного действия обеспечить реальную возможность участникам уголовного судопроизводства обжаловать его в судебном порядке. Соответственно, следователь, дознаватель обязаны разъяснить лицу, у которого производилось следственное действие, порядок, сроки, с указанием суда для принесения жалобы⁴. То есть лица, чьи права и законные интересы были нарушены при производстве следственного действия, могут обжаловать его в порядке ст. 125 УПК РФ. Проведенное изучение кассационной практики в части проверки судебных постановлений, вынесенных в соответ-



ствии со ст. 125 УПК РФ показало, что в большинстве случаев кассационная инстанция отменяла решения нижестоящего суда именно по причинам непринятия им мер к истребованию материалов, послуживших основанием для решения или действия должностного лица, а также иных данных, необходимых для проверки доводов жалобы. На это ориентирует нижестоящие суды и п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля № 1, где разъяснено, что при подготовке к рассмотрению жалобы судья истребует по ходатайству лиц, участвующих в судебном заседании, или по собственной инициативе материалы, послужившие основанием для решения или действия должностного лица, а также иные данные, необходимые для проверки жалобы⁵.

Однако, в отношении лица, у которого произошло следственное действие в случае, не терпящих отлагательств, нарушен не только общий процессуальный порядок получения судебного решения, но и его конституционные права. Кроме того, такие лица просто могут не знать время рассмотрения судом постановления и принятое в его результате решение, поскольку их оповещение о судебном рассмотрении не предусмотрено законом, что затрудняет не только возможность их участия в нем, но и своевременное информирование о постановленном решении суда, что препятствует возможности своевременного обжалования. Указанные обстоятельства требуют установления дополнительных гарантий обеспечения прав этих участников уголовного судопроизводства. В целях их обеспечения, думается целесообразно по результатам рассмотрения соответствующего постановления, копию судебного решения направлять лицу, у которого производилось следственное действие, что позволит ему обжаловать принятое судебное решение. Об этом же свидетельствует и практика Конституционного Суда РФ⁶.

В случаях, когда судья признает произведенное следственное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе такого следственного действия, признаются недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ. В юридической литературе встречаются мнения, согласно которым в рассматриваемых ситуациях, суду необходимо указать на обязанность следователя, дознавателя уничтожить собранные доказательства при вынесении судебного постановления о незаконности производства следственных действий, в результате которых такие доказательства были получены⁷. Полагаем, такая позиция неоправданна. Суд не вправе вмешиваться в процессуальную деятельность органов предварительного расследования и давать указания при его производстве. В ходе досудебного производства суд может лишь признать действие (бездействие) или решение должностных лиц предварительного расследования незаконным и необоснованным и обязать устранить допущенное нарушение (ч. 3 ст. 29, п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ). Признать недопустимыми полученные доказательства после вынесения судом постановления о признании произведенного следственного действия незаконным могут прокурор, следователь, дознаватель (ч. 2, 3, 4 ст. 88 УПК РФ). Суд

же обладает такими полномочиями только в судебных инстанциях — со стадии подготовки к судебному заседанию (п. 4, 6 ст. 228, п. 1 ч. 2 ст. 229, ст. 235 УПК РФ).

Таким образом, в целях единообразного осуществления судебного контроля за производством следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства, предлагается внести соответствующие изменения в ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Изменить редакцию части статьи на: «Получив указанное уведомление, судья в порядке и срок, предусмотренные частями второй и третьей настоящей статьи, проверяет законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности», добавив следующее: «Копия постановления направляется лицу, у которого было произведено следственное действие». Предложенные изменения в нормы УПК РФ позволят не только в едином порядке рассматривать в суде постановления о производстве процессуальных действий в случаях, не терпящих отлагательства, но и защитить права и законные интересы участников уголовного судопроизводства и иных лиц, вовлеченных в данную сферу уголовного процесса.

1 Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Издательство «Самарский университет». 2004. С. 123.

2 Наседкин В. Оптимизация процедуры поддержания в судах ходатайств следственных органов — действенный способ повышения эффективности прокурорского надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Законность. № 3. 2016. С. 3-4.

3 К примеру, в Постановлении Президиума Самарского областного суда от 26 апреля 2013 г. № 44у-108/2013 указывалось, что постановление о признании незаконным обыска, произведенного в жилище в ходе расследования уголовного дела, отменено, материал передан на новое судебное рассмотрение в ином составе в тот же суд, поскольку в исключительном случае, когда производство обыска не терпело отлагательств, он мог быть произведен на основании постановления следователя без получения судебного решения; неявка следователя в судебное заседание не является основанием для признания следственного действия незаконным.

4 Тензина Е.Ф. Конституция РФ как гарант неприкосновенности жилища при расследовании преступлений. Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2014. № 2-1. С. 210.

5 Николок В.В., Вольнский В.В. Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования на стадии возбуждения уголовного дела: монография. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. Орел. 2013. С. 124-125.

6 Ч. 3 и 5 ст. 165 УПК РФ не предоставляют суду возможность отказать в удовлетворении ходатайства лица, в отношении которого проводился обыск, и его защитника об участии в судебном заседании по проверке законности проведенного обыска, и не освобождают суд от обязанности направить им копию судебного решения для обеспечения права на его обжалование. Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2008 г. № 1076-О-П.

7 Хатуева В.В., Рябцева Е.В. Безоплагательность и исключительность как детерминирующие признаки неотложных следственных действий // Законы России: опыт, анализ, практика. № 2. 2015. С. 34-35.



УДК 34
ББК 67

ПРОЦЕДУРА ПРИНЯТИЯ СУДОМ РЕШЕНИЯ ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ЕНДОЛЬЦЕВА

*старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;*

А.А. КОЗЛОВА,

*слушатель 5 курса института
предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

E-mail: annakoz1994@mail.ru;

Научная специальность: 12.00.09 — уголовный процесс

E-mail: sivellinn@gmail.com

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Как показывает судебная статистика, не все ходатайства органов предварительного расследования об избрании обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения в виде заключения под стражу удовлетворяются судом. Часто причиной этого является то, что судья не всегда обладает информацией, имеющейся в материалах уголовного дела, необходимой для вынесения законного, обоснованного и мотивированного решения. В статье предлагаются пути совершенствования процедуры рассмотрения судом постановления следователя, дознавателя о ходатайстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу с тем, чтобы максимальным образом обеспечить соблюдение прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого), а также потерпевшего.

Ключевые слова: заключение под стражу, ходатайство об избрании меры пресечения; отказ суда в удовлетворении ходатайства; участие следователя в судебном заседании.

Annotation. In this article, the authors note that, as the judicial statistics shows, not all petitions of preliminary investigation bodies on the election of the accused (suspect) preventive measures in the form of detention satisfied by the court. Often the reason for this is the fact that the judge does not always have the information available in the criminal case, needed to make a legitimate, reasonable and motivated decision. The article proposes ways to improve the procedure for review by the court decision of the investigator, inquiry officer about a petition of measures of restraint in the form of detention in order to maximally ensure that the rights and legitimate interests of the accused (suspect) and the victim.

Keywords: detention, a petition of measures of restraint, the court's refusal in satisfaction of petition, the participation of the investigator in the court session

Заключение под стражу как мера пресечения, избираемая в отношении обвиняемого (подозреваемого), существенно ограничивает права личности. Проблемой соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также недопущением их незаконного и необоснованного ограничения занимались еще до-революционные правоведы, такие как П.И. Люблинский, И.В. Михайловский, И.Я. Фойницкий и другие, отмечая, что «лишением благ» может заниматься только суд¹. Безусловно, с этим нельзя не согласиться, и в настоящее время данное полномочие относится

именно к прерогативе суда.

Согласно данным судебной статистики, суды удовлетворяют подавляющее большинство ходатайств органов предварительного следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а именно 90,8% ходатайств следователей были удовлетворены за 2015 год, за первое полугодие 2016 года показатель составил 90,5 %².

Попробуем разобраться, чем же обусловлены такие показатели статистики. Так, основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу



указаны в ст. 97 и 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК России). Положения ст. 99 УПК России указывают обстоятельства, которые учитываются при избрании меры пресечения. В постановлении «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»³ Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее — Пленум ВС РФ) поясняет, что лишь наличие достаточных данных, указывающих на возможность лица скрыться или совершить иное преступление, дает суду то самое право на «лишение благ». Согласно вышеуказанному постановлению Пленума ВС РФ, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу возможно только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к преступлению.

Однако обоснованность такого подозрения на практике суды понимают по-разному. Так, проанализировав данные судебной практики Великоустюгского районного суда Вологодской области, мы рассмотрели 23 ходатайства следователей СО ОМВД России по Великоустюгскому району об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Отметим, что лишь в трех случаях в удовлетворении ходатайств судом было отказано. Причинами отказа послужили следующие обстоятельства:

- незначительный ущерб, причиненный преступлением;
- небольшая общественная опасность;
- место совершения преступления (имело значение, например, совершена кража в нежилом помещении или в жилище);
- возврат лицом, совершившим преступление, похищенного имущества.

Тем не менее, большинство из рассмотренных нами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд удовлетворил. Однако нас удивили случаи, когда суд в схожих ситуациях принимал полярное решение. Так, в отношении гражданина Р, который подозревался в совершении преступления, относящегося к категории средней тяжести, имел непогашенные судимости, официально не был трудоустроен, то есть не имел постоянного источника дохода, злоупотреблял спиртными напитками, неоднократно привлекался к административной ответственности за нарушение общественного порядка, суд ходатайство следователя об избрании обвиняемому меру пресечения в виде заключения под стражу удовлетворил.

Из материалов другого уголовного дела следовало, что гражданин Н подозревается в совершении преступления, относящегося к категории средней тяжести, за которое предусмотрено наказание до пяти лет лишения свободы, в настоящее время Н не трудоустроен, не имеет постоянного источника дохода, по месту жительства характеризуется отрицательно, до-

пускает употребление спиртных напитков в быту. Н ранее привлекался к административной и уголовной ответственности, имеет судимости за совершение умышленных преступлений против собственности, в настоящее время судимость в установленном порядке не снята и не погашена, находится на условной мере наказания. Однако при этом суд отказал в удовлетворении данного ходатайства, сославшись на то, что «наличие непогашенной судимости не дает оснований полагать, что Н продолжит заниматься преступной деятельностью».

Отметим, что Пленум ВС РФ в пункте 5 вышеуказанного постановления гласит, что суд может сделать вывод о том, что лицо продолжит заниматься преступной деятельностью, с учетом, в частности, совершения им ранее умышленного преступления, судимость за которое не снята и не погашена. Однако в приведенном нами случае суд по какой-то причине не учел данное обстоятельство.

Причиной такой ситуации может являться то, что судья не обладает всей необходимой информацией, имеющейся в материалах уголовного дела, но по какой-то причине не предоставленной ему следователем. Именно поэтому, по нашему мнению, необходимость участия следователя в судебном заседании, на котором рассматривается его ходатайство об избрании обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения, обязательна. Часть 4 ст. 108 УПК России предусматривает лишь право руководителя следственного органа, следователя, дознавателя участвовать в судебном заседании при рассмотрении анализируемого нами вопроса. Неявка без уважительных причин этих лиц не является препятствием для рассмотрения заявленного перед судом ходатайства.

Специальное изучение данного вопроса позволяет говорить о том, что на практике следователь не всегда принимает участие в судебном заседании при рассмотрении вынесенного им постановления о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, и сторону обвинения представляет прокурор, хотя на наш взгляд, кто как ни следователь смог бы более полно представить имеющиеся в уголовном деле материалы для принятия судом законного и обоснованного решения. Нельзя не согласиться с мнением Р.В. Ярцева о том, что необходимость обосновывать перед судом ходатайство об избрании мер пресечения обусловлена тем, что принимающее решение лицо всегда должно располагать необходимой и достаточной информацией для обоснования вывода о наличии «правовой ситуации», с которой закон связывает те или иные правовые последствия⁴.

Отметим, что суд в соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ принимает решения по достаточно большому кругу ходатайств органов предварительного расследования, связанных с ограничением конституционных прав и свобод граждан. Велика его загруженность в



связи и с количеством таких ходатайств, поступающих от органов предварительного расследования.

Приведем примеры зарубежного опыта по правовому регулированию рассматриваемых вопросов. Согласно уголовно-процессуальному законодательству Казахстана и Украины, санкционирование производства ряда следственных действий, а также процессуальных решений органов, осуществляющих досудебное производство, принадлежит в отличие от российского законодательства еще одному субъекту уголовного судопроизводства — следственному судье⁵. При осуществлении таких полномочий следственный судья, согласно ст. 56 УПК Казахстана «Общие условия осуществления полномочий следственным судьей», вправе:

- 1) требовать от органа, осуществляющего досудебное производство, дополнительной информации по рассматриваемому вопросу;
- 2) знакомиться со всеми материалами соответствующего досудебного производства и исследовать их;
- 3) вызывать участников процесса в судебное заседание и получать от них необходимую информацию по рассматриваемому вопросу.

При этом следственный судья не должен предпринимать вопросы, которые в соответствии с УПК Казахстана могут быть предметом судебного рассмотрения при разрешении дела по существу, давать указания о направлении расследования и проведении следственных действий, совершать действия и принимать решения вместо лиц, осуществляющих досудебное производство, и надзирающего прокурора, а также суда, рассматривающего дело по существу.

Порядок санкционирования следственных действий в соответствии со ст. 148 УПК Казахстана принадлежит следственному судье районного и приравненного к нему суда, а также судьям областного и приравненного к нему суда. Согласно данной норме следственный судья в срок не позднее восьми часов с момента поступления материалов в суд с участием прокурора, подозреваемого, обвиняемого, его защитника рассматривает ходатайство о санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражей. При решении вопросов, связанных с санкционированием содержания под стражей, следственный судья ограничивается исследованием материалов дела, относящихся к обстоятельствам, учитываемым при избрании указанной меры пресечения. Также суд вправе истребовать уголовное дело. УПК Казахстана в отличие от УПК России также указывает на обязательное ведение протокола судебного заседания. По распоряжению следственного судьи судебное заседание может быть проведено в режиме видеосвязи. Ч. 8 ст. 148 УПК Казахстана, а также ч. 3 ст. 183 УПК Украины предусматривает при вынесении постановления о санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражей, за исключением дел об особо тяжких преступлениях, обязанность следственно-

го судьи определить размер залога, достаточного для обеспечения выполнения подозреваемым, обвиняемым обязанностей, предусмотренных УПК Казахстана и, соответственно, Украины⁶.

Зарубежный опыт свидетельствует о возможной перспективе создания в России еще одного субъекта уголовного судопроизводства, а именно следственного судьи, осуществляющего судебный контроль на стадии предварительного расследования.

Считаем также необходимым закрепить в УПК России более тщательную законодательную процедуру рассмотрения судом ходатайства органов предварительного расследования об избрании меры пресечения. Представляется, что она должна предусматривать следующие важные моменты:

1. Содержание самого ходатайства. Требования к заявленному в суд ходатайству не должны быть формальными и относиться только к реквизитам этого документа. В нем необходимо указывать мотивы и основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, вполне достаточные для принятия судом такого решения. Следует обязать следователя приложить к ходатайству копии постановления о возбуждении уголовного дела, протокола задержания подозреваемого, постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а также иных материалов, имеющих в уголовном деле и подтверждающих наличие обстоятельств, свидетельствующих о необходимости избрания меры пресечения⁷. Такими материалами, по нашему мнению, могут быть протоколы допросов потерпевших, свидетелей, других обвиняемых (подозреваемых), проходящих по этому же уголовному делу, характеристики подследственного, его паспорт со сведениями о месте регистрации по месту жительства, семейном положении (отсутствии такового), наличии (отсутствии) детей, справки из информационно-аналитических центров МВД России и прочие документы.

2. Решение судом вопроса об избрании по ходатайству следователя меры пресечения в виде заключения под стражу осуществляется в условиях состязательности и при обеспечении участникам уголовного судопроизводства возможности обосновать перед судом свою позицию. В связи с этим законодатель в ч. 4 ст. 108 УПК России предусматривает обязательное участие в судебном заседании прокурора, обвиняемого (подозреваемого), защитника (если он участвует в уголовном деле). При этом вызывает недоумение отсутствие в уголовно-процессуальном законе регламентации права обвиняемого (подозреваемого), его защитника на ознакомление с материалами, представленными в обоснование ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. По мнению Р.А. Боташева, «не предоставление стороне защиты соответствующего права может расцениваться как существенное снижение уровня гарантированности прав и свобод граждан и нарушение



принципа равноправия сторон»⁸. Полагаем необходимым предоставить право на ознакомление с материалами ходатайства об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу не только обвиняемому (подозреваемому), его защитнику, но и потерпевшему, его законному представителю и (или) представителю.

3. Участие потерпевшего в судебном заседании, так как при избрании меры пресечения затрагиваются права и законные интересы потерпевшего, в том числе связанные с необходимостью обеспечения его личной безопасности при наличии угроз со стороны обвиняемого. Кроме того, исходя из смысла положений, содержащихся в ст. 19, 42, 123 УПК России, потерпевший имеет право на обжалование принятого судом решения. Однако на практике потерпевший зачастую отсутствует в судебном заседании, а судья при вынесении постановления указывает на то, что потерпевший ссылается на усмотрение суда.

Порядок такого судебного заседания целесообразно регламентировать следующим образом:

В начале судебного заседания судья объявляет, какое слушается ходатайство, разъясняет права участникам заседания, а также право потерпевшего, обвиняемого, его защитника на ознакомление с материалами, представленными в обоснование ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу.

Следователь обосновывает ходатайство.

Выслушивается мнение прокурора.

Выслушивается мнение потерпевшего и (или) его законного представителя, представителя (если они были для участия в судебном заседании), а также мнение обвиняемого (подозреваемого) и его защитника.

Анализ судом имеющихся в уголовном деле документов. При этом судья, рассматривающий ходатайство об избрании меры пресечения, обязан убедиться, что:

- постановление о возбуждении данного уголовного дела вынесено уполномоченным на то лицом и оформлено надлежащим образом (ст. 146 УПК России);
- на момент рассмотрения ходатайства сроки предварительного следствия или дознания не истекли;
- представленное в суд ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу соответствует предъявляемым требованиям;
- наличие достаточных оснований и условий для избрания именно такой меры пресечения (ст. 97, 99, 108 УПК России);

Принятие судом одного из решений, предусмотренных ч. 7 ст. 108 УПК РФ.

Ведение протокола судебного заседания, представление его для ознакомления участникам судебного заседания.

Таким образом, процедура рассмотрения судом

постановления следователя, дознавателя о ходатайстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должна быть таковой, чтобы максимальным образом обеспечить принятие судом законного, обоснованного и мотивированного решения по данному вопросу, а также соблюдение прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого), а также потерпевшего.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. — 04.08.2014. — № 31. — ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996.- N 25.-ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ.- 24.12.2001.- N 52 (ч. I), ст. 4921 9.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013г. № 294 (в ред. от 24.05.2016г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. Федеральный выпуск. № 414.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.07.2016 г.). [Электронный ресурс] // URL:[www/http://online.zakon.kz/](http://online.zakon.kz/) (дата обращения — 10.11.2016).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Украины (от 13 апреля 2012 г. Закон № 4651-VI), [Электронный ресурс] // URL:[www/kalynovsky-k.narod.ru/zakon/upk_ukr.rar](http://www.kalynovsky-k.narod.ru/zakon/upk_ukr.rar) (дата обращения — 10.11.2016).
7. Судебная статистика [Электронный ресурс] // официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения — 29.10.16).
8. Боташев Р.А. Проблемы совершенствования процессуального порядка заключения под стражу в условиях реформирования уголовно- процессуального законодательства и практики его применения // Общество и право. — 2010. — № 3.
9. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. — СПб. — 1996.
10. Ярцев Р.В. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в сфере применения мер пресечения: реалии и тенденции // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2011. — № 3.



Reference

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12/12/1993) // Official gazette. — 04.08.2014. — № 31. — art. 4398.
2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (rev. and add.) // Official gazette, 17.06.1996.- N 25.-art. 2954.
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ (rev. and add.) // Official gazette.-24.12.2001.- N 52 (Part. I), art. 4921 9.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of 19 December 2013. Number 294 (in the red. 24.05.2016.) "On the practice of courts of law on preventive measures in the form of detention, house arrest and bail" // the Russian newspaper. Federal issue. Number 414.
5. The Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan (26.07.2016). [Electronic resource] // URL: [www / http://online.zakon.kz/](http://online.zakon.kz/) (reference date — 10.11.2016).
6. Criminal-Procedural Code of Ukraine (13 April, 2012 Law № 4651-VI), [Electronic resource] // URL: [www / kalinovsky-k.narod.ru/ zakon / upk ukk.rar](http://www/kalinovsky-k.narod.ru/zakon/upk.ukk.rar) (reference date — 10.11 .2016).
7. The judicial statistics [electronic resource] // official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/> (reference date — 29.10.16).
8. Botashev RA Problems of improving the procedural order of detention in the conditions of reforming the criminal procedural law and practice // Society and Law. — 2010. — № 3.
9. Foinitsky IY course of criminal proceedings: in 2 vols 2. — SPb.. — 1996.
10. Yartsev RV Improving the criminal procedural law in the application of preventive measures: realities and trends // Bulletin of the Orenburg State University. — 2011. — № 3.

1 Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. СПб., 1996. С. 360.

2 Судебная статистика [Электронный ресурс] // официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения - 29.10.16).

3 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 294 (в ред. от 24.05.2016г.) // Российская газета. Федеральный выпуск № 414.

4 См.: Ярцев Р.В. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в сфере применения мер пресечения: реалии и тенденции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. №3. С.176.

5 См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.07.2016г.). [Электронный ресурс] // URL:[www/http://online.zakon.kz/](http://online.zakon.kz/).(дата обращения -10.11.2016).

6 См.: Уголовно-процессуальный кодекс Украины (от 13 апреля 2012 года Закон №4651-VI), [Электронный ресурс] // URL:[www/kalinovsky-k.narod.ru/zakon/upk ukk.rar](http://www/kalinovsky-k.narod.ru/zakon/upk.ukk.rar). (дата обращения - 10.11.2016).

7 См. также: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 294 (в ред. от 24.05.2016г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. Федеральный выпуск № 414.

8 См.: Боташев Р.А. Проблемы совершенствования процессуального порядка заключения под стражу в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения // Общество и право. 2010. № 3. С.202.



Введение в судебную экспертизу: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н.П. Майлис. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 159 с.

В пособии изложены основные теоретические понятия судебной экспертизы, представлены история развития, система государственных экспертных учреждений в России, правовые основы судебно-экспертной деятельности. В соответствии с процессуальным законодательством рассмотрены основные виды экспертиз, назначаемых правоохранительными органами.



УДК 343.13
ББК 67.311

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ В РЕГЛАМЕНТИРОВАНИИ ПОРЯДКА ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ — ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ

МАРАТ АСЛАНБИЕВИЧ КУНАШЕВ,

начальник отдела организации дознания

МВД по Кабардино-Балкарской Республике,

адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

E-mail: marat.kunashev@mail.ru

Рецензент: доктор юридических наук, профессор А.В. Земскова

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются проблемы, возникающие при реализации на практике норм действующего уголовно-процессуального законодательства об избрании меры пресечения — заключение под стражу. Демонстрируется роль оценочных терминов в процессе принятия решения об избрании данной меры пресечения по праву усмотрения.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу, оценочные термины, усмотрение правоприменителя.

Annotation. The problems encountered in the practice of the norms of current legislation on criminal procedure of electing a preventive measure — detention. It demonstrates the role of evaluation terms in the decision-making process on the election of the measure of restraint on the right of discretion.

Keywords: preventive measure, detention, evaluation terms, discretion law enforcer.

Как и другие нормы, регулирующие уголовно-процессуальную деятельность, нормы уполномочивающие следователей избрать меру пресечения по своему усмотрению необходимо рассматривать на наличие коррупционных рисков при правоприменении.

В соответствии с утвержденной Президентом России Национальной стратегией противодействия коррупции¹ к основным направлениям ее реализации отнесено внедрение в деятельность федеральных органов государственной власти инновационных технологий, повышающих объективность и обеспечивающих прозрачность при принятии законодательных (нормативно правовых) актов РФ, муниципальных правовых актов и управленческих решений. Указано о необходимости создания условий, затрудняющих возможность коррупционного поведения и обеспечивающих снижения уровня коррупции. Эти же положения закреплены в ст.3 ФЗ РФ № 273 от 25.12.2008 «О противодействии коррупции».

В отношении права усмотрения на досудебной стадии, как представляется, снижение коррупционных рисков напрямую зависит от сокращения норм позволяющих принимать единоличные решения по праву собственного усмотрения, без указания критериев, которые бы служили ориентирами при принятии решения.

Учитывая сложность и значимость интересов затрагиваемых при законодательном регламентиро-

вании указанных отношений необходимо, как представляется, минимизировать количество оценочных понятий в анализируемых нормах. Сокращение оценочных понятий, делает правоприменение более демонстративным и доступным для восприятия и уяснения, в том числе и для третьих лиц, не являющихся участниками рассматриваемых отношений, что имеет превентивное значение. Видимые рамки полномочий органов предварительного расследования и суда принимать решения на свое усмотрение, придают прозрачность процедуре избрания меры пресечения.

Так, в соответствии с ранее действовавшим УПК РСФСР (ст.96) применение ареста в качестве меры пресечения было возможно только на основании опасности преступления.

В соответствии с действующей ч.1 ст.108 УПК РФ мера пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста избирается только при невозможности избрания иной более мягкой меры. При этом законодатель не называет, что должно указывать на невозможность избрания ареста, оставляя определение этого важнейшего оценочного понятия на усмотрение правоприменителя. В частности, не ясно можно ли под невозможностью понимать такие часто встречающиеся в практике обстоятельства как:

- особо тяжкие последствия преступления;
- наличие у подозреваемого (обвиняемого) не-



погашенной судимости или погашенной, но за аналогичные преступления — что может указывать на склонность к совершению конкретной категории преступлений и так же свидетельствовать об общественной опасности;

- требование потерпевшего избрать в отношении подозреваемого (обвиняемого) конкретную меру пресечения связанную с лишением свободы;
- подозрение в совершении иных аналогичных преступлений, изложенное в рапорте оперативного сотрудника,
- продолжение преступной деятельности и т.д.

Только в пункте 6 постановления Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 41 впервые за время действия нынешнего УПК РФ (более чем 10 лет) перечислены примерные обстоятельства, которые надлежит при этом учитывать — это совершение лицом преступления в отношении членов своей семьи при совместном проживании, поведение лица после совершения преступления, в частности явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, заглаживание причиненного в результате преступления вреда. Однако, как нетрудно понять, это опять таки подсказка судам не избирать меру пресечения — заключение под стражу.

Как представляется, в корреспондирование данным обстоятельствам наличие противоположных обстоятельств могло быть указано Верховным судом РФ как подлежащее учету и требующее оценки при принятии соответствующего решения в пользу ареста. А именно: скрытие подозреваемого (обвиняемого) с места преступления, отказ от сотрудничества с правоохранительными органами, выражение явного неуважения и бравирование криминальным поведением перед сотрудниками правоохранительных органов, потерпевшим и другим участникам процесса при проведении следственных действий и т.д.

Таким образом, в настоящее время либерализация законодательства привела к тому, что как правильно замечено Тишковец Е.И. «произошел переход от оценки опасности деяния к оценке доказанности причастности того или иного лица к совершенному деянию и характеристикам личности данного лица».²

Опасность подобного смещения акцентов можно привести на примере А.Брейвика, который 22.07.2011 убил в г.Осло и на острове Утея в Норвегии 77 человек и при этом, до совершения преступления положительно характеризовался.

Очевидно, учтя это Верховный суд РФ внес корректировку в пункте 5 постановления Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 41, где впервые указано, что тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы сами по себе могут расцениваться как обстоятельства, указывающие на первоначальном этапе расследования на то, что лицо может скрыться от правоохранительных органов и тем самым стать основанием для избрания ареста. Опять же, как представляется, это разъяснение основано на положении высказанном в решениях Европейского суда по пра-

вам человека, который так же признал, что тяжесть обвинения может быть достаточным аргументом при аресте на первоначальном этапе расследования³.

Так, например, 373 (ли 87,9%) из 424 ходатайств об избрании меры пресечения заключения под стражу, вынесенных следователями МВД по Кабардино-Балкарской Республике в 2015 году мотивированы только тяжестью совершенного обвиняемым (подозреваемым) преступления.

Еще одно из оценочных понятий, это применение термина «исключительный случай» в качестве основания для избрания меры пресечения заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего при совершении им преступлений средней тяжести (ч.2 ст.108 УПК РФ). Примерного перечня обстоятельств которые могут быть рассмотрены судами как «исключительный случай» в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 41 не приводится, в частности нет его в пункте 10, который содержит толкование данной нормы. Такая неопределенность недобросовестным правоприменителям представляет возможность для злоупотреблений — как путем необоснованного вынесения соответствующих ходатайств, так и наоборот, не применения данной меры пресечения в случае объективной необходимости. При этом для добросовестных правоприменителей отсутствуют ориентиры, которыми можно было бы руководствоваться при принятии решения по этому поводу. Как представляется, с большой степенью вероятности можно утверждать, что вопрос о применении данной нормы на практике в масштабах нашей страны возникает довольно часто, так как указанная норма регламентирует отношения, которые встречаются ежедневно. В частности, по данным Информационного центра МВД РФ в 2015 году органами расследования всех ведомств расследовалось 55 993 преступлений совершенных несовершеннолетними. Из них только следователями МВД по Кабардино-Балкарской Республики в прошедшем году в суд направлено 85 уголовных дел в отношении несовершеннолетних⁴. Указанная практика могла быть обобщена с выработкой и указанием в законе или разъяснениях Верховного суда РФ типичных случаев, которые могут указывать на исключительность. Вместо этого Президиум Верховного суда РФ в постановлении от 27.09.2006 «О рассмотрении результатов обобщения судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» в абз. 4 только констатирует факт выявления нарушений положения о том, что суды при отсутствии исключительных обстоятельств удовлетворяют ходатайства об аресте в отношении подозреваемых обвиняемых в совершении преступлений небольшой тяжести и несовершеннолетних по обвинению в совершении преступлений средней тяжести, опять таки не давая примерного перечня и не указывая на ориентиры, которые могли указывать на исключительность обстоятельств.

В абз.5 данного постановления перечисляя обстоятельства на которые судам следует обратить внима-



ние при избрании меры пресечения заключения под стражу, Верховный суд РФ не дает разъяснений чем руководствоваться при оценке соотношения данных обстоятельств. Так, не ясно может ли одно наличие несовершеннолетних детей «перевесить» тяжесть преступления или предполагается в указанном смысле наличие настолько «тяжких» преступлений, что даже факт нахождения на иждивении несовершеннолетних детей и положительная характеристика не могут стать препятствием принятию решения о заключении под стражу при обвинении в их совершении. Все это опять таки, на практике приводит к перекосам и наличию несопоставимых решений, когда человек укравший курицу арестовывается, а похитивший несколько миллионов — остается на свободе.

Представляется, что при законодательном регламентировании отношений связанных с ограничением основных прав и свобод законодатель должен шире использовать императивные нормы, не допускающие двоякого толкования и не позволяющие принимать несопоставимые решения. Указанное обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования законодательного регулирования рассматриваемых отношений.

Литература

1. Конституция РФ от 12.12.1993.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ФЗ РФ № 174 от 18.12.2001).
3. Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы».
4. Указ Президента РФ от 13.03.2012 № 297 «О национальном плане противодействия коррупции на 2012-2013 годы».
5. Указ Президента РФ от 11.04.2014 № 226 «О национальном плане противодействия коррупции на 2014-2015 годы».
6. Указ Президента РФ от 01.04.2016 № 147 «О национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы».
7. Федеральный закон РФ № 273 от 25.12.2008 «О противодействии коррупции».
8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. Верховным советом РСФСР 27.10.1960)
9. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27.09.2006 «О рассмотрении результатов обобщения судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений».
10. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».
11. Статистические сведения ИЦ МВД по Кабардино-Балкарской Республике.
12. Тишковец Е.И. Следователь как субъект уголовного преследования. Диссертация канди-

дата юридических наук, Воронеж, 2003.

13. Диков Г.В. «Право на свободу и меры пресечения в уголовном процессе — подходы Европейского суда» «Журнал конституционного правосудия», 2013, №5.

References

1. The Constitution of the Russian Federation from 12.12.1993.
2. Criminal Procedure Code (Federal Law № 174 dated 18.12.2001).
3. Presidential Decree of 13.04.2010 number 460 “On the National Anti-Corruption Strategy and the National Anti-Corruption Plan for 2010-2011”.
4. Presidential Decree of 13.03.2012 number 297 “On the National Anti-Corruption Plan for 2012-2013”.
5. Presidential Decree of 11.04.2014 number 226 “On the National Anti-Corruption Plan for 2014-2015”.
6. Presidential Decree of 01.04.2016 number 147 “On the National Anti-Corruption Plan for 2016-2017”.
7. Federal Law № 273 dated 25.12.2008 “On Combating Corruption”.
8. The Code of Criminal Procedure of the RSFSR (app. The Supreme Council of the RSFSR 27.10.1960)
9. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of 27.09.2006 “On consideration of summarizing the results of the judicial practice of remand in custody as a suspected or accused of committing crimes.”
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of 12.19.2013 number 41 “On the practice of courts of law on preventive measures in the form of detention, house arrest and bail.”
11. Statistical data on the IC Interior Ministry of Kabardino-Balkaria.
12. E.I. Tishkovets Investigator as the subject of criminal prosecution the dissertation of the candidate of legal sciences, Voronezh 2003.
13. G.V. Dikov (“The right to liberty and the preventive measure in criminal proceedings — Court’s approach” “Constitutional Justice History”, 2013, №5)

1 Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы», Указ Президента РФ от 13.03.2012 № 297 «О национальном плане противодействия коррупции на 2012-2013 годы», Указ Президента РФ от 11.04.2014 № 226 «О национальном плане противодействия коррупции на 2014-2015 годы», Указ Президента РФ от 01.04.2016 № 147 «О национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы»./www.consultant.ru/

2 Тишковец Е.И. Следователь как субъект уголовного преследования. Диссертация кандидата юридических наук, Воронеж, 2003. стр.183.

3 Диков Г.В. («Право на свободу и меры пресечения в уголовном процессе — подходы Европейского суда» «Журнал конституционного правосудия», 2013, №5 стр.6)

4 Статистический отчет формы 1-Е МВД по КБР



УДК 342.951
ББК 67.401.041

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПО ОБЪЕКТИВНЫМ ЭЛЕМЕНТАМ ЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО СОСТАВА

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА МАЛАХОВА,

доцент Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

*Научная специальность 12.00.11 — судебная власть, прокурорский надзор,
организация правоохранительной деятельности, адвокатура*

E-mail: nv_malakhova@mail.ru;

ИВАН ИВАНОВИЧ ДУГАЕВ,

слушатель Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: vaneg94@mail.ru

Рецензент: кандидат юридических наук,

профессор В.В. Власенков

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются некоторые аспекты квалификации административного правонарушения по объекту и объективной стороне его состава. Определенное внимание уделяется проблемам отсутствия законодательного закрепления понятий, характеризующих юридический состав административного правонарушения.

Ключевые слова: административное правонарушение, состав административного правонарушения, квалификация административного правонарушения, объект административного правонарушения, объективная сторона административного правонарушения.

Annotation. The article discusses some aspects of qualification of the administrative offence on the object and the objective side of the composition. Some attention is paid to the lack of legislative consolidation of the concepts that characterize the legal structure of an administrative offense.

Keywords: administrative offence, composition of an administrative offence, qualification of an administrative offence, object of an administrative offence, the objective aspect of an administrative offence.

Пройдя многовековой путь становления, отечественное административное право в качестве самостоятельной отрасли продолжает свое совершенствование и реформирование, своевременно реагируя на вновь возникающие общественные отношения путем внесения изменений в сам механизм деятельности его правовых институтов.

Действующие в России юридически обязательные правила имеют своей целью обеспечение правопорядка и государственной дисциплины в определенных сферах деятельности, которые непосредственно затрагивают интересы большинства граждан и организаций независимо от их организационно-правовой формы.

Соблюдение таких правил соответствует интересам граждан, общества и государства, а их нарушение противоречит им и нередко приводит к вредным и даже общественно опасным последствиям. Отрица-

тельное отношение к требованиям законов является источником правонарушений. Правонарушение — это патология, выражающаяся в безразличном отношении к законам, невыполнении их требований. Таким образом, вопрос о правонарушениях и их квалификации, мерах ответственности за них был и есть основополагающим для теории административного права и правоприменительной практики. Данная проблема имеет не узкоотраслевой, как может показаться на первый взгляд, а напротив межотраслевой характер. Исходя из этого, актуальность выбранной для исследования темы очевидна, поскольку объективные элементы состава административного правонарушения имеют свои особенности, представляющие существенное, а иногда основополагающее значение для правильной квалификации административного правонарушения и законного привлечения виновного



лица к ответственности. В то же время отсутствие законодательного закрепления понятийного аппарата, используемого при квалификации административных правонарушений, создает сложности для осуществления правоприменительной практики.

Правовая оценка противоправного деяния базируется на признаках административного правонарушения и на признаках его юридического состава. Рассматривая признаки административного правонарушения (деяние физического или юридического лица, противоправность, виновность, наказуемость)¹, закрепленные в законодательной норме, мы можем определить, является ли данное деяние административным правонарушением. У юридического состава административного правонарушения другое предназначение, с его помощью устанавливается основание для привлечения к административной ответственности. При наличии всех элементов состава², деяние квалифицируется, как административное правонарушение и тогда лицо может быть привлечено к ответственности.

Исчерпывающий ответ на вопрос о взаимосвязи признаков административного правонарушения и его состава дал, по нашему мнению, профессор Л.Л. Попов. По его словам, признаки административного правонарушения, закрепленные в праве, в совокупности образуют сложный юридический состав, являющийся единственным основанием административной ответственности. В то же время, установление признаков административного правонарушения не ведет автоматически к наличию юридического состава этого деяния, например, в силу отсутствия одного из элементов этого состава³.

Не углубляясь в рассмотрение правовой природы юридического состава административного правонарушения, тем не менее, отметим отсутствие нормативного закрепления данного понятия. Сложилась парадоксальная ситуация, на протяжении многих лет правоприменителями решаются вопросы о наличии или отсутствии состава административного правонарушения, для его последующей квалификации, а понятие этого состава до сих пор не нашло своего отражения в законодательных актах. Что такое юридический состав административного правонарушения? Какова его структура? Почему именно эти элементы входят в его состав?

Состав административного правонарушения — логическая конструкция, правовое понятие о нем, отражающее существенные свойства определенных антиобщественных действий. Законодатель не создает признаков проступков, а лишь отбирает из них существенные, отличительные и конструирует составы. Перечень закрепленных в ней признаков — достаточное основание для квалификации деяния как административного правонарушения⁴.

Сложившаяся терминология, содержание и структура состава административного правонарушения

выработаны и отшлифованы теорией и практикой на протяжении многих лет, но вслед за этим должно последовать его законодательное закрепление.

По мнению ученых, нормативное установление понятия состава административного правонарушения «заставит» органы административной юрисдикции более ответственно подходить к квалификации совершенного деяния, будет способствовать укреплению законности и эффективности при применении административных наказаний, повысит общую правовую культуру населения.

В любом случае все авторы сходятся в выделении объективных и субъективных признаков состава административного правонарушения, поскольку деяние выступает как органичное единство внешней деятельности человека и его сознания. Отражая это реальное явление, состав проступка конструируется как совокупность четырех сторон (групп признаков): объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. При этом профессор Бахрах Д.Н. подчеркивает, что в состав правонарушения входят не объект, субъект и т.д., а их признаки, которые представляют собой систему, характеризующую объект и субъекта проступка, его объективную и субъективную стороны⁵.

Квалификация административного правонарушения является основой правоприменительной практики и осуществляется уполномоченными должностными лицами, органами и судьями на всех этапах производства по делам об административных правонарушениях в пределах компетенции указанных лиц.

От правильной квалификации противоправного деяния зависит многое, в том числе и судьбы людей. Так, в течение 2006 года в отношении гражданина М.Ю. Карелина дважды возбуждались дела об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 20.1 «Мелкое хулиганство» КоАП Российской Федерации, которое влечет наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток, и в обоих случаях к нему применялось административное задержание. Производство по первому делу решением Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 28 марта 2006 года, рассмотревшего кассационную жалобу М.Ю. Карелина и посчитавшего, что достаточных доказательств того, что он действительно нарушал общественный порядок, не найдено, было прекращено в связи с отсутствием состава административного правонарушения. Производство по второму делу было прекращено Верховным судом Республики Татарстан, рассмотревшим надзорную жалобу М.Ю. Карелина, в связи с отсутствием события административного правонарушения⁶.

Указанный пример показывает, в прямой зависимости от правильной квалификации противоправного деяния находится не только законность принимаемого по делу решения, вид и объем юридической



ответственности, но и правомерность применения мер обеспечения производства по конкретному делу об административном правонарушении.

Опосредованно процедура квалификации способствует решению одной из задач производства по делам об административных правонарушениях: всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела.

Квалификация административных правонарушений представляет собой мыслительный процесс правоприменителя, заключающийся в сопоставлении признаков совершенного деяния с признаками, включенными законодателем в конструкцию определенного состава. Результатом такого сопоставления является правовая оценка совершенного деяния. Эта оценка заключается в выводе о том, что деяние содержит признаки состава административного правонарушения, предусмотренного той или иной нормой административного права⁷.

В одних случаях квалификация правонарушения является не сложной в силу простоты самого деяния, например, такого, за которое назначается административное наказание в виде предупреждения или административного штрафа без составления протокола (ст.28.6). В других случаях конструкция состава правонарушения является более сложной, либо совершаемое деяние характеризуется признаками, присутствующими в конструкции других составов. Например, «банальное» мелкое хулиганство может сопровождаться уничтожением или повреждением чужого имущества. Статья 7.17. также предусматривает ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества.

В силу этого квалификация административного проступка осуществляется последовательно с учетом всех элементов состава.

В первую очередь подлежат оценке признаки объективных элементов состава правонарушения. При этом квалификация начинается с того признака, в котором содержится указание на событие правонарушения, т.е. на внешние признаки, характеризующие противоправное деяние. Таким образом, начальной стадией и основой правоприменительного процесса является квалификация административного правонарушения по его объективной стороне. Указание на первостепенное значение данного признака состава правонарушения содержится, например, в статье 28.1. КоАП РФ: дело об административном правонарушении может быть возбуждено только при наличии хотя бы одного из поводов, предусмотренных частями 1, 1.1 и 1.3 настоящей статьи, и достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения. Аналогичное указание находим в ч.1 и 2 статьи 24.5. Производство по делу об административном правонарушении не может начаться, а начатое производство прекращается при отсутствии события административного правонарушения либо

отсутствия состава административного правонарушения. Отсутствия состава административного правонарушения может происходить, например, вследствие отсутствия одного из его элементов — объективной стороны.

Объективная сторона административного правонарушения всегда содержится в диспозиции статьи, поэтому квалификация по признакам объективной стороны предполагает сопоставление признаков совершенного деяния с его характеристикой, содержащейся в правовой норме.

При этом надо учитывать ряд особенностей, которые влияют на правильность квалификации.

1. Противоправное деяние – это сознательное, волевое действие или бездействие, причинившее вред охраняемым общественным отношениям.

Противоправное действие – это общественно опасное, активное, осознанное, волевое поведение субъекта, причинившее вред охраняемым общественным отношениям.

Противоправное бездействие – противоправное пассивное поведение субъекта, обязанного действовать определенным образом; обязанность совершать действия может вытекать из закона или иного нормативного правового акта, профессиональных обязанностей, приказа или иного распоряжения, в силу договора, из предшествующих действий.

Не могут быть признаны правонарушением мысли, чувства, намерения человека, какими бы преступными они не были. Пока намерения человека не нашли своего выражения вовне, они не могут быть признаны правонарушением.

2. Обязательными признаками объективной стороны административного правонарушения выступают: противоправное деяние (в форме действия или бездействия), общественно вредные последствия, причинно-следственная связь между деянием и наступившими последствиями. Установление и доказывание наличия вредных последствий и причинно-следственной связи между ними необходимо осуществлять только по материальным составам правонарушений. Например, если нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, предусмотренное ч.3 ст. 20.2., влечет последствия в виде причинения вреда здоровью человека или имуществу.

По формальным составам правонарушений этого не требуется.

3. Факультативные признаки объективной стороны: время (временной промежуток, в течение которого было совершено деяние и наступили общественно вредные последствия), место (определенная территория, где было совершено противоправное деяние и наступили его последствия), способ (приемы, методы, используемые при совершении правонарушения), обстановка (совокупность обстоятельств, окружающих



событие правонарушения) требуют своего установления, но не всегда влияют на правовую оценку деяния. Время, место, способ, обстановка правонарушения имеют значение для их квалификации только в тех случаях, когда на них имеется прямое указание в соответствующей статье закона.

Например, мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ) признается таковым, если совершается в общественном месте. Нарушение особого режима признается противоправным, если совершается в закрытом административно-территориальном образовании (ЗАО) (ст. 20.19. КоАП РФ). Действие, нарушающее тишину и покой граждан г.Москвы, может быть правонарушением только, если указанные действия происходили с 23 часов до 7 часов (ст. 3.13 КоАП г. Москвы). Совершение этого же действия в дневное время не образует объективной стороны данного состава правонарушения.

4. В зависимости от конструкции состава административного правонарушения объективная сторона может выражаться в совершении однократного (простого) действия (например, появление в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность — ст. 20.21 КоАП РФ) или в совершении нескольких действий (сложное действие). В последнем случае объективная сторона может включать в себя два или более альтернативных действий, совершение любого из которых достаточно для признания поведения лица правонарушением (например, незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств — ст. 6.8 КоАП РФ). Объективная сторона административного правонарушения может выражаться и в совокупности двух различных действий, каждое из которых должно быть совершено лицом, что бы деяние можно было квалифицировать как правонарушение (например, незаконное изготовление и использование нагрудных знаков депутатов Московской городской Думы и членов Правительства Москвы — ст. 14.10 КоАП г.Москвы)⁸.

5. Описания признаков противоправного деяния, содержащиеся в статьях, как правило, носят общий характер, что налагает на правоприменителя обязанность давать как можно более конкретную и объективную характеристику произошедшим событиям, опираясь, где это возможно, на разъяснения высших судебных органов по вопросам квалификации тех или иных правонарушений, разграничивая совпадения с признаками объективной стороны смежных составов уголовных преступлений.

6. Многие статьи Особенной части КоАП РФ носят бланкетный (отсылочный) характер. В таких случаях необходимо использовать нормы содержащие правила дорожного движения, природопользования, противопожарной безопасности и т.д., поскольку только с их помощью можно правильно оценить со-

вершенное деяние.

Таким образом, объективная сторона состава правонарушения, характеризующаяся обязательными и факультативными признаками, является основой квалификации административного правонарушения с учетом тех особенностей, которые указаны выше. В то же время, признаки объективной стороны состава не нашли своего закрепления в законодательных актах. Так, не определено понятие общественного места, не раскрывается понятие кражи, мошенничества, присвоения или растраты как способов совершения хищения и т.д. Считаем, что в целях повышения эффективности правоприменительной практики, соблюдения прав и свобод граждан необходимо ввести соответствующие нормы в административное законодательство.

Дальнейший процесс квалификации осуществляется по признакам объекта правонарушения.

Объектом административного правонарушения во всех случаях выступают общественные отношения, охраняемые нормами законодательства об административной ответственности.

Деяние может быть признано административным правонарушением лишь в том случае, если оно причиняет ущерб или содержит угрозу причинения вреда охраняемым общественным отношениям.

Предназначением родовых объектов является систематизации административных правонарушений. Структура Особенной части КоАП РФ базируется на разграничении правонарушений по однородным признакам, что облегчает задачу поиска нужной нормы права.

Непосредственный же объект правонарушения влияет на правовую оценку деяния. Например, с учетом того, что одно и то же деяние может посягать на разные общественные отношения, осуществляется его квалификация.

Известны административные правонарушения, посягающие не на один непосредственный объект, а на два и более. Тогда выделяется основной объект правонарушения и дополнительные. Например, правонарушение, предусмотренное ст.11.3.1. (нарушение требований авиационной безопасности) посягает на общественные отношения, обеспечивающие авиационную безопасность. В то же время, правонарушение, предусмотренное ч.1 ст.11.5 (нарушение порядка допуска к выполнению полетов воздушных судов либо правил подготовки и выполнения полетов, повлекшее по неосторожности причинение легкого вреда здоровью потерпевшего) посягает одновременно и на безопасность полетов воздушных судов и на здоровье человека. Отметим также, что дополнительный объект, как правило, указывает на наличие последствий противоправного деяния.

Если дополнительный объект присутствует в составе административного правонарушения, его наличие свидетельствует о более высокой степени обще-



ственной опасности правонарушения и оказывает влияние не только на его квалификацию, но и повышает уровень ответственности виновного лица.

Особенность этого этапа квалификации заключается в том, что в нормах законодательства, как правило, не содержится прямого указания на непосредственный объект правонарушения, не называют его и участники производства по делу об административном правонарушении. Определить его можно только на основании анализа всех обстоятельств совершенного деяния.

В дальнейшем процедура квалификации административного правонарушения должна осуществляться по субъективным элементам его состава. Как представляется, рассмотренные в данной статье особенности квалификации административного правонарушения по его объективным элементам будут способствовать повышению эффективности правоприменительной практики.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. СПС КонсультантПлюс.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П / «Вестник Конституционного Суда РФ», № 4, 2009.
3. Административное право: Учебник /под ред. Л.Л.Попова. — М.: Юристъ, 2002. С. 318–319.
4. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник/ Бахрах Д.Н. — М.: Эксмо. 2011. С.485–486.
5. Кисин В.Р. Административное правонарушение: понятие, состав, квалификация /Фондовая лекция — М.: Московский университет МВД России. 2012.
6. Административное право Российской Федерации: курс лекций Ч.1/ под ред. к.ю.н., проф.

С.Н.Бочарова — М. : МосУ МВД России, 2013–116с.

7. Административное право Российской Федерации [Текст] : курс лекций. Ч. 2 / С. Н. Бочаров [и др.]; МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя; под ред. С.Н. Бочарова. — М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. — 301 с.
8. Малахова Н.В. Общая характеристика административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность. Ответственность за их совершение // Правовая идея. № 7(7) сентября 2013 г.

1 В научном сообществе существуют разногласия по поводу определения признаков административного правонарушения. Не имея целью, вступление в полемику по данному вопросу, считаем целесообразным выделить те признаки, которые содержатся в ст.2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Сущностный (материальный) признак общественной опасности административного правонарушения остался за рамками указанного понятия.

2 В составе административного правонарушения выделяют объективные элементы (объект и объективная сторона) и субъективные (субъект и субъективная сторона).

3 Административное право: Учебник /под ред. Л.Л.Попова. — М.: Юристъ, 2002. С. 318–319.

4 Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник/ Бахрах Д.Н. — М.: Эксмо. 2011. С.485–486.

5 Бахрах Д.Н. Там же.

6 Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П / "Вестник Конституционного Суда РФ", № 4, 2009.

7 Кисин В.Р. Административное правонарушение: понятие, состав, квалификация /Фондовая лекция — М.: Московский университет МВД России. 2012.

8 Кисин В.Р. Административное правонарушение: понятие, состав, квалификация /Фондовая лекция — М.: Московский университет МВД России. 2012.



УДК 34
ББК 67

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

АСЛАН МАГОМЕД-АФЕНДИЕВИЧ МАЛЬСАГОВ,

адъюнкт Академии управления МВД России

Научная специальность 12.00.11 — судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

E-mail: ing006@list.ru

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ А.М. Кононов

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент М.А. Москалев

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируются понятие и правовые основы информационного обеспечения противодействия коррупции, вносятся предложения о совершенствовании освещения антикоррупционных мероприятий на ведомственных информационных ресурсах и в средствах массовой информации.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, информационное обеспечение, органы внутренних дел, средства массовой информации.

Annotation. The article analyzes the concept and legal basis of information support of the corruption, and make proposals about improvement of lighting anti-corruption measures on departmental information resources and media.

Keywords: corruption, anti-corruption, information security, internal Affairs bodies and the media.

Противодействие коррупции в современный период является одной из важнейших задач, решаемых всеми институтами государственной власти, управления и гражданского общества. Сложность и многоаспектность этой проблемы, безусловно, требует комплексного подхода, обеспечивающего разрушающее воздействие на коррупцию, прежде всего, усилиями правоохранительных органов.

Одним из обязательных условий организации правоохранительной деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия коррупции является их эффективное информационное обеспечение.

В самом общем виде под информационным обеспечением в научной литературе принято понимать обеспечение управленческих структур фактическими данными о явлениях и процессах, создание автоматизированных систем, аккумулирующих информацию различных видов, либо использование информации для конкретной профессиональной или иной деятельности¹. Во всех случаях информационное обеспече-

ние сопутствует оптимизации управленческих решений и доведению их содержания до широкого круга лиц. Одним из практических способов информационного обеспечения признается использование информационных технологий². Теория информационного общества, получившая сегодня научное признание, в качестве одной из ключевых позиций рассматривает информационное обеспечение как процесс, объединяющий систематизацию данных и их использование в управленческой и инновационной деятельности³. Исходя из изложенного, информационное обеспечение имеет комплексную направленность и представляет собой, во-первых, совокупность организационно-управленческих мероприятий, направленных на сбор, документирование и систематизацию информации, во-вторых, процесс актуализации информации и ее использования в управленческой деятельности, в-третьих, — установление неограниченного или ограниченного доступа к информации. От состояния информационного обеспечения зависит



принятие грамотных и своевременных управленческих решений, а также эффективность их реализации в конкретных направлениях деятельности государственных органов.

Задачей информационного обеспечения является удовлетворение возникающих у его субъектов информационных потребностей⁴. В сфере противодействия коррупции надлежащее информационное обеспечение способствует своевременному выявлению, пресечению и раскрытию коррупционных правонарушений и преступлений коррупционной направленности. При этом в деятельности территориальных органов внутренних дел по противодействию коррупции информационное обеспечение требуется на организационном и исполнительском уровне. На организационном уровне от его состояния зависит планирование антикоррупционной деятельности; на исполнительском — розыскная, следственная и профилактическая работа по конкретным делам.

Присоединяясь к авторам, рассматривающим противодействие коррупции как необходимую меру защиты общества и государства от коррупции и ее проявлений⁵, необходимо отметить следующее. В силу дуалистической природы антикоррупционной деятельности органов внутренних дел в области противодействия коррупции информационное обеспечение должно включать несколько направлений. Первым из них является сбор и систематизация информации о выявленных и готовящихся коррупционных правонарушениях и преступлениях. Вторым — реализация имеющейся информации в конкретных видах антикоррупционной деятельности (оперативно-розыскных мероприятиях, профилактических операциях и др.). Третьим — освещение антикоррупционной деятельности через средства массовой информации, при проведении антикоррупционного просвещения, повышении квалификации кадров.

Кроме того, информационное обеспечение антикоррупционной деятельности должно осуществляться на двух уровнях: организационном (на котором разрабатываются соответствующие управленческие решения) и исполнительском (на котором они реализуются). При этом в интересах оптимизации противодействия коррупции — построение системы информационного взаимодействия между территориальными органами внутренних дел. Одновременно требуется создание работоспособного механизма доведения до сведения гражданского общества результатов противодействия коррупции, поскольку это служит показателем эффективности антикоррупционной деятельности.

Действующее законодательство в части информационного обеспечения правоохранительной (в том числе, антикоррупционной) деятельности основывается на положениях ч. 2 ст. 24 Конституции РФ, возлагающих на органы государственной власти и их должностных лиц обязанности по обеспечению возможности граждан знакомиться с документами и материалами, затрагивающими их права и свободы. При этом непосредственно в конституционных положениях заложен принцип ограничения доступа к информации на основании федерального закона. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации»⁶ в п. 3 ст. 3 закрепляет свободу доступа к информации о деятельности органов государственной власти и ее открытость, но допускает исключения из этого правила. Однако, как представляется, такие исключения и ограничение доступа к информации не включают правоохранительную деятельность, в рамках которой реализуются, в частности, антикоррупционные мероприятия. В целях создания гарантий защиты прав и свобод лиц, причастных к совершению преступлений коррупционной направленности или коррупционных правонарушений, может использоваться весь юридический инструментарий, установленный процессуальным законодательством (в частности, процедуры судебного контроля за действиями и решениями государственных органов и их должностных лиц, затрагивающими конституционные права и свободы граждан).

Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»⁷ одним из принципов доступа называет свободу поиска, получения, передачи и распространения информации (п. 3 ст. 4). Ст. 6 названного закона устанавливает шесть способов, с помощью которых обеспечивается доступ к информации, в том числе, обнародование информации, предоставление ее по запросу граждан, размещение в информационно-телекоммуникационных сетях. Эти положения распространяются на все виды деятельности государственных органов, а значит, и на противодействие коррупции. Однако к информационному обеспечению такой деятельности они имеют отдаленное отношение, поскольку предназначены для реализации конституционного права граждан на получение информации и не охватывают особенностей реализации правоохранительных функций.

В связи с изложенным, можно заключить, что действующее законодательство регламентирует порядок информационного обеспечения в той части, которая относится к отношениям в сфере доступа к информации институтов гражданского общества.



Однако специальные нормы, предназначенные для правового регулирования отдельных направлений информационного обеспечения правоохранительной деятельности, не получили в нем подробного закрепления. В равной степени это относится и к деятельности по противодействию коррупции.

На примере МВД России и его территориальных органов можно отметить, что, помимо сотрудничества со средствами массовой информации и правозащитными организациями, участия в антикоррупционном просвещении и иных мероприятиях, проделана серьезная работа в направлении создания полезных и информативных электронных ресурсов (сайтов) по единому образцу, неотъемлемой частью которых являются материалы о противодействии коррупции, публичные отчеты начальников территориальных органов внутренних дел, информация о положительном опыте различных подразделений ОВД в сфере противодействия коррупции. В каждом субъекте РФ функционируют «горячие линии», обеспечивающие прием сообщений от граждан о коррупционных проявлениях. Но эти положительные примеры не исчерпывают всей проблематики оптимизации информационного обеспечения противодействия коррупции.

С учетом специфики правоохранительной деятельности МВД России в сфере противодействия коррупции можно предложить размещение подобных материалов, обобщающих такие вопросы, как:

- динамика преступлений коррупционной направленности и коррупционных правонарушений, выявленных территориальными органами внутренних дел;
- сферы деятельности, максимально, средне или минимально подверженные коррупционным рискам;

- наиболее распространенные (типичные) формы коррупционного поведения.

Такая информация в обобщенном виде может служить определенным индикатором, на основании которого у общества будет создаваться впечатление об эффективности антикоррупционной деятельности. Кроме того, размещение этих сведений может способствовать обмену опытом сотрудников территориальных органов внутренних дел.

1 Чуб Б.А. Информационное обеспечение управления // Экономика Российской Федерации в условиях реформирования / отв. ред. В.В. Бандурин. – М.: ОАО «Экономика», 2002. – С. 128-142.

2 Мерзляк А.В. Информационное обеспечение взаимодействия контрагентов в целях поставок // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 3. – С. 257-259.

3 Дубров А.П. Теория информационного общества и информационного обеспечения // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2013. – № 1. – С. 201-208.

4 Волгин Ю.Г. Использование многомерных баз данных при построении информационных систем, предназначенных для оперативных подразделений криминальной милиции // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. – М.: Акад. управления МВД России, 2007. – С. 198-203.

5 Ерохина Ю.В. Проблемы информационного обеспечения противодействия коррупции // Правовая информатика. – 2014. – № 3. – С. 21-27.

6 Об информации, информационных технологиях и защите информации : Федер. закон от 27.06.2006 № 149-ФЗ [принят Гос. Думой 08.07.2006] (по сост. на 06.07.2016) // Рос. газ. – 2006. – 29 июля.

7 Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : Федер. закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ [принят Гос. Думой 21.01.2009] (по сост. на 09.03.2016) // Рос. газ. – 2009. – 13 фев.



УДК 343.98.
ББК 67.52.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ИЛЬИН,

*старший преподаватель кафедры криминалистики
Академии Следственного комитета Российской Федерации,*

кандидат юридических наук.

Научная специальность: 12.00.12 — криминалистика;

судебно-экспертная деятельность;

оперативно-разыскная деятельность.

E-mail: Nick703@yandex.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены особенности осмотра места происшествия по уголовным делам о доведении лица до самоубийства. На основе изучения следственной и судебной практики представлены возможности судебных экспертиз, назначаемых для установления обстоятельств совершения самоубийств. Особое внимание акцентировано на том, что наряду с традиционными причинами совершения суицидов (систематические унижения, причинение физической боли и страданий, нахождение в неблагополучной среде и т.д.) появляются и новые — через Интернет. Обозначены проблемные вопросы расследования самоубийств несовершеннолетними через социальные сети.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, судебная экспертиза, доведение до самоубийства, унижение чести и достоинства, жестокое обращение.

Annotation. Article is devoted to consideration of features of inspection of the scene on criminal cases about bringing the person to suicide. On the basis of studying investigative and jurisprudence possibilities of the judicial examinations appointed for establishment of circumstances of commission of suicides are presented. The special attention is focused that along with the traditional reasons of commission of suicides (systematic humiliations, causing physical pain and sufferings, stay in the unsuccessful environment, etc.) also new — on the Internet appear. The author has designated problematic issues of investigation of suicides by minors by social networks.

Keywords: inspection of the scene, judicial examination, bringing to suicide, humiliation of honor and advantage, ill treatment.

Осмотр места происшествия является центральным следственным действием при проверке сообщения о совершенном преступлении. Особую сложность представляет осмотр при обнаружении трупа, поскольку следователю необходимо найти следы для проверки следующих ключевых версий: убийство (простое или квалифицированное) или доведение до самоубийства, причинение смерти по неосторожности или несчастный случай.

Доведение до самоубийства, как нам представляется, недостаточно изучено в настоящее время, поскольку в криминалистической литературе такой состав преступления освещается довольно поверхностно или вовсе не рассматривается. В основном все сводится к методике расследования убийств.

Количество суицидов во всем мире представляет пугающую цифру — по данным Всемирной организации здравоохранения более 800000 человек погибает в результате самоубийств (в России гибнет более

30000 человек) [10, с. 2]. Растет число суицидов среди несовершеннолетних. Несмотря на быстрый рост количества самоубийств в современной России, уголовные дела по преступлениям, предусмотренным ст. 110 УК РФ, практически отсутствуют. На федеральном уровне число преступлений, квалифицируемых по статье 110 УК РФ и доля лиц, осужденных за данные общественно опасные деяния, невелико. Так, в 2014 году за доведение до самоубийства было осуждено 33 человека. Среди них 18 человек было приговорено к лишению свободы. Условное осуждение получили 15 осужденных. В 2013 году по статье 110 УК РФ было осуждено 17 человек. Из них к лишению свободы — 7 человек. Условное осуждение 10 человек [9, с. 2].

Доказать вину в доведении до самоубийства очень сложно, поскольку расследование ограничено возможностями в проведении следственных действий, т.к. зачастую после возбуждения уголовного дела возможно произвести лишь допросы или назна-



чить судебные экспертизы. Рассмотрим некоторые особенности осмотра места происшествия по делам о совершении самоубийства, поскольку оттого, насколько качественно он произведен и какие следы при этом обнаружены, будут зависеть результаты по привлечению лица к уголовной ответственности в соответствии со ст. 110 УК РФ или по ст. 105 УК РФ, или будет вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Итак, проверка сообщения о совершенном самоубийстве начинается обычно с проведения осмотра места происшествия. Как отмечает В. С. Бурданова, данное правило применимо также и в тех случаях, когда имеется информация о недоброжелательном отношении близких лиц и родственников к погибшему ввиду личной заинтересованности в его смерти, а потому многие следы преступления при осмотре можно и не обнаружить из-за непринятия данного факта во внимание [2, с. 3].

Последовательность следственного осмотра, согласно положениям криминалистической тактики, представляет собой следующий алгоритм действий:

- изучение путей подхода и отхода (прилегающей территории), а также поверхности, на которой находится труп;
- осмотр наружной поверхности одежды, обуви и открытых частей тела;
- осмотр предметов рядом с трупом;
- осмотр трупа;
- изучение каких-либо повреждений на трупе и обнаружение всевозможных следов.

При производстве осмотра места происшествия по сообщению о совершенном самоубийстве можно обнаружить:

- трасологические следы (рук, обуви, перчаток, узлы и петли на веревке);
- биологические следы (кровь, сперма, волосы);
- раны и повреждения на теле трупа;
- предсмертные записки в рукописном и электронном виде;
- видеозаписи из домашнего архива с возможными сценами унижения человеческого достоинства и жестокого обращения (побои, истязания и др.).

Обнаруженные следы рук, обуви и перчаток должны в обязательном порядке сравниваться с аналогичными следами погибшего, чтобы исключить версию о причастности к смерти лица посторонних лиц (убийство, причинение смерти по неосторожности). Например, по делам о повешении при наличии опорного предмета на его поверхности могут быть оставлены следы обуви, а под ним — следы давления в мягкий грунт. Отсутствие таких следов может свидетельствовать об убийстве и инсценировке суицида. Так, В. С. Бурданова в своем пособии приводит случай из практики, в котором следователь подтвердил свою версию об инсценировке самоубийства путем повешения, поскольку под опрокинутым ведром на

песке отсутствовали следы давления, а погибший не мог закрепить петлю, не встав на опорный предмет [2, с. 4–5]. На подошве обуви трупа могут также остаться посторонние частицы, не характерные для места и участка местности, в котором обнаружен труп (например, давность образования почвенных наслоений не соответствует времени обнаружения трупа).

При осмотре петли следователю необходимо проверить версию о том, мог ли сам погибший завязать на себе петлю, в какой сфере деятельности распространен способ завязывания узла и нужно ли обладать специальными навыками, чтобы завязать его. От решения этих вопросов во многом зависит проверка версий об убийстве и доведения до самоубийства.

Поиск биологических следов направлен не только на установление посторонних лиц, причастных к совершенному событию, но и на выявление других преступлений (например, изнасилование, сопряженное с последующим убийством, или оно явилось причиной самоубийства). Отсутствие на конечностях трупа кровоподтеков и ссадин от твердых предметов, находящихся рядом с ним, может свидетельствовать о том, что в петле был подвешен труп, потому что живой человек в период бессознательных конвульсивных движений во время агонии должен был бы получить повреждения.

В ходе производства осмотра места происшествия по сообщению о самоубийстве из огнестрельного оружия помимо указанных выше трасологических следов необходимо найти огнестрельное оружие, пули и гильзы, соответствующие количеству выстрелов, а также следы, свидетельствующие о направлении и дистанции выстрела [8, с. 46], чтобы решить вопрос о его производстве самим погибшим или речь идет об убийстве.

При осмотре места происшествия по сообщению о самоубийстве с помощью острых (колющих, режущих и др.) предметов следователь должен решить вопрос об использовании конкретного орудия при нанесении повреждений на трупе. Об этом будут свидетельствовать наличие или отсутствие поверхностных разрезов одежды и кожи, следов крови, а также точное расположение ран и потеков крови на теле и одежде трупа.

Специальный вопрос, который следователю необходимо решить в случае самоубийства человека путем падения с высоты: упал ли он действительно с того места, о котором говорит заявитель или с которого предполагается его падение. Так, в ходе осмотра места происшествия по факту самоубийства гр. М пожилого возраста путем падения из окна квартиры, расположенной на четвертом этаже жилого дома, было установлено, что женщина передвигалась с помощью ходунков для инвалидов. Самостоятельно погибшая взобраться на подоконник явно не могла [1].

При осмотре комнаты или площадки лестницы, из окна которых предполагается падение, обращается внимание, не выбиты ли окна, имеются ли следы пальцев рук или перчаток на подоконнике, стеклах,



шпингалетах и других блестящих частях рамы; имеются ли на подоконнике следы обуви, одежды, а также рядом находящаяся подставка для влезания на подоконник (в случаях значительной его высоты от пола); имеется ли предсмертная записка, бумага, на которой она написана, пишущий прибор, дневники (с целью обнаружения следов пальцев рук); не имеется ли следов волочения и возможной борьбы, а также орудий истязания, оскорбительных писем и т. п.

Обнаружив в ходе осмотра места происшествия всевозможные следы и предметы, следователь решает вопросы о назначении конкретных экспертных исследований с целью проверки выдвинутых им версий.

По делам о совершении самоубийств могут быть назначены следующие судебные экспертизы:

- трасологическая: по следам обуви, перчаток, узлов и петель;
- дактилоскопическая;
- баллистическая;
- судебно-медицинская и медико-криминалистическая;
- посмертная психиатрическая;
- почерковедческая;
- портретная;
- компьютерно-техническая;
- почвоведческая;
- ситуационная (например, мог ли сам человек совершить падение с высоты).

Проведение судебно-медицинской экспертизы по данной категории дел является обязательным, т.к. с помощью нее производится поиск не только следов доведения до самоубийства, связанных с унижением человеческого достоинства и жестокого обращения (царапины, ссадины, кровоподтеки, повреждения внутренних органов), но также следов, указывающих на возможную борьбу и самооборону при убийстве, замаскированном под суицид (дополнительные странгуляционные борозды, различие в количестве выстрелов и огнестрельных повреждений и др.).

Выясняя мотив самоубийства, следователь нередко ставит перед собой вопрос о том, был ли психически полноценным пострадавший, не явилось ли решение о самоубийстве следствием жестокого обращения и систематического унижения его человеческого достоинства, болезненного воображения, мнимых обид и других причин. Данные вопросы возможно решить с помощью проведения посмертной психиатрической экспертизы или комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Так, из заключения комплексной посмертной психолого-психиатрической экспертизы по факту совершения самоубийства следует, что С. в период, предшествующий смерти, находилась в длительном реактивном (стрессовом) состоянии, предрасполагавшем к самоубийству, которое могло быть вызвано конфликтными отношениями в детском доме, где она проживала. Взаимоотношения с И., основанные на систематическом унижении личного достоинства, угрозах, психологическом насилии со

стороны И. стали причиной суицидального поведения и, в конечном итоге, явились причиной замысла суицида, совершенного С. Методы воспитания, применяемые директором детского дома И., не соответствовали существующим методикам воспитания, не допустимы в практике воспитания детей детского дома [7].

Судебно-баллистическая экспертиза проводится в тех случаях, когда самоубийство было совершено с помощью огнестрельного оружия. Перед экспертами ставятся следующие вопросы: производилась ли стрельба из оружия, обнаруженного в ходе осмотра места происшествия; является ли оружие технически исправным и мог ли произойти выстрел без нажатия на спусковой крючок; выстрелены ли обнаруженные на месте происшествия гильзы и пули из данного оружия; производились ли выстрелы из данного оружия; когда производился последний выстрел. Последний вопрос ставится в случаях, когда у следователя возникает предположение, что смертельные ранения причинены из другого оружия. Так, Х. систематически унижал и оскорблял человеческое достоинство М., угрожал ему физической расправой по мобильному телефону. После очередных поступивших телефонных звонков со стороны Х. в адрес М., последний совершил самоубийство с использованием огнестрельного оружия, которое было изъято в ходе осмотра места происшествия. Из заключения эксперта-баллиста следует, что ружье, из которого был произведен выстрел, является гладкоствольным охотничьим ружьем модели ИЖ-43 12-го калибра, исправным и пригодным для производства выстрелов [6].

Почерковедческая экспертиза назначается для установления исполнителя рукописных записей (написан ли текст самим потерпевшим или другим лицом), написания текста в каких-либо необычных условиях (сильное эмоциональное возбуждение, стресс), результаты которой помогут следователю, выявить возможную инсценировку суицида, его мотив (в чем выражались угрозы, жестокое обращение и систематическое унижение человеческого достоинства, что думал пострадавший об отношениях к нему лиц, от которых он зависел, как относились к его переживаниям, если он их высказывал), причинную связь между действиями обвиняемого и самоубийством.

В тех случаях, когда необходимо решить вопрос об установлении факта одновременного написания всего рукописного текста (не выполнен ли текст под диктовку другого лица, в частности под диктовку подозреваемого), может быть назначена автороведческая экспертиза, а при обнаружении предсмертных записок в электронном виде — комплексная компьютерно-техническая и автороведческая экспертиза [8, с. 69].

Обнаруживая на месте крепления петли, на орудии и других предметах следы пальцев рук, следователь назначает дактилоскопическую экспертизу для установления конкретного лица, причастного к совершенному преступлению.



При обнаружении видеозаписей со сценами жестокого обращения и унижения человеческого достоинства целесообразно назначить портретную экспертизу. Видеосъемка имеет место быть в домашних условиях, детских домах и чаще всего носит скрытый характер. Сложность проведения исследования будет заключаться в том, что на видеоизображениях будут фиксироваться в основном некоторые комплексные (рост, телосложение, осанка) и анатомические элементы внешнего облика человека (глаза, нос, каймы губ, подбородок). На видеоизображениях данного типа ввиду низкого качества, определенного ракурса и освещения может не отобразиться лицо человека, и данные признаки могут не просматриваться, в результате чего будет отсутствовать комплекс идентификационно-значимых признаков, достаточный для проведения портретной экспертизы. Вместе с тем, не исключается возможность дачи вероятного или категорического вывода (положительного или отрицательного) экспертом при наличии некоторых индивидуальных признаков, отобразившихся на видеозаписи.

Из иных криминалистических экспертиз следует назвать несколько видов трасологической экспертизы:

- по установлению целого по частям, когда, например, при обыске обнаруживаются части шнура, на котором висел труп;
- по повреждениям на одежде, когда необходимо установить тип орудия или его тождество. Такие данные могут понадобиться следовательно, чтобы доказать жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего;
- по узлам и петлям, в рамках которой решаются вопросы об установлении вида узла и его целевого назначения (в каких сферах деятельности он используется), возможности владения специальными навыками, чтобы завязать узел, обнаруженный в ходе следственного осмотра, возможности потерпевшего самостоятельно завязать себе руки данным узлом (может быть проведена совместно с судебно-медицинской экспертизой).

Так, по факту обнаружения трупа с завязанными конечностями следовательно необходимо было подтвердить или опровергнуть версию об убийстве. Исходя из данных протокола осмотра трупа и результатов судебно-медицинской экспертизы было установлено, что смерть пострадавшего могла наступить от механической асфиксии в результате самостоятельного и последовательного надевания С. полиэтиленовых пакетов и фиксации их на шее с дальнейшим самостоятельным затягиванием строительных хомутов на верхних конечностях.

Наряду с традиционными причинами самоубийств (систематические унижения, причинение физической боли и страданий, нахождение в неблагоприятной среде и т.д.) появляются и новые — склонение покончить жизнь самоубийством через Интернет.

Впервые широко о проблеме пропаганды совершения суицидов в Интернете заговорили средства массовой информации в конце 2015 года. Тогда специалисты Лиги безопасного интернета заметили, что в социальных сетях (преимущественно в «ВКонтакте») резко активизировалось несколько сотен сообществ суицидальной направленности, в которых размещались видеозаписи со сценами подростковых самоубийств с героизацией погибших детей, подробно описывались способы их совершения, самоубийство преподносилось как способ освободиться от всех проблем, стать известным и популярным. Вступить в них мог любой желающий. Число подписчиков в некоторых группах достигало 10-12 тысяч человек [3].

16 мая 2016 года в журнале «Новая газета» были опубликованы результаты журналистского расследования по проблеме пропаганды социальными сетями совершения самоубийств несовершеннолетними. По данным издания, речь идет о целенаправленной и организованной деятельности, жертвами которой могли стать более 100 детей и подростков, живших в благополучных и любящих семьях. Для склонения несовершеннолетних к суициду в социальных сетях создано не менее 1500 групп, организаторы которых отбирают возможных кандидатов, ведут с ними соответствующую работу, дают инструкции и побуждают в определенный момент покончить с собой [4]. Весь информационный ресурс размещался в суицидальных группах самой популярной в России социальной сети — «ВКонтакте» — с ежемесячным пребыванием в ней около 45 миллионов человек молодого возраста, и изготавливался в Швеции и Германии [5].

В этой связи возникает необходимость в обнаружении возможной переписки подростка с посторонним лицом и возможных публикаций с порочащими сведениями, угрозами, шантажом и другой информацией, оказавшей губительное воздействие на психику ребенка. Значительная часть такой информации хранится на страницах социальных сетей. Так, мужчина отбывающий наказание в местах лишения свободы, в социальных сетях познакомился с 16-ти летней девушкой. В ходе длительной переписки в социальных сетях, он убедил отправить ему фотографию ее обнаженных молочных желез. После выполнения этой просьбы, мужчина начал требовать прислать другие фотографии интимного содержания. Девушка отказалась. Тогда мужчина начал ее шантажировать тем, что сообщит маме о первых фотографиях. Не выдержав такого давления, несовершеннолетняя покончила жизнь самоубийством, прыгнув с крыши 9-ти этажного дома [1].

Для изучения содержания страниц социальных сетей и других сайтов, на которые заходил подросток, рекомендуется изъять во время осмотра места жительства потерпевшего системный блок или его ноутбук. Если несовершеннолетним использовалась чужая техника для общения, то необходимо изучить ее содержимое путем осмотра предметов с участием



специалиста. В случае возбуждения уголовного дела, следует изъять такую технику и направить на компьютерно-техническую экспертизу, в рамках которой также возможно установить наличие сразу несколько аккаунтов на одном сайте общения.

В случае выявления сайтов самоубийц, к которым обращался несовершеннолетний, изучается переписка погибшего с участниками такой группы, в которой описаны мотивы, нарекания в отношении лиц, к которым он обращался за помощью или обвинения определенных лиц в жестокости, насилии. Так, 17-летние девушка и юноша, прыгнули с крыши гостиницы, в которой каждый из них проживал. В ходе расследования было установлено, что они проживали в различных городах, на сайте самоубийц познакомились и договорились о совместном совершении самоубийства, причины для которого у каждого были свои. Мотив данного поступка хорошо просматривался в их интернет переписке [1].

С аналогичной целью исследуется и содержание переписки в личном телефоне несовершеннолетнего.

В настоящее время существует реальная проблема правового и методического характера, поскольку доведение до самоубийства через Интернет не урегулировано действующим Уголовным Кодексом Российской Федерации (согласно ст. 110 УК РФ доведение до самоубийства возможно при личном контакте путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего), а криминалистической наукой не разработана методика расследования данного вида преступлений. Кроме того, социальные сети должны контролировать и нести ответственность за тот материал, который размещается на сайтах, должны разрабатываться особые механизмы, предотвращающие распространения опасной информации.

Таким образом, в ходе проведения осмотра места происшествия и процессуальной проверки в целом по сообщению о совершении самоубийства, следователь должен установить наличие фактов, свидетельствующих о совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105, ч. 4 ст. 111, ст. 110 УК РФ, или их отсутствие. Кроме того, в ходе проверки следователь получает достаточные данные о том, что погибшим был совершен суицид, до которого его никто не доводил, что должно подтверждаться также объяснениями родственников погибшего и других лиц (протоколы допросов), а также результатами проведенных судебных экспертиз.

Представляется, что рассмотренные нами особенности осмотра места происшествия и назначения судебных экспертиз позволят повысить на практическом уровне расследование данной категории преступлений.

Литература

1. Архив уголовных дел, расследованных Следственным комитетом Российской Федерации. — М.: ФГКОУ «Академия Следственного комитета Российской Федерации. [Электронный ресурс] (дата обращения: 01.09.2016).
2. Бурданова В. С. Расследование доведения до самоубийства: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2001. — 56 с.
3. В России действует организованная группа, доведшая до самоубийства через интернет не менее 130 детей // Информационный портал русского имперского движения. 17.05.2016. [Электронный ресурс]: URL: <http://rusimperia-info.ru/news> (дата обращения: 01.09.2016 года).
4. Группы смерти (18 +) // Новая газета. — № 51. 16.05.2016. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.novayagazeta.ru/society> (дата обращения: 01.09.2016 года).
5. Крайняя черта. Кто в соцсетях склоняет подростков к суициду // Аргументы и Факты. 27.04.2016. — № 17 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.chr.aif.ru/> (дата обращения: 01.09.2016 года).
6. Приговор Кизляровского городского суда от 16 мая 2009 года. Дело № 3-25/2009 // Архив уголовных дел, расследованных Следственным комитетом Российской Федерации. — М.: ФГКОУ «Академия Следственного комитета Российской Федерации. [Электронный ресурс] (дата обращения: 01.09.2016).
7. Приговор Хабаровского краевого суда от 06 октября 2015 года. Дело № 22-3199/2015 // Архив уголовных дел, расследованных Следственным комитетом Российской Федерации. — М.: ФГКОУ «Академия Следственного комитета Российской Федерации. [Электронный ресурс] (дата обращения: 01.09.2016).
8. Соломатина Е. А., Трощанович А. В., Черкасова Л. И. Особенности расследования доведения до самоубийства несовершеннолетних: учебно-методическое пособие / под ред. А. М. Багмета, В. В. Бычкова. — М., 2014. — 76 с.
9. Чукаева Н. Г. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения до самоубийства (проблемы законодательного регулирования): автореф. дис... канд. юрид. наук. Тюмень. 2014. — 19 с.
10. Preventing suicide: a global imperative. Geneva: World Health Organization; 2014. — 102 с.



УДК 343.983
ББК 67.5

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПЛЕКСНЫХ ПРИЗНАКОВ ВНЕШНОСТИ, ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НА МОНГОЛОИДНЫЙ ТИП

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ПИЧУГИН,

*старший преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя,*

кандидат юридических наук

Научная специальность: 12.00.12 — криминалистика;

судебно-экспертная деятельность;

оперативно-разыскная деятельность

E-mail: pichugin81@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы исследования признаков внешности, принципы которого основаны на выявлении специфики внешнего облика человека монголоидного антропологического типа.

Ключевые слова: внешность человека, фенотип, признаки внешности, внешний облик, антропологический тип.

Annotation. In article urgent problems of a research of signs of appearance which principles are based on detection of specifics of appearance of the person of the Mongolian anthropological type are considered.

Keywords: appearance of the person, phenotype, appearance signs, appearance, anthropological type.

На современном этапе сотрудники органов внутренних дел, деятельность которых непосредственно связана с экспертным исследованием лиц азиатской внешности, обращают особое внимание только лишь на фиксацию отдельных, наиболее значимых признаков внешнего облика, игнорируя при этом саму «специфическую природу» монголоидного расового типа. Однако если учитывать в практической деятельности данные особенности, можно было бы избежать ряд совершаемых «традиционных» ошибок, связанных с фиксацией признаков, имеющих высокое идентификационное значение при производстве судебной экспертизы. Следует обратить внимание, что при правильной оценке особенностей внешнего облика личности, имеющей принадлежность к монголоидному расовому типу производство судебной портретной экспертизы, осуществлялось бы в наиболее «правильном» направлении и, следовательно, было бы гораздо более эффективным [1,158].

Как было широко описано в параграфе, посвященном экспертному исследованию европеоидных признаков внешности, информация о комплексных признаках лица в целом, принадлежащего к определенной расовой группе, воспринимается, как правило, в упрощенном ключе — исходя из «сведений о типе кожного покрова», как, например, «белая» или «черная». Подобный подход также создает многочисленные слож-

ности, и при экспертном исследовании комплексных признаков монголоидного типа, для целей его последующей индивидуализации. Это происходит по причине специфичности деятельности информационного зрительного фокуса человека, направленного на восприятие и фиксацию образа наблюдаемой внешности, в результате чего устанавливается либо общее сходство комплексных признаков внешности наблюдаемого и наблюдающего лица, либо различие. В последнем случае, когда наблюдается явное различие комплексных признаков наблюдаемого и наблюдающего, ключевая криминалистическая информация о специфике внешности, имеющая высокое идентификационное значение, может остаться за рамками экспертного анализа. Речь идет о специфических особенностях внешнего облика человека — комплексных признаках, ориентированных на антропологический (расовый) тип, выражающихся в величине, форме, особенностях лицевой части головы; цвета, конфигурации глаз; величины, формы отдельных элементов носа и т.п.

Специалист (эксперт), как правило, воспринимает тип антропологической (расовой) принадлежности по принципу «свой-чужой», либо при психологической установке — «не моя антропологическая (расовая) группа», в этом случае рецепторы головного мозга способны утрачивать распознавательную зрительную способность воспринимать новую информацию



о внешнем облике.

Таким образом, комплексные признаки внешности либо воспринимаются полностью — при условии единой (равной) принадлежности к антропологической группе, либо воспринимаются в усеченном (ограниченном) варианте, в случае, когда антропологический тип специалиста (эксперта) и внешность разыскиваемого лица имеет существенные антропологические различия. Дополнительную сложность при этом представляет анализ комплексных признаков, имеющих монголоидные особенности. Об этом далее более подробно.

Основываясь на эмпирических наблюдениях и результатах научных исследований ученых-антропологов, выявим комплексные признаки внешности, которые наиболее свойственны «большому» монголоидному расовому морфологическому типу внешности и присущих конкретным узким расам монголоидов — их «малым» вариациям.

По мнению И.В. Перевозчикова, монголоидам свойственны следующие признаки внешнего облика: «...цвет кожи от смуглого до светлого (в основном у североазиатских групп). Цвет волос темный, у некоторых вариантов очень темный (иссиня-черный). Волосы, как правило, жесткие и прямые, но в южной Азии есть группы со значительной частотой волнистых волос, в Северной Азии нередко мягкие волосы. Нос обычно довольно узкий, с малой или средней высотой переносья, выступает незначительно, но есть варианты с сильно выступающим носом. В целом нос по величине и форме значительно варьирует, в противоположность устоявшемуся стереотипу о «малоносости» монголоидов как характерной черте. Складка верхнего века развита значительно. Эпикантус может достигать частоты 90-95%, но во многих группах (Америка, Южная Азия) он редок. Наружный угол глаза приподнят...» [2,178]

А.Е. Хомутов считает, что: «...азиатско-американская или монголоидная большая раса отличается смуглыми или светлыми оттенками кожи, прямыми, нередко жесткими волосами, слабым или очень слабым ростом бороды и усов, средней шириной носа, низким или средним по высоте переносьем, слабо выступающим у азиатских представителей и сильно выступающим — у американских, уплощенностью лица, средней толщиной губ, их сильным выступанием, крупными размерами лица, наличием эпикантуса...» [3,78]

Я.Я. Рогинский в своей работе описывает, что: «...монголоидам присущи прямые жесткие черные волосы. Большое уплощенное лицо, слабо выступающий нос. Наличие эпикантуса, сильное развитие складки верхнего века. Значительный альвеолярный прогнатизм, то есть выступающие вперед губы. По этому признаку монголоиды мало отличаются от негроидов. Правда, в них прогнатизм обусловлен только развитием мягких тканей, в то время как у негроидной расы он зависит от строения костной основы и зубов...» [1,90]

В.Г. Штефко указывает, что: «Среди азиатских монголоидов светлые, пшеничные тона встречаются у северных китайцев, далее к югу показатель смуглости увеличивается» [4,59]

П.А. Минаков отмечал следующее: «По длине волос на первом месте стоят монголоиды, за ними следуют европеоиды и далее с большим отрывом негроиды. Стрижка волос при этом не влияет. У всех монголоидных групп волосы могут достигать весьма значительной длины» [1,110]

Таким образом, комплексные признаки внешности монголоидов представляются следующим образом: рост монголоидов, относительно европеоидов и негроидов — невысокий, варьирует от 160 до 175 см; тип телосложения не стабилен, от «детского» у южных типов, до коренастого-плотного у северных; оттенки кожного и волосяного покрова не стабильны, от бело-желтоватых оттенков различной интенсивности до темного, в зависимости от географического ареала проживания; лицо большой величины, преимущественно уплощенное; носовая складка не выделяется; волосы прямые по форме, густые; лоб широкий, прямой; надбровные дуги и переносица не выделяются; нос небольшой, кончик носа тонкий, спинка прямая и немного приподнятая, основание носа тонкое; значительное развитие скулы; ушная раковина от средних до больших размеров; наличие эпикантуса, преимущественно с приподнятым наружным углом; губы средней толщины, при этом наблюдается сильное выступание верхней губы; специфическое строение зубного аппарата (крупные резцы).

Различие внешнего облика европеоидного и монголоидного расового морфологического типа наглядно демонстрируют обобщенные портреты. Однако, рассматривая вопросы, связанные с описанием комплексных элементов, не стоит ограничиваться только лишь большим антропологическим (расовым) типом монголоидов. Не менее актуальными, и, следовательно, имеющими большую идентификационную значимость в процессе идентификации личности, комплексные признаки малых антропологических (расовых) типов, а также комплексные признаки, характеризующие отдельные этнические общности монголоидов.

В антропологических источниках большая монголоидная расовая группа состоит из: североазиатской малой расы (представители коренных народов Сибирского, Дальневосточного Федерального округа Российской Федерации, Монголии); дальневосточной малой расы (представители коренных народов Дальневосточного Федерального округа Российской Федерации, Китая, Тайваня, Японии); южной малой расы (представители коренных народов Вьетнама, Мьянмы, Таиланда), арктической малой расы (представители коренных народов Дальневосточного Федерального округа Российской Федерации).

Рассмотрим присущие малым монголоидным расовым типам комплексные признаки внешнего облика.

Как верно отмечает Я.Я. Рогинский: «...при рассмотрении монголоидных антропологических типов, как и в случае с европеоидами, можно в общих чертах наметить изменения в частотах основных признаков внешности внутри ареала. Цвет кожи становится более темным по мере продвижения от полюсов к экватору, но очень темных оттенков у монголоидов не бывает. Пигментация волос имеет небольшую тен-



денцию к усилению в направлении с запада на восток (в пределах темных оттенков шкалы). В низких широтах увеличивается частота волнистых волос. Частота эпикантуса уменьшается от центральной зоны к периферии. Примерно так же уменьшается степень уплощенности лица...» [3,91]

Следует заметить, что абстрактное представление малых монголоидных антропологических групп, разграниченных по критерию «западных-восточных», «северных-южных» не вносит существенной ясности в проблеме спецификации расовых типов относительно признаков внешности. Полагаем, что необходимо более конкретизировать расовые монголоидные типы внешности относительно критерия «подтипа» или «подрасы». Общепринято в антропологической литературе проводить следующее разграничение монголоидных расовых морфологических типов: дальневосточная, южноазиатская, североазиатская, арктическая.

Рассматривая дальневосточную малую расу, ученые-антропологи выделяют следующие фенотипические признаки: «Цвет кожи смуглый. Глаза темные, как у остальных монголоидов. Волосы прямые, жесткие и очень темные...»; «...у взрослых представителей дальневосточной расы эпикантус встречается от 70 до 95% случаев. Длина тела средняя или выше средней. Лицо узкое, высокое, плоское. Нос довольно длинный, с прямой спинкой, слабо- или средневыступающий...»; «...внешний облик представителей дальневосточной расы имеет ясно выраженные черты коренных народов Китая, Кореи, Тайваня и Японии...» [4,67]

Исходя из представленных фрагментарных описаний ученых-антропологов, анализа исследовательских данных и наблюдений автора, дальневосточная малая расовая группа монголоидов обладает следующими комплексными признаками внешности: средний рост относительно европеоидного расового типа, примерно 170-175 см; средний тип телосложения; смуглый цвет кожного и волосяного покрова; темный цвет радужки глаз; средняя степень выраженности эпикантуса (среднее нависание складки верхнего века); волосы прямые, жесткие; ширина лицевой части головы — малая, высота — большая; наличие средней степени уплощенности лица; средняя степень выраженности скул; средняя длина носа; форма спинки — прямая; степень выступания — малая; значительное выделение кончика носа как в профиль, так и в фас; средняя или малая величина губ; ушная раковина средних размеров, форма варьирует.

Значительный процент населения Китая, Кореи, Японии имеет явно выраженные комплексные признаки дальневосточного антропологического типа внешности (скуластость, жесткие волосы, эпикантус и т.п.).

Описывая южноазиатских представителей малой монголоидной расовой группы И.В. Перевозчиков указывает, что им соответствуют следующие параметры внешности: «цвет кожи более темный, чем у дальневосточной расы. Есть некоторый процент волнистых волос. Эпикантус встречается реже (20-50%). Лицо менее уплощено и относительно ниже. Губы более толстые, а нос относительно широкий. Мозго-

вой череп также небольшой и относительно широкий. Лоб часто имеет выпуклую форму. Длина тела небольшая. Раса широко распространена в странах Южной и Юго-Восточной Азии...» [2,89]

Следовательно, южным представителям монголоидов свойственны следующие признаки внешности: низкий рост, примерно 160-165 см; «детский» тип телосложения; смуглый цвет кожного покрова; волосяной покров имеет оттенки «иссиня-черного» цвета, присущ общий блеск волосяного покрова; темный цвет радужки глаз; малая степень выраженности эпикантуса (незначительное нависание складки верхнего века), или же оно вообще отсутствует; волосы волнистые, малой жесткости; ширина лицевой части головы — малая, высота — большая; уплощенность лица отсутствует; скулы выражены незначительно; значительно выступающий лоб, имеющий выпуклую форму; средняя длина носа; форма спинки — прямая или вогнутая; степень выступания — средняя; значительное выделение кончика носа как в профиль, так и в фас; большая величина губ; ушная раковина больших размеров, форма варьирует.

Представители населения Юго-Восточной Азии (Тайланд, Мьянма (Бирма), Камбоджа, Вьетнам, Лаос) имеет явно выраженные комплексные признаки южного антропологического типа внешности.

К североазиатской малой расе ученые относят представителей, которые имеют следующие особенности внешности: «...цвет кожи более светлый, чем у других представителей монголоидов, в некоторых группах значительный процент светлокожих. Волосы темные и темно-русые, обычно прямые и жесткие. Лицо, как правило, высокое и широкое, очень плоское. Встречаются относительно низколицые варианты. Нос варьирует по величине и степени выступания. Есть группы с очень плоским переносьем. Часто встречается эпикантус. Разрез глаз очень небольшой. Длина тела средняя и ниже средней. Эта малая раса довольно явно подразделяется на два морфотипа — байкальский и центрально-азиатский. Байкальский обладает своеобразным сочетанием: максимум монголоидности в морфологии лица (максимальная уплощенность) и минимум в пигментации (самый светлый среди монголоидов). Черты североазиатской расы лежат в основе антропологического типа многих коренных народов Сибири: эвенков, якутов, бурят и т.д...»; «Североазиатские монголоиды считаются «самые монголоидными» по признакам внешности».

Анализ научной литературы, а также эмпирический материал, собранный в ходе антропологических экспедиций, показал, что североазиатскому типу свойственны следующие комплексные признаки внешности: средний рост, примерно 168-175 см; плотный или коренастый тип телосложения, выраженная явная жировая компонента тела; светлая пигментация кожного покрова; волосяной покров имеет смешанные оттенки, от русого до черного цветов; темный цвет радужки глаз; максимально высокая степень выраженности эпикантуса (сильное нависание складки верхнего века, глаза максимально «узкие»); волосы прямые, высокой



степени жесткости; ширина и высота лицевой части головы — большая; максимально уплощенное лицо; скулы сильно выражены; лоб имеет малую высоту, большую ширину; средняя или малая длина носа; форма спинки — как правило, прямая; степень выступа — малая; кончик носа как в профиль не выделяется, или выделяется незначительно; плоское переносье; малая величина губ; ушная раковина средних или малых размеров, форма варьирует.

Североазиатская раса в антропологической литературе подразделяется на несколько, еще более мелких рас. В частности, на центрально-азиатскую, которой свойственны более черные, жесткие волосы, более черные глаза, выступающий нос. К ее представителям относятся монголоиды северного Китая (Южный Китай преимущественно дальневосточная раса) и Монголии, а также народности — калмыки, буряты, якуты, тувинцы, алтайцы; на байкальскую, которая характеризуется, в свою очередь, крайне большими размерами лица, сильной скуластостью, очень большой частотой эпикантуса, темнорусыми волосами, очень уплощенным носом. Преобладает среди коренного населения Сибири к востоку от Енисея (северные эвенки, эвены, или ламуты, юкагиры, некоторые группы якутов и бурят, негидальцы Приамурья и ороки Сахалина).

К арктической малой расе И.В. Перевозчиков относит представителей, которые имеют следующий внешний облик: «...пигментация более темная, чем у североазиатской расы (ближе к тихоокеанской). Волосы прямые и жесткие, эпикантус — от 30 до 50%. Выступание носа умеренно слабое. Лицо менее уплощено, но более прогнатно, чем у североазиатской расы. Лицо часто имеет пентагоноидное очертание за счет большого расстояния между углами нижней челюсти...» [2,78] Внешний облик представителей североазиатских монголоидов и арктических монголоидов отличается не значительно. Распространен исключительно на крайнем северо-востоке Азии.

Характерной особенностью арктического типа монголоидов является следующее: рост выше среднего, примерно 172-178 см; плотный или коренастый тип телосложения, выраженная явная жировая компонента тела; светлая пигментация кожного покрова; волосяной покров имеет только темные оттенки; темный цвет радужки глаз; средняя степень выраженности эпикантуса (среднее нависание складки верхнего века); волосы прямые, высокой степени жесткости; ширина и высота лицевой части головы — выше средней; незначительная уплощенность лица, особенная «пентагоноидная» форма — за счет большого расстояния между углами нижней челюсти; скулы средне выражены; лоб имеет малую высоту, большую ширину; преимущественно малая длина носа; форма спинки — прямая или вогнутая; степень выступа — средняя; кончик носа как в профиль не выделяется, или выделяется незначительно; средняя величина губ; ушная раковина средних или малых размеров, форма варьирует.

Рассмотренные монголоидные малые расовые

типы с учетом спецификации их комплексных признаков позволяют оказать огромную помощь экспертам при производстве судебной портретной экспертизы на этапе раздельного исследования.

Литература

1. Пичугин С.А. Современные проблемы криминалистического описания монголоидного антропологического типа внешности. — М.: Московский университет МВД России, 2011.
2. Пичугин С.А. Проблемы формирования субъективных отображений разыскиваемых лиц, имеющих монголоидные черты внешнего облика и пути их решения // Криминалистика в системе уголовно-правовых наук: актуальные направления развития теории и практики: Материалы второго Всероссийского круглого стола.: ДЮИ.- Ростов-на Дону, 2010.
3. Пичугин С.А. Научные предпосылки использования антропологического подхода в рамках построения информативной субъективной модели внешнего облика человека для целей розыска и установления личности. // Полицейская деятельность /серия NOTA BENE/ № 3 — 2011.
4. Пичугин С.А. Особенности криминалистического установления личности преступника при расследовании преступлений по горячим следам // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений: Сб. матер. Всерос. Науч.-практ. конф.: В 3-х ч.- М.: Академия управления МВД России, 2011.

Reference

1. Pichugin S.A. Modern problems of the criminalistic description of Mongoloid anthropological type of appearance. — M.: Moscow university Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011.
2. Pichugin S.A. Problems of forming of subjective displays of the searched persons having Mongoloid lines of appearance and a way of their decision//Criminalistics in system of criminal and legal sciences: urgent directions of development of the theory and practice: Materials of the second All-Russian round table.: DYUI. — Rostov-on to Don, 2010.
3. Pichugin S.A. Scientific prerequisites of use of anthropological approach within creation of informative subjective model of appearance of the person for the purposes of search and identification.//Police activities / series of NOTA BENE/No. 3 — 2011.
4. Pichugin S.A. Features of criminalistic identification of the criminal in case of investigation of crimes without delay//Legal and criminalistic support of management of bodies of investigation of crimes: Sat. mater. Academy of the Department of MIA of Russia, 2011.



УДК 34
ББК 67

ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО И СЛУЖЕБНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ГЛАДКОСТВОЛЬНОГО ОРУЖИЯ

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ЦУКАНОВ,

*соискатель кафедры экспертно-криминалистической
деятельности Московского университета*

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научная специальность: 12.00.12 — криминалистика;

судебно-экспертная деятельность;

оперативно-разыскная деятельность

Научный руководитель: доктор юридических наук,

профессор С.М. Колотушкин

E-mail: tzukanov.andrey2015@yandex.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается возможность совершенствования идентификации гражданского и служебного огнестрельного гладкоствольного оружия по следам, оставленным при выстреле на донцах стреляных гильз. Для этого предлагается по принципу метода штрихового кодирования наносить маркировочные данные оружия на патронный упор колодки затвора гладкоствольного оружия. В идентификационном номере оружия, находящегося в легальном обороте, в учётах лицензионно-разрешительной системы уже содержится информация о модели оружия, годе его выпуска и, самое важное, его владельце. При выстреле из маркированного подобным образом оружия следы кода в виде идентификационного номера отображаются на металлическом основании донца гильзы. При обнаружении подобной стреляной гильзы на месте происшествия решаются как диагностические, так и идентификационные задачи по установлению экземпляра оружия и его владельца.

Ключевые слова: гражданское, гладкоствольное оружие, донце гильзы, идентификация, криминалистическая информация, криминалистическая метка, криминалистические учёты, метод, огнестрельное, отображение, след, служебное, штриховое кодирование, баллистическое кодирование.

Annotation. The article considers the opportunity to improve the identification of the civil service and fire shotguns in the footsteps left by the shot on the Donets spent cartridges. For this is offered by the principle of the method of bar coding to apply marking data cartridge weapons on focus pads, shutter shotguns. The identification number of weapons is in legal circulation in accounting licensing permit system already contained information on weapons of model year of its release, and most importantly its owner. When fired from the marking of weapons in this way traces of bar code with the identification number displayed on the metal base of the stems of the liner. Upon detection of such cartridge cases at the scene to solve both diagnostic and identification tasks to establish an instance of the weapon and its owner.

Keywords: civil, smooth-bore weapons, Donets sleeve, identification, forensic information, forensic mark, forensic accounting, method, firearms, display, trace, service, bar coding, ballistic coding.

В настоящее время в научных статьях периодически поднимается вопрос о возможностях и перспективах внедрения в гражданское, служебное огнестрельное оружие метода штрихового кодирования, с последующей возможностью при производстве выстрела из данного оружия передачи (отображения) на стреляных гильзах патронов нанесённого кода, идентифицирующего оружие и его владельца.

Данная идея рациональна с точки зрения правоохранительной системы, поскольку способна облег-

чить работу экспертам криминалистических подразделений и при правильной организации ускорить розыск преступников, повысив раскрываемость преступлений, связанных с применением и использованием огнестрельного оружия. С точки зрения производителей, импортёров оружия данная идея несёт определённые (административные и материальные) издержки. Для решения данной задачи необходимо достижение консенсуса между правоохранительной системой и бизнесом. Для этого необходимо рас-



смотреть, что именно предлагается авторами под методом штрихового кодирования на огнестрельном оружии, и какие блага он способен принести обществу в плане повышения общественной безопасности, а также снижения имеющейся криминальной обстановки. Данные методы разнообразны, как и варианты по их использованию, систематизации и последующего учёта получаемой со следами штрихового кодирования криминалистической информации. В свою очередь, мы хотим предложить для рассмотрения метод с более простым и эффективным кодированием криминалистической информации, близким по своим принципам к штриховому кодированию, но в виду его отличия и решаемых криминалистических задач его, пожалуй, можно отнести к криминалистическому кодированию. В связи с тем, что использование кода предполагается в огнестрельном оружии, с отображением его общих и частных признаков в процессе производства выстрела предлагаем определить его как «баллистический код».

Идею метода баллистического кодирования подсказал случай, так при проведении огнестрельных испытаний броневых элементов моё внимание привлекла отстреленная из гладкоствольного помпового ружья «Мосберг - 500» гильза, а точнее отображённый на её донце криминалистический след от оружия — фото 1.



Фото 1. Вид следов от затвора «Мосберг–500», отобразившихся при выстреле на донце отстреленной гильзы 12 калибра

В настоящее время число преступлений с использованием легального гладкоствольного оружия, в том числе получивших широкое освещение в средствах массовой информации и вызвавших широкий общественный резонанс, неуклонно растёт.

Идентификация гладкоствольного оружия, как правило, в подавляющем большинстве случаев производится по гильзам, так как выстрелянный из него снаряд, особенно состоящий из нескольких элементов (дробь, картечь), несёт минимум криминалистической информации и практически не идентифициру-

ет оружие по частным признакам.

По данной причине нами предлагается более простая и достаточно эффективная система идентификации огнестрельного оружия, которая может использоваться для любых его типов, но будет являться наиболее актуальной для применения в гладкоствольном гражданском и служебном оружии.

В соответствии со статьями 3, 4 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» гражданское, служебное оружие и патроны к ним должны соответствовать криминалистическим требованиям, установленным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел. Данные требования отражены в приказе МВД России от 20 сентября 2011 г. № 1020 «Криминалистические требования Министерства внутренних дел Российской Федерации к техническим характеристикам гражданского и служебного оружия, а также патронов к нему» (далее — Криминалистические требования). В указанных Криминалистических требованиях в п. 12 раздела II «Огнестрельное оружие» сказано, что длинноствольное огнестрельное оружие должно иметь маркировочные обозначения индивидуального номера, выполненные на стволе и ствольной коробке (колодке), а короткоствольное огнестрельное оружие — на рамке (в случае наличия съёмного ствола и на стволе) и затворе или барабане. Глубина нанесения индивидуального номера должна составлять не менее 0,2 мм.

С учётом сказанного, в соответствии с уже принятыми нормативными документами, предлагаем использовать метод баллистического кодирования путём нанесения индивидуального номера оружия глубиной 0,2 мм на зеркале поверхности затвора, колодки обеспечивающих удержание гильзы патрона при производстве выстрела.

Рассмотрим преимущества предлагаемого метода:

- технически проще, чем нанесение штрихового кодирования выступающим способом;
- экономически дешевле;
- законодательно уже предусмотрено (достаточно только внести нормативные дополнения, прописав места нанесения индивидуального номера);
- не сказывается на технических характеристиках гладкоствольного огнестрельного оружия, качестве стрельбы и его износе при амортизации;
- при проведении технического обслуживания (чистке мест нанесения номера) износ ниже, чем при прочих способах нанесения;
- при попытке уничтожения данного вида криминалистической метки, с высокой вероятностью, боевые свойства оружия ухудшаются, либо оно приходит в полную негодность.



К перечисленным выше аргументам, на наш взгляд, главное преимущество предлагаемого баллистического метода — уже существующая, налаботанная и регулярно пополняемая система учёта оборота гражданского и служебного огнестрельного оружия, а также его владельцев, проводимая лицензионно-разрешительной системой и основанная на использовании маркировочных обозначений индивидуального номера огнестрельного оружия. В случае принятия решения о внедрении предложенного баллистического метода, указанная система учётов может быть в кратчайшие сроки и с минимальным использованием уже имеющихся ресурсов адаптирована под криминалистические задачи с созданием на её базе нового вида криминалистического учёта.

С целью обоснования реальности предлагаемой идеи был проведён огнестрельный эксперимент с фотофиксацией полученных результатов. Для данной цели была подготовлена криминалистическая метка в виде металлической пластинки толщиной 0,1 мм с нанесённым гравёром на её поверхности и сквозным маркировочными обозначениями, фото 2.



а.



б.

Фото 2: а) общий вид металлической пластины; б) измерение толщины металлической пластины

С учётом амортизирующих свойств пластиковой внутренней вставки в донце гильзы патрона для чистоты эксперимента был произведен отстрел из верхнего ствола ружья ТОЗ-34 12 калибра двумя различными по заряду патронами, фото 3.



а.



б.

Фото 3: а) вид донца гильзы пулевого патрона с отобразившейся сквозной и поверхностной криминалистическими метками; б) вид донца гильзы патрона с истёкшим сроком годности с отобразившейся сквозной и не отобразившейся поверхностной криминалистическими метками.

Проведённый огнестрельный эксперимент показал жизнеспособность предлагаемого баллистического метода кодирования информации. При отстреле пулевым патроном (пуля массой — 35 гр.) с более мощным пороховым зарядом (сильный след от бойка оружия на капсюле) четко виден даже невооружённым оптическими приборами след, оставленный сквозной криминалистической меткой, и слабо различим след — от поверхностной метки. При отстреле просроченным (с ослабленным зарядом) дробовым патроном (дробь № 4 массой 32 гр.) (неглубокий след от бойка оружия на капсюле) слабо виден, но всё же различим след, оставленный сквозной криминалистической меткой, и не



выражен след поверхностной метки.

Данный эксперимент показывает зависимость от мощности заряда и массы снаряда, а также глубины нанесения криминалистической метки, есть основания полагать, что при нанесении её на установленную Криминалистическими требованиями глубину в 0,2 мм, чёткость оставленного криминалистической меткой следа улучшится.

Некоторые могут сказать, что внедрение предлагаемого баллистического метода кодирования в системе контроля гражданского и служебного оружия приведёт к заблуждениям и ошибкам, так как в России не запрещено переснаряжение патронов к гладкоствольному огнестрельному оружию и возможно использование собранных ранее стреляных гильз патронов. При многократном использовании гильз возможно наложение и отображение нескольких идентификационных номеров, к тому же на самих донцах гильз уже имеется сильно выраженные маркировочные обозначения, при накладке которых с криминалистическими метками возможна потеря фрагментов кодирования.

Да, определённые сложности в связи с этим будут, но, тем не менее, даже в этих случаях правоохранительная система получает важную криминалистическую информацию пригодную для использования в оперативно-розыскных мероприятиях для расследования и раскрытия преступлений.

От оппонентов возможен следующий вопрос, а что, если на гильзе не отобразился номер оружия? Данная криминалистическая информация несёт в себе также важные оперативные данные, из которых следует, что преступление было совершено из огнестрельного оружия, находящегося в незаконном обороте. Так как при внедрении предлагаемого баллистического метода кодирования информации в систему контроля, за оборотом гражданского и служебного гладкоствольного оружия, должны быть установлены сроки переходного периода и разработана процедура конструктивной доработки находящегося в

легальном обороте оружия, например — путём нанесения соответствующего номера на предусмотренные части оружия, проще всего с помощью лазерной гравировки. После истечения переходного периода всё гладкоствольное огнестрельное оружие без соответствующей маркировки на нормативно установленных местах должно быть признано незаконным и изыматься из легального оборота.

Внедрение данной системы контроля, за оборотом легального гладкоствольного гражданского и служебного оружия, позволит снизить уровень его применения при совершении тяжких преступлений (убийств, причинение тяжкого вреда здоровью, разбоев). Повысит ответственность его владельцев, снизит преступления и административные правонарушения хулиганского характера (стрельба по дорожным знакам, табличкам, объектам инфраструктуры и т.д.) позволит уменьшить, сведя к минимуму, случаи браконьерства в охотничьих хозяйствах. Существенно облегчит правоохранительным органам раскрытие преступлений, с применением указанных видов оружия внеся принцип неотвратимости наказания.

Литература

1. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150 — ФЗ «Об оружии» (принят ГД ФС РФ 13.11.1996) [Электронный ресурс] (ред. от 29.12.2015). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Приказ МВД России от 20 сентября 2011 г. № 1020 «Об утверждении Криминалистических требований Министерства внутренних дел Российской Федерации к техническим характеристикам гражданского и служебного оружия, а также патронов к нему» (зарегистрировано в Минюсте РФ 13.10.2011 N 22048) [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».



УДК 34
ББК 67

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРКОТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ, ПСИХОТРОПНЫМИ, СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИМИ И ЯДОВИТЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ

ЛЮБОВЬ ЕВГЕНЬЕВНА ЧИСТОВА,

*доцент кафедры криминалистики Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент
Научная специальность 12.00.12 — уголовный процесс, криминалистика,
оперативно-разыскная деятельность
E-mail: tchistova-lubov@yandex.ru*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены дискуссионные вопросы, связанные с понятием и содержанием планирования расследования преступлений. Приводится авторская позиция, касающаяся этапов планирования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ. Обращается внимание на особенность этого мыслительного процесса по делам рассматриваемой категории.

Ключевые слова: планирование расследования; наркотические средства, психотропные, сильнодействующие, ядовитые вещества; этапы планирования.

Annotation. The article draws attention to controversial issues related to the concept and content of the planning of the investigation of crimes. Leads the author's position regarding the phases of planning crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic, strong, poisonous substances. Attention is drawn to a feature of the thought process for this category of cases.

Keywords: planning investigations; narcotic drugs, psychotropic, potent, toxic substances; planning stages.

Вопросам планирования расследования преступлений посвящали свои работы многие ученые криминалисты. Однако следует заметить, что до сих пор среди них не выработалось единого понятия этой криминалистической категории. Не вдаваясь в полемику по поводу сущности планирования преступлений, заметим, что нам ближе мнение А.Г. Филиппова, которые определяет его как «мыслительный процесс, заключающийся в определении содержания и порядка работы по установлению всех обстоятельств совершенного преступления и изобличению виновных в строгом соответствии с требованиями закона и наименьшей затратой времени»¹.

Именно на основе конкретных исходных данных, имеющихся в распоряжении следователя или дознавателя на определенный период расследования, изучаются, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, не установлены, формулируются задачи расследования, выдвигаются следственные версии и определяются следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия с целью их проверки, которые находят свое отражение в плане. Упорядоченная или иными словами целенаправленная работа по

выяснению всех обстоятельств, имеющих значение для дела, обеспечивает всестороннее, полное и объективное расследование любого преступления, в т.ч. и связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ.

Мы согласны с теми авторами, которые считают, что для того, чтобы достичь цели расследования преступления, его планирование должно основываться на определенных принципах.

Однако следует заметить, что понятие «принципы» не все авторы трактуют одинаково. В частности, В.С. Фоменко к принципам планирования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, относит следующие:

- во-первых, следователь должен помнить, что цель может быть достигнута не одним, а несколькими путями, поэтому необходимо исследовать не одну, а несколько следственных версий;
- во-вторых, поскольку цель расследования есть доказывание той или иной совокупности обстоятельств, то она может быть установле-



на не одно, а несколькими группами доказательств, полученных из разных источников в той или иной ситуации. При этом следователь без необходимости не должен расширять собирание материалов, подтверждающих одно и то же обстоятельство;

- в-третьих, при определении комплекса следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий (например, оперативно-тактических комбинаций) должны учитываться потенциальные возможности правоохранительных органов;
- в-четвертых, планирование может осуществляться на основе ориентирующей информации, полученной в результате расследования других преступлений;
- в-пятых, план типичных действий должен включать в себя проведение одного или комплекса мероприятий, разнородных по характеру, с охватом ими одновременно нескольких пунктов плана. Организационные, оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия желательно планировать с учетом минимальной затраты сил и средств при рациональном выполнении действий;
- в-шестых, необходимо планировать мероприятия по дальнейшей отработке тех версий, которые были построены и легли в основу расследуемого события;
- в-седьмых, при планировании мероприятий следует учитывать характер совершенного преступления, особенности личности преступников, сложившуюся в целом оперативную обстановку в данном регионе, обстоятельства исчезновения разыскиваемого и другие факторы, которые могут затруднить его задержание и изобличение².

На наш взгляд, перечисленное В.С. Фоменко никак не может относиться к принципам. Поскольку под принципом понимается «Основное исходное положение какой-либо научной системы; норма или правило поведения»³, его содержание должно быть основой или требованием для разработки какой-либо деятельности, в нашем случае — мыслительного процесса по обеспечению установления истины по делу. Эта основа и позволяет систематизировать и согласовывать намечаемые следственные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия, выбрать наиболее подходящий вариант разрешения сложившейся следственной ситуации и, в конечном итоге, установить все обстоятельства совершенного преступления, личности преступников и т.д.

То, что В.С. Фоменко называет принципами, скорее всего, напоминают рекомендации по выдвижению версий и производства некоторых организационных мероприятий.

В связи с этим, мы поддерживаем мнение тех авторов, которые к принципам относят: конкретность,

индивидуальность, динамичность⁴, системность и целенаправленность⁵.

Следует отметить, что в криминалистической литературе существует мнение, что «Целью планирования является составление плана»⁶.

На наш взгляд, в данном случае обесценивается вся мысленная деятельность следователя или дознавателя по решению задач расследования конкретного вида преступления. Если только вся мысленная модель их действий по проверке версий с целью собирания доказательств по делу для установления истины нужна для того, чтобы зафиксировать ее в плане, ни одно преступление не будет раскрыто, а тем более расследовано.

Р.С. Белкин еще в конце прошлого века отмечал, что «Цели планирования расследования заключаются в определении направления и содержания деятельности следователя на всех ее этапах, обеспечении ее целеустремленности, полноты, объективности, всесторонности и быстроты, экономии времени, сил и средств, эффективного применения средств и приемов работы с доказательствами»⁷.

Таким образом, целью планирования является создание программы действий, исходя из особенностей каждого преступления, для плодотворного производства следственных и иных действий с наименьшими затратами сил и времени при обнаружении, исследовании и использовании доказательств для выяснения всех обстоятельств совершенного преступления.

При этом, как совершенно верно заметил Р.С. Белкин, следователю или дознавателю необходимо учитывать следующие условия, в которых он осуществляет свою мысленную деятельность:

«1) наличие исходной (хотя бы минимальной) информации;

2) оценка сложившейся в момент планирования следственной ситуации и прогнозирование ее будущих изменений в результате планируемых действий;

3) учет реальных возможностей, средств и методов достижения планируемой цели»⁸.

Таким образом, планирование расследования преступлений, в том числе и связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, как отмечали некоторые авторы, с которыми мы полностью согласны, следует осуществлять исходя из этапов расследования.

Несмотря на то, что периодизация расследования преступлений также не нашла единого понимания среди ученых криминалистов, большинство из них придерживаются деления этапов расследования на два: первоначальный и последующий. Хотя, по справедливому замечанию А.Г. Филиппова «в зависимости от характера дела число этапов может быть и более двух»⁹. Например, Р.А. Гогов при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, выделяет три этапа: первоначальный, последующий и заключительный¹⁰.



Непосредственное планирование расследования преступлений данного вида на первоначальном этапе зависит, прежде всего, от того, совершались ли данные незаконные действия с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими, ядовитыми веществами в одиночку или членами организованной преступной деятельности.

В тех случаях, когда уголовное дело по факту одного из незаконных действий с названными средствами и веществами возбуждается на основе оперативно-розыскных мероприятий, личность преступника и некоторые обстоятельства совершения конкретного преступления бывают уже установлены. В данном случае могут выдвигаться несколько конкретных версий с целью выявления недостающих сведений о конкретных обстоятельствах совершения преступления, а также уточнения некоторых фактов. Данная следственная ситуация является наиболее благоприятной для расследования.

Особенность планирования следственных действий в данном случае состоит в том, что оно будет направлено на закрепление полученных доказательств с тем, чтобы впоследствии виновное лицо не смогло отказаться от своих показаний. Относительно непосредственных следственных действий, которые при этом могут быть произведены, мы обращали внимание при рассмотрении типичных следственных ситуаций, при которых виновное лицо задержано и признается в совершении своих противоправных действий. При этом последовательность их производства на основе мысленного процесса должна быть отражена в плане с учетом всех особенностей этой ситуации.

Оперативно-розыскные мероприятия, включенные в план расследования, при таких обстоятельствах могут проводиться, как с целью получения информации, характеризующей виновное лицо, его связей, образе жизни, а также иных эпизодов его преступной деятельности и выявления иных обстоятельств, имеющих значение для дела.

Следует отметить, что мы не можем согласиться с мнением В.С. Фоменко в том, что «В следственных ситуациях, когда осуществляется задержание лица по подозрению в совершении преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, следователь, прибыв на место происшествия, изучает материалы проверки, в которых обязательно должны быть следующие: а) справка об исследовании изъятого наркотического средства с указанием названия наркотика и веса вещества; б) протокол изъятия (досмотра), составленный в присутствии понятых с обязательным указанием конкретного места изъятия (карманы одежды, сумка) наркотических средств, их описанием и пояснением лица, у которого произведено изъятие; в) рапорт сотрудников органа федеральной службы безопасности с подробным описанием обстоятельств задержания подозреваемого»¹¹.

Во-первых, как нам представляется, такие материалы все же стоит изучать не на месте происше-

ствия. Если уж следователь прибыл для производства данного следственного действия, то его нужно проводить незамедлительно в силу того, что вещественные доказательства могут быть уничтожены в силу каких-либо факторов, или задержанный, не дожидаясь пока следователь ознакомится с полученными материалами, окажет сопротивление сотрудникам правоохранительных органов и скроется.

Во-вторых, если лицо задержали с поличным только что, то каким образом справка об исследовании изъятого у него вещества, уже находится в распоряжении сотрудников, его задерживающих?

В-третьих, если следователь заранее знал, что будет проводиться задержание с поличным, он должен был бы до его осуществления проанализировать вместе с сотрудниками, в распоряжении которых имела данная информация о том, какими конкретными сведениями они располагают на данный момент, следует ли осуществлять задержание конкретного лица именно сейчас; не следует ли из материалов оперативной проверки, что предполагаемое к задержанию лицо связано с членами организованного преступного формирования (поскольку, как правило, и это мы уже отмечали ранее, все незаконные действия с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими, ядовитыми веществами, представляют собой единую преступную цепь); и если есть основания этот факт предполагать, то, может быть, следует повременить с задержанием, а провести иные необходимые оперативно-розыскные мероприятия и выявить всех членов данного преступного формирования и лишь потом решать вопрос с задержанием с последующим включением следователя в непосредственное расследование конкретных преступлений.

Если же следственная ситуация складывается таким образом, что задержанное лицо не признает свою вину в совершении одного или нескольких незаконных действий с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами, а из материалов дела усматривается, что эти действия он совершил в одиночестве, планирование дальнейших следственных действий строится с учетом того, чтобы при их производстве более пристальное внимание уделялось выявлению следов, предметов и иных объектов, изобличающих задержанного в совершенном им преступлении. Исходя из этого, особое внимание уделяется техническим средствам, которые могут быть использованы при этом, а также участия в них соответствующих специалистов.

Планируемые оперативно-розыскные мероприятия проводятся с этой же целью. Однако они могут быть направлены и на решение задач, рассмотренных нами при благоприятной следственной ситуации.

При следственной ситуации, когда сведения о преступнике отсутствуют, например, при кражах из аптек, других помещений, у граждан, владеющими наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими веществами на законных основани-



ях; имеющейся оперативной информации об изготовлении, переработке или производстве наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ; фактах сбыта неустановленным лицом этих средств и веществ, хищении с химфармпредприятий и т.д., планирование осуществляется на основе частных версий, как относительно личности преступников, так и иных обстоятельств: способа совершения этих незаконных действий, используемых при этом орудиях или иных предметов, каналов сбыта и др.

Особенностью планирования при таких обстоятельствах является построение программы действий с целью отыскания источников информации об отсутствующих сведениях.

При этом в основу планирования, например, по кражам из аптек и иных нежилых помещений, могут быть положены следующие версии относительно личности преступников: лица или лицо, совершившее данную кражу состоит на учете у нарколога по поводу употребления наркотических средств; лица или лицо не состоит на учете у нарколога, но систематически употребляет наркотики; кража совершена одним лицом; кража совершена несколькими лицами; лица, совершившие кражу имеют познания в отключении сигнализации; лица, совершившие кражу знакомы с распорядком работы данного объекта и его охраны; лица, совершившие кражу имеют представление о месте хранения наркотикосодержащих лекарственных препаратов; лица, совершившие кражу использовали для взлома конкретного хранилища наркотикосодержащих лекарственных средств определенные технические средства; лица, совершившие кражу имеют навык обращения с этими средствами и т.д.

При расследовании хищений с химфармпредприятий особенностью планирования является включение в план расследования ознакомление следователя с технологическим процессом производства лекарственных наркотикосодержащих препаратов; производственной документацией; ознакомления с литературой, описывающей способы хищения в данных отраслях; консультации с соответствующими специалистами и т.д.

Помимо этого, планирование при таких обстоятельствах направлено на производство следственных действий по установлению способа хищения, вида похищенных наркотикосодержащих лекарственных препаратов, периода совершения противоправных действий, лиц, причастных к хищению этих препаратов, места их сокрытия до реализации, канала сбыта, иных соучастников и т.д.

Что же касается производства оперативно-розыскных мероприятий, то они, согласно плана проводятся с целью оперативной разработки интересующих следствие лиц и выявления иных обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела.

Следственная ситуация по сбыту наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядови-

тых веществ, особенно с использованием сети интернет, когда преступник неизвестен, возникает только при возбуждении уголовного дела по материалам оперативной проверки. Поэтому какие-то первоначальные сведения о некоторых обстоятельствах данного незаконного действия в распоряжении следователя имеются.

В данном случае задача следователя или дознавателя состоит в установлении всех сбытчиков, выяснении роли каждого из них, каналов поступления к ним названных средств или веществ, всех способов незаконного сбыта, места так называемых «закладок», лиц, приобретающих эти средства или вещества, порядок оплаты и иных незаконных действий преступников. Порядок производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, с учетом особенностей каждого конкретного случая, учитываются при планировании расследования уголовного дела.

Выявленная информация в результате производства намеченных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий может позволить восполнить пробелы расследования данного преступления и установить все обстоятельства его совершения, в том числе всех соучастников, канал поступления и сбыта наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ и, таким образом, в кратчайшие сроки закончить расследование, а, может, наоборот, свидетельствовать о том, что данное незаконное действие с этими средствами и веществами является одним из звеньев в преступной цепи. В таком случае в результате корректировки плана могут выдвигаться новые версии, иногда даже конкретные в отношении новых эпизодов преступной деятельности, новых лиц, причастных к ним.

Что же касается планирования расследования преступлений, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими, ядовитыми веществами, совершенными членами организованных преступных формирований, специфика мыслительно-го процесса может заключаться в следующем.

В тех случаях, когда уголовное дело возбуждается по результатам оперативно-тактической комбинации задержания преступников с поличным, планирование должно охватывать и подготовительные действия к ее осуществлению. Поскольку следователь в данном случае начинает свою работу с момента задержания, а все подготовительные действия осуществляют сотрудники оперативных подразделений, возможно составления двух видов планов: один по организации задержания, а второй с момента начала расследования. Однако во всех случаях следователь должен участвовать в планировании предстоящей операции с тем, чтобы результаты выполняемых оперативными сотрудниками действий, смогли впоследствии иметь доказательственное значение.

Следует отметить, что в криминалистической литературе по поводу содержания тактической комбинации среди ученых нет единого мнения.



Например, А.С. Князьков критикует тех авторов, которые в содержание тактической операции включают подготовительные к ней действия, считая при этом, что это «затушевывает важнейшее значение тактико-криминалистических приемов следственных действий, которые (приемы) направлены непосредственно на те или иные объекты с целью получения прежде всего доказательственной информации; оперативно-розыскные, организационно-тактические, ревизионные и другие непроцессуальные действия играют при этом обеспечительную, вспомогательную роль»¹².

Безусловно, следственные действия играют при производстве тактической операции основную, ключевую роль, т.к. именно в процессе их производства и происходит обнаружение вещественных доказательств и именно результаты следственных действий имеют доказательственное значение. Но чтобы любое следственное действие, проводимое в рамках тактической операции в том числе, было результативным, подготовка к нему должна иметь первостепенное значение. От тщательности действий, проводимых на подготовительном этапе, и зависит успех производства следственного действия. Тем более это относится к такому сложному действию, как задержание преступника с поличным. К совершению сделки с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими, ядовитыми веществами, преступники готовятся очень основательно. Именно они выбирают место, где эта сделка будет происходить. Как правило, это места, которые просматриваются со всех сторон. Выбираются они с тем расчетом, чтобы, во-первых, сбытчик, подходя к исходной точке, смог убедиться, что ему ничего не угрожает, никто за ним не следит и передачу названных средств и веществ можно осуществлять спокойно. Во-вторых, за действиями сбытчика могут наблюдать его соучастники, и если они заметят нежелательных лиц или заподозрят что-то неладное, сразу сообщают об этом сбытчику, и сделка не происходит: он либо не подходит к покупателю, либо выбрасывает предмет сделки.

Сбытчик может также выбрать, наоборот, людные места с тем, чтобы после совершения противоправной сделки быстро затеряться в толпе. В таком случае также необходимо продумать все возможные действия сотрудников правоохранительных органов по задержанию с тем, чтобы оно прошло успешно.

Исходя из этого, подготовка к проведению тактической операции заслуживает очень серьезного к ней отношения.

Но мы также не можем согласиться с А.В. Киселевым, который абсолютизирует подготовительные действия, считая их ядром тактико-криминалистического комплекса¹³.

Ядром, по-нашему мнению, является все же то следственное действие, в результате которого планируется получить наибольшее количество доказательственной информации. Но, как правило, при

проведении тактической комбинации, планируется не только одно конкретное следственное действие, а их комплекс, т.к. результаты одного из них неизбежно требуют производства иных, связанных с этим, следственных действий.

Что же касается непосредственного планирования задержания лица с поличным за совершение незаконных действий с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими, ядовитыми веществами, мы согласны с Е.А. Пидусовым, что необходимо обращать внимание на следующие обстоятельства:

«1. Следует разработать прогноз возможных способов оказания заподозренными в незаконном обороте наркотических средств сопротивления работникам правоохранительных органов, в том числе с применением оружия.

2. Необходимо определить возможные варианты поведения преступников в момент проведения задержания, направленные на избавление от наркотических средств либо психотропных веществ, и определить меры по нейтрализации таких действий.

3. Необходимо определить возможные пути бегства преступников с места проведения задержания и выработать меры по блокированию данных путей.

4. ... следует спрогнозировать возможные факторы, которые могут неожиданно помешать успешному проведению задержания. Причем следует разработать прогноз наиболее неблагоприятных факторов, которые могут дезорганизовать задержание. К таким факторам, например, относятся: появление на месте задержания не одного или двух заподозренных лиц, задержание которых было запланировано, а группы, прикрывающей действия указанных лиц; неожиданное появление на месте предполагаемого задержания случайных прохожих.

5. Кроме того, следует спрогнозировать действия на случай неудачных результатов проведения задержания»¹⁴.

Исходя из таких условий, оперативными подразделениями планируется расстановка своих сотрудников и согласованность их действий. Следовательно не вмешивается в их деятельность, но может давать рекомендации тактического плана, т.к. ему придется действовать уже по полученному результату.

Одним из важных моментов тактической операции, который также должен быть тщательно продуман при ее планировании — это момент задержания преступников. По этому вопросу мы также поддерживаем мнение Е.А. Пидусова, считающего, что «целесообразно проводить задержание как сбытчика, так и покупателя наркотических средств не в момент совершения купли-продажи, а спустя небольшой промежуток времени, во время которого приобретатель получил наркотическое средство и удалился с ним от места сделки, а продавец принял от него сумму денег и спрятал их для хранения»¹⁵. Однако самое главное здесь состоит в том, чтобы этот момент не был упущен.

Для наглядности, а самое главное, для доказа-



тельства виновности задержанных в противоправных действиях с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими, ядовитыми веществами, процесс передачи-получения этих средств следует фиксировать на видеокамеру, что также следует учитывать при планировании тактической операции.

При планировании расследования преступлений, в тех случаях, когда преступник задержан за одно или нескольких незаконных действий с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими, ядовитыми веществами и свою принадлежность к организованной преступной деятельности не отрицает, также имеет свои особенности. Первоочередное значение в данном случае уделяется производству тех следственных действий, которые подтверждают участие задержанного к тому или иному преступному формированию. Перечень таких следственных действий мы рассматривали применительно к этой следственной ситуации в предыдущем параграфе. Однако, исходя из конкретных обстоятельств, могут быть запланированы и иные. Поскольку, как правило, впоследствии подозреваемый заявляет ходатайство о заключении досудебного соглашения и сообщает следователю интересующую его информацию о своих соучастниках, планировать производство следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий следует таким образом, чтобы в кратчайший срок собрать сведения о всех фактах преступной деятельности, которые могут быть вещественными доказательствами, задержать всех ее участников, а также выяснить иные обстоятельства уголовного дела.

При следственной ситуации, когда задержанное лицо не признает свою принадлежность к организованной преступной деятельности, планирование должно обеспечить получение информации, опровергающей его показания. Особое внимание уделяется оперативно-розыскным мероприятиям, направленным на получение сведений о личности задержанного, его связях, проверку сведений, содержащихся в его показаниях, выяснения иных фактов, имеющих значение для расследуемого дела.

Исходя из имеющихся сведений на конкретный момент расследования, может быть выдвинута общая версия о составе преступного формирования, совершенных эпизодах незаконной деятельности с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими, ядовитыми веществами.

По мере поступления информации после производства следственных и оперативно-розыскных мероприятий, могут выдвигаться частные версии относительно взаимоотношений между членами преступного формирования, каналах поступления названных средств и веществ и т.д.

Помимо этого, как совершенно верно заметил В.В. Романюк, могут выдвигаться типичные версии «об организаторе и руководителе, лидерах преступ-

ного сообщества (преступной организации); причастности к преступному сообществу определенных лиц; замыслах преступников; полученных преступным путем денег и имущества и др.»¹⁶.

При этом оперативно-розыскные мероприятия должны носить обеспечивающий характер по отношению к тем следственным действиям, которые планируются проводить на основе этой информации.

Таким образом, планирование обеспечивает слаженную работу по выбранному направлению расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ, а также выяснению всех обстоятельств, необходимых для установления истины по делу.

1 Криминалистика. Полный курс. Учебник для бакалавров. /М., 2016. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс. 5-е изд. С. 280.

2 Фоменко В.С. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: по материалам органов федеральной службы безопасности. – М., 2007. Дис. ... канд. юр. наук. с.137-138.

3 <http://tolkslovar.ru/p19531.html>

4 Криминалистика. Полный курс. Учебник для бакалавров. /М., 2016. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс. 5-е изд. С. 283. и др.

5 Кузьмин С.В. Системность и целенаправленность как принципы планирования. – // Вестник криминалистики Выпуск 1 (13). М., 2005. С.78-81.

6 Кузьмин С.В. Указ соч. с. 80

7 Белкин Р.С. Курс криминалистики. Том второй. – М., 1997. С.376.

8 Белкин Р.С. Указ. соч. с. 381.

9 Криминалистическая методика для дознавателей. Учебник. – М., 2016. Сер.: Специалист. (1-е изд). С. 31.

10 Гогов Р.А. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых организованными группами. – Дис. ... канд. юр. наук. М., 2010. С.78.

11 Фоменко В.С. Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: по материалам органов федеральной службы безопасности. – Дис. ... канд. юр. наук., М., 2007. С. 140.

12 Князьков А.С. Системность как атрибут тактико-криминалистической операции. // Библиотека криминалиста. Научный журнал. № 4 (9), 2013. С.256.

13 Киселев А.В. Первоначальный этап осмотра места происшествия как ядро тактической операции при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2. С. 461-467.

14 Пидусов Е.А. Задержание подозреваемого в незаконном обороте наркотиков. – М.: Юрлитинформ., 2007. С.101-102.

15 Пидусов Е.А. Указ. соч. с. 105.

16 Романюк В.В. Расследование организованного преступного сообщества (преступной организации): криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты. – Дис. ... канд. юр. наук. М., 2006. С. 13.



УДК 34
ББК 67

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

ЭЛЕОНОРА ВИКТОРОВНА МАРКИНА,

*доцент кафедры административной деятельности ОВД
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
Научная специальность 12.00.14 — административное право,
административный процесс;*

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА СОСНОВСКАЯ,

*доцент кафедры административной деятельности ОВД
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
Научная специальность 12.00.14 — административное право,
административный процесс*

*Рецензент: доцент кафедры административной деятельности ОВД,
кандидат экономических наук И.В. Потапенкова*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы обеспечения национальной безопасности государств, межнационального, социально-экономического, культурного и иного характера.

Ключевые слова: безопасность, государство, Росстат, должностное лицо

Annotation. In the article raises issues of ensuring the national security of States, international, socio-economic, cultural and other measures.

Keywords: security, State, Rosstat, official

В современных условиях прогрессивного сотрудничества субъектов международного права, с одной стороны, и конфронтации их политических интересов — с другой, международные миграционные процессы наиболее остро затрагивают вопросы обеспечения национальной безопасности государств, порождая ряд проблем межнационального, социально-экономического, культурного и иного характера.

По данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, число международных мигрантов (в том числе нелегальных) за последние пятнадцать лет продолжает критично расти, достигнув в 2015 году отметки примерно в 244 млн. (для сравнения в 2000 г. данный показатель составил около 173 млн., в 2010 — около 222 млн.). В 2015 году 2/3 (67%) международных мигрантов сосредоточено лишь в

20 государствах мира. Первое место по количеству международных мигрантов занимает США, где проживает около 47 млн., что составляет 1/5 (19%) от всего международного миграционного потока; второе и третье места поделили Германия и Российская Федерация (по 12 млн.), далее следует Саудовская Аравия (10млн.). В 2014 году общее число беженцев оценивалось в 19,5 млн. Лидером по количеству принятых на своей территории беженцев, стала Турция (1,6 млн.), далее — Пакистан (1,5 млн.), Ливан (1,2 млн.) и Иран (1 млн.). Большую часть беженцев составили граждане Сирии (3,9 млн.), Афганистана (2,6 млн.) и Сомали (1,1 млн.)¹.

По данным Росстата количество прибывших в Российскую Федерацию мигрантов в 2014 г. составило 578 511, что на 20% больше, чем в 2013 г. (482 241),



из них 89 % — из стран СНГ. Кроме того, в период с 2010 по 2014 гг. наблюдается резкое увеличение миграционного потока в РФ (+ 202%)².

Таким образом, иностранный миграционный поток, захлестнувший Российскую Федерацию в последние годы, вывел наше государство на одно из лидирующих позиций по количеству прибывающих мигрантов (в том числе нелегальных). Безусловно, миграционные процессы, с одной стороны, вносят значительный вклад в социально-экономическое и демографическое развитие России, однако, с другой — сопровождаются таким негативным явлением, как незаконная миграция, представляющим угрозу государственной и общественной безопасности².

Основные направления государственной миграционной политики в области противодействия незаконной миграции конкретизированы в положениях Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года⁴. В частности, обозначена необходимость создания и совершенствования системы иммиграционного контроля путем закрепления данного понятия в системе нормативных правовых актов Российской Федерации, определения компетентных органов и перечня соответствующих полномочий.

ФМС России выступала в качестве основного органа исполнительной власти, реализующего положения данной концепции. Однако его деятельность сопровождалась рядом проблем в том числе организационно-правового характера. Положением о Федеральной миграционной службе был закреплен принцип смешанного комплектования кадров органов ФМС России сотрудниками ОВД, федеральными государственными служащими и работниками, в связи с чем возникала сложность в определении правового статуса должностного лица ФМС, объема его полномочий при реализации мер по предупреждению и пресечению незаконной миграции. В частности, должностные лица ФМС России законодательно не наделены властными полномочиями по применению мер принудительного характера, таких как проверка документов, удостоверяющих личность, применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, применение ряда мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и др. Более того, ФМС России не являлась субъектом осуществления оперативно-разыскной деятельности и, как следствие, не наделялась правом самостоятельного проведения отдельных мероприятий в ходе профессиональной деятельности, в связи с чем возникала постоянная необходимость привлечения сотрудников полиции. Соответственно, все эти факторы не позволяли эффективно реализовывать

возложенные на ФМС России задачи по поддержанию правопорядка в сфере миграции путем незамедлительного реагирования на нарушения законности.

Кроме того, достаточно остро обстоял вопрос комплектования высококвалифицированных кадров ФМС России, в частности, ввиду отсутствия взаимодействия между данным органом и образовательными учреждениями на стадии формирования государственного заказа и при реализации самого учебного процесса (начиная с утверждения учебной программы, заканчивая контролем ее качества)⁵.

Выделение ФМС России из МВД в качестве «гражданской» службы было обусловлено необходимостью создания органа, способного осуществлять обеспечительные функции в сфере миграции, не связанные с правоохранительной деятельностью, что должно было способствовать упорядочиванию миграционных процессов и снижению уровня коррупции. Однако, как показывает практика, за годы существования ФМС России стала наиболее коррумпированным сегментом в структуре органов исполнительной власти. К тому же, наряду с увеличением миграционного потока уровень преступности мигрантов по-прежнему очень высок. В период с 2010 по 2015 гг. количество преступлений, совершенных на территории России иностранными гражданами и лицами без гражданства, снизилось лишь на 1,6 %⁶.

В условиях чего обострилась необходимость жесткой борьбы с незаконной миграцией, обеспечение которой возможно лишь посредством ресурсов правоохранительных органов, которыми ФМС России не обладала.

Разрешение данных и ряда других вопросов в целях повышения эффективности деятельности ФМС требовало серьезного реформирования данной структуры.

Указом Президента РФ от 05.04.2016 № 156 ФМС России упразднена, функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере миграции, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в указанной сфере возложены на МВД России⁷. Штатная численность упраздняемой службы передана МВД России с учетом ее сокращения на 30%. Как следствие, в структуре МВД России создается новое главное управление в составе Центрального аппарата Министерства — Главное управление по вопросам миграции (ГУВМ МВД России). Начальником Главного управления по вопросам миграции МВД РФ назначена полковник внутренней службы Ольга Кириллова⁸.

Принятие решение об упразднении ФМС России и передаче ее функций МВД России обусловлено, в первую очередь, необходимостью повышения уровня



эффективности реализации положений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, а также необходимостью оптимизации расходов на обеспечение органов государственной власти.

Такого рода преобразование видится целесообразным.

В частности, разрешится проблема организационно-правового характера: правовой статус должностных лиц, в компетенцию которых входит обеспечение миграционного процесса в России, объем их полномочий законодательно будет урегулирован.

ГУМВ МВД России получит возможность пользоваться всеми оперативными и силовыми ресурсами Министерства, что поспособствует повышению эффективности противодействия незаконной миграции.

Подготовка квалифицированных кадров будет эффективно осуществляться на базе образовательных учреждений МВД России, обладающих на сегодня достаточным комплексом ресурсов, необходимых для подготовки специалистов в области правового обеспечения национальной безопасности.

Кроме того, наряду с повышением эффективности деятельности в сфере миграции такого рода преобразования способствуют оптимизации расходов государственного бюджета.

Стоит отметить, что показатели уровня международной миграции в России, а также уровня преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, до 2004 (до момента образования ФМС России) значительно ниже современных показателей. К примеру, уровень прибывших в Российскую Федерацию мигрантов в 2003 г. составлял 129144, что на 348% меньше показателя 2014 г. (578511), уровень преступности мигрантов в 2003 г. составлял 40570 — на 12% меньше, чем в 2014 г. (45538).

Однако при этом коэффициент преступности мигрантов в 2003 г. (3141) значительно выше данного показателя в 2014 г. (787), что свидетельствует о наличии

определенного положительного опыта, сформированного ФМС России за годы функционирования в сфере упорядочивания миграционных процессов, соответственно, данный опыт в том числе необходимо положить в основу деятельности ГУВМ МВД России и на его базе продолжить совершенствование деятельности подразделения.

1 International Migration Report 2015. Department of Economic and Social Affairs.- New York, 2016. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf

2 Международная миграция // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

3 Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 31.12.2015.

4 Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ) // Документ опубликован не был. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте www.kremlin.ru по состоянию на 13.06.2012.

5 Тодорова Надежда Леонидовна Актуальные вопросы формирования кадрового состава Федеральной миграционной службы России // Концепт. 2014. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-formirovaniya-kadrovogo-sostava-federalnoy-migratsionnoy-sluzhby-rossii> (дата обращения: 13.05.2016).

6 Число преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi?pl=2318017>

7 Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 05.04.2016

8 Правовая справка // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/156>



УДК: 342
ББК: 12.00.14

СПЕЦИФИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОБЪЕКТАХ МЕТРОПОЛИТЕНОВ

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ СМИРНОВ,

*адъюнкт кафедры административного права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
заместитель начальника отдела охраны общественного порядка УВД
на ММГУ МВД России по г. Москве.*

Научная специальность: 12.00.14 — административное право, административная деятельность.

E-mail: M.AI.Smirnov@yandex.ru,

*Научный руководитель, рецензент: профессор кафедры административного права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор С.М. Зырянов*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается специфика обеспечения безопасности на метрополитенах и выделяются проблемы оценки указанной деятельности.

Ключевые слова: безопасность, транспорт, метрополитен, орган исполнительной власти, субъект транспортной инфраструктуры.

Annotation. Legislation about transport security establishes that subway is the subjects of transport infrastructure. In this issue authors narrate about the problems of public security on the subways and assessment criteria.

Keywords: security, transport, subway, the executive authority, the subject of transport infrastructure.

«Транспорт является одной из важнейших отраслей российской экономики и необходимым атрибутом нормальной жизни каждого человека. В то же время транспорт относится к числу повышенных источников опасности, угрожающих жизни и здоровью людей, окружающей природной среде, имуществу»¹. Не случайно повышение комплексной безопасности и устойчивости транспортной системы заявлено в качестве приоритетной цели Федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы России (2010 — 2015 годы)»²

В начале статьи рассмотрим несколько дефиниций, содержащихся в различных законодательных актах субъектов Российской Федерации в том числе и в проекте.

«Метрополитен — один из основных видов городского пассажирского транспорта, многие станции которого являются памятниками истории, культуры, архитектуры и охраняются государством. К территории метрополитена относятся станции и входящие в их состав подуличные переходы, межстанционные тоннели и открытые участки, площадки электроподстанций, депо и вентиляционные шахты, вагоны по-

ездов. Метрополитен — транспортное предприятие, связанное с повышенной опасностью»³

«Метрополитен является одним из основных видов городского пассажирского транспорта общего пользования, деятельность которого связана с повышенной опасностью»⁴.

«Метрополитен — один из основных видов городского пассажирского транспорта общего пользования, требующий особого внимания при эксплуатации в связи с повышенной опасностью для пассажиров»⁵

«Метрополитен — вид внеуличного транспорта, все пути которого полностью изолированы от автомобильных дорог, все линии которого оборудованы станциями и имеют преимущественно подземное расположение; электропитание подвижного состава метрополитена осуществляется по контактному рельсу»⁶.

Оценив указанные дефиниции, автор приходит к выводу, что любой метрополитен на территории Российской Федерации является транспортным средством, которое используется большим количеством пассажиров, и соответственно обеспечение общественной и транспортной безопасности должно быть организовано с учетом специфики указанного рода транспорта.



В данной статье пойдет речь о специфике обеспечения безопасности, на метрополитенах, рассмотрена проблема критериев оценки данной деятельности.

В соответствии с п. «б» ч. 5 ст.1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» метрополитен относится к объектам транспортной инфраструктуры, наряду с такими как: морские терминалы аэродромы, аэропорты, железнодорожные станции. Отсюда следует, что безопасность на объектах метрополитена обеспечивается в соответствии с требованиями указанного нормативно-правового акта. Проблема же возникает в следующем: «В зону оперативного воздействия органов внутренних дел на транспорте входят 17 железных дорог, 18 межрегиональных и территориальных управлений гражданской авиации, 8 морских и 64 речных пароходства. Протяженность обслуживаемых железнодорожных путей составляет более 87 тыс. км. В зоне контроля ОВДТ также находятся 190 аэропортов и аэродромов, 72 морских и 128 речных портов»⁷; то есть в системе МВД РФ органы внутренних дел, обеспечивающие безопасность на метрополитенах, не входят структуру органов внутренних дел на транспорте.

Тем не менее органы внутренних дел на метрополитенах (ОВД на М) в соответствии с возложенными на них обязанностями обеспечивают охрану общественного порядка и безопасности на станциях 7 российских метрополитенов (Москва, Санкт-Петербург, Самара, Новосибирск, Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург).

Согласно плану единой дислокации ежедневно на указанных объектах несут службу свыше 1000 сотрудников ППСП.

В данном контексте автор считает необходимым провести аналогию с железнодорожным транспортом: «железнодорожный транспорт общего пользования — производственно — технологический комплекс, включающий в себя инфраструктуры железнодорожного транспорта, железнодорожный подвижной состав, другое имущество и предназначенный для обеспечения потребностей физических лиц, юридических лиц и государства в перевозках железнодорожным транспортом на условиях публичного договора, а также в выполнении иных работ (услуг), связанных с такими перевозками»⁸.

Из указанной дефиниции видно, что железнодорожной транспорт так же включает в себя различные объекты инфраструктуры и по сути несет в себе те же функции по предоставлению услуг населению, что и метрополитен.

По обозначенной аналогии проведен анализ ряда нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность органов внутренних дел на транспорте и на метрополитене, а так же различные проекты нормативно-правовых актов, в ходе чего отмечено, что основными формами организации патрульно-постовой службы в сфере пассажирских перевозок на железнодорожном,

водном и воздушном транспорте являются:

Патрулирование нарядами подразделений ППСП линейного органа внутренних дел по залам вокзалов и аэропортов, станциям, портам, пристаням и причалам, с обходом мест сосредоточения пассажиров, посадочным платформам, отстойным паркам вагонов и другим объектам транспорта, выставление в этих местах постов.

Сопровождение нарядами поездов, судов.⁹

Что касается несения службы на метрополитенах, то оно выражается в следующих формах:

Сопровождение нарядами полиции подвижных составов электропоездов.

Патрулирование на станциях метрополитена (вестибюлях станций, посадочных платформах, межстанционных и подуличных переходах, эскалаторах и маршевых лестницах, в поездах метрополитенов) постовая служба полиции организуется начальником отдела (отделения) внутренних дел по охране метрополитена с учетом складывающейся оперативной обстановки, интенсивности пассажиропотока и движения электропоездов во взаимодействии с территориальными органами внутренних дел.¹⁰

По результатам анализа можно сделать вывод, что в целом деятельность указных органов идентична.

Далее следует проблемный вопрос, ведь полиция на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, в том числе в зонах транспортной безопасности, осуществляет свою деятельность в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», которым на указанный орган исполнительной власти возложены следующие обязанности:

- обеспечивать безопасность граждан и общественный порядок на улицах, площадях, стадионах, в скверах, парках, на транспортных магистралях, вокзалах, в аэропортах, морских и речных портах и других общественных местах;
- участвовать в мероприятиях по противодействию терроризму и в обеспечении правового режима контртеррористической операции, а также в обеспечении защиты потенциальных объектов террористических посягательств и мест массового пребывания граждан, в проведении экспертной оценки состояния антитеррористической защищенности и безопасности объектов;
- контролировать оборот гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, сохранность и техническое состояние боевого ручного стрелкового и служебного оружия, находящегося во временном пользовании у граждан и организаций, а также соблюдение гражданами и организациями законодательства Российской Федерации в области оборота оружия; произ-



водить контрольный отстрел оружия с нарезным стволом;

- выносить заключение о возможности допуска лиц к выполнению работ, непосредственно связанных с обеспечением транспортной безопасности;
- изымать у граждан и должностных лиц документы, имеющие признаки подделки, а также вещи, изъятые из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособные, находящиеся у них без специального разрешения, с составлением протокола и вручением его копии указанным гражданам и должностным лицам;¹¹

Выполнению указанных обязанностей способствует проведение досмотров, сотрудниками безопасности объекта транспортной инфраструктуры, но наряды полиции ОВД на М являются составляющей частью комплексных сил обеспечения правопорядка субъектов Российской Федерации и представляют собой значительную часть патрульно-постовой службы ОВД по субъектам РФ, в отличие от сотрудников ОВД на транспорте.

Постовой полицейский на станции входит в систему единой дислокации комплексных сил обеспечения правопорядка в городе. В соответствии с требованиями нормативных документов, регламентирующих деятельность патрульно-постовой службы, дежурному по ОВД предоставлено право проводить маневр комплексными силами в целях реагирования на изменения оперативной обстановки. Таким образом, высока вероятность того, что в связи с создавшейся оперативной обстановкой постовой будет должен оставить досмотровую зону для выполнения задач по охране порядка на другом участке метрополитена или города.

Еще одной проблемой досмотровой зоны метрополитенов является то, что специфика метро, как правило, не позволяет использовать систему тотального досмотра пассажиров и багажа, подобную той, что применяется в аэропортах и на железнодорожном транспорте. По различным статистическим данным пассажиропоток, например Московского метрополитена, в десятки раз превышает пассажиропоток пригородного сообщения железнодорожного транспорта.

Платформа станции является наиболее загруженной частью станции и в обязанности постового на платформе, помимо охраны общественного порядка и безопасности пассажиров, Уставом ПППС вменено оказание содействия работникам службы движения метрополитена в регулировании пассажиропотоков. При этом анализ оперативной обстановки показывает, что большинство преступлений, совершается в зоне платформ и в подвижном составе, и поэтому существует необходимость в постоянном присутствии нарядов на платформе.

В целях профилактики диверсионно-террористических атак (ДТА) в обязанности нарядов вменен ежечасный обход территории поста с обязательным

осмотром мест возможной закладки потенциально-опасных предметов.

Следующий проблемный вопрос возникает в критериях оценки указанного рода деятельности.

Были проанализированы требования приказов, регламентирующих вопросы оценки деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД) (Приказ МВД РФ № 1040 от 31.12.2013 и ГУ МВД России по г. Москве № 337 от 25.07.2014 года).

В ходе анализа установлено, что приказом МВД ряд оценочных показателей в деятельности ОВД на транспорте рассчитывается из коэффициента на 100000 человек пассажиропотока, а деятельность территориальных ОВД рассчитывается из коэффициента на 100000 человек населения.

Приказом ГУ МВД России по г. Москве, в виду специфики территории оперативного обслуживания, предусмотрена оценка Управления внутренних дел на Московском метрополитене (далее УВД на ММ) в сравнении с показателями в виде аналогичного периода прошлого года.

Возьмем для примерного рассмотрения данного вопроса показатель в виде оценки уровня преступности (указанный показатель содержится в приложениях к обозначенным приказам, в перечне, характеризующем условия функционирования ОВД) за отчетный период в виде одного месяца.

Условия для сравнения: на территории оперативного обслуживания УВД на ММ за месяц было совершено 40 преступлений, на территории обслуживания территориального ОВД (в виде УВД по АО) было совершено 200 преступлений.

В территориальном ОВД г. Москвы данный показатель будет выглядеть в виде дробного числа на количество населения:

$$200 / (1000000 / 10000) = 200 / 10 = 20$$

Где 200 — количество совершенных преступлений, 1000000 — общее количество населения территориального ОВД, 10000 — коэффициент, предусмотренный приказом.

И эффективность деятельности данного УВД по АО будет идти в сравнении с иными УВД по АО.

Таким образом, описанный выше показатель будет всегда иметь дробное число, а показатель УВД на ММ будет иметь процентное, либо абсолютное число, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (т.е. в данном случае 40) и в сравнении с городским показателем реальную картину отразить не сможет (40 > 20).

Как один из путей решения данной проблемы можно взять условный коэффициент в виде 100000 пассажиропотока, в случае чего показатель уровня преступности в УВД на ММ будет выглядеть следующим образом (при условии, что метрополитен за отчетный период посетило 10000000 человек).



$$40 / (1000000 / 10000) = 40 / 100 = 0,4$$

Где 40 — количество совершенных преступлений, 1000000 — общее количество пассажиропотока за отчетный период, 10000 — коэффициент, который предлагается рассмотреть.

В таком ракурсе возможно сравнить уровень преступности в целом по УВД по АО, ОВД на Транспорте и УВД на ММ, а не прибегать к сравнению деятельности по АППГ.

Резюмируя изложенное, хотелось бы отметить, что в целях совершенствования деятельности ОВД на М необходимо в системе МВД РФ наделить статусом транспортной полиции указанные ОВД. В таком случае произойдет извлечение нарядов ОВД на М из системы единой дислокации субъектов РФ, что позволит больше внимания уделять обеспечению безопасности на самом объекте транспортной инфраструктуры, и, соответственно, изменятся критерии оценки.

Литература

1. Статья «Транспортная безопасность и система субъектов ее обеспечения» С.М. Зырянов, В.И. Кузнецов
2. Постановление Правительства РФ от 5 декабря 2001 г. N 848.
3. Постановление Правительства Москвы №844-ПП от 16.09.2008 г.
4. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»
5. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»
6. Приказ МВД РФ от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» (Устав ППСП)
7. Статья «ГУТ МВД России: задачи и приоритеты технического оснащения» Д.В. Шаробаров.
8. Приказ МВД РФ № 1040 от 31.12.2013
9. Приказ ГУ МВД России по г. Москве № 337 от 25.07.2014 года
10. Постановление администрации города Нижнего Новгорода от 5 апреля 2013 года № 1229 «Об утверждении Правил пользования Нижегородским метрополитеном» (с изменениями на 24 ноября 2014 года)
11. Решение Казанской городской Думы №13-5 от 27 апреля 2011 г. «Правила пользования метрополитеном города Казани»
12. Проект Федерального закона «О метрополитенах и других видах внеуличного транспорта»
13. Федеральный закон № 17-ФЗ «о железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10 января 2003 года.

Reference

1. Stat'ya «Transportnaya bezopasnost' i sistema sub'ektov ee obespecheniya» S.M. Zyryanov, V.I. Kuznetsov

2. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 5 dekabrya 2001 g. N 848.
3. Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy №844-PP ot 16.09.2008 g.
4. Federal'nyy zakon ot 9 fevralya 2007 g. № 16-FZ «O transportnoy bezopasnosti»
5. Federal'nyy zakon ot 7 fevralya 2011 goda № Z-FZ «O politсии»
6. Prikaz MVD RF ot 29 yanvarya 2008 g. № 80 «Voprosy organizatsii deyatel'nosti stroevykh podrazdeleniy patrol'no-postovoy sluzhby politсии» (Ustav PPSP)
7. Stat'ja «GUT MVD Rossii: zadachi i priorityety tehničeskogo osnashhenija» D.V. Sharobarov.
8. Prikaz MVD RF № 1040 ot 31.12.2013
9. Prikaz GU MVD Rossii po g. Moskve № 337 ot 25.07.2014 goda
10. Postanovlenie administracii goroda Nizhnego Novgoroda ot 5 aprelja 2013 goda № 1229 «Ob utverzhdenii Pravil pol'zovanija Nizhegorodskim metropolitenom» (s izmenenijami na 24 nojabrja 2014 goda)
11. Reshenie Kazanskoj gorodskoj Dumy №13-5 ot 27 aprelja 2011 g. «Pravila pol'zovanija metropolitenom goroda Kazani»
12. Proekt Federal'nogo zakona «O metropolitenah i drugih vidah vneulichnogo transporta»
13. Federal'nyj zakon № 17-FZ «o zheleznodorozhnom transporte v Rossijskoj federacii» ot 10 janvarja 2003 goda.

1 Транспортная безопасность и система субъектов ее обеспечения С.М. Зырянов, В.И. Кузнецов

2 Утверждена Постановлением Правительства РФ от 5 декабря 2001 г. N 848.

3 Постановление Правительства Москвы №844-ПП от 16.09.2008 г. «Об утверждении Правил пользования Московским метрополитеном»

4 Постановление администрации города Нижнего Новгорода от 5 апреля 2013 года № 1229 «Об утверждении Правил пользования Нижегородским метрополитеном» (с изменениями на 24 ноября 2014 года)

5 Решение Казанской городской Думы №13-5 от 27 апреля 2011 г. «Правила пользования метрополитеном города Казани»

6 Проект Федерального закона «О метрополитенах и других видах внеуличного транспорта»

7 Статья «ГУТ МВД России: задачи и приоритеты технического оснащения» Д.В. Шаробаров.

8 Федеральный закон № 17-ФЗ «о железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10 января 2003 года

9 пп. 187.1, 187.2 п.187 Приказа МВД РФ от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» (Устав ППСП)

10 пп. 195.1, 197.2 Приказа МВД РФ от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» (Устав ППСП)

11 п.5, 17, 21, 32, 37 ч.1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»



УДК 342.9
ББК 67.401.041(2Рос)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ АНТРОПОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

ИРИНА ВИКТОРОВНА ФАДЕЕВА,

доцент кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Научная специальность 12.00.14 — административное право; административный процесс
E-mail: mosu-ariadovd@mail.ru

Рецензент: заместитель начальника кафедры административного права
Московского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент **Г.Х. Хадисов**

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются вопросы экологической и энергетической безопасности, проблемы государственного регулирования природопользования и направления развития системы государственного регулирования в сфере антропогенного воздействия на окружающую природную среду.

Ключевые слова: государственная система регулирования, антропогенное воздействие, антропогенные факторы, окружающая среда, экологическая безопасность, изменение климата.

Annotation. In the article the author analyzes the issues of ecologic and energy security, the problems of management of nature and the direction of development of state regulation system in the sphere of anthropogenic influence on environment.

Keywords: state regulation system, anthropogenic influence, environment, ecologic security, climate change.

«Человек настоящего времени представляет из себя геологическую силу, и сила эта сильна именно тем, что она возрастает, и предела ее возрастания нам не видно...» — отмечал в конце XIX — начале XX в. В. И. Вернадский. К началу третьего тысячелетия изменения природной среды, вызванные антропогенными факторами, стали заметны уже не только специалистам. Сегодня проблема защиты окружающей среды признается одной из глобальных проблем, стоящих перед Человечеством.

Категория «окружающая среда» включает совокупность природных и антропогенных факторов. Последние представляют собой факторы, порожденные человеком и его хозяйственной деятельностью и оказывающие преимущественно негативное воздействие на человека, условия его жизни и состояние здоровья.

Антропогенные воздействия представляют собой различные формы влияния деятельности человека на природу. Они охватывают как отдельные компоненты природы, так и целые природные комплексы. Антропогенные воздействия могут носить как позитив-

ный, так и негативный характер. К положительным воздействиям человека на биосферу можно отнести воспроизводство природных ресурсов, восстановление запасов подземных вод, полезащитное лесоразведение, рекультивацию земель на месте разработок полезных ископаемых и некоторые другие мероприятия. К антропогенным факторам неблагоприятного воздействия относятся загрязнение атмосферы, поверхностных и грунтовых вод, почвы промышленными и автотранспортными выбросами, хозяйственные мероприятия, проводимые в лесных и городских насаждениях, возрастающие с каждым годом масштабы рекреации насаждений, что вызывает необходимость в применении специальных природоохранных мер.

Одним из важнейших направлений социально-политической деятельности государства на сегодня является такая организация природопользования, при которой обеспечивалась бы взаимосвязь экономического и экологического благополучия. Для этого необходимо разработать такой механизм государственного управления природопользованием, при



котором рациональное использование природных ресурсов и осуществление природоохранных мероприятий хозяйствующими субъектами стимулировалось бы экономическими методами, например, введением налогов, субсидий, льготным кредитованием природоохранной деятельности и установлением платы за загрязнение, величина которой способствовала бы стремлению предприятий к сокращению загрязнений, а не напоминала «отступные» за загрязнение, по принципу «плати и загрязняй»¹. Другими способами государственного регулирования природопользования является введение штрафов и иных санкций за нерациональное использование природных ресурсов и загрязнение окружающей среды сверх допустимых нормативов.

Государственное регулирование антропогенного воздействия на окружающую среду представляет собой комплекс мероприятий, осуществляемых государством по организации рационального использования и воспроизводства природных ресурсов, сохранению природной окружающей среды с целью обеспечения экологической безопасности. Иными словами это регулирование воздействия человека на природные объекты и процессы для удовлетворения различных своих потребностей при условии осознанного их ограничения с целью обеспечения развития общества и сохранения природы.

Необходимость создания в Российской Федерации государственной системы регулирования антропогенных выбросов определена Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». С начала 90-х годов прошлого столетия уже предпринимались соответствующие действия. Первоначально для предприятий была создана система платежей за загрязнение окружающей среды, поступающих в «Российский экологический фонд», из которого должны были финансироваться мероприятия по сокращению антропогенных выбросов. Однако под эту систему регулирования попали не все вещества, поскольку по существовавшим тогда методологиям оценки они считались безвредными для человека и окружающей среды. Затем в середине 90-х годов предпринимались попытки формирования системы регулирования выбросов парниковых газов, не считавшихся загрязнителями. Даже была разработана федеральная целевая программа, в рамках которой, в том числе, предусматривалась разработка проектов нормативных и законодательных актов, обеспечивающих создание национальной системы учета и регулирования выбросов парниковых газов. Но после кризиса 1998 года финансирование программы практически прекратилось, а часть ее разделов перешли в другие научно-исследовательские программы.

Организация системы государственного регулирования природопользования включает определение и реализацию целей, задач, приоритетных направлений экологической политики, выбор методов

регулирования, а также создание информационного и нормативно-правового обеспечения государственного регулирования антропогенного воздействия на окружающую среду. При этом основной составляющей системы государственного регулирования является обеспечение рационального природопользования и уровня экологической безопасности. Надо отметить, что развитие государственной системы регулирования антропогенного воздействия на окружающую среду предполагает реализацию широкого комплекса взаимосвязанных мероприятий, успешная реализация которых, без учёта региональных особенностей, — дело практически бесперспективное.

Анализ деятельности государственных структур по регулированию антропогенного воздействия на окружающую среду показывает, что в экономике России не эффективно применяются административно-правовые и рыночные инструменты и механизмы регулирования экологических процессов. В ряде случаев, созданию эффективной государственной системы регулирования антропогенного воздействия на окружающую среду со стороны отдельных представителей зарубежных организаций или аффилированных фондов оказывается активное внешнее противодействие, в целях безкомпенсационного использования другими странами не оцененных и не капитализированных экономикой России ресурсов. Так же негативным для экономики нашей страны является то, что в течение последних десятилетий конкретные мероприятия по регулированию антропогенного воздействия подменяются научными дискуссиями о причинах изменения климата. Указанные и иные факторы противоречат национальным интересам Российской Федерации.

Государственное регулирование призвано ограничить человеческую деятельность, направленную на преобразование окружающей среды, поэтому важным становится исследование законодательных и организационных основ механизма такого регулирования на предмет их непротиворечивости. Современное экологическое законодательство представляет собой систему правовых актов, включающих международные договоры в области охраны окружающей среды, ратифицированные Россией и имеющие преимущественную силу по сравнению с внутренним законодательством Российской Федерации (федеральное, региональное и местное законодательство), а также иных нормативно-правовых актов, призванных регулировать отношения человека с окружающей средой.

Существующая нормативная база, регулирующая государственную систему антропогенного воздействия на окружающую среду, ещё не образует целостного правового института. Вместе с тем при высокой степени негативного влияния процессов, происходящих в сфере природопользования и ресурсосбережения, сложилось известное несоответствие между увеличивающимся объемом работы в сфере



антропогенного воздействия на окружающую среду и ее недостаточным правовым, ресурсным и теоретическим обеспечением.

На сегодняшний день в Российской Федерации практически не разработана комплексная система регулирования, взаимно связывающая процессы ресурсосозергопотребления, антропогенного воздействия, природопользования и проблем изменения климата. Вместо создания комплексной системы регулирования, выделяются отдельные направления (озоновая проблема, проблема изменения климата, использования водных ресурсов, охраны атмосферного воздуха или переработка отходов), что приводит к противоречиям в природоохранном законодательстве и экономическому подавлению ряда отраслей промышленности, и самое главное — наносит ущерб экологии страны и колоссальный вред здоровью граждан.

Для того чтобы сформировать эффективную государственную систему регулирования антропогенного воздействия на окружающую среду, необходимо в первую очередь на национальном уровне:

- отделить вопросы обсуждения результатов фундаментальных научных исследований о причинах изменения окружающей среды, в том числе и климата, от решения вопросов необходимости проведения мероприятий по регулированию ресурсосозергопотребления и антропогенного воздействия на окружающую среду человека в процессе хозяйственной и потребительской деятельности. Результаты научных исследований должны уточнять цели и задачи мероприятий по регулированию антропогенного воздействия на окружающую среду, а не решать вопросы необходимости, способов и механизмов их реализации;
- оценить объемы неиспользуемых природных, энергетических, технологических и экологических ресурсов;
- сформировать комплексную национальную эффективную стратегию по регулированию ресурсосозергопотребления и антропогенно-

го воздействия на внутреннем рынке во всех сферах использования окружающей среды и сделать целями этой стратегии сохранность народонаселения и окружающей среды, в качестве приоритетов в развитии национальной экономики.

Реализация предложенных направлений развития государственной системы регулирования антропогенного воздействия на окружающую среду будет способствовать изменению сложившихся отрицательных тенденций в российской экономике в целях решения проблем ресурсосозергопотребления и сокращения темпов роста негативного природопользования, в том числе позволит задействовать в комплексе экономически эффективные механизмы и инструменты использования экологических активов в интересах населения страны и национальной экономики в целом.

Литература

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». // СПС КонсультантПлюс.
2. Фадеева И.В. Административно-правовые основы государственной системы регулирования антропогенного воздействия на окружающую природную среду // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 3. — с.140-144.
3. Аналитическая записка по вопросам, связанным с повышением энергетической и экологической эффективности экономики Российской Федерации и сокращению темпов роста антропогенного воздействия в хозяйственной деятельности и сфере потребления. [Текст].- Неформальная группа ученых «ЭМС РСАВ».

1 Фадеева И.В. Административно-правовые основы государственной системы регулирования антропогенного воздействия на окружающую природную среду // Вестник экономической безопасности. - 2016. - № 3 – с.140-144



УДК 34
ББК 67

КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ВЗГЛЯДЫ НА ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ АЛПАТОВ,

*доктор юридических наук, член-корреспондент
Российской академии естественных наук,
Президент Регионального общественного фонда содействия
защите прав граждан «Взаимодействие»,
Почетный адвокат России,
E-mail: mail@law-books.ru;*

ГРУДЦЫНА ЛЮДМИЛА ЮРЬЕВНА,

*доктор юридических наук, профессор, эксперт РАН,
профессор кафедры «Гражданское право» Финансового университета
при Правительстве РФ, ведущий научный сотрудник
кафедры судебной власти, правоохранительной
и правозащитной деятельности Юридического института РУДН,
действительный член РАЕН,
член Научно-консультативного совета
при Федеральной палате адвокатов РФ,
Почетный адвокат России,
E-mail: ludmilagr@mail.ru*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье раскрывается понятие «правовая система».

Ключевые слова: правовая система, классификация, образование.

Annotation. The article deals with the concept of "legal system".

Keywords: legal system, classification, education.

Правовые явления представляют собой сложный, многоаспектный, многоплановый пласт социальных явлений, определяющих сущность, основания и структуру правовой системы общества, являющейся сложно-структурированным правовым феноменом — одним из объектов исследования юридической науки на основе присущего ей понятийно-категориального ряда. Это актуализирует осмысление базовых понятий, используемых в теории правовой системы общества, таких, к примеру, как система, структура, состав, правовая политика и т. д., исходя из философских и частнонаучных позиций.

В теоретико-методологическом плане детального изучения требует и само понятие правовой системы общества, имеющее первостепенное значение для определения места и роли права как регулятора общественных отношений, целенаправленного реше-

ния сложных вопросов правотворчества и правоприменения.

Категория «правовая система» употребляется в юридической науке в нескольких значениях¹: узком и широком. В узком значении под правовой системой понимается совокупность источников права и юрисдикционных органов конкретного государства (а иногда и его обособленной части), а также ряд других компонентов — правовая культура, правовая идеология, правовая наука, иные, в т.ч. негосударственные правовые институты (адвокатура, нотариат, юридические фирмы, профессиональные сообщества юристов).² В широком смысле правовая система означает то же, что и правовая семья (совокупность нескольких национальных правовых систем, объединенных сходными юридическими признаками³).

Правовая система — это совокупность взаимосвя-



вязанных и взаимодействующих правовых средств, регулирующих общественные отношения, а также элементов, характеризующих уровень правового развития той или иной страны. На формирование и развитие конкретной правовой системы оказывают влияние различные факторы. Прежде всего, это социально-экономическое развитие, политическая сфера, а также духовная жизнь общества, включающая в себя науку, религию и мораль.

Терминология относительно широкого понимания разнообразна. Р. Давид использует термин «семья правовых систем», К.-О. Эберт и М. Рейнштайн — «Правовые круги», И. Сабо — «форма правовых систем». Между тем, термин «правовая семья» наиболее распространен в современном сравнительном правоведении.

По мнению французского компаративиста Р. Родьера, «классификаций существует почти столько же, сколько и компаративистов», из которых наиболее распространены концепции правовых семей Р. Давида и «правового стиля» К. Цвайгерта. В основе первой классификации лежат два совокупных критерия: 1) идеологический (фактор религии, философии, экономической и социальной структуры) 2) юридикотехнический. В соответствии с этими критериями Р. Давид выделяет три правовые семьи: 1) романо-германскую, 2) англосаксонскую 3) социалистическую, а также примыкающий к ним весь остальной юридический мир под названием «религиозные и традиционные правовые системы». Вторая классификация принадлежит К. Цвайгерту и исходит из критерия «правового стиля», включающего в себя происхождение и эволюцию правовой системы, своеобразие юридического мышления, специфические правовые институты, природу источников права и способы их толкования, идеологические факторы. К. Цвайгерт выделяет восемь «правовых кругов»: романский, германский, скандинавский, англо-американский, социалистический, исламистский, индусский.⁴ Следует отметить, что среди «религиозных и традиционных правовых систем» Р. Давид также выделял мусульманское и индусское право как наиболее крупные и значимые в современном мире религиозные правовые системы (в чем было отказано иудейской правовой системе)⁵.

Исходя из самой природы возникновения правовых категорий как субъективных понятий — как элементов познания правовой действительности, следует особо отметить, что они являются объективными по своему содержанию, ибо субъективное отношение к объективной реальности всегда закономерно объективировано опосредственно общественными отношениями, определяемыми уровнем развития производительных сил общества.

«Образование (абстрактных) понятий и операции с ними уже включают в себе представление, убеждение, сознание закономерности объективной связи мира. ... Отрицать объективность понятий, объектив-

ность общего в отдельном и в особом, невозможно»,⁶ и поэтому «предметное» содержание категорий права представляют не только способ или орудие познания правовых явлений, но и отражает деятельность индивидов, их групп, классов и т.п. Категории, порожденные в процессе познавательной деятельности человека, опосредованные общественными отношениями, становятся элементом мышления, являясь в известной степени трансцендентными к самому субъекту познания и выполняют общенаучную гносеологическую роль. «Моменты познания (идеи) человеком природы — вот что такое категории логики».⁷ Поэтому совокупность явлений правовой действительности соответствует в сознании определенному понятийному ряду, представляемому как результат познания субъектом правовой действительности.

Использование здесь термина «производительные силы» как важного предиката общественных отношений не означает марксистскую философско-правовую идеологию как абсолютно единственную основу диссертационных исследований, а подчеркивает важное значение марксистской диалектики в познании правовой действительности.

Поскольку «понятие есть собственная самость предмета, которая проявляется как его становление, то это мышление не есть покоящийся субъект, неподвижно несущий акциденции, а есть понятие, которое само приводит себя в движение и принимает в себя обратно свои определения. В этом движении пропадает сам упомянутый покоящийся субъект; он проникает в различия и в содержание и скорее составляет определенность, т.е. как различимое содержание, так и движение его».⁸ Правовые категории по своему содержанию носят динамический характер и, как нам представляется, отражают глубинные интересы ведущих политических сил общества как интегрированной национально-государственной воли. Следует отметить, что богатое содержание правовых понятий безусловно способствует глубокому пониманию правовой действительности.

Важная роль правовых категорий в правовой теории, на наш взгляд, состоит в том, что они взятые в единстве создают качественную определенность правовой материи, играют не только онтологическую и гносеологическую роль, но и выполняют важные функции с практической точки зрения. Понятия в правовой науке не являются статически фиксированными, а обладают темпоральными характеристиками, углубляясь и конкретизируясь в динамике наличествующих и развивающихся общественных отношений.⁹

Системность права — это объективное объединение (соединение) по содержательным признакам определенных правовых частей, структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования».¹⁰

С целью более глубокого раскрытия содержания



понятия «система» в дальнейшем, приведем наиболее важные закономерности, принципы функционирования и развития сложных систем и дадим трактовку диссертанта применительно к правовой системе общества.

Принцип системной декомпозиции, согласно которому по некоторым основаниям в системе можно вычленивать части (компоненты) системы, выполняющие определенную роль в функционировании системы как целого.

Компоненты правовой системы общества сами могут быть рассмотрены как системы (система права, система законодательства и пр.), причем пределы такой декомпозиции детерминируются возможностью выполнения подсистемами определенных функций в составе правовой системы.¹¹

Гипотеза семиотической непрерывности, по которой система представляет образ своей внешней среды. Имеется не только связь между компонентами правовой системы, но и правовая система, как целое испытывает сильное влияние среды (общества), в которую она погружена, т. е. система и среда тесно взаимосвязаны.

Принцип обратной связи, сформулированный основателем теории функциональных систем академиком П.К. Анохиным при изучении нейрофизиологических явлений и названный им принципом «обратной афферентации». «Функциональная система, — писал он, — представлялась нам как самоорганизующееся образование, в состав которого входила обратная информация о полученном результате».¹² Диссертант обращает внимание на наличие обратной связи при функционировании правовой системы и полагает, что между правовой системой и внешней средой существует отрицательная обратная связь как главный фактор обеспечения устойчивости правовой системы и своим наличием ведущая к минимизации результатов внешнего воздействия на нее. Вместе с этим, нельзя отрицать наличие положительной обратной связи между элементами системы, что придает ей посредством кооперативных когерентных эффектов интегративные качества правовой системе как целому, отличные от свойств простых суммативных систем.

Принцип организационной непрерывности А.А. Богданова, в соответствии с которым система принципиально открыта некоторыми своими связями по отношению к своей среде. Применительно к национальной правовой системе можно подчеркнуть тот факт, что она открыта по отношению к обществу, а также к международной правовой системе, осуществляя информационный обмен.¹³

Принцип совместимости системы М.И. Сетрова, состоящий в ее качественной организационной однородности. Полагаем, что указанный принцип означает включение в структуру правовой системы однородных правовых явлений, обеспечивающих в своем взаимодействии достижение функционального назначения системы.¹⁴

Закон иерархической компенсации Е.А. Седова, в соответствии с которым рост разнообразия на высшем уровне достигается его ограничением на более низких уровнях, т.е. расширение функциональных возможностей более высоких уровней возможно при условии ограничения нижестоящего уровня.¹⁵ В праве это выражается в примате норм международного права над национальным правом.

Принцип моноцентризма А.А. Богданова, означающий характеристику системы одним общим центром, что по терминологии П.К. Анохина называется системообразующим фактором. Академик П.К. Анохин считал, что для определения понятия системы как ключевой проблемы системного подхода является поиск и формулировка ее системообразующего фактора — неотъемлемого и решающего ее компонента.¹⁶

Подчеркивая, что ввиду отсутствия в общей теории систем системообразующего фактора «все имеющиеся сейчас определения системы случайны, не отражают ее истинных свойств и поэтому, естественно, не конструктивны», он дает следующее определение системы: «системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата».¹⁷

Национальные правовые системы обладают определенными признаками, на основании которых их можно распределить по правовым семьям. Такими свойствами могут быть источники права, структура права, а также различные представления о месте и роли права в жизни того или иного общества и государства, юридическая техника, основы и принципы построения права (политические, философские, религиозные).¹⁸

Термин «правовая семья» используется для обозначения совокупности правовых систем, обладающих сходными признаками. Под «правовой семьей» понимается более или менее широкая совокупность национальных правовых систем в рамках одного типа права, объединенных общностью исторического формирования, структуры источников, ведущих отраслей и правовых институтов, правоприменения. Правовая система включает в себя разнородные элементы, в частности: 1) доктринально-философский, или идеологический (правопонимание, понятия и категории права и т.д.); 2) нормативный, т.е. совокупность действующих в обществе правовых норм; 3) институционный, т.е. юридические учреждения — правотворческие и правоприменительные, 4) социологический, т.е. правоотношения, применение права, юридическая практика.

Изучением правовых систем, их сравнением и классификацией занимается особое направление юридической науки — сравнительное правоведение. Истоки этого направления можно проследить ещё в глубокой древности, когда сравнительно-правовой метод исследования применяли Платон при изучении



законов различных греческих полисов и Аристотель. Последний, чтобы сделать выводы о закономерностях политической организации современных ему народов, собрал, сравнил и проанализировал «конституции» 158 греческих и варварских городов.

Сравнительное правоведение (правовая компаративистика) — отрасль юридической науки, изучающая правовые системы различных государств мира путем сопоставления одноименных государственных и правовых институтов, их основных принципов и категорий, выявления общих закономерностей их развития. Научная цель сравнительного правоведения состоит в выявлении общих закономерностей развития правовых явлений и институтов, разграничении общего и особенного, случайного и закономерного в праве.

Методология сравнительного правоведения позволяет лучше понять национальную правовую систему, увидеть ее преимущества и недостатки по сравнению с другими. Применяя сравнительно-правовой метод возможно также совершенствовать правовую систему государства (в частности, его национальную систему права), рационально применяя правовой опыт других государств. В то же время сравнительное правоведение способствует сближению и унификации законодательства различных государств в тех областях, где это необходимо. Например, при заключении политических, военных, торговых, таможенных союзов, в частности при объединении Европы, формировании Союзного государства России и Белоруссии и т.п.¹⁹

Существуют многочисленные точки зрения и подходы к определению критериев классификации правовых систем и выделению различных видов правовых семей. Свести различные точки зрения и подходы по данному вопросу к общему знаменателю в силу названных и иных причин не представляется возможным. В реальной жизни нет законченной правовой и иной любой классификации и любая выделяемая правовая семья с неизбежностью будет иметь не абсолютный, а относительный характер.

Представляется, что заслуживает внимания классификация правовых семей, данная Рене Давидом. Она основана на сочетании двух критериев:

- идеологии, включающую религию, философию, экономические и социальные структуры,
- юридической техники, включающие в качестве основной составляющей источники права.

Важно понимать, что Р. Давид выдвинул идею трихотомии — выделения трех основных семей: романо-германской, англо-саксонской, и социалистической. К ним примыкает остальной юридический мир, который получил название «религиозные и традиционные системы». Вместе с тем, применительно к классификации судебных систем современности, модель правовых систем (правовых семей) Рене Давида представляется недостаточной.

Исходя из пирамидального построения судебной системы, места и роли судебной власти в системе разделения властей и значения судебного прецедента в

национальной правовой системе в мире выделяются пять типов судебных систем («судебных семей»):²⁰

1) романо-германское (континентальное) судебное право:

- централизованное судебное право, когда формирование судебной системы в государстве и судопроизводство являются прерогативой федеральной власти. Соответственно, в стране функционируют только федеральные суды, а субъекты (земли, округа и т.д.) не имеют своих (региональных) судебных органов (например, Австрия, Княжество Андорра, Ирландия, Кипр, Республика Молдова, Хорватия).
- партикулярное (децентрализованное) судебное право, когда на региональном (окружном, субъектном) уровне действует своя система судов (например, Бельгия, Венгрия, Дания, Литва, Нидерланды, Норвегия, Румыния, Словакия, Словения, Эстония).
- смешанная система судебного права, при которой элементы и признаки централизованного судебного права перемешиваются с элементами партикулярного судебного права. Например, наличие в государстве трехступенчатого судебного деления (судоустройства), два низших звена которого определяются в основном в зависимости от суммы иска в споре, а высшее звено представлено исключительно инстанцией по пересмотру судебных решений нижестоящих судов, что частично присуще среднему звену, но при сохранении контроля со стороны вышестоящего суда это отражает в организационном плане принцип, согласно которому один и тот же судья не может участвовать в рассмотрении одного и того же дела в различных звеньях судебной системы (например, Княжество Люксембург, Финляндия).

2) англо-саксонское (прецедентное) судебное право (Англия и Уэльс) является структурным элементом системы англо-саксонского (общего) права (правовой семьи), в центре которого — судебный прецедент, традиционно рассматриваемый, с одной стороны, как акт, в отношении которого ранее принятые высшими судебными инстанциями страны решения имеют характер «правоположений» и служат правовой основой для его формирования и функционирования, а с другой — как акт, оказывающий «связующее» воздействие на все последующие, соотносящиеся с ним судебные решения.

3) дуалистическое судебное право (Франция, Швеция) — наличие нескольких звеньев судов (например, судов общей юрисдикции и административных судов) при отсутствии самостоятельной конституционной юстиции (конституционного звена) судебной системы и судопроизводства.

4) религиозно-нравственное судебное право подразумевает важную роль религии (религиозного те-



чения, обычаев, традиций) в развитии общества и правовой системы государства. Возможна условная классификация религиозно-нравственного судебного права на следующие подвиды:

- мусульманское (исламское) судебное право (Албания, Турция, Азербайджан, Афганистан, Египет, Казахстан, Кыргызстан, Ливия, ОАЭ, Пакистан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Сирия) — не содержит четкости и строгости формулировок, которые могут быть как из религиозных источников, так и из нормативно-правовых актов. Основным источником права является Коран. Труды ученых (богословов и юристов), зафиксированные в Иджме, а также в учебниках, имеют обязательную силу и защищаются судами. Различить, где религиозная, а где юридическая доктрина, весьма трудно.
- иудейское судебное право (Израиль) — наличие в единой судебной системе гражданских судов общей юрисдикции (мировые, окружные суды и Верховный суд), религиозных судов (равинские суды, мусульманский, христианский и друзский религиозные суды) и некоторых специализированных судов, в частности, суда по трудовым конфликтам, транспортных судов, арбитража).
- иные виды религиозно-нравственного (сепарационного) судебного права — в государствах, где религия играет заметную роль в обществе (ей может быть придан особый государственный статус, при условии свободного существования других религий), но не является де-юре частью государства (системы государственного управления). К таким религиям можно условно отнести индуизм в Индии, Пакистане, Индонезии, Малайзии, Сингапуре; буддизм в Тайланде, Шри-Ланке, Камбоджи, Монголии, Калмыкии, Непале, Тибете, Гималаях.
- иные, сопряженные с той или иной религией (религиозной мыслью, традициями, обычаями), религиозно-нравственные национальные судебные системы. Например, иранские религии (зоороастризм, манихейство, маздакизм и др.), религии Восточной Азии (синтоизм, даосизм).

1 Саидов А.Х. Сравнительное правоведение: Учебное пособие / Отв. Ред.: В.А.Туманов. - Т.:«Адолат», 1999. - С.159.

2 Сухарев А.Я., Крутских В. Е, Сухарева А.Я. Большой юридический словарь. [Электронный ресурс] // М.: Инфра-М..

2003. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/17382> (Дата обращения: 04.12.2013)

3 Саидов А.Х. Сравнительное правоведение: Учебное пособие / Отв. Ред.: В.А.Туманов. - Т.:«Адолат», 1999. - С.160.

4 Приводится по: Саидов А.Х. Сравнительное правоведение: Учебное пособие / Отв. Ред.: В.А.Туманов. - Т.:«Адолат», 1999. - С.172.

5 См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: Пер. с фр. В.А. Туманова. — М.: Междунар. отношения, 1999. — С.26.

6 См.: Ленин В.И. Философские тетради / В.И.Ленин Полное собр. соч. Изд. 5-ое. - В 55-и т. - Т.29. - М.: Изд-во Полит. лит., 1973. - С.160.

7 См.: Ленин В.И. Философские тетради. - С. 180.

8 См.: Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. - М.: Наука, 1974. - С. 51-106.

9 См.: Спиркин А.Г. Философия : учебник. - 2-е изд.- М.: Гардарики, 2010. - С. 272.

10 См.: Керимов Д.А. Методология права. С. 251.

11 См.: Общая теория систем [Электронный ресурс]. URL:<http://www.bourabai.kz/dm/system.htm/> (дата обращения: 12.02.2015).

12 См.: Анохин П.К. Идеи и факты в разработке теории функциональных систем [Электронный ресурс]. URL:<http://www.keldysh.ru/pages/biocyber/rt/anohin/anohin.htm/> (дата обращения: 12.08.2016).

13 См.: Богданов А.А. Тектология : всеобщая организационная наука / В 2-х кн. - кн. 1. - М.: Экономика, 1989. - 304 с.; Богданов А.А. Тектология : всеобщая организационная наука / В 2-х кн. - кн. 2. - М.: Экономика, 1989. -352 с.

14 См.: Сетров М.И. Общие принципы организации систем и их методологическое значение - Л.: Наука, 1971. ; Сетров М.И. Принципы системности и его основные понятия. В кн. : Проблемы методологии системного исследования. - М.: Мысль, 1970. - С. 49-63.; Сетров М.И. Степень и высота организации систем. В кн. : Системные исследования. Ежегодник. - М.: Наука, 1969. - С. 158-168.

15 См.: Седов Е.А. Эволюция и информация. - М.: Наука, 1976. - 232с.

16 См.: Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем.1 часть. [Электронный ресурс]. URL: [Http://www.gaa.org/library/books/anohin/anohin.htm](http://www.gaa.org/library/books/anohin/anohin.htm) / (Дата обращения: 12.02.2016).

17 См.: Гетманова А.Д. Логика. Углубленный курс: учебное пособие. - М.: КНОРУС, 2007. - С. 38.

18 См.: Азнагулова Г.М. Понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав правовой системы России (теоретико-методологическое исследование) / Дисс... докт. юрид. наук. - М., 2015.

19 См.: Азнагулова Г.М. Понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав правовой системы России (теоретико-методологическое исследование) / Дисс... докт. юрид. наук. - М., 2015.

20 Подробнее см.: параграф 3 главы 3.



УДК 34
ББК 67

ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛИНИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МВД РОССИИ

РУСЛАН МАРАТОВИЧ АХМЕДОВ,
начальник кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ahmedov@list.ru;
РАМАЗАНОВА КАРИНА КАРИМОВНА,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
E-mail: virta-jane@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматривается значение юридической клиники как инструмента практической подготовки обучающихся в образовательных учреждениях МВД России

Ключевые слова: юридическая клиника, обучающиеся, МВД России.

Annotation. The paper discusses the importance of the legal clinic as a tool for practical training of students in educational institutions of the MIA of Russia.

Keywords: legal clinic, students of MIA of Russia.

Современное обучение в образовательных учреждениях МВД России требует от научно-педагогического состава использование интерактивных форм обучения, которые стали неотъемлемой частью учебного процесса в высших образовательных учреждениях. При этом среди множества различных интерактивных методов обучения фундаментальным, составляющим по большому счёту содержание и основу любого из них выступает метод практического познания, как наиболее существенного для подготовки именно высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел.

По мнению Зверевой Е.А., «... осуществление преподавательской деятельности на основе творческих заданий приводит к качественному изменению самой деятельности: из репродуктивной, которая направлена на принятие обучающимся информации, её дальнейшую переработку и демонстрацию степени её усвоения, она превращается в продуктивную и

творческую»¹. Тем более, непрерывное реформирование институтов государства и общества, а также принятия значительного объёма нормативного правового материала и неоднозначной судебной практики, требуют от обучающихся по гражданско-правовой специализации в результате освоения учебных дисциплин, постоянных значительных усилий при самостоятельной подготовке к учебным занятиям.

В этой связи, необходимо отметить, что выполнение практических заданий посредством реализации основанных на опыте практической деятельности профильных подразделений органов внутренних дел, позволит развить творческие способности и знания у обучающихся для последующего применения в своей практической деятельности по профилю обучения.

Для качественного усвоения практической части учебного материала, в том числе прохождения преддипломной практики, а также выработке у обучающихся навыков практической деятельности ряд



специалистов в области высшего образования предлагают повсеместно создавать в образовательных учреждениях — юридические клиники. Которые могут являться как структурными, так и штатными подразделениями при образовательном учреждении, осуществляющем подготовку специалистов с высшим образованием.

Родоначальником юридической клиники в отечественном высшем образовании принято считать Дмитрия Ивановича Мейера (1 сентября 1819 — 18 января 1856) - известного российского юриста-цивилиста, общественного деятеля. В 1855 г. Мейер был избран профессором Петербургского университета по кафедрам гражданского права и истории русского права, где издал свою последнюю работу монографию «О значении практики в системе юридического образования» (1855), в которой высказал мысль о необходимости заранее готовить слушателей к рациональным приёмам в практическом применении законов, тем самым, предохраняя их от опасности подпасть под влияние рутины и вразумляя в неуместности безусловного доверия к природному здравому смыслу, не развитому наукой.

В 1897 году присяжный поверенный Иосиф Соломонович Иосифевич сформулировал задачу юридической клиники². Он писал: «вместо отвлеченного рассуждения о теоретическом правиле, демонстрируйте перед читателем конкретное дело, откройте ему лабораторию юристов-практиков, разверните перед ним весь процесс борьбы, которая происходила между сторонами или между ними и судом, и это принесет, по моему мнению, двойную пользу. С одной стороны, этим путем лучше усвоится самое теоретическое правило, а с другой, что еще важнее, знакомитесь со способом применения правовых начал, со способом постановки диагноза дела и лечения его и, таким образом, приобретается знание и искусство вместе. Это будет своего рода юридическая клиника, которой, к сожалению, у нас нет... Вместо осмысленной постановки вопроса, вытекающего из дела и разумного, логического, толкового и справедливого разрешения существенных вопросов и правильного применения общих начал права, очень часто спорят о предметах, фактах, вовсе не важных или маловажных...».

Следуя этой программе, Иосифевич опубликовал в «Юридической газете» (за 1897-1898 годы) цикл из 30 практических статей под общим названием «Юридическая клиника».

Первое упоминание термина «юридическая клиника» в зарубежной литературе относится к 1900 году, когда в журнале «Deutsche Juristen-Zeitung» была опу-

бликована статья профессора Георга Фроммгольда под названием «Juristische Kliniken». «Указывая на то огромное значение, какое имеют для врачебной практики клиники, существующие при медицинских факультетах и академиях, Фроммгольд предлагает наподобие их устроить клиники при юридических высших учебных заведениях, где учащиеся разбирали бы под руководством профессора не вымышленные или отжившие юридические казусы, а оказывали бы непосредственную юридическую помощь нуждающимся в том лицам, занимаясь живыми, неразрешенными еще делами»³.

Своё перерождение, как инструмента практической подготовки обучающихся в образовательных учреждениях, в том числе в системе подготовки специалистов для МВД России, рассматриваемая идея получила в начале XXI века⁴. Более того, некоторые ВУЗы ввели клиническое образование не просто как дополнительную форму обучения, но и как основной специализированный предмет, утвержденный образовательными стандартами. Так, 14 декабря 2010 г. был утвержден приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 1763 «Об утверждении и введении в действие федерального образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»)⁵, приказ от 04 мая 2010г. № 464 «Об утверждении и введении в действие федерального образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)⁶.

В этой связи, по мнению Кулаковой В.Ю., Марковой Т.Ю., важной задачей «современного юридического образования является подготовка нового поколения юристов, ориентированных на гуманистические ценности демократического общества, признающих общечеловеческие ценности, разделяющих глобальную идею социальной справедливости и объединенных этими идеями в единое профессиональное сообщество. Решение данной задачи возможно только путём объединения в учебном процессе единства трёх элементов: обучения знаниям, выработки навыков и воспитания качеств»⁷.

В зависимости от категорий дел, которые рассматриваются в юридической клинике, выделяют «юридические клиники общего права; специализированные юридические клиники; юридические клиники общего права, но с ограничениями (например, без «уголовных дел»). Юридические клиники общего права рассматривают любые дела. Круг дел, рассматриваемых специализированными клиниками, явля-



ется ограниченным. Специализация клиники может определяться отраслью права (экологическая клиника, клиника трудового права и т.п.) или особенностями клиентов (клиника по работе с беженцами, клиника по работе с осужденными, клиника по работе с инвалидами, пенсионерами и т.п.); специализация клиники может определяться особенностями региона»⁸.

В соответствии с Приказом Министерства образования и науки РФ от 28 ноября 2012 г. № 994 «Об утверждении Порядка создания, который предусматривает порядок создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядок их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи» основное назначение юридической клиники состоит⁹:

- в создании условий для реализации, установленного Конституцией Российской Федерацией права граждан на получение квалифицированной бесплатной юридической помощи, оказываемой бесплатно в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»¹⁰, другими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации;
- в создании условий для осуществления прав и свобод граждан, защиты их законных интересов, повышения уровня социальной защищенности, а также обеспечения их доступа к правосудию;
- в правовом просвещении населения и формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи.

В настоящее время в образовательных учреждениях МВД России юридические клиники функционируют в различных организационно-правовых формах. Так, в Санкт-Петербургском университете МВД России, Уфимском юридическом институте МВД России, Ростовском юридическом институте МВД России юридическая клиника является штатным структурным подразделением, в Нижегородской академии МВД России штатным подразделением учебного отдела, в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя юридическая клиника создана на базе Научного общества курсантов, слушателей.

При рассмотрении Положении о деятельности отдельных юридических клиник при образовательных учреждениях МВД России необходимо отметить, что отсутствует единая унифицированная правовая форма деятельности юридических клиник, структурная организация и соподчиненность, штатная структура,

что соответственно приводит к многообразию форм подхода к реализации данного вида деятельности в составе образовательного учреждения МВД России. Также необходимо отметить, что отсутствует единое понимание данного вопроса со стороны и соответствующих Департаментов МВД России, курирующих деятельность образовательных учреждений МВД России.

Сложность в деятельности юридических клиник при образовательных учреждениях МВД России проявляется и в самой специфике деятельности образовательного учреждения, которые обучают высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел. Т.е. сотрудников полиции, в обязанности которых входит достаточно широкий спектр действий (ст. 12 Федерального закона от 07 февраля 2011 г. № 3 — ФЗ «О полиции»¹¹).

Трудно не согласиться с Жуковой Н.В., которая утверждает, что отдельный вопрос это и сложившийся определенный стереотип у населения в отношении сотрудников полиции, при котором в полицию обращаются за помощью в случае причинения вреда в результате правонарушения или преступления и когда перед глазами гражданина предстает человек в форме полицейского, то не у всех возникает желание обратиться за юридической помощью¹².

Таким образом, необходимо отметить, что деятельность юридических клиник в образовательных учреждениях МВД России по настоящее время в качественном виде не урегулировано в полном объеме. Как следствие, мнения специалистов о необходимости и значимости юридических клиник в деятельности образовательных учреждений МВД России является неоднозначным. Одни считают, что деятельность юридических клиник нецелесообразно, т.к. не согласуется с основными направлениями деятельности органов внутренних дел¹³. Другие, считают, что это «технология обучения, направленная на формирование профессиональных и профессионально-специальных компетенций, необходимых в профессиональной деятельности сотрудников полиции, способствующая достижению образовательных, педагогических, воспитательных, социально значимых целей»¹⁴. При этом обучающиеся в образовательных учреждениях МВД России в юридических клиниках овладевают навыками нормотворческой деятельности, правового контроля, договорно-правовой работы, судебно-исковой работы, информационно-правовой деятельности, организационно-правовой работы¹⁵. Что значительно способствует выпускникам образовательных учреждений МВД России в дальнейшем при трудоустройстве в практические подразделения органов внутренних дел быстрому вхождению в



должность и качественному выполнению служебных обязанностей.

Таким образом, необходимо отметить, что изучение и анализ деятельности юридических клиник в образовательных учреждениях МВД России будет продолжено. И конечно же, велика роль в решении данного вопроса профильных Департаментов и территориальных подразделений МВД России, курирующих деятельность образовательных учреждений МВД России и являющихся основными работодателями при трудоустройстве выпускников, тем более, что 09 января 2017 г. Министр внутренних дел генерал полиции Российской Федерации приказом № 1 утвердил «Концепцию правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации на период с 2017 по 2021 год».

1 См. подробно: Зверева Е.А. Творческие задания как средство развития самостоятельности студентов в учебно-воспитательном процессе: Автореферат дисс. ... канд. Юрид. Наук. – Киров, 2007. – С. 9.

2 См. подробно: Жаботинский М.В., Макаренко А.И. Актуальные проблемы, связанные с реализацией деятельности юридической клиники // Юридическая клиника как фактор повышения качества юридического образования (к 70-летию со дня создания юридической службы системы МВД России). Материалы III ежегодного всероссийского экспертного семинара: Санкт-Петербург, 25 мая 2016 г. / сост. к.ю.н. С.С. Желонкин. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. – С. 29 – 30.

3 См. подробно: Люблинский А. О «юридических клиниках». Российское понимание термина «юридическая клиника» // Журнал Министерства Юстиции. - январь 1901 года. - С. 175 - 181.

4 См. подробно: Юридическая клиника как фактор повышения качества юридического образования (к 70-летию со дня создания юридической службы системы МВД России). Материалы III ежегодного всероссийского экспертного семинара: Санкт-Петербург, 25 мая 2016 г. / сост. к.ю.н. С.С. Желонкин. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. – 128 с.

5 Первоначальный текст документа опубликован в издании «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», № 14, 04.04.2011 (федеральный государственный образовательный стандарт не приводится).

6 Первоначальный текст документа опубликован в издании «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», № 26, 28.06.2010 (Приказ).

7 См. подробно: Кулакова В.Ю., Маркова Т.Ю., Самсонова М.В. Юридические клиники в России: состояние и перспективы развития // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. – С. 8.

8 См.: Шугрина Е.С. Юридическая клиника в России: новое или хорошо забытое старое? // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7. – С. 898 – 906.

9 Приказ Министерства образования и науки РФ от 28 ноября 2012 г. № 994 «Об утверждении Порядка создания, который предусматривает порядок создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядок их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи» // Российская газета от 26 декабря 2012 г., № 298.

10 См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324 – ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 28.11.2011., № 48. Ст. 6725.

11 См.: Федеральный закон № 3 – ФЗ «О полиции» от 07 февраля 2011 г. // «Российская газета», № 25, 08.02.2011.

12 См. подробно: Жукова Н.В. Особенности функционирования юридических клиник в образовательных учреждениях МВД России // Юридическая клиника как фактор повышения качества юридического образования (к 70-летию со дня создания юридической службы системы МВД России). Материалы III ежегодного всероссийского экспертного семинара: Санкт-Петербург, 25 мая 2016 г. / сост. к.ю.н. С.С. Желонкин. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. – С. 39.

13 См.: Федеральный закон № 3 – ФЗ «О полиции» от 07 февраля 2011 г. // «Российская газета», № 25, 08.02.2011.

14 См.: Ершов Н.Н., Малютин О.А. Юридические клиники в системе образовательных организаций МВД России: опыт работы // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 3. – С. 39.

15 См.: Ст. 2 приказа МВД РФ от 5 января 2007 г. № 6 «Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России».



УДК 34
ББК 67

БРАК И ДОГОВОР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА ГОРДЕЮК,
помощник судьи Московского городского суда,
советник юстиции 2 класса,
E-mail: nksmgs@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Представлен сравнительно-правовой анализ понятий «брак» и «договор», выделены основные различия между рассматриваемыми понятиями. По мнению автора статьи, брак и договор, являясь юридическими фактами, направленными на удовлетворение определенных потребностей, различаются как самостоятельные правовые категории.

Ключевые слова: брак, договор

Annotation. The scientific article contains the comparative legal analysis of the concepts of “marriage” and “contract”, highlights the main differences between these concepts. According to the author, marriage and the contract, as the legal facts, aimed at meeting the needs differ as independent legal categories.

Keywords: marriage, contract

Вопрос о соотношении брака и договора в российской правовой науке является одним из спорных.

Мыслителями понятие «брак» исследуется на протяжении длительного периода времени. Римский юрист и государственный деятель III века Модестин Геренний, определял брак «как союз мужа и жены, общность всей жизни, единение божественного и человеческого права». По мнению М.Т. Оридороги, брак — «юридически признанная и основанная на любви духовная и физическая общность мужчины и женщины, обеспечивающая рождение и воспитание детей». Ю.Ф. Беспалов, О.Ю. Ильина полагают, что «брак — союз (связь) мужчины и женщины, порождающий их права и обязанности по отношению друг к другу, предусмотренные семейным законодательством». А.М. Рабец полагает, что «брак как правообразующий юридический факт создает, если можно так выразиться, неимущественную составляющую семейно-правового статуса супругов, т.е. является в РФ в принципе единственным юридическим фактом, порождающим права и обязанности личного неимущественного характера». Следует отметить и точку зрения М.В. Антокольской, согласно которой соглашение о заключении брака по своей правовой природе не отличается от гражданского договора. А.М. Неча-

ева определяет брак и как «своеобразный символ как для вступающих в брак, так и для государства».

Названные уважаемые мыслители по-разному понимают брак. И это объяснимо, ибо брак есть многозначное правовое и социальное явление. Брак с позиции права является юридическим фактом, наделяющим мужчину и женщину взаимными правами и обязанностями, предусмотренными российским законодательством. Брак только в случае его регистрации в органах ЗАГС РФ признается юридическим фактом и представляется, как правовая связь между мужчиной и женщиной. Брак как социальное явление есть союз мужчины и женщины, основанный на чувствах любви и уважения, включающий в себя заботу мужа и жены друг о друге и, как правило, имеющий своей целью рождение и воспитание детей. В любом случае брак в РФ подлежит государственной регистрации в органах ЗАГС.

В юридической доктрине понятие «договор» также исследуется длительное время. Так, Д.И. Мейер понимал под договором «соглашение воли двух или нескольких лиц, которое порождает право на чужое действие, имеющее имущественный интерес». Рассуждая о роли договора в правовом регулировании общественных отношений, Н.Г. Александров писал,



что «договор служит не только основанием самого факта возникновения правоотношения, но также источником тех индивидуальных предписаний, которые определяют содержание конкретного правоотношения»⁸. Отметим и точку зрения В.В. Витрянского, согласно которой «договор представляет собой особый вид гражданско-правовых сделок, ключевым (видообразующим) признаком которого является то обстоятельство, что он носит характер соглашения сторон»⁹.

Надо полагать, что независимо от отраслевой природы договор есть соглашение между разными лицами, направленный на удовлетворение всяческих потребностей, как его участников, так и других лиц. Договор заключается, как правило, без участия государства либо его органов. В основе договора лежат потребности имущественного характера и в отдельных случаях неимущественные.

Существо договора как гражданско-правовой категории и как семейно-правового явления различается. Рассуждая о роли договора в регулировании брачных правоотношений, В.Ф. Яковлев справедливо замечает, что «договор в семейном праве не является юридическим фактом, он используется лишь для дополнительного регулирования имущественных отношений. Наконец, и это самое главное, договор в семейном праве может быть признан недействительным или расторгнут не по каким-либо формальным основаниям, а лишь потому, что он существенно ущемляет интересы одного из участников семейных отношений. Таким образом, предпочтение отдается не формальным моментам, а учету действительных интересов участников семейных отношений, особенно нетрудоспособных и несовершеннолетних»¹⁰. А.М. Нечаева отмечает, что «что же касается договорного режима имущества супругов, то ст. 42 СК РФ, определяющая содержание брачного договора, позволяет супругам уступить друг другу, найти приемлемые варианты мирного решения имущественных проблем, не устраивать унижительной для сторон «битвы» за имущественные блага»¹¹. Отметим и точку зрения Т.В. Шершень, согласно которой «семейно-правовая сущность брачного договора проявляется не только в его тесной связи с браком и невозможности существования вне брака, но и закреплением требований о соответствии условий брачного договора основным началам семейного законодательства»¹².

Гражданско-правовой договор и семейно-правовой договор различаются между собой как по основаниям возникновения, прекращения, так и по предмету, форме, составу его участников и содержанию.

Брак и договор — самостоятельные правовые ка-

тегории и различаются по многим основаниям.

Во-первых, различие состоит в разной правовой и социальной природе рассматриваемых нами понятий. Брак, как справедливо замечает А.И. Загорский¹³, — явление многостороннее, включающее в себя естественный (физический), нравственный (этический), экономический, юридический и религиозный элементы. Напротив, договор является одним из основных правовых понятий, призванный урегулировать, прежде всего, возникающие гражданско-правовые отношения. Древнеримский юрист Цицерон утверждал, что «основа права — это верность, то есть твердое и правдивое соблюдение слова и договора»¹⁴.

Во-вторых, различается и круг лиц, обладающих правом заключить брак и договор. Правом на заключение брака обладают только мужчина и женщина по достижении брачного возраста. Семейным законодательством РФ допускается вступление в брак эмансипированным лицам, а также гражданам по достижении возраста 16 лет и ранее при наличии уважительных причины и в случае, если такая возможность предусмотрена законодательством субъектов РФ. Правом на заключение договоров могут воспользоваться любые граждане независимо от пола, обладающие гражданской правоспособностью и полной либо не полной гражданской дееспособностью.

В-третьих, различным является и содержание рассматриваемых понятий. Содержание брака — это взаимные права и обязанности супругов, предусмотренные как семейным законодательством РФ (разд. III СК РФ), так нормами морали, нравственности и обычными нормами, сложившимися в конкретной семье, обществе.

Содержанием договора являются условия, по которым достигнуто соглашение сторон (существенные, обычные и случайные условия)¹⁵. Согласно ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Кроме того, договор может быть смешанным, то есть содержать элементы разных видов договоров.

В-четвертых, обязательность государственной регистрации органах ЗАГС является отличительным признаком брака от договора. Статьи 1,10 СК РФ, ст. ст. 24-30 Федерального закона от 15.11.1997 N 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» устанавливают



правила заключения брака в органах записи актов гражданского состояния. Регистрация договоров по общему правилу, установленному ст. 164 ГК о государственной регистрации сделок, производится в установленных законом случаях. Например, регистрации подлежат договор продажи жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры (ст. 558 ГК РФ); договор аренды недвижимого имущества (ст. 609 ГК РФ); договор дарения недвижимого имущества (ст. 574 ГК РФ) и другие. Кроме того, правила регистрации некоторых видов договоров предусмотрены положениями Федерального закона от 13.07.2015 N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»¹⁶.

В-пятых, для заключения некоторых договоров необходимо нотариальное удостоверение, напротив, для заключения брака не требуется нотариальное удостоверение. В соответствии со ст. 163 ГК РФ нотариальное удостоверение сделок обязательно в случаях, указанных в законе и предусмотренных соглашением сторон, хотя бы по закону для сделок данного вида эта форма не требовалась. Так, например, необходимо нотариальное удостоверение договора ренты (ст. 584 ГК РФ), договора залога доли или части доли в уставном капитале общества (ст. 22 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹⁷) и др.

В-шестых, разной является форма заключения брака и договора. По правилам ст. 26 Федерального закона от 15.11.1997 N 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»¹⁸ лица, вступающие в брак, подают в орган записи актов гражданского состояния совместное заявление о заключении брака в письменной форме лично или направляют это заявление и иные указанные в настоящей статье документы в форме электронных документов через единый портал государственных и муниципальных услуг. Договор может заключаться в любой форме, предусмотренной гражданским законодательством для сделок (устной, простой письменной или нотариальной форме).

В-седьмых, срок действия брака и договора также является разным. Заключаемый между мужчиной и женщиной брак не ограничивается каким-либо временным периодом. Как правило, он длится на протяжении всей жизни супругов и прекращается смертью (ст.16 СК РФ). Договор же заключается на период, который установлен его сторонами, или на период, предусмотренный законодательством РФ либо до востребования.

В-восьмых, заключение брака является основанием возникновения прав и обязанностей только для супругов, в то время как заключение договора возмож-

но несколькими лицами и является основанием для возникновения прав и обязанностей различных лиц. В соответствии со ст. 240 ГК РФ договор — это соглашение двух или нескольких лиц. Как отмечалось нами ранее, сторонами брака являются только мужчина и женщина.

В-девятых, различается соотношение прав и обязанностей сторон. Одним из признаков брака является его взаимность. Анализ ст. ст. 1, 31 СК РФ позволяет заключить, что брак должен основываться на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи. Договор может быть взаимным и односторонним, то есть порождать обязанности у одной стороны, а права у другой.

В-десятых, различными представляются и цели заключения брака и договора. Брак чаще всего заключается для удовлетворения нематериальных потребностей: чувства любви, уважения, взаимной заботы. Договор, как правило, призван удовлетворить имущественные потребности сторон.

Нематериальные блага как объекты брачных правоотношений не могут быть урегулированы положениями договора, так как они непосредственно связаны с самим субъектом брачных правоотношений. Брачные правоотношения есть комплекс имущественных и личных неимущественных отношений супругов. Они регулируются не только нормами права, положениями брачного договора, но и нормами морали, обычаями, сложившимися в семье, обществе. В свою очередь, договор регулирует лишь часть таких отношений, а именно имущественных.

Общими признаками брака и договора является то, что они являются юридическими фактами, направленными на удовлетворение определенных потребностей и не должны противоречить закону.

Изложенное позволяет заключить, что брак и договор — разные правовые категории. Брак не может быть признан договором, так как является, прежде всего, естественным, нравственным, а порой и религиозным явлением.

Литература

1. Александров Н.Г. К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений // Ученые записки. ВИЮН. Вып. 6. М.: Юридиздат, 1946.
2. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. М.: Юрист, 1996.
3. Беспалов Ю.Ф., Якушев А.П. Гражданское право в схемах: учеб. пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2015.
4. Дигесты. Кн. XXIII. Тит. II.1. Цит. по: Памятники римского права. Законы XII таблиц. Ин-



- ституции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997.
5. Загоровский А.И. Фрагмент книги «Курс семейного права» // «Семейное и жилищное право». 2006. N 4
 6. Кодификация российского частного права 2015 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгалло и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015.
 7. Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., «Наука», 1993 (репринт текста издания 1974 г.).
 8. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). Ч. 2. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М.: Статут, 2003..
 9. Нечаева А.М. Семья и закон. М., 1980.
 10. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007.
 11. Оридорога М.Т. Брак и его форма. М.: Юридическая литература, 1968.
 12. Рабец А.М. Опыт правового регулирования личных неимущественных отношений супругов в РФ и странах ближнего зарубежья // Семейное и жилищное право. 2016. N 1. С. 21 - 23.
 13. Семейное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. Ю.Ф. Беспалова, О.А. Егоровой, О.Ю. Ильиной. 2 –е изд., перераб. и доп. М.:ЮНИТИ_ДАНА, С. 151
 14. Шершень Т.В. Роль основных начал семейного законодательства России в формировании условий брачного договора и определении его действительности // Бюллетень нотариальной практики. 2009. N 5. С. 16 — 20.
 15. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012. С. 862
- 1 Дигесты. Кн. XXIII. Тит. II.1. Цит. по: Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 530.
 - 2 Оридорога М.Т. Брак и его форма. М.: Юридическая литература, 1968. С. 34
 - 3 Семейное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. Ю.Ф. Беспалова, О.А. Егоровой, О.Ю. Ильиной. 2 –е изд., перераб. и доп. М.:ЮНИТИ_ДАНА, Ст. 151
 - 4 Рабец А.М. Опыт правового регулирования личных неимущественных отношений супругов в РФ и странах ближнего зарубежья // Семейное и жилищное право. 2016. N 1. С. 21 - 23.
 - 5 Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. М.: Юристь, 1996. С. 124
 - 6 Нечаева А.М. Семья и закон. М., 1980. С. 61 - 62.
 - 7 . Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). Ч. 2. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М.: Статут, 2003. С. 831.
 - 8 Александров Н.Г. К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений // Ученые записки. ВИЮН. Вып. 6. М.: Юридиздат, 1946. С. 73 - 74
 - 9 Кодификация российского частного права 2015 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгалло и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2015. С. 75
 - 10 Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012. С.862
 - 11 Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 75
 - 12 Шершень Т.В. Роль основных начал семейного законодательства России в формировании условий брачного договора и определении его действительности // Бюллетень нотариальной практики. 2009. N 5. С. 16 - 20.
 - 13 Загоровский А.И. Фрагмент книги "Курс семейного права" // "Семейное и жилищное право". 2006. N 4. С.154
 - 14 Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., «Наука», 1993 (репринт текста издания 1974 г.). С. 658
 - 15 Беспалов Ю.Ф., Якушев А.П. Гражданское право в схемах: учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. –Москва: Проспект, 2015. С.105
 - 16 "Российская газета". 17.07.2015. N 156
 - 17 "Собрание законодательства РФ", 16.02.1998. N 7. ст. 785
 - 18 "Российская газета".20.11.1997. N 224



УДК 34
ББК 67

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ ПРИМЕНЕНИЯ К НИМ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА ГОТЧИНА,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: kafedry@mail.ru,

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Наблюдается либерализация уголовного законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков. Добровольность лечения от наркомании при отсрочке уголовного наказания показала очень низкую профилактическую эффективность. Проанализированная практика подтверждает необходимость принудительного лечения наркозависимых, даже при низких результатах достижения ремиссии.

Ключевые слова: преступление, либерализация наркозаконодательства, больной наркоманией, отсрочка наказания.

Annotation. The state policy in the area of drug trafficking and in the area of countermeasures to their illegal turnover is built on the principle of priority of the measures to prevent the drug-connected crimes. Voluntary treatment for drug addiction at a delay of criminal punishment showed very low prophylactic efficacy. Analyzed the practice confirms the need for compulsory treatment of drug addicts, even at low achieving remission.

Keywords: crime, liberalization narkotikapolitiska, drug addicts, the suspended sentence.

Уровень российской преступности в сфере незаконного оборота наркотиков сохраняется. Его незначительные колебания объясняются латентностью, организационными реформами в правоохранительной сфере, изменениями законодательства, кадровой подготовкой сотрудников, выявляющих, раскрывающих, расследующих и профилактирующих наркопреступления, политикой социальной защищенности сотрудников правоохранительных органов и государственной молодежной политикой.

В этой связи, преобладающая численность наркоманов сохраняется в молодежном возрасте, а первые пробы приобщения к наркоупотреблению — подростковом. Между тем, каждое употребление наркотика, кроме медицинского, всегда связано с преступлением. При выявленном факте это требует возбуждения уголовного дела, чаще всего, по статье 228 УК РФ за «Незаконные приобретение, хранение, перевозку ...», а в ряде иных случаев — по другим статьям.

Систематическое синтезирование новых наркотиков, появление потенциально опасных психоактивных веществ, сохранение молодежной наркокультуры

вынудило законодателя искать пути снижения уровня наркопреступности, используя институты уголовного права [8]. Одной из попыток в этом направлении явилось введение ст.ст. 82¹ и 72¹ УК РФ.

При реализации нормы, регламентирующей применение к осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, совершившему впервые преступление, предусмотренное частью первой статьи 228, частью первой статьи 231 и статьей 233, отсрочки наказания до 5 лет и возможности последующего освобождения от него (часть 1 статьи 82¹ УК РФ)[1], возникают вопросы у правоприменителей.

Норма статьи 82¹ УК РФ применяется только осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, совершившему впервые указанные преступления. Однако перечень указанных законодателем статей дискуссионен. Так, вызывает удивление включение в него деяния, предусмотренного статьей 233 УК РФ. Объективная сторона преступления, предусмотренного в ней, представлена двумя альтернативами: незаконной выдачей либо незаконной подделкой рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или пси-



хотропных веществ. В первом случае деяние совершает специальный субъект, который наделен правом на выдачу таких документов. Возможны ли случаи, чтоб такое лицо было больным наркоманией? Теоретически, да, практически, — большие сомнения. То есть в этой части правоприменения норма мертвая.

Незаконная подделка рецептов или иных документов совершается общим субъектом преступления, и, чаще всего, с помощью компьютерной техники налажен массовый выпуск таких предметов преступления с целью их реализации для удовлетворения зачастую корыстного мотива. Конечно, допустимы случаи, что такое лицо может быть признано больным наркоманией и изъявить желание добровольно пройти курс лечения от этой болезни, а также медико-социальную реабилитацию. При наличии таких обстоятельств суд на основании части 1 ст. 82¹ УК РФ может отсрочить наказание в виде лишения свободы. Обосновано ли решение законодателя в этом случае, когда лицо выполняет преступные действия, создающие условия для последующего незаконного сбыта наркотических средств или психотропных веществ? По нашему мнению, нет.

При введении ст. 82¹ УК РФ законодатель предполагал, что впервые оступившиеся и совершившие вышеназванные преступления больные наркоманией нуждаются в изъятии желания лечиться и пройти реабилитацию, тем самым получив возможность отсрочки наказания. Так ли это?

Нет, койка-места наркологической службы, предусмотренные на лечение наркомании, пустуют. То есть ожидаемой их заполненности, массового применения отсрочки наказания для преступников-наркоманов не произошло. Необходимо признать, что добровольность лечения даже перед угрозой уголовного наказания с перспективой реального срока его отбывания в местах лишения свободы показала очень низкую профилактическую эффективность. По всей видимости, на наркоманов сильнее действуют иные факторы, выбираются иные приоритетные альтернативы.

Для дискуссионного обсуждения предлагается также часть 3 статьи 82¹ УК РФ, по условиям которой «после прохождения курса лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации и при наличии объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой после окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации составляет не менее двух лет, суд освобождает осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания или оставшейся части наказания».

Руководители наркологических служб указывают, что, так как в настоящее время не определены эффективные средства и методы лечения наркомании, ремиссия наступает только у 10-20 % пациентов. Ее средняя длительность составляет 10-11 месяцев. Кроме того, в России по-прежнему отсутствует национальный стандарт социальной реабилитации.

Федеральным законом № 313-ФЗ от 25 ноября 2013 г. [2], в УК РФ была введена статья 72¹ «Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией», в соответствии с которой суд наряду с наказанием, не связанным с лишением свободы, может назначить больному наркоманией пройти курс лечения и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. Так, в период с 24 мая по 31 декабря 2014 г. из 119 181 осужденного за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков к 3 423 применена вышеуказанная мера уголовно-правового воздействия; за первое полугодие 2015 г. — 294[3], при этом, за этот же период судом при назначении условного осуждения, в соответствии со статьей 73 УК РФ, за совершение тех же деяний возложена обязанность пройти лечение от наркомании 2 041 больному наркоманией[3]. Таким образом, в 2015 г. в большинстве случаев лечение от наркомании назначалось осужденным к лишению свободы. Это свидетельствует о несовершенстве статьи 72¹ УК РФ.

Однако в судебной практике имеются примеры, когда суд назначает статью 72¹ УК РФ больному наркоманией, осужденному к лишению свободы. Интерес представляет в этой связи постановление Президиума Челябинского областного суда от 15 июля 2015 г. по делу Ф., который осужден городским судом Челябинской области за незаконное приобретение и хранение без цели сбыта наркотического средства в крупном размере по части 2 статьи 228 УК РФ к лишению свободы на срок 4 года со штрафом в размере 5000 рублей, без ограничения свободы[4]. В соответствии со статьей 73 УК РФ наказание в виде лишения свободы постановлено считать условно с испытательным сроком 3 года. Совместно с этим на основании статьи 72¹ УК РФ на Ф. возложена обязанность пройти курс лечения от наркомании и медицинскую и социальную реабилитацию. Данное положение было исключено из приговора в отношении Ф. постановлением Президиума.

24 июня 2014 г. районный суд г. Москвы гражданину Р. за совершение покушения на незаконный сбыт наркотических средств, квалифицировав деяние по части 3 статьи 30 части 1 статьи 228¹ УК РФ, назначил наказание в виде 4 лет 6 месяцев лишения свободы, с применением статьи 73 УК РФ, условно с испытательным сроком на 4 года и, в соответствии со статьей 72¹ УК РФ, возложил обязанность пройти курс лечения от наркомании и медицинскую и социальную реабилитацию. В апелляционном порядке приговор в отношении Р. был изменен: исключено указание суда о прохождении курса лечения от наркомании и медицинской и социальной реабилитации[5].

Так, гражданке А., совершившей покушение на незаконный сбыт наркотического средства общей массой не менее 0,08 грамма, суд, квалифицировав ее действия по части 3 статьи 30 части 1 статьи 228¹ УК РФ, назначил наказание в виде 2-х лет лишения свобо-



ды с отбыванием в исправительной колонии общего режима и возложил обязанность пройти курс лечения от наркомании. В апелляционном порядке приговор в отношении А. был изменен: исключено указание суда о назначении курса лечения от наркомании[6].

При выборочном изучении уголовных дел было установлено, что на осужденных, признанных больными наркоманией, возлагали обязанность пройти курс лечения от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию при назначении им основного наказания в виде лишения свободы в 9% случаях[4]. Судебные решения были отменены в апелляционном порядке. Однако полагаем, что судьи считают необходимым применять статью 72¹ УК РФ к больному наркоманией, осужденному к лишению свободы. Такое положение дел позволяет сформулировать вывод о необходимости внесения изменений в данную уголовно-правовую норму, а именно применять ее и при назначении наказания в виде лишения свободы.

Проанализированная практика назначения наказания больным наркоманией и применения к ним отсрочки отбывания наказания еще раз подтверждает необходимость совершенствования уголовного законодательства в этой сфере, а также принудительного лечения наркозависимых, даже при низких результатах достижения ремиссии.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ: Федеральный закон, 07.12.2011г., № 420-ФЗ // Российская газета. 09.12.2011. № 278.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон, 25.11.2013 г., № 313-ФЗ // Российская газета. 2013. № 6243.
3. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
4. Постановление Президиума Челябинского областного суда № 44у-69/2015 от 15.07.2015 // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: <http://supcourt.ru/index.php>.
5. Апелляционное постановление Московского городского суда № 10-10147 от 28.07.2014 // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: <http://supcourt.ru/index.php>.
6. Апелляционное определение Алтайского краевого суда № 22-6903/2013 22-30/2014 22-

30/2014 (22-6903/2013) от 16.01.2014 // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: <http://supcourt.ru/index.php>.

7. Малыгина А.А. Назначение наказания и мер медицинского характера лицу, признанному больным наркоманией: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08, СПб.: СПбУ МВД РФ, 2016. С. 84.
8. Иванцов С.В. Проблемы законодательной и правоприменительной деятельности в сфере регулирования оборота наркотических средств и психотропных веществ // Сборник «Вопросы права в третьем тысячелетии». М. 2003. С.186-188.

Reference

1. O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks RF i ot del'nye zakonodatel'nye akty RF: Federal'nyy zakon, 07.12.2011g., № 420-FZ // Rossiyskaya gazeta. 09.12.2011. № 278.
2. O vnesenii izmeneniy v ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon, 25.11.2013 g., № 313-FZ // Rossiyskaya gazeta. 2013. № 6243.
3. Dannye sudebnoy statistiki // Ofitsial'nyy sayt Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom sude Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
4. Postanovlenie Prezidiuma Chelyabinskogo oblastnogo suda № 44u-69/2015 ot 15.07.2015 // Ofitsial'nyy sayt Verkhovnogo suda Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://supcourt.ru/index.php>.
5. Apellyatsionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda № 10-10147 ot 28.07.2014 // Ofitsial'nyy sayt Verkhovnogo suda Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://supcourt.ru/index.php>.
6. Apellyatsionnoe opredelenie Altayskogo kraevogo suda № 22-6903/2013 22-30/2014 22-30/2014 (22-6903/2013) ot 16.01.2014 // Ofitsial'nyy sayt Verkhovnogo suda Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://supcourt.ru/index.php>.
7. Malygina A.A. Naznachenie nakazaniya i mer meditsinskogo kharaktera litsa, priznannomu bol'nym narkomaniye: dis. ...kand. yurid. nauk: 12.00.08, SPb.: SPbU MVD RF, 2016. S. 84.
8. Ivantsov S.V. problems of legislation and enforcement in the regulation of traffic in narcotic drugs and psychotropic substances // Collection of articles "Questions of law in the third Millennium". M. 2003. P. 186-188.



УДК 34
ББК 67

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

ДЕНИС ЕВГЕНЬЕВИЧ ДРОЗДОВ,

адъюнкт кафедры криминологии

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: xaab@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены проблемы развития уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за совершение преступлений, связанных с применением насилия в отношении должностного лица правоохранительного органа. На основе ретроспективного анализа памятников уголовного права, статистических данных сформулированы предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, должностное лицо правоохранительного органа, насилие, представитель власти, исполнение служебных обязанностей.

Annotation. The work is devoted to problems of development of criminal law establishing responsibility for crimes related to violence against an official law enforcement agency. Based on a retrospective analysis of the criminal law of monuments, statistics formulated proposals for improving the existing penal laws.

Keywords: criminal liability; an official law enforcement agency; violence, the representative of the authorities, the performance of official duties.

На каждом историческом этапе развития общественных отношений задачи противодействия преступности возлагаются на различные институты, которые в процессе эволюции трансформируются в специализированные органы. Предпосылки возникновения и нормативного закрепления ответственности за то или иное преступное поведение, в том числе и за применение насилия в отношении должностного лица, исполняющего функции противодействия преступности, содержатся еще в Русской Правде.¹ Статьей 19 краткой редакции Русской Правды предусмотрена ответственность за убийство огнищанина — старшего дружинника, боярина — «Аще убьют огнищанина в обиду, то плати за не 80 гривен убици, а людем не надобе». Именно дружина исполняла главную роль в поддержании княжеской власти. Для ужесточения наказания, установлен запрет на помощь убийце в уплате штрафа общиной. Статьей 21 установлены дополнительные гарантии защиты огнищанина, разрешающие убить его убийцу без суда. Пространная редакция Русской Правды устанавливает «наряду с традиционной 40-гривенной вирой двойную 80-гривенную ставку, которой охраняется жизнь управителей княжеского феодального хозяйства»².

Именно они и выполняли одни из первых функ-

ции по противодействию преступности. Однако ни в Судебнике 1497, ни 1550 годов упоминаний об ответственности за применение насилия в отношении должностного лица, исполняющего функции противодействия преступности, не содержится, что обусловлено применением предписаний Русской Правды, которая сохранила свое действие. Однако комментарий к статье 4 Судебника выделяет должностное лицо — недельщика, получившего свое название из-за сменяемости по неделям, в обязанности которого входили такие функции как вызов сторон в суд, арест и пытка обвиняемых и т.д.³

Статьей 21 Соборного уложения 1649 года устанавливалась ответственность в виде смертной казни, в том числе за применение насилия (побивати)⁴ в отношении должностного лица, исполняющего полицейские функции.

В первых памятниках уголовного права зародились тенденции дополнительных гарантии в виде назначения максимального либо наиболее тяжелого наказания. Данный этап развития государственности характеризуется отсутствием вплоть до XVIII века специализированных полицейских органов в России, поэтому используется терминология — должностное лицо, исполняющее функции противодействия преступности⁵.



Начиная с Артикула воинского 1715 года применение насилия в отношении должностного лица, исполняющего функции противодействия преступности, трактуется в форме сопротивления. Указанные в главе 23 артикулы 204, 205 содержат нормы, связанные с оказанием сопротивления представителям власти. Комментарий к артикулу № 204 расценивает сопротивление представителю власти «как выступление против существующего порядка»⁶.

Первым масштабным документом, регламентирующим деятельность полиции, стал Устав благочиния или полицейский от 08 апреля 1782 года, статьей 271 которого предусмотрена ответственность за сопротивление «должности действием или словом»⁷. Лица, оказавшие сопротивление, предавались суду.

Развитие уголовно — правового законодательства было продолжено в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года, четвертый раздел которого «О преступлениях и проступках против порядка управления» содержал ряд глав, среди которых наибольший интерес представляет глава 2 «Об оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности». Содержащейся в ней статьей 291 предусматривалась ответственность за сопротивление законным действиям чиновника, совершенным с использованием оружия и применением насилия. В качестве альтернативных видов наказания выступали каторжные работы, ссылка в Сибирь, лишение свободы. В диспозиции статьи 292 было закреплено «если сопротивляющийся постановлению власти законной или чиновнику в отправлении им должности не был вооружен, однако же дозволил себе побои или иное явное действиями насилие»⁸, то такое лицо могло быть подвергнуто наказанию в виде заключения в тюрьме максимальным сроком до двух лет.

Уголовное уложение от 22 марта 1903 года стало последним законодательным актом Российской империи, устанавливающим ответственность за применение насилия в отношении должностного лица правоохранительного органа. Статьей 142 предусмотрена уголовная ответственность за сопротивление, связанное с применением насилия либо угрозой его применения «виновный в сопротивлении, посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы, служащему или содействовавшему ему частному лицу, с целью противодействовать обнародованию или привидению в действие закона, обязательного постановления или законного распоряжения власти или выполнения законного по службе действия». Частью второй статьи предусмотрены квалифицирующие признаки преступления (причинение телесных повреждений и применение оружия, групповой характер совершения преступления). В комментарии о понятии лиц, которым оказали сопротивление указано, что к их числу относятся и полицейские — «полицейскому, делающему какие — либо распоряжения для охраны порядка». Очередной этап эволюции

законодательства об ответственности за применение насилия в отношении должностного лица правоохранительного органа связан с изданием инструкции Народного Комиссариата Юстиции от 19 декабря 1917 года, положения которой детализированы в постановлении Кассационного отдела ВЦИК РСФСР от 06 октября 1918 года «О подсудности революционных трибуналов». Применение насилия или угроза его применения в отношении представителей власти не зависимо от оснований квалифицировалось как контрреволюционная деятельность⁹.

Первым кодифицированным нормативным актом советской власти стал уголовный кодекс РСФСР 1922 года. Статьей 86 была установлена ответственность за применение насилия, в том числе и в отношении должностного лица правоохранительного органа «сопротивление отдельных граждан представителям власти при исполнении ими возложенных на них законом обязанностей или принуждение к выполнению явно незаконных действий, сопряженные с убийством, нанесением увечий или насилием над личностью представителя власти»¹⁰. При отсутствии смягчающих обстоятельств за преступление предусмотрена ответственность в виде смертной казни.

Уголовный кодекс 1926 года изменил меру наказания за данное преступление, установив нижний предел в виде лишения свободы на срок не ниже одного года.

В новом виде диспозиция части 1 статьи 73 предусматривала ответственность за «сопротивление отдельных граждан представителям власти при исполнении ими возложенных на них законом обязанностей или принуждение к выполнению явно незаконных действий, сопряженное с насилием над личностью представителя власти»¹¹.

Очередным этапом развития уголовного права советского государства стал этап введения в действие Уголовного кодекса РСФСР 1960 года. Ст. 191 была установлена уголовная ответственность за сопротивление представителю власти или представителю общестственности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка, совершенное с насилием или угрозой его применения. Максимальное наказание за данное преступление не более трех лет. Частью 2 статьи 191 была предусмотрена ответственность за сопротивление работнику милиции или народному дружиннику, совершенное с применением насилия или угрозой его совершения при условии, что они несут службу по охране общественного порядка. Единственным видом наказания за данное преступление является лишение свободы на срок от года до 5 лет. Статья 191 УК РСФСР 1960 года является специальной нормой по отношению к статье 191 УК РСФСР. Если же насилие применялось к работнику милиции в иных случаях (за исключением несения службы по охране общественного порядка) уголовная ответственность по ст.191 УК РСФСР 1960 года не применялась¹².

Частью 2 статьи 191.4. УК РСФСР, которая была введена в действие Федеральным законом от 18.05.95 №



79-ФЗ устанавливалась ответственность за сопротивление сотруднику органа внутренних дел, сопряженное с насилием или угрозой применения насилия, а равно принуждение к выполнению явно незаконных действий путем насилия или угрозы применения насилия. Максимальным наказанием за данное преступление являлось лишение свободы на срок от трех до пяти лет.

Статьей 318 Уголовного кодекса РФ 1996 года предусмотрена ответственность за применение насилия в отношении представителя власти. По конструкции статья разделена на две части. Частью 1 статьи 318 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за применение насилия не опасного для жизни и здоровья либо угрозу его применения. Квалифицирующим признаком части 2 статьи 318 УК РФ является совершение преступления с применением насилия «опасного для жизни или здоровья».

Вряд ли можно согласиться с мнением Ларина В.Ю. о том, что законодательство, регулирующее уголовно — правовой статус сотрудников органов внутренних дел XI-XX века носило бессистемный характер¹³. В первых памятниках права и на протяжении всего развития норм уголовного права прослеживается тенденция повышенной ответственности за совершение преступлений в отношении должностных лиц правоохранительных органов.

На основе анализа памятников уголовного права предлагается классификация должностных лиц государственных органов, исполняющих функции по противодействию преступности в исторической перспективе:

- постоянно действующие должностные лица не специализированных органов власти, исполняющие функции противодействия преступности (огнищанин, губной староста);
- временные должностные лица не специализированных органов власти, исполняющие функции противодействия преступности (недельщик);
- должностные лица полиции, исполняющие функции противодействия преступности и иные полицейские функции (специализированные полицейские органы);
- должностные лица милиции, исполняющие функции противодействия преступности и иные функции (специализированные органы милиции);
- должностные лица правоохранительных органов, исполняющие функции противодействия преступности и иные функции (сотрудник ФСБ РФ, СК РФ, УФСИН РФ и т.д.).

Конечно, статья 318 УК РФ далека от совершенства. Можно согласиться с мнением Кузьмина А.В. о необходимости дифференциации уголовной ответственности за данный вид преступления. Выделение самостоятельных квалифицирующих признаков — таких, как применение насилия группой лиц, с использованием оружия, и предложенная им конструкция ст.318 УК РФ является, несомненно, более совершенной¹⁴.

Количество преступлений, связанных с приме-

нием насилия в отношении должностных лиц правоохранительных органов за пятнадцать лет выросло более чем в два раза. Их подавляющее число совершается в отношении сотрудников полиции в связи с исполнением служебных обязанностей. Только в 3 из 202 изученных уголовных дел, возбужденных в Калужской области, в 2014-2015 годах по ст.318 УК РФ в качестве потерпевших не фигурировали сотрудники органов внутренних дел.

Напрашивается естественный вывод о введении специальной нормы, предусматривающей ответственность за применение насилия в отношении сотрудника органа внутренних дел, а статистические данные и неконтролируемый рост данного вида преступлений являются убедительным доказательством необходимости изменения уголовного законодательства.

1 См., например: Иванцов С.В. Ответственность за создание преступной организации по уголовному законодательству республики Беларусь. диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Юридический институт МВД России. - Москва, 2001; Иванцов С.В. Правовое предупреждение создания преступных организаций (преступных сообществ) в республике Беларусь: монография /М-во внутренних дел Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Московский ун-т МВД России. Москва, 2005.

2 Чистяков О.И., Российское законодательство X-XX. Том.1 Законодательство древней Руси, Москва, Юридическая литература, 1984 г., С.58-59.

3 Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX. Том.2 Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства, Москва, Юридическая литература, 1984 г., С.29,63.

4 Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX. Том.3 Акты Земских соборов, Москва, Юридическая литература, 1984 г., С.89.

5 Кудин В.А. От полиции Российской империи к полиции российской Федерации: два века истории, Вестник Санкт – Петербургского университета МВД России, №2 (50) 2011г., С.4.

6 Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX. Том.4 Законодательство периода становления абсолютизма, Москва, Юридическая литература, 1984 г., С.388.

7 Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX. Том.5 Законодательство периода расцвета абсолютизма, Москва, Юридическая литература, 1984 г., С.383.

8 Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX. Том.6, Законодательство первой половины XIX века, Москва, Юридическая литература, 1988 г., С.242.

9 Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 года, Санкт – Петербург, 1904 г., С.254-256.

10 Там же. С.127.

11 Уголовный кодекс РСФСР с изменениями на 01 декабря 1938 года, юридическое издательство НКЮ СССР, Москва, 1938 г., С.44.

12 Северин Ю.Д. Комментарий к уголовному кодексу РСФСР, Москва, Юридическая литература, 1980 г., С.369.

13 Ларин В.Ю. Историческое развитие уголовно – правового статуса сотрудника органа внутренних дел с XI до XX века, Юридическая наука, №1, 2014 г., С.13.

14 Кузьмин А.В. Уголовно правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Ставрополь 2015 г., С.179.



УДК 34
ББК 67

К ВОПРОСУ МИНИМИЗАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ИВАСЮК,

*кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
криминологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: ivasuk-o@mail.ru*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены некоторые вопросы минимизации социальных последствий бытовой преступности, связанные с проблемами противодействия проявлениям семейно-бытового насилия.

Ключевые слова: бытовое насилие, профилактика, минимизация социальных последствий, предупреждение преступлений, восстановление прав, защита, охрана прав личности, предупреждение преступлений.

Annotation. The article focuses on some of the issues to minimize the social impact of household crime-related issues to combat manifestations of domestic violence.

Keywords: domestic violence, prevention, minimization of social impact, crime prevention, restoration of rights, protection, protection of individual rights, the prevention of crimes.

В последние годы в нашей стране бытовое насилие является наиболее распространенной формой агрессии. Согласно статистике, более 40% тяжких насильственных преступлений совершается в семьях. Жертвы бытовых конфликтов составляют наиболее многочисленную группу среди погибших и пострадавших от преступлений. Согласно изучению материалов уголовных дел, 14,3% насильственных преступлений в семье были совершены с особой жестокостью, более 8% — с применением издевательств, и 1,5% — с применением пыток. Каждое шестое (16,5%) преступление совершено в отношении лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии.¹

Современное влияние преступности на общество может носить не только опасный, но и непрерывный характер, т.к. новые преступления потребуют новых материальных затрат, повлекут дальнейшее ослабление нравственности, ухудшение психологического состояния населения т.д. Социальные последствия преступности в бытовой сфере находят выражение и в том, что отдельные виды бытовых преступлений способны порождать другие категории правонарушений. Таким образом, бытовые преступления причиняют физический, моральный, материальный ущерб отдельным гражданам, а также влекут социально-экономические и психологические последствия для общества в целом.²

Социальные последствия бытовой преступности — это реальный вред, причиняемый преступностью данного вида общественным отношениям, выражающийся в совокупности причинно связанных с преступным поведением прямых и косвенных, непосредственных и опосредствованных негативных изменений (ущерб, урон, потери, убытки и т. п.), которым, в конечном счете, подвергаются социальные (экономические, нравственные, правовые и др.) ценности, а также совокупность экономических и иных издержек общества, связанных с организацией борьбы с преступностью и социальной профилактикой преступлений.

В настоящее время борьба с бытовым насилием ведется в основном уголовно-правовыми средствами, но их применение не может его предотвратить, обеспечить социальную реабилитацию семьи и ее сохранение. К тому же выявление фактов насилия в семье в целях использования в борьбе с ними уголовно-правовых средств, как уже указывалось, находится на низком уровне. Зависимые члены семьи, опасаясь потери кормильца, скрывают эти факты, неохотно идут на контакт с правоохранительными органами.³

Классическое уголовное право является строго публичной отраслью права: уголовное преследование в классической модели осуществляется независимо от того, желает ли потерпевший привлечения вино-



вного к уголовной ответственности. В последнее время наблюдается отход от данной модели, предполагающий признание более активной роли потерпевшего в уголовном судопроизводстве, а также большую диспозитивность уголовно-правовых отношений. Появляются такие концептуальные альтернативы традиционной репрессивной уголовной политике, как «восстановительное правосудие» и уголовно-правовая медиация (посредничество). Их смысл заключается в смещении акцентов с наказания преступника на восстановление нарушенных преступлением общественных отношений⁴.

Существует мнение, что применение уголовного закона не годится для борьбы с бытовыми преступлениями. Авторы такой позиции предпочитают стратегию примирения и посредничества и содействуют внедрению модели социального благоденствия и терапии, не прибегая к помощи правоохранительной системы.

В качестве аргументов такой позиции приводятся следующие:

- уголовное правосудие делает ставку на наказание, а не на реабилитацию;
- система уголовного правосудия редко предусматривает программы поддержки и лечения, которые способствуют отказу впредь совершать бытовое преступление, поэтому высока вероятность рецидива;
- меры уголовной ответственности, применяемые к лицу, совершившему бытовое преступление, могут повлиять на дальнейшую судьбу не только самого правонарушителя, но и членов его семьи;
- признание насилия в семье преступлением может причинить вред жертве (например, в традиционных обществах и в среде национальных меньшинств, которые предпочитают процедуру посредничества, криминализация может привести к изоляции жертвы в семье и обществе).

Если традиционное карательное правосудие изолирует от общества человека, нарушившего закон, то восстановительное, наоборот, стремится укрепить, восстановить его социальные связи. В центре восстановительного правосудия не абстрактный закон, который был нарушен, а вполне конкретная жертва, которой должен быть возмещен урон. Цель восстановительного правосудия — сделать так, чтобы жертва преступления могла простить преступника. А преступник должен сделать так, чтобы его простило не абстрактное государство, а вполне конкретные люди, которым он принес зло. Восстановительное правосудие дает возможность правонарушителю осознать свою вину перед пострадавшим (а не перед чиновником), самостоятельно (в рамках имеющихся у него возможностей) возместить нанесенный ущерб, изменить свое поведение.

Кроме того, не исключаются и конструктивные

(не приводящие к дезинтеграции) меры общественного воздействия. Примирение полезно и выгодно не только обвиняемой и потерпевшей сторонам, но и обществу в целом, поскольку оно ведет к восстановлению нормальных отношений между людьми, предотвращению эскалации насилия и жестокости; сокращению затрат правосудия; сокращению «тюремного населения», повышению роли общественности в работе с правонарушителями, совершенствованию работы судебной системы. Особенно важно прохождение процедуры примирения и заглаживания ущерба для несовершеннолетних правонарушителей, совершивших преступления в бытовой сфере.⁵

Если в предупреждении бытовых преступлений и минимизации их последствий брать за основу данную стратегию, то правоприменители получают новый способ воздействия на бытовых преступников (в виде возложения персональной ответственности в соответствии с примирительным договором). Данный способ особенно ценен в тех случаях, когда наказание в виде лишения свободы нецелесообразно, а безнаказанность вредна.

Другой подход, напротив, основан на защитной роли закона. Физическое и психическое насилие является преступлением независимо от того, кто является жертвой. Насилие в семье требует к себе такого же серьезного отношения, как и другие насильственные преступления, особенно с учетом их социальных последствий. Сторонники данного подхода приводят свои аргументы:

- уголовное преследование лиц, совершивших насильственные преступления в бытовой сфере, показывает, что общество осуждает поведение правонарушителя, а жертва имеет право на защиту со стороны государства, при этом интересы потерпевшего ценятся больше, чем забота о сохранении семьи;
- страх перед уголовным наказанием в некоторых случаях удерживает отдельных правонарушителей от совершения бытового преступления;
- посредничество не является эффективным методом, поскольку оно преуменьшает опасность насилия (цель метода заключается в том, чтобы восстановить отношения между жертвой и обидчиком и сохранить семью, а посредничество снимает с правонарушителя ответственность за насилие, создавая условия, в которых жертва рассматривается как лицо, разделяющее ответственность за направленное против нее насилие).

Профилактика любых бытовых преступлений, помимо прочего, должна быть направлена на обеспечение неотвратимости наказания за совершенные деяния. Наказание должно удерживать от преступлений не только тех, кто уже понес ответственность и не совершит нового деяния, но и тех, кто склонен к



совершению уголовно наказуемого посягательства.⁶

Преступник должен хорошо усвоить и твердо знать, что риск, на который он идет, столь велик, наказание столь сурово, что он может больше потерять, чем выиграть от совершения преступления. Идея наказания состоит в том, что оно как конкретное выражение неодобрения нарушающего порядок поступка поможет формировать и усиливать правовую дисциплину. В данном случае должны сочетаться индивидуальная профилактика и общая превенция. На наш взгляд, борьба с бытовыми преступлениями, особенно с насильственными, и минимизация их социальных последствий нуждается в специальных подходах, учитывающих характер бытовых отношений между людьми, которые связаны друг с другом в эмоциональном и финансовом смысле.⁷

Современная охранно-защитная концепция профилактики бытовых преступлений и минимизации их последствий предполагает переход от административно-карательных мер к всесторонней медико-психологической, психолого-педагогической и социально-правовой помощи и поддержке семьям и детям группы социального риска. Международный опыт показывает, что реализация превентивных мер и программ имеет определенные общие тенденции и принципы:

- профессионализация воспитательно-профилактической и охранно-защитной деятельности, введение и подготовка специальных кадров социальных работников, социальных педагогов, социальных реабилитаторов, практических психологов, специализирующихся на практической работе по коррекции отклоняющегося поведения в семейно-бытовой сфере;
- создание сети специальных превентивных служб и структур, призванных осуществлять социальную и социально-психологическую помощь семье, детям, юношеству, женщинам, пострадавшим от семейного насилия (психологические службы и консультации, центры доверия, досуговые и реабилитационные центры, социальные приюты для детей и подростков, попавших в критическую ситуацию);
- признание семьи как ведущего института социализации детей и подростков, осуществление специальных мер социально-правовой, социально-педагогической и медико-психологической помощи семье и, в первую очередь, семьям, не справляющимся самостоятельно с задачами воспитания.⁸

логической помощи семье и, в первую очередь, семьям, не справляющимся самостоятельно с задачами воспитания.⁸

В соответствии с этими принципами необходима реорганизация деятельности отечественных социальных институтов, осуществляющих воспитательно-профилактическую работу, которая предполагает, во-первых, существенное сужение сферы деятельности специальных органов ранней профилактики (инспекций и комиссий по делам несовершеннолетних, правоохранительных органов); во-вторых, разработку и внедрение в широкую практику органов образования, здравоохранения реабилитационных программ, а также создание системы служб социальной, социально-психологической и социально-педагогической помощи пострадавшим от бытовых преступлений.

1 Ивасюк О.Н. Роль жертвы в механизме совершения насильственных бытовых преступлений // Российский криминологический взгляд. 2012. № 1(29).

2 Ивасюк О.Н. Преступность в сфере бытовых отношений: социальные последствия и их минимизация: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Московский университет МВД Российской Федерации. - Москва, 2008.

3 См.: Ивасюк О.Н. Профилактика семейного насилия // Государство, право и общество в 21 веке // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. - Липецк, Воронеж, 2009.

4 См.: Иванцов С.В., Калашников И.В. Организованность как криминологическая особенность преступности несовершеннолетних. Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4; Ивасюк О.Н. Семейное насилие в механизме детерминации преступного поведения несовершеннолетних. Российский криминологический взгляд. 2013. № 3(35).

5 См.: Ивасюк О.Н. Криминологические особенности семейно-бытовых преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015, № 7.

6 См.: Ивасюк О.Н. Проблемы профилактики семейно-бытовых преступлений Российский криминологический взгляд. 2015. № 1. С. 352-355.

7 См.: Ивасюк О.Н. Роль органов внутренних дел в предупреждении бытовой преступности и минимизации ее социальных последствий // Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 121-124.

8 См.: Иванцов С.В., Ивасюк О.Н., Калашников И.В. Криминологическая характеристика и предупреждение организованной преступности с участием несовершеннолетних: Учебно-методическое пособие. - Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.



УДК 34
ББК 67

КОНСТИТУЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РФ: АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ И ВОПЛОЩЕНИЯ

МАРИНА ВИКТОРОВНА КОНОПЛЯНИКОВА,

кандидат педагогических наук,

преподаватель кафедры государственных

и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: Konoplyanikova-m@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Раскрывается актуальность дальнейших исследований конституционной концепции прав и свобод человека и гражданина, интерес к ней российского социума, предложен конструкт механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина, выявлена роль гарантий для правореализации конституционных положений о правах и свободах человека и гражданина, рассмотрен вопрос о реальности/фиктивности второй главы Конституции РФ. В заключении делается обоснованный вывод о необходимости дальнейшего продвижения РФ по пути практического воплощения конституционных норм, закрепляющих права и свободы, отмечается потребность в повышении уровня правосознания и правовой культуры граждан России.

Ключевые слова: Конституция, конституционная концепция прав и свобод человека и гражданина, права человека, реальные и фиктивные конституции, гарантии прав и свобод человека и гражданина, механизм обеспечения прав и свобод.

Annotation. The article demonstrated the urgency of further research of the constitutional concept of the rights and freedoms of man and citizen interest in her Russian society, proposed construct a mechanism to ensure the rights and freedoms of man and citizen, revealed the role of guarantees for pravorealizatsii constitutional provisions on the rights and freedoms of man and citizen, addressed the issue of real / fictitious nature of the second chapter of the Constitution. In conclusion, a reasonable conclusion is the need for further promotion of the Russian Federation by way of practical implementation of constitutional provisions enshrining the rights and freedoms, there is a need to increase the level of legal awareness and legal culture of the citizens of Russia.

Keywords: Constitution, the constitutional concept of the rights and freedoms of individuals, human rights, real and fictitious constitution guarantees the rights and freedoms of man and citizen, the mechanism for ensuring human rights and freedoms.

Вопросы признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина в России сохранили большую общественную значимость, что актуализирует дальнейшее осмысление данной проблематики. И хотя степень разработанности этой темы в трудах конституционалистов и представителей других юридических наук весьма высока, изменение социально-политического контекста возобновляет необходимость ее дальнейшего изучения.

В отдельные исторические периоды проблема обеспечения прав и свобод человека оставалась для нашего государства второстепенной: напротив, оно старалось подчинить интересы личности, ее права и свободы интересам государства (что соответствующим образом отражалось даже в особенностях их нормативного закрепления: так, в Конституции РСФСР 1937 года раздел о правах и свободах был в числе по-

следних глав — 11 глава). Принятие Съездом народных депутатов СССР 5 сентября 1991 г. Декларации прав и свобод человека [1], а затем документа аналогичного содержания — «Декларации прав и свобод человека и гражданина» Верховным Советом РСФСР [2] 22 ноября 1991 г. и провозглашение в Конституции РФ 1993 года прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью многие сочли ознаменованием нового этапа развития страны. Однако распространенные в это время надежды, в чем-то даже граничащие с правовым идеализмом, о постепенном и поступательном воплощении в РФ лучших мировых стандартов в области охраны и защиты прав человека во многом не оправдались.

Так, тревогу российской общественности в контексте возможного умаления продекларированных основным законом страны конституционных прав



вызвали два законопроекта: Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [3] и Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [4], названных в публицистике «пакетом Яровой», а также принятый в 2015 году Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [5], который дал «Конституционному суду РФ право признавать невозможным исполнение в России решений международных судов, если они нарушают принцип верховенства российской Конституции» [6].

Общественные дискуссии по вопросам закрепления и реального воплощения в жизнь конституционной концепции прав и свобод человека и гражданина не позволяют говорить о том, что данная тема безразлична российскому социуму. Обоснованность этих дискуссий подтверждается рядом исследований: так, профессор Р.Х. Макуев, анализируя степень эмпирического проявления признаков правового государства в современном российском государстве, отмечает, в числе прочих недостатков, недостаточную надежность гарантий обеспечения защиты прав и свобод конкретного человека [7, с.11-12]. Таким образом, несмотря на формальное закрепление концепции прав человека в позитивном праве, она во многом является сугубо теоретической конструкцией, к реальному воплощению которой российские граждане относятся скептически.

По нашему мнению, в настоящее время ситуация с соблюдением прав человека в России далека от тех стандартов, на которые можно было бы рассчитывать, исходя из уровня развития страны.

Среди причин этого положения можно, в первую очередь, указать несовершенный характер целого ряда экономических и политических гарантий прав и свобод человека и гражданина, несмотря на наличие правовых гарантий данного правового института в Основном законе страны. Конституция Российской Федерации, в первой своей главе «Основы конституционного строя» закрепляет, что «...человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и граж-

данина — обязанность государства...» [8]. С этой точки зрения, Конституция нашей страны вполне демократична, поскольку целью функционирования всех государственных и общественных институтов и структур, согласно данному документу, является человек, его права и свободы. Можно было бы вполне согласиться с апологетами основного закона нашей страны, считающими Конституцию РФ легитимной основой государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, построенной на демократических принципах, общеобязательных для всех органов государственной власти, если бы не давние дискуссии в среде ученых-конституционалистов о недостатках конституции, включая её фиктивность.

Так, д.ю.н, проф. Е.А. Лукьянова отмечает: «Чрезвычайно ярким примером фиктивности Конституции является практика реализации закрепленных в ней основных прав и свобод граждан в совокупности с системой их гарантий, широко освещенная в юридической литературе» [9]. Ей вторит Е. Лукашева, полагающая, что самые удачные с теоретической точки зрения положения Конституции можно оценить в свете их практического применения как самые уязвимые [9].

Мы также полагаем, что глава вторая Конституции России, именуемая «Права и свободы человека и гражданина» может считаться удачной теоретической конструкцией как благодаря тому, что в ней оказался закреплен принцип неотчуждаемости прав и их принадлежности каждому от рождения (фактически воплощена концепция естественных прав), а не принцип октроированности (т.е. дарованности) прав человеку и гражданину государством или высшим лицом в нем, так и благодаря тому, что естественной составной частью системы внутригосударственного права признаются общепризнанные принципы и нормы международного права в области прав человека, включая положения «Всеобщей декларации прав человека», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года [10, 16] и других международных документов.

Вместе с тем, считаем, что многие исследователи, говоря об удачности теоретической конструкции, по-видимому, рассматривают этот вопрос с позитивистской позиции, сторонники которой полагают, что существует особая юридическая нормативность, для наличия которой достаточно формулирования некоего правила должного (или возможного — если мы говорим о правах) поведения и существование зафиксированных в НПА способов принудить к исполнению этого предписания. Поэтому, если рассматривать вопрос о фиктивности конституционной концепции с данной позиции, которую можно считать узконормативной,



то можно отметить, что права и свободы человека и гражданина как институт конституционного права в виде нормативно закрепленных предписаний, закрепляющих общую и равную для всех меру возможного поведения и свободы, необходимой для удовлетворения потребностей самореализации человека, его существования и развития, — сформулированы, они должны реализовываться, и нарушения этих норм должны влечь юридическую ответственность, поэтому вполне могут считаться реальными, и с узконормативной точки зрения говорить о фиктивности Конституции и ее положений о правах и свободах нельзя.

Однако, говоря о реальности (а не фиктивности) прав и свобод человека и гражданина, следует помнить о тех факторах, условиях и средствах, которые делают эти права и свободы действенными, то есть как раз и обеспечивают реальность их существования, т.е. о совокупности общих и специальных гарантий прав. По верному замечанию Л.Д. Воеводина, понятием «гарантии» охватывается вся совокупность объективных и субъективных факторов, которые направлены на реализацию и защиту прав и свобод, на устранение возможных причин и препятствий их неполного или ненадлежащего осуществления и защиту прав от нарушений [11, с. 37]. Во многом из-за неудовлетворительно состояния идеологических (духовных), экономических (материальных) и ряда иных гарантий этого мы можем говорить о декларативном характере прописанных в Конституции прав, что приводит к проблемам с правореализацией института прав человека, несмотря на прописанные в Конституции РФ юридические (правовые) гарантии.

Не будучи утопистами, мы, безусловно, осознаем, что, создав даже систему общих и специальных гарантий, просто ожидать, когда они себя проявят автоматически, было бы наивно. Жизненные реалии хорошо описаны В.Н. Карташовым, который указывал, что «диалектика развития правовой системы предполагает одновременное функционирование в любом обществе не только юридических ценностей, составляющих его (общества) правовую культуру, но и существование определенных негативных юридических процессов и состояний (неправды, пробелов в праве, юридического нигилизма, противоправного поведения и других юридических патологий)» [12, с. 101]. Солидаризуясь с позицией данного ученого применительно к правам человека, мы можем отметить, что любой стране мира недостаточно заявить о правовом характере своего государства и закрепить в Основном законе страны совокупность личных, политических, социально-экономических и других прав человека и гражданина и их правовых гарантий. Конституционное провозглашение прав и свобод высшей

ценностью в реальной жизни еще не означает их эффективного осуществления: требуется действенный, реально функционирующий механизм их реализации, обеспечения охраны и защиты с позиций гарантий прав личности. Происходящие преобразования в нашем государстве и обществе, связанные с идеями демократизации общества, личной свободы, повышения степени защищенности прав личности должны повлечь за собой создание эффективно функционирующего механизма по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Государство должно создать механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина, включая систему охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, а также механизм правореализации положений главы второй Конституции РФ. Несмотря на то, что единого понимания упомянутого термина не существует, и разные ученые дают различные семантические трактовки данной дефиниции, мы считаем, что правореализация в социальном устройстве имеет важное значение. В настоящее время права человека и гражданина интенсивно изучаются с самых разных позиций. Однако одной из самых сложных и часто трудноразрешимых во всей проблематике прав человека до сих пор остается проблема их осуществления, т.е. перевода установленных в законодательстве норм-стандартов в реально действующий механизм их применения.

Формулируя определение механизма обеспечения прав и свобод граждан, С.В. Рыбак считает, что это «сложная целостная социальная система, определенным образом организованных правовых средств и действий с целью создания наиболее благоприятных условий для реализации прав и свобод граждан, органически связанная с внешней средой и подразделяющаяся на различные части (элементы), каждая из которых выполняет свои особые задачи по осуществлению общих функций охраны и защиты прав и свобод граждан» [13, с. 14-16].

А.С. Мордовец определяет социально-юридический механизм обеспечения прав человека «как систему международных и национально-государственных средств, правил и процедур, гарантирующих уважение и условия достойного существования личности, соблюдение, охрану и защиту всех ее прав» [14, с. 85]. В структуру данного механизма автор включает: общественные нормы; правомерную деятельность субъектов прав человека и гражданина; гласность; общественное мнение; гарантии (общие, специальные, юридические, организационные); процедуры; ответственность; контроль [14, с. 8].

По всей видимости, справедлива позиция Н.В. Макареико, который обоснованно определяет меха-



низм (в широком смысле) в качестве комплексного и многоуровневого конструкта, где можно выделить институциональный (субъектный), технологический и инструментальный элементы [15]. Данный ученый описывает уровни (элементы этого механизма следующим образом. Институциональный (субъектный) уровень представляет собой систему субъектов (государственных органов и органов местного самоуправления, их должностных лиц, негосударственных субъектов). Технологический уровень составляют различные виды юридической деятельности, осуществляемой субъектами: правотворческой, правоприменительной (лицензионно-разрешительной, удостоверительной, контрольно-надзорной, юрисдикционной), правоинтерпретационной, правосистематизирующей деятельности. Инструментальный уровень представляет собой набор правовых средств, применяемых субъектами в процессе различных видов юридической деятельности в процессе государственно-правового воздействия, где соединены субъектные, технологические и инструментальные подсистемы [15].

Несмотря на то, что Н.В. Макарейко исследовал вопрос о механизме применительно к другой теме, полагаем, что применение предложенного им конструкта вполне допустимо и в вопросе создания механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Однако, как нам видится, даже идеально отлаженный механизм вряд ли будет эффективно функционировать без высокоразвитого политического и правового сознания российского социума.

Только надлежащие правовые взгляды и убеждения, установки, мотивы и цели поведения самого человека могут сделать этот механизм реально функционирующим, без должных представлений о праве и политике и о тех образцах правомерного поведения, которым надлежит следовать, мы по-прежнему будем говорить о «механизмах», гарантиях и других правовых явлениях и конструктах в области прав человека, но они не будут воплощены в реальность. У многих практикующих юристов, выработавших свои взгляды под влиянием социологической и исторической школ права, есть концепция, которая представляется весьма спорной и в чем-то неоднозначной: если население не чувствует своих прав, то никакие красивые тексты о правах и свободах не имеют существенного значения [17]. Не будучи полностью согласны с этой концепцией, мы не можем не отметить наличия рационального зерна в таких рассуждениях. Однако мы решительно отвергаем позицию, согласно которой «все эти игры в права и свободы, законы и суды — до поры до времени, до момента новых кардинальных потрясений. Прививка в виде правовой культуры способна

только расшатать российский социальный уклад и социокультура под воздействием чужеродных вирусов либо погибнет (и тексты тоже будут обречены вместе с практикой), либо уклад (социокультура) начнет активно и мощно защищаться из последних сил и начнет резко отторгать не свойственные ей вирусы. А концепция прав и свобод человека, разделения властей... не свойственны господствующей русской социокультуре в том виде и так, как они сформулированы в Конституции. Соответственно, будет приниматься новая Конституция, значительно более соответствующая русской социокультуре» [16]. Напротив, мы полагаем, что никаких принципиальных противоречий с цивилизационной матрицей народов, населяющих территорию нашей страны, во второй главе Конституции РФ не содержится, социум вполне воспитаем при должных целенаправленных усилиях со стороны государства и гражданского общества. Отказываться же от конституционной концепции не стоит, но следует сосредоточить усилия не только в направлении конструирования и оптимального воплощения в жизнь механизма обеспечения прав и свобод (хотя это тоже очень важное направление работы), но, прежде всего, в области повышения уровня правосознания и правовой культуры до профессионального уровня, постепенно изменяя политическую и правовую психологию, непосредственно определяющую поведение людей. Полагаем, что здесь вполне могли бы помочь концептуальные наработки ученых, в том числе и социологов, и юристов-практиков.

В этой связи, как представляется, можно констатировать, что дальнейшее изучение концепции прав и свобод и механизмов ее реализации в нашей стране должно быть продолжено, мы вынуждены говорить о том, что и в настоящее время наша страна значительно отстает от воплощения в жизнь данной концепции на уровне лучших европейских образцов. Вместе с тем, по верной мысли Р.Х. Макуева, надежная защита государством прав и свобод конкретного человека, должна осуществляться не в ущерб конституционным основам национальной безопасности общества [7, с.11-12]. Таким образом, в условиях современных реалий, в период обострения международно-политической обстановки необходимо найти и обеспечить точный баланс между соблюдением прав и свобод РФ, сохранением государственных гарантий защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина и принятием НПА, гарантирующих защиту государственного строя РФ и национальную безопасность, но не умаляющих систему конституционно закрепленных и гарантированных основным законом прав и свобод человека и гражданина. Это весьма непростая задача, поскольку соблазн свертывания системы прав и сво-



бод и её гарантий, уже сложившейся в нашем государстве, хотя и весьма несовершенной, может оказаться велик. Однако уже пройденный нашим государством путь в области закрепления и практической реализации конституционной концепции прав и свобод человека и гражданина не может рассматриваться как ошибочный и должен стать магистральным направлением развития нашей страны.

Литература

1. Декларация прав и свобод человека // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 37. Ст. 1083.
2. Постановление Верховного Совета РФ от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.
3. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.07.2016
4. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.07.2016
5. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 15.12.2015
6. Вердикты КС РФ получили приоритет над решениями ЕСПЧ [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/12/15/pravo-anons.html> (дата обращения: 14.09.2016)
7. Макуев Р.Х. Теоретический анализ признаков правового государства и перспектив его построения в Российской Федерации // Современное общество и право. 2016. № 3 (24). С. 11-12.
8. Конституция Российской Федерации 1993 года. Ст. 2. // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря.
9. Лукьянова Е.А. Некоторые проблемы Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://cmza.ru/stati/nekotoryie-problemyi-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii.html> (дата обращения: 14.09.2016)
10. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека. М.: Международные отношения, 1989. С. 178.
11. Юридический статус человека и гражданина в России: Учебное пособие / Под ред. Л.Д. Воєводина. М., 1997. С. 37.
12. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учебное пособие: В 2 т. Ярославль, 2006. Т. 2. С. 101.
13. Рыбак С.В. Органы внутренних дел в механизме обеспечения прав и свобод гражданина. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград. 1999. С. 14-16.
14. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. С. 85.
15. Макарейко Н.В. Механизм правового обеспечения экономической безопасности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2008. Выпуск № 1 (8) Научная библиотека КиберЛенинка: [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-pravovogo-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti#ixzz4M1qV21Sj> (дата обращения: 14.09.2016).
16. Иванцов С.В. Источники первичного права Европейского союза // Образование. Наука. Научные кадры. 2014 №3 С.84-87.
17. Фиктивные положения во 2 главе Конституции [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.yurclub.ru/index.php?showtopic=290657> (дата обращения: 14.09.2016).



УДК: 34
ББК: 67

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА ГРАЖДАН НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ, ВЫБОР МЕСТА ПРЕБЫВАНИЯ И ЖИТЕЛЬСТВА И ИХ РАЗВИТИЕ

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА КУЗОВКИНА,

адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
E-mail: zyfn14@yandex.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются сущность и содержание права каждого на свободу передвижения, выбор места пребывания и их развитие в современной России. Подробно анализируя российское законодательство, автор обозначает наиболее актуальные вопросы, существующие в системе правового института исследования права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства.

Ключевые слова: конституционное право, право, свобода, передвижение, место пребывания и жительства

Annotation. The article considers the essence and content of the right of everyone to freedom of movement, choice of place of stay and their development in contemporary Russia. In detail analyzing the Russian legislation, the author identifies the most pressing issues that exist in the system of legal Institute of the study of the right to freedom of movement, choice of place of stay and residence.

Keywords: constitutional law, right, freedom, movement, place of stay and residence

Свобода передвижения, выбора места пребывания и жительства является одним из основных личных прав человека и включено во Всеобщую декларацию прав человека, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. В настоящее время в правовой науке нет единого понимания ни составных элементов права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, а также свободного выезда и беспрепятственного возвращения граждан, ни их классификации.¹ Исходя из этого, рассмотрим основные понятия в области свободы передвижения.

В России право свободно передвигаться и селиться на территории было закреплено Декретом Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР от 24 января 1922 года «О порядке назначения представителей РСФСР за границей», а также ст. 5 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. Однако приведение законодательства России в соответствие с нормами международного права началось с закрепления права свободно передвигаться в пределах территории собственного государства и за его пределами, с Декларации прав и свобод человека

и гражданина от 22 ноября 1991 г. Почему же позднее в конституциях СССР 1924, 1936, 1977 годов не нашла законодательного закрепления свобода передвижения и свобода выбора местожительства? «Это, конечно, никем не выдвигалось на первый план, и на лицо факт отсутствия закрепления права свободы передвижения граждан законодательством. ... Вся система регистрации граждан по месту жительства, чем успешно и занималась существовавшая в стране административная система, заключалась в том, чтобы привязать человека к месту, где он живет и работает».²

С принятием Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства получило юридическое закрепление: «каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию» (ст.27). Встав на путь формиро-



вания демократического правового государства, Российская Федерация осознала важность международно-правовых стандартов прав человека. Прежде всего, было официально декларирован приоритет международных норм-стандартов о правах человека над национальным законодательством.³

Право на свободу передвижения получило статус конституционного, а наряду с этим гражданин впервые получил право выезжать за пределы страны и беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию.

Следует отметить, что сам термин «свобода передвижения» более применим к комплексу или системе прав относительно свободы передвижения в целом, а не отдельного права. Тем более, что в юридической науке не раз предпринимались попытки выработать некую общую объединительную юридическую концепцию, которая бы сводилась либо к объединению прав в области свободы передвижения в одну группу в системе личных прав, либо в одно сложносоставное право.⁴ Так, И.В. Солонченко, исследуемые права объединила в группу прав, обеспечивающих свободу территориального перемещения индивидов⁵, а С.В. Толкачева, раскрывая право на свободу передвижения, отмечает, что оно включает: свободное перемещение внутри страны, выезд из любой страны и въезд в собственную страну.⁶ Из этого выходит, что одно субъективное право включает три субъективных права.

По нашему мнению, более правильной будет точка зрения Н.А. Лимоновой, которая утверждает, что объединяющим может стать термин «свобода передвижения», который бы соединил правовые возможности человека и гражданина свободно передвигаться как в пределах территории собственного государства, так и за его пределами, поскольку только включение в «свободу передвижения» трех субъективных прав дает представление о юридических возможностях человека в этой области.⁷

Свобода передвижения взаимосвязана с свободой личности, которая подразумевает бесспорное притязание человека на суверенность, независимость, право руководствоваться своим сознанием и волей. Свобода личности является концентрированным выражением всех основных прав и свобод человека и гражданина, которые представляют ее конкретизацию применительно к различным отношениям и сферам жизнедеятельности.⁸

В связи с этим необходимо рассмотреть соотношение свободы передвижения и свободы личности.

Прежде всего, свобода — отсутствие каких-нибудь ограничений, стеснений в чем-нибудь.⁹ Передвинуться — подвинувшись, переместиться (сущ. передвижение).¹⁰ Переместиться — подвинувшись,

занять другое место, расположиться в другом месте.¹¹ По нашему мнению, свобода личности — вероятность проявления субъектом личной воли, базирующейся на осознании основных тезисов развития общества, а свобода передвижения — возможность реального волеизъявления лица перемещаться и устанавливать место пребывания или жительства без каких-либо ограничений.

По нашему мнению, исходя из изложенного, свобода передвижения — это юридически закрепленная возможность смены мест пребывания как в пределах территории государства, так и за его пределами.

Исследуя понятие «место пребывания» и «место жительства», необходимо отметить, что место пребывания — местонахождение кого-нибудь [9, С.344], а место жительства — жить, пребывать где-нибудь.¹²

Нельзя обойти вниманием тот факт, что место жительства — это место постоянного пребывания, проживания человека, а место пребывания — это место временного нахождения, временного местожительства, проживания. Данные понятия синхронизируются и с английским переводом: место жительства (place of residence) — местожительство, место пребывания, проживания, а место пребывания (place of temporary residence) — место временного местожительства, пребывания, проживания.

Исходя из анализа юридической литературы, можно сделать вывод о том, что место пребывания — это любое место нахождения человека, что является более широким понятием, чем дается в законе. Если рассматривать место пребывания в более узком смысле, то речь идет о временном местожительстве, а место жительства — место постоянного пребывания, проживания, нахождения.

Существительное «выезд» образовано от глагола выехать — поехав, оставить пределы чего-нибудь, отправиться из одного места в другое.¹³ Поехать — отправиться в путь, направиться куда —нибудь, на чем —нибудь.¹⁴ Из этого следует, что понятие «выезд» означает изменение места пребывания в пределах государства на место пребывания за пределами государства.

Существительное «въезд» образовано от глагола въехать — едуци, попасть, проникнуть внутрь.¹⁵ Беспрепятственный — не связанный ни с какими затруднениями, не встречающий препятствий.¹⁶ Таким образом, если проследить взаимосвязь со свободой передвижения, то въезд — свободное перемещение гражданина на территорию собственного государства.

Исследование термина «въезд» показывает, что имеется ввиду смена места пребывания за пределами территории государства на место пребывания на тер-



ритории этого государства; то есть речь идет о смене мест пребывания не в широком смысле, а конкретно о свободе передвижения.

Реализация права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства зависит от тех гарантий, которые будут определены государством. Гарант (от французского «garant» — порука, поручительство) — в широком смысле поручитель; государство или организация, представляющие гарантию.¹⁷

Под гарантиями понимаются материальные, организационные, духовные и правовые условия и предпосылки, делающие реальностью осуществление основных прав и свобод, исполнение обязанностей человека и гражданина и обеспечивающие их охрану от незаконных ограничений и посягательств.¹⁸

Гарантии права на свободу передвижения есть система установок, закрепленных как на государственном, так и на международном уровне, и обеспечивающих благоприятные условия для реализации возможности свободно передвигаться и выбирать место пребывания и жительства, а также обеспечивающих защиту от незаконных ограничений данного права, где определяющим при классификации следует считать функциональный критерий.

Они, в свою очередь, подразделяются на:

- 1) гарантии реализации;
- 2) гарантии защиты;
- 3) гарантии охраны.¹⁹

Юридические гарантии права на свободу передвижения отражены нормами международного законодательства, Конституции Российской Федерации, федерального законодательства и законодательства субъектов федерации.

В качестве международных документов, регулирующих право на свободу передвижения, можно отнести:

- Всеобщая декларация прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года;
- Международный пакт о гражданских и политических правах, подписанного СССР 18 марта 1968 года;
- Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 28 февраля 1996 года. Протокол № 4. Вступил в силу для России 5 мая 1998 года.
- Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, ратифицирована 4 ноября 1995 года № 163-ФЗ и вступила в силу для России 11 августа 1998 года.

Названные источники права закрепляют соответствующие гарантии прав и свобод человека и гражданина, в том числе и права на свободу передвижения.

Таким образом, данные правовые акты содержат нормы, закрепляющие право на свободу передвижения, выбор места пребывания и места жительства, которые могут быть ограничены лишь в предусмотренных законом случаях, в целях охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения или прав и свобод других граждан и совместимы с другими личными правами и свободами.

Кроме того, следует подчеркнуть, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации в случае расхождения закона и иного нормативного акта с международным договором, международный договор имеет верховенство над отечественным законодательством.

В настоящее время, внутригосударственные механизмы гарантий прав человека запущены лишь благодаря введению в действие Закона от 25 июня 1993 года № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», поскольку ранее провозглашение права на свободу передвижения носило лишь декларативный характер.

Статья 9 данного закона закрепляет непосредственно средства защиты прав граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации.

Защита гражданами своих нарушенных прав может осуществляться несколькими способами:

- в административном порядке (обращение в вышестоящий орган в порядке подчиненности, вышестоящему в порядке подчиненности должностному лицу);
- в порядке надзора (обращение в органы прокуратуры с заявлением, жалобой, ином сообщении о нарушении прав и свобод человека и гражданина);
- в судебном порядке (непосредственно в суд, в рамках конституционного, гражданского и уголовного судопроизводства).

Важную роль гаранта защиты нарушенных прав граждан играют суды. Судебная защита прав и свобод гарантируется частью 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации. Изучение судебной практики показало, что обращения граждан в суд является одним из самых эффективных способов защиты нарушенного права на свободу передвижения и компенсации морального вреда.

Анализ практики Конституционного суда показывает его исключительную роль при установлении противоречий между федеральными законами



и основным законом государства. Результат — нарушающий права граждан закон либо его отдельные положения, утрачивают силу, и не подлежат применению. Подтверждением является множество решений, например, постановление от 4 апреля 1996 года N 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы»; постановление Конституционного суда от 30 июня 2011 года N 13-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобой гражданина А.В. Воробьева и т.д.²⁰

В том случае, если внутренние средства защиты в государстве исчерпаны, в соответствии со статьей 46 Конституции Российской Федерации гражданам предоставляется право обращаться в межгосударственные органы по защите прав человека, в том числе в Европейский суд по правам человека.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время в Российской Федерации, существует многоуровневая система гарантий, где государство призвано выступать гарантом правового положения личности, возглавляющий и защищающий интересы общества всеми законными средствами и способами.

1 Шапиро И.В. Конституционные права граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, выезд за границу и возвращение: теоретический аспект // Конституционное и муниципальное право. 2009. №13. С.11

2 Иванов Л. О. Право на свободу передвижения: Сборник материалов семинара Московской Хельсинкской группы «Права человека» (Москва, июнь 1993 г.) /Под общей редакцией Л. И. Богораз. Вып. 6. М., 1994. С.63

3 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесен-

ных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398. С.20

4 Лимонова Н.А. Теоретико-правовые подходы к пониманию свободы передвижения // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. -№ 3. С.143

5 Солонченко И.В. Конституционно-правовая концепция содержания личных прав и свобод в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С.20

6 Толкачева С.В. Развитие конституционного права на въезд и выезд из Российской Федерации в период становления демократического государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С.25

7 Лимонова Н.А. Теоретико-правовые подходы к пониманию свободы передвижения // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. -№ 3. С.143

8 Арутюнян Г.Г., Баглай М.В. Конституционное право: Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 419.

9 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С.569

10 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С.493

11 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С.497

12 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С.600

13 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С.108

14 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С.536

15 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С.105

16 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С.42

17 Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / Под редакцией М.Ю. Тихомирова.- М., 1998. С.84

18 Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. — 2-е изд., перераб. и доп. — В 2 т. Т.1. — М.: Юристъ, 2006. С.682

19 Нефедова И.И.. Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел: курс лекций / составитель И.И. Нефедова. — Орел: ОрЮИ МВД России, 2006. С.15

20 Электронный ресурс: сайт. Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx>



УДК 34
ББК 67

МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЛИМОНОВ,

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: limonov_alexandr@mail.ru

*Научная специальность 12.00.02 — конституционное право;
конституционный судебный процесс; муниципальное право*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Представлен анализ моделей правового регулирования статуса высшего должностного лица субъекта федерации в зарубежных государствах.

Ключевые слова: должностные лица субъектов федерации, модели правового регулирования статуса должностного лица субъекта федерации.

Annotation. The author of the article analyzes the models of legal regulation of the status of the chief executive officers of the subordinate entities of the Federation in the foreign states.

Keywords: executive officers of the subordinate entities of the Federation, the models of legal regulation of the status of the chief executive officers the subordinate entities of the Federation.

Изучение зарубежного опыта организации взаимодействия органов государственной власти в государствах с федеративной формой государственного устройства представляется необходимым с точки зрения возможности применения наиболее эффективных инструментов этого взаимодействия в российской государственно-правовой практике. Идея федерализма в истории развития государств явилась попыткой поиска оптимальной системы управления территорией государства, способной обеспечить уравнивание и стабильность элементов, данную систему образующих.

Правовое положение высшего должностного лица субъектов федеративного государства, основываясь на конституционно-правовых положениях, безусловно, учитывают исторические, культурные, этнографические, религиозные, а также правовые особенности становления и развития всякого федеративного государства. Ключевым вопросом институционализации главы субъекта (номинальной или реальной) выступает, по справедливому замечанию Р.В. Енгибаряна, распределение компетенции между федерацией и ее субъектами, что в свою очередь определяет баланс власти в территориальном аспекте¹.

При этом субъекты федерации имеют элементы государственности, но не являются государствами,

а лишь государственными образованиями. Данная характеристика обуславливает правовое положение глав (высших должностных лиц, руководителей) субъектов федерации, находя свое воплощение, в том числе в разграничении предметов ведения между федеральным центром и субъектами. Непосредственная реализация данного разграничения в силу специфики каждой федерации в отдельности может быть как кооперативным, дуалистическим, конкурирующим или субсидиарным. Формы участия субъектов федерации, прежде всего, в лице их руководителей могут быть весьма разнообразными: создание особой палаты (представительства) в парламенте (резервирование части мест) при федеральном правительстве, включение должностных лиц в федеральные органы по должности, периодические совещания при главе федерального правительства, совещания главы государства (президента) и глав субъектов. Как справедливо подчеркивает В.Е. Чиркин, тенденция на возрастание участия субъектов федерации в решении общедеревальных задач только возрастает².

В зарубежной практике конституционного строительства выработано несколько моделей правового регулирования статуса высшего должностного лица субъекта федерации.



Так, В. Е. Чиркин выделяет следующие системы организации органов исполнительной власти в субъектах федерации зарубежных стран:

- органом (должностным лицом) исполнительной власти может быть назначенный губернатор (комиссар и др.), являющийся представителем центра (центральной исполнительной власти), исполнительная власть субъекта федерации представлена местным правительством (органом общей компетенции), формируемым парламентом субъекта федерации. В этом случае губернатор фактически не обладает реальной властью и осуществляет ее только в условиях чрезвычайного положения.
- в субъекте федерации может быть лишь свой, избранный его населением или законодательным собранием орган (должностное лицо) исполнительной власти общей компетенции, а федеральная исполнительная власть представлена отраслевыми структурами (отделами, управлениями) тех центральных министерств, которые занимаются вопросами, отнесенными конституцией к предметам ведения федерации и совместного ведения федерации и субъектов³.

Выбор той или иной системы организации органов государственной власти субъектов федерации в различных странах зависит от установленной в их конституциях формы правления.

К первой системе относятся субъекты ряда федераций, организованных по парламентарному типу, которые имеют высшее должностное лицо, являющееся представителем центра и назначаемое на должность главой государства⁴.

В качестве примера можно привести Австралию, Канаду.

В данных федерациях существуют различные варианты процедуры назначения высшего должностного лица субъекта и определения его статуса.

В Австралии, являющейся федеративным государством, состоящим из шести штатов, главой исполнительной власти в штатах формально является монарх, а его представителем является губернатор, который назначается и отстраняется от должности британской Короной по совету премьер-министра Союза. Формально губернатору принадлежит вся исполнительная власть в штате, кроме той, которой наделяются другие должностные лица или учреждения по решению законодательной власти. Губернатор осуществляет свои полномочия только по совету министров, за исключением случаев резервных полномочий Короны⁵. Реально исполнительную власть штатов возглавляют премьер-министры, которые являются лидерами парламентского большинства региональных legislatures, избираются на 3 либо 4 года и самостоятельно формируют свои кабинеты⁶.

В Канаде лейтенант-губернаторы провинций назначаются генерал-губернатором страны по рекомен-

дации премьер-министров провинции и официально осуществляют функции представителей королевы. Премьер-министры провинций, возглавляющие исполнительную власть, являются лидерами парламентского большинства в провинциальных legislatures, избираются на 5 лет и также самостоятельно формируют свои кабинеты⁷.

Вторую систему, которая включает в себя значительно большую по численности группу федераций, представляют те страны, в которых высшее должностное лицо субъекта федерации не назначается, а избирается. В данных государствах возможно два варианта избрания высших должностных лиц (глав исполнительной власти): путем прямых выборов населением субъектов федерации (США, Бразилия, Швейцария, Мексика, Венесуэла, Аргентина и др.) и косвенных выборов законодательными органами субъектов федерации (Австрия, Пакистан, ЮАР и др.).

В субъектах федерации, управляемых по президентской модели, губернатор штата или соответствующее ему должностное лицо с иным наименованием избирается путем прямых выборов и имеет статус, аналогичный статусу Президента в центре⁸.

Избрание губернаторов — высших должностных лиц, возглавляющих систему исполнительной власти штатов, проживающими там гражданами, характерно, в первую очередь, для федераций американского континента. В Аргентине и Бразилии губернаторы непосредственно избираются населением сроком на 4 года, в Венесуэле — на 5 лет, в Мексике — на 6 лет, в США — от 2 до 4 лет, в зависимости от законодательства конкретного штата.

Губернаторы непосредственно руководят всей исполнительно-распорядительной деятельностью органов штатов: издают нормативные распоряжения и акты, следят за исполнением законов, назначают и смещают невыборных чиновников, под их руководством составляют проекты бюджетов штатов, являются главнокомандующими национальной гвардии, пользуются правом помилования; обладают значительными полномочиями в отношении законодательных органов штатов: созывают legislatures на специальные сессии, направляют им послания и доклады о положении дел в штате, наделены правом отлагательного вето на документы, одобренные legislatures⁹.

Федеративное устройство США является одним из краеугольных камней американской государственности и политической системы. Особенность американской федерации состоит в отсутствии корреляции между этническим составом населения территорий (весьма разнообразным) и государственным устройством, предусматривающим единую административно-территориальную единицу штат (включая федеральный округ Колумбия). Конституция обладает высшей юридической силой, имеющей приоритет перед конституционными актами штатов закрепляя важное положение о том, что она и федеральные законы США, являются высшими законами страны, «и



судьи в каждом штате обязываются в к их исполнению, даже если в Конституции и законах какого-либо штата встречаются противоречивые положения» (абз.2 ст. VI Конституции)¹⁰. Система исполнительной власти штатов копирует федеральную систему власти. Как отмечает В.В. Маклаков, данное положение является почти зеркальным отражением рассматриваемой системы, миниатюризацией центральной власти на уровне субъекта¹¹. Все штаты кроме штата Небраска имеют двухпалатные законодательные собрания (легислатуры), а глава исполнительной власти — губернатор, обладает полномочиями весьма схожими с президентскими. Вместе с тем система власти и управления в штатах отличается большим наличием институтов прямой демократии: предусмотрен референдум в 39 штатах, народная законодательная инициатива в 22 штатах, процедура отзыва должностных лиц в 13 штатах.

Бразильская федеративная система основывается на нерасторжимом союзе штатов, муниципий и федерального столичного округа, являющихся самостоятельными в пределах их компетенций. Особенностью данной системы является фактическое уравнивание статуса муниципальных образований (муниципий) с правами штатов, в том числе за счет федеральных интервенций, представляя собой своеобразный механизм сдержек и противовесов на федеративном уровне, призванный укреплять единство и целостность федерации. Как отмечают Е.Н. Хазов, И.Н. Зубов, бразильская модель содержит как элементы кооперативного так и централизованного федерализма¹². Штаты организуются и управляются в соответствии со своими конституциями и законами, принимаемыми в соответствии с федеральной конституцией. Исполнительная власть осуществляется губернатором и вице-губернатором, избираемыми населением на четыре года. Несмотря на собственные конституции, основные положения статуса штата как субъекта регулируется специальным федеральным законом, в том числе касающиеся порядка избрания высших должностных лиц штатов¹³.

В Швейцарии, где федеративная форма политико-территориального устройства включает 23 кантона, три из которых разделены на полукантоны, действуют правительства, члены которых избираются населением. Правительство кантона — Государственный совет, включающий от 5 до 9 членов, избирается народом по мажоритарной системе на 4 года. Председатель Правительства избирается народом в кантоне Ури, Большим советом — в 12 кантонах, и самим Государственным советом — в 8 других. Государственные советы кантонов осуществляют исполнительную власть, подготавливают бюджет, контролируют деятельность коммун, поддерживают официальные отношения с федеральными властями и властями других кантонов¹⁴.

В молодых балканских федерациях Боснии и Герцеговине, Сербии и Черногории президенты респу-

блик в их составе также непосредственно избираются населением. Аналогичная процедура применяется на Коморских островах, где губернатор избирается на 5 лет и самостоятельно назначает кабинет, а также в Эфиопии.

Другая разновидность избирательных механизмов — это «косвенные» выборы, т.е. избрание высших должностных лиц, как правило являющихся и главами исполнительной власти, региональными представительными органами (легислатурами). Такая модель характерна в первую очередь для европейских федераций.

Австрийская модель федеративного устройства и организации системы власти и управления предусматривает несколько иное положение главы земель, являющимся в том числе и представителем федеральной власти, несущим ответственность перед ней¹⁵. Тем не менее, ч.1 ст.15 Федерального конституционного закона Австрии предусматривает общую компетенцию земель: «Если какой-либо вопрос, согласно Федеральной конституции, отнесен определенно к компетенции Федерации в области законодательной или исполнительной деятельности, то он относится к сфере собственной компетенции земель»¹⁶. Высшим должностным лицом земли является губернатор (гауптман) возглавляющий как и в Германии исполнительную власть (правительство), избираемую местным ландтагом. Примечательно, что избранный губернатор принимает присягу непосредственно перед Федеральным президентом. Губернатором земли становится либо лидер наиболее влиятельной политической партии (получивший большинство) при формировании правительства по пропорциональной системе, предусматривающей предоставление мест всем партиям, представленным в ландтаге в зависимости от результатов выборов, либо лидер победившей партии в соответствии с т.н. «Вестминстерской системой» реализуемой в частности в Вене, Форарльберге, Зальцбурге, Тироле. В силу особенностей правового положения, губернатор несет ответственность как перед Федеральным правительством, по вопросам отнесенным к непрямому федеральному правлению, так и возглавляя местное правительство перед ландтагом, имеющим возможность выражения вотума недоверия правительству либо предъявления обвинения в нарушении закона, рассматриваемого Федеральным конституционным законом. Заместители губернатора назначаются правительством из собственного состава, с информированием об этом Федерального канцлера. Заместитель губернатора в случае отсутствия последнего несет ответственность перед Федеральным правительством по вопросам, относящимся к непрямому федеральному правлению. Специфика статуса и построения исполнительной власти земли проявляется в подчинении исполнительных органов земель соответствующим структурам федерального правительства, являющихся по сути территориальными подразделениями последнего. Относительно



самостоятельным органом исполнительной власти земли является Ведомство правительства земли, возглавляемым директором и оказывающим содействие губернатору по вопросам непрямого федерального правления¹⁷.

Таким образом, в Австрии премьер-министры земель, избираются ландтагами и самостоятельно назначают свои кабинеты. По этому пути пошли и некоторые другие федеративные государства: в Микронезии губернаторы избираются легислатурой, в Пакистане — провинциальной ассамблейей, а в ЮАР — партией парламентского большинства.

Последняя немногочисленная группа федераций формально объединяет иные модели замещения должности руководителя региона. Сюда можно отнести ОАЭ, где посты эмиров передаются по наследству, и Малайзию, где посты султанов в 9 субъектах федерации также являются наследуемыми.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить следующее:

- во-первых, организация власти в субъектах зарубежных федераций строится на различных принципах. Однако выбор той или иной системы организации органов государственной власти субъектов федерации в различных странах зависит от установленной в их конституциях формы правления.
- во-вторых, на сегодняшний день при формировании органов исполнительной власти субъектов зарубежных федераций используются различные избирательные механизмы. Вместе с тем, использование институтов прямой демократии, наблюдается наиболее широко. Назначение губернаторов и премьер-министров субъектов федерации главой государства осуществляется, однако, при этом всегда автономно функционируют выборные должностные лица, обеспечивающие руководство системой органов исполнительной власти субъектов. В федерациях с назначаемыми главой государства губернаторами штатов (провинций) полномочия государственного управления в субъектах федерации (провинциях) принадлежат по большей части избираемым региональными легислатурами премьер-министрам.
- в-третьих, зарубежный опыт закрепления и функционирования института главы, высшего должностного лица субъекта несмотря на безусловные характерные особенности, присущие государственному устройству зарубежных федераций, свидетельствует о чрезвычайно важном и отчетливо прояв-

ляющимся аспекте организации власти и управления на местах — взаимоотношения с главой государства, центральной властью, трактуемой в широком смысле слова. Анализ конституционных положений показывает о наличии прочной (в ряде случаев жесткой) структуре властеотношений, где глава субъекта выступает преимущественно в качестве представителя центральной (федеральной) власти, объекта управленческих отношений.

1 См.: Енгибарян Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. – М.: Норма, 2007 – С. 280.

2 См.: Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010 – С. 187-188.

3 Чиркин В.Е. Государствоведение: Учебник. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Юристъ, 2000 г. С. 295

4 Страшун Б.А. Конституционное право зарубежных стран, т. 1-2, часть общая, М., 1997. С.720

5 Виноградов В.А. Основы конституционного строя Австралии // Журнал российского права, №11, ноябрь 2004 г.

6 Сравнительное конституционное право // Отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Междунар. отношения, 2002 г. С.92.

7 Сравнительное конституционное право // Отв. ред. В.Е. Чиркин. - М.: Междунар. отношения. 2002 г. С. 117

8 Страшун Б.А.. Конституционное право зарубежных стран, т. 1-2, часть общая, М., 1997 г. С.721.

9 Маклаков В.В. Иностранное конституционное право. - М.: Юристъ, 1999 г. С.35

10 См.: Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, США, Япония, Индия: учебное пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2006 – С. 363.

11 См.: Маклаков В.В. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть: учебник для студентов юридических вузов и факультетов. – М.: Волтерс Клувер, 2006 – С. 828.

12 См.: Конституционное право зарубежных стран: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. Е.Н. Хазова, И.Н.Зубова – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013 – С. 387.

13 См.: Конституционное право зарубежных стран: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под ред. Е.Н. Хазова, И.Н.Зубова – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013 – С. 390.

14 Там же. С. 245

15 Примечательным является то, что в 1994 году Бельгия являясь унитарным государством, объявила себя федерацией, создав в виде субъектов три сообщества и три региона, что нашло закрепление в Конституции. См.: Златопольский Д.Л. Государственное право зарубежных стран: Восточной Европы и Азии. Учебник. – М.: Зерцало, 1999 – С. 181.

16 См.: Конституции государств Европы: В 3 т. Т.1. – С. 37.

17 См.: Лексин И.В. Государственное устройство федераций в составе Европейского Союза: учебное пособие. – М.: ИД Форум, ИНФРА-М, 2014. – С.234-235.



УДК 34
ББК 67

ПРИМЕНЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА НАЗИМОВА,

адъюнкт 3-го года обучения

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: elena88821274@yandex.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассматриваются альтернативные способы урегулирования споров. Основное внимание уделено процедуре медиации и возможности ее применения в правоотношениях с участием органов внутренних дел.

Ключевые слова: спор, медиация, альтернатива, претензия, мировое соглашение.

Annotation. The article discusses the alternative ways of resolving disputes. The focus is the mediation procedure and its applicability in legal relations with the participation of the internal Affairs bodies.

Keywords: dispute, mediation, alternative, claim, settlement agreement.

Досудебное урегулирование конфликтов для современной России, основанной на демократических принципах, является прогрессирующим институтом дружеского разрешения споров и возможности привитие участникам гражданских правоотношений менталитета сотрудничества в обществе. В современной российской правовой системе достаточное количество досудебных процедур будь то мировое соглашение, либо процедура медиации, либо предъявление претензии. В целом Россия не оставалась в стороне от общемировых тенденций в этой сфере, тем более что испокон веков традиционно широко применялись такие формы разрешения споров, как третейское разбирательство, с XIX века - мировые суды, в XX веке — такие подходы как претензионный порядок, разного рода примирительные и согласительные комиссии¹.

Регулирование порядка реализации процедуры медиации осуществляется на основании Федерального закона № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации), но не смотря на это данная процедура не нашла широкого применения. Как отмечает А. Лаврухина в своей статье это вызвано не столько поверхностным регулированием, сколько уровнем правосознания и практики

разрешения споров². Н. Колоколов отмечает низкий уровень востребованности примирительных процедур в различных факторах, таких как организационные, экономические, субъективные или психологические³. Однако, по нашему мнению не только в этом дело, если внимательно изучить Закон о медиации, то необходимо обратить внимание на предмет регулирования данного закона. Так, в основном процедура медиации распространяется на споры, возникающие из предпринимательской и экономической деятельности, а также споры из трудовых и семейных правоотношений. Такой очерченный круг сферы действия процедуры медиации также может служить редким применением данного института.

Альтернативные процедуры урегулирования споров являются одним из способов разгрузки судебной системы, но не только в этом дело. В случае более пристального внимания к данному институту со стороны участников гражданских правоотношений, существует возможность наибольшего его распространения и придания ему юридической значимости.

Гражданско-процессуальный кодекс РФ закрепляет мировое соглашение, как один из способов урегулирования конфликта, но данный способ может быть применен не только на досудебной стадии, но и



в ходе судебного разбирательства.

Еще одним способом урегулирования конфликта до суда можно отметить претензионный порядок, конечно в некоторых случаях, установленных в законе, этот порядок является обязательным, особенно в арбитражном процессе, однако применение его в случаях возникновения конфликта, касающегося причинения вреда, применение такого института придется как нельзя кстати. В большинстве случаев обоснованные требования могут помочь избежать дальнейших судебных разбирательств. Это экономит как время, так и финансы, которые могли бы пойти на предстоящие судебные расходы. Кроме того, наличие претензии суд учитывает в качестве того, что были попытки урегулировать спор мирным путем, но они не привели к желаемому результату. Часто это может быть дополнительным доказательством в пользу позиции истца⁴.

Примирительные процедуры тесно связаны с привлечением к ответственности виновного лица. Учитывая, что органы внутренних дел и их должностные лица достаточно часто являются субъектами в данных правоотношениях, примирительные процедуры на досудебной стадии в данном случае, по нашему мнению, необходимы. Ц.А. Кабанова предлагает применение процедуры медиации для урегулирования служебных споров в органах внутренних дел. По ее мнению «В условиях, когда предпринимаются усилия по совершенствованию деятельности органов внутренних дел и есть регулируемая законодательством процедура медиации, способная помочь не только урегулировать служебный спор, но и выявить системные проблемы ведомства, не нанося ущерба ни его репутации, ни репутации самих сотрудников независимо от их чина и ранга, применение медиации должно быть включено в арсенал возможных способов реагирования на подобный конфликт»⁵. В соответствии со статьей 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о службе в ОВД) служебным спором признаются неурегулированные разногласия по вопросам, касающимся применения федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации в сфере внутренних дел и контракта, между руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем и сотрудником органов внутренних дел или гражданином, поступающим на службу в органы внутренних дел либо ранее состо-

явшим на службе в органах внутренних дел, а также между прямым руководителем (начальником) или непосредственным руководителем (начальником) и сотрудником. По своей сути это такой же трудовой конфликт, который закреплен как предмет регулирования Законом медиации, возникающий между сотрудником или гражданином, поступающим на службу, и руководителем. Конечно, урегулирование таких споров в полной мере регулируется Законом о медиации, но возможно, для независимого и беспристрастного разрешения конфликта, необходимость в ведении процедуры медиации для решения таких споров существует.

Но внутриорганизационные конфликт, по сравнению со спорами, возникающими между гражданами и сотрудниками, в ходе исполнения ими своих служебных обязанностей, не такое частое явление. В соответствии со статьей 1070 ГК РФ вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда, возмещается независимо от вины должностных лиц этих органов. В основном возмещение вреда осуществляется по средствам подачи иска в суд. Но в связи с загруженностью судов и длительностью рассмотрения данного вида дел, возможно применение процедуры медиации, но для этого необходимо данную процедуру, так как участвуют специальные субъекты, предусмотреть в Законе о медиации, либо определить это в ведомственных приказах.

По нашему мнению, в случае нарушения прав граждан или юридических лиц действиями органов внутренних дел и их должностными лицами, вследствие чего им был причинен вред, потерпевшая сторона в любом случае стремится любыми способами привлечь к ответственности нарушителя субъективного права и скорее восстановить свое первоначальное материальное положение. Учитывая, что процедура медиации в настоящее время достаточно редко применяется для урегулирования конфликтов, то внедрение его в решение споров с участием органов внутренних дел, которых не мало, станет отправной точкой для применения института медиации в современном обществе.

В соответствии со ст. 62 Кодекса административного судопроизводства бремя доказывания по делам об оспаривании незаконных действий (бездействий) государственных органов, организаций и должностных лиц возлагается на соответствующий орган, организацию или должностное лицо, но опять же, это производится в судебном порядке.

Для сокращения сроков рассмотрения споров с участием органов внутренних дел и их должностных



лиц и существует необходимость применения к таким правоотношениям примирительных процедур. Конечно, такая процедура должна решаться в случае причинения незначительно вреда, более сложные дела должны быть объектом рассмотрения в суде. Реализация примирительной процедуры с участием органов внутренних дел должна быть закреплена в законодательстве. По нашему мнению, она должна выглядеть так: в случае нарушения прав граждан или юридических лиц должностными лицами органов внутренних дел и причинения вследствие своих действий имущественного вреда, гражданину или юридическому лицу необходимо обратиться с заявлением к руководителю соответствующего органа или должностного лица. В данном заявлении необходимо описать обстоятельства нарушения права и причинения вреда, указать лиц, совершивших данные действия и указать сумму причиненного ущерба. Данное заявление рассматривается руководителем и специально созданной для этого примирительной комиссией, проводится проверка, в ходе которой устанавливается противоправность действий сотрудников, причинно-следственная связь между действиями и последствиями, а также сумма ущерба. По результатам данной проверки, комиссия выносит решение о признании действий сотрудников незаконными и устанавливает ущерб, подлежащий выплате. Единственное, в данном случае возникает вопрос за чей счет должен быть возмещен ущерб? Так, например, в Китае, согласно «Общим положениям гражданского права Китайской Народной Республики» вред возмещается самим органом власти или его должностным лицом. Что касается Российской Федерации, то в соответствии со статьей 1070 Гражданского кодекса РФ, вред возмещается за

счет соответствующей казны. Но в случае незначительного ущерба и при досудебном урегулировании спора, возможно, предусмотреть в законодательстве, возмещение вреда за счет самого сотрудника, а в случае достаточно высокой суммы возмещения выплату производить за счет соответствующего органа, для чего необходимо предусмотреть соответствующую статью расхода, либо в соответствии со статьей 1069 ГК РФ за счет казны РФ, но данное решение может принять только суд. Поэтому два первых решения в данном случае будут более реальны.

Подводя итог, можно сказать, что досудебное разрешение спора существенно экономит время и финансовые возможности стороны для восстановления нарушенных прав. Конечно, данное решение вопроса имеет и свои недостатки, учитывая менталитет российских граждан, такое решение вопроса может привести к злоупотреблению своими права со стороны должностных лиц, но для этого необходимо предусмотреть меры ответственности, которые могут быть применены в случае нарушения установленных правил.

1 Ц.А. Шамликашвили, Е.В. Кабанова, С.Л. Тюльканова. Альтернативные способы разрешения споров и медиация в современном российском законодательстве // Современное право.-2015.-№5.

2 А. Лаврухина. Изменения в законодательстве о медиации // ЭЖ-Юрист.-2016. № 9

3 Н. Колоколов, Е. Панкратова. Медиация модная, но не популярная // ЭЖ-Юрист.-2016. № 9

4 <http://lawyer-guide.ru/grazhdanskoe-pravo/dosudebnoe-uregulirovanie-spora-v-grazhdanskom-processe.html>

5 Ц.А. Шамликашвили, Е.В. Кабанова, С.Л. Тюльканова. Указ. соч.



УДК 343.4
ББК 67

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 183 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ И НАУЧНОЕ ТОЛКОВАНИЕ

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ПЕТРОЧЕНКОВ,
*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
E-mail: sedm-09-07@yandex.ru*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализируется действующее законодательство, учебная и научная литература рассматриваются признаки, характеризующие объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации. Указывается на несовершенство законодательной конструкции, рассматриваются научные позиции специалистов в области уголовного права, предлагаются пути дальнейшего совершенствования законодательства.

Ключевые слова: банковская тайна, коммерческая тайна, налоговая тайна, статья 183 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Annotation. Based on the analysis of the current legislation, educational material and scientific literature the signs characterizing the objective side of the crime, stipulated by article 183 of the criminal code of the Russian Federation, are considered. The imperfection of the legal construction is pointed out, scientific positions of specialists in the field of criminal law are considered, and ways of further improvement of the legislation are suggested.

Keywords: bank secrecy, commercial secret, tax secrecy, article 183 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, установлена ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1].

Норма данной статьи в зависимости от конструкции объективной стороны содержит два вида преступления:

1. Собираение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну.

2. Незаконные разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе.

В первом случае субъект преступления — обший. Во втором — специальный (лицо, которому сведения доверены или стали известны по службе). Не останавливаясь на вопросе субъекта преступления, обратим внимание на конструкцию объективной

стороны. В первом случае лицо собирает сведения «путём похищения документов, подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом». Во втором случае сведения доверены или известны по службе, и объективная сторона выражена действиями в форме их разглашения или использования.

Состав преступления, предусмотренного ч. 1, 2 ст. 183 УК РФ — формальный. Преступление окончено с момента совершения указанных в диспозиции статьи действий.

Как уже ранее указывалось, соби́рание сведений (ч. 1 ст. 183 УК РФ) должно быть осуществлено незаконными способами. Законные способы не образуют состава указанного преступления. К ним относится перечень любых, не ограниченных законом действий. По мнению А.В. Бриллиантова, информация считается собранной законно: 1) если она разглашена её владельцем; 2) к которой есть свободный доступ; 3) получена лицом при осуществлении исследований или систематических наблюдений; 4) получена от её



обладателя на основании договора или другом законном основании [2, с. 585].

Незаконные способы собирания сведений могут быть различны. Влияют ли они на уголовно-правовую характеристику преступления? Для ответа на данный вопрос разберем указанные в диспозиции статьи способы (похищение документов, подкуп, угрозы), обратимся к учебной и научной литературе.

Способы похищения документа (тайный, открытое изъятие, путём применения насилия либо обмана, злоупотребления доверием) уголовно-правового значения не имеют [3, с. 487].

Принимая во внимание данное обстоятельство, вполне логично сделать вывод о том, что способ похищения не влияет на квалификацию и не требует дополнительной квалификации по норме, предусматривающей ответственность за хищение.

Подкуп — это возмездная сделка, в результате которой лицо незаконно передает информацию, которую обязано хранить в тайне. Поэтому подкупом не является получение сведений у собственника информационного массива, составляющего тайну, за вознаграждение [3, с. 487].

Подкуп, осуществляемый в отношении должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, квалифицируются по совокупности со ст. 291 УК РФ и соответственно ст. 204 УК РФ [2, с. 585].

Таким образом, подкуп как способ совершения преступления может влиять на квалификацию преступления по совокупности с указанными составами.

Что касается угрозы как способа совершения преступления, то УК РФ, а следовательно и его толкование, изложенное в учебной литературе, как правило, не конкретизирует виды угроз, считая, что они не влияют на квалификацию преступления.

Так, в учебном пособии под редакцией М.П. Журавлева и С.И. Никулина изложена следующая позиция: «Угроза как способ совершения преступления включает угрозу убить, причинить вред здоровью, имуществу, чести и достоинству, другим законным правам и свободам личности, а также причинить иной вред» [3, с. 487].

С мнением можно согласиться только частично. Представляется, что угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью не охватывается составом рассматриваемого преступления и потому требует дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ.

Иные незаконные способы собирания сведений могут заключаться в фотографировании, копировании документов или компьютерных программ, содержащих охраняемую законом тайну [3, с. 487].

Безусловно, это лишь неполный перечень «иных

незаконных способов», к которым следует отнести технические способы посягательства. Например, получение искомых сведений при помощи специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, или с использованием неправомерного доступа к компьютерной информации. В указанных случаях способ получения сведений будет влиять на квалификацию преступления. В случае незаконного получения сведений путём неправомерного доступа к компьютерной информации, действия виновного необходимо квалифицировать по совокупности ст. ст. 183 и 272 УК РФ. В случае использования для получения указанных сведений специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации также необходимо давать правовую оценку по ст. 138.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконный оборот специальной техники.

Как уже ранее указывалось, ч. 2 рассматриваемой статьи содержит другой состав преступления — незаконное разглашение или использование указанных сведений без согласия их владельца. Незаконное разглашение сведений — это передача или сообщение хотя бы одному лицу (не имеющему законного к ним доступа) сведений, составляющих коммерческую, банковскую или налоговую тайну, в любой возможной форме (устной, письменной, в том числе с использованием технических средств). Например, операционист кредитной организации рассказывает знакомому предпринимателю, сколько денежных средств находится на счетах банка у его конкурента [2, с. 585].

Что касается ответственности за незаконное использование, то под ним обычно понимается «их применение в любой форме и сфере (предпринимательская, бытовая). Например, использование такой информации при совершении сделок, регистрации коммерческих организаций и с их финансово-хозяйственной деятельностью» [2, с. 585].

В данном случае форма разглашения или использования сведений действительно может быть любой и не влияет на квалификацию преступления.

Квалифицирующими признаками преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, являются совершение преступления из корыстной заинтересованности, причинение крупного ущерба (ч. 3 ст. 183 УК РФ) или тяжких последствий (ч. 4 ст. 183 УК РФ). Составы указанных преступлений по конструкции материальные. Преступление считается оконченным с момента наступления общественно опасных последствий.

При этом, если «тяжкие последствия» однозначно отнесены законодателем к ч.ч. 2 или 3 ст. 183 УК РФ, то применительно к «крупному ущербу» и «ко-



рыстной заинтересованности» в ч. 3 применена формулировка «те же деяния, причинившие...», что не позволяет сделать однозначный вывод об отнесении данного квалифицирующего признака к ч.ч. 1 и 2 или только к ч. 2. Такая формулировка создает почву для вынужденной научной дискуссии.

По этой проблеме Б.В. Волженкин справедливо отметил, что «такой конструкцией законодатель загадал правоприменителю совсем ненужную загадку: относятся ли слова «те же деяния» к деяниям, описанным в ч. 1 и в ч. 2 этой статьи или только в ч. 2?» [4, с. 476].

Постараемся разобраться в данном вопросе. С одной стороны трудно представить, что собрание сведений само по себе, без их дальнейшего разглашения или использования может причинить какой-либо ущерб. Вместе с тем, указанное действие может привести к их дальнейшему разглашению или использованию с последующим причинением крупного ущерба. Кроме того, собрание сведений может быть совершено из корыстной заинтересованности. Возможно, нет смысла использовать ограничительное толкование закона, если УК РФ не соотносит напрямую ч. 3 исключительно с ч. 2 ст. 183 УК РФ? Тогда признаки, указанные в ч.ч. 3, 4 могут являться квалифицирующими как для преступления, предусмотренного как ч. 1, так и ч. 2 УК РФ. С другой стороны, законодатель не указал и другое: отношение квалифицирующих признаков к обеим частям статьи, как например это сделано в ст. 209 или 210 УК РФ, где норма статьи содержит два отдельных состава, а квалифицирующие признаки прямо отнесены как к ч. 1, так и к ч. 2.

В научном мире по данному вопросу также нет определенности.

Большинство авторов учебной и научной литературы, комментариев к УК РФ считают, что ч. 3 относится только к преступлению, предусмотренному ч. 2 указанной статьи [2, 5, 6, 7, 8].

Часть авторов не связывают ч. 3 с какой-либо определенной частью статьи, обходя этот вопрос вниманием [9, 10].

Другие авторы полагают, что ч. 3 применима, как к ч. 1, так и к ч. 2 ст. 183 УК РФ [11, 12].

Сложившаяся ситуация привела к тому, что и в правоприменительной практике нет единства по данному вопросу. Некоторые суды признают лицо виновным за незаконное собрание сведений, совершенное из корыстной заинтересованности [13]. Другие — не применяют корыстную заинтересованность в качестве квалифицирующего признака и в аналогичной ситуации применяют ч. 1 ст. 183 УК РФ [14].

Пытаясь разрешить данное противоречие, рас-

смотрим первоначальную редакцию статьи. Она состояла из двух частей. Часть первая предусматривала ответственность за собрание сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну в целях разглашения либо незаконного использования этих сведений. Часть вторая криминализовала незаконные разглашение или использование указанных сведений без согласия их владельца, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности и причинившие крупный ущерб [15]. Таким образом, оба квалифицирующих признака, предусмотренных ч. 3 современной редакции ст. 183 УК РФ изначально законодателем были отнесены только к разглашению и использованию. Но означает ли их выделение в отдельную часть принадлежность только к ч. 2 или имеет место юридическая неточность?

Однозначного и единственно правильного ответа на этот вопрос, пожалуй, не существует. Считаю правильным придерживаться мнения большинства специалистов, учитывая при этом историческую принадлежность квалифицирующих признаков, указанных в ч. 3 ст. 183 УК РФ, исключительно к незаконным разглашению и использованию сведений, составляющих банковскую, налоговую или коммерческую тайну. То есть соотносить корыстную заинтересованность и крупный ущерб исключительно с ч. 2 ст. 183 УК РФ. Кроме того, с позиции правоприменителя всегда лучше придерживаться правила, согласно которому лучше не наказать виновного, чем привлечь к ответственности невиновного. Это является ещё одним доводом в пользу применения ч. 3 в качестве квалифицирующего признака только ч. 2 ст. 183 УК РФ.

Помимо указанной проблемы достаточно противоречива позиция законодателя по вопросу субъекта преступления, где для ч. 1 указан общий субъект, а для ч. 2 — специальный. В случае совершения преступления в результате совокупности действий по сборанию и использованию (разглашению) лицо, не являющееся специальным субъектом, несет ответственность только за собрание, но не за использование или разглашение. Кроме того, если сбор сведений совершило одно лицо, а разглашение или использование — другое, также не являющееся специальным субъектом, то ответственность несет только лицо, собиравшее сведения.

Недостатки действующей законодательной конструкции очевидны. Их необходимо устранить на законодательном уровне. Для разрешения указанных противоречий предлагаю в ч. 1 ст. 183 УК РФ указать расширенный перечень запрещенных действий: «незаконные собрание, разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, без согласия их владельца».



А во второй части указать: «Те же действия, совершенные лицом, которому эти сведения были доверены или стали известны по службе или работе или с использованием служебного положения». В этом случае ч. 2 являлась бы не отдельным составом, а квалифицирующим признаком преступления. Особо квалифицирующие признаки, указанные в ч.ч. 3,4 ст. 183 УК РФ, безусловно, относились бы к единому составу преступления. На практике это бы привело к единому правоприменению и исключило ненужные дискуссии.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954 (с послед. изм. и доп.).
2. Уголовное право России. Части общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016. — 1184 с.
3. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под общ. ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. — 3 изд., перераб. и доп. — М., 2014. — 784 с.
4. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. — 765 с.
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М.П. Журавлев [и др.]; под ред. А.И. Рарога. — 8-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2014. — 784 с.
6. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / С.А. Боженков, Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова [и др.]; отв. ред. А.И. Рарог. — 10-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2014. — 960 с.
7. Артемов В.В. Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, в уголовном праве России: дис. ...канд. юр. наук: 12.00.08. — М., 2011. — 206 с.
8. Иванченко Р.Б. Уголовно-правовая защита коммерческой, налоговой или банковской тайн: дис. ...канд. юр. наук: 12.00.08. — М., 2003. — 254 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков [и др.]. — 6 изд. перераб. и доп. — М.: Проспект, 2015. — 592 с.
10. Уголовное право Российской Федерации / С.В. Алексеев. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 413 [1] с.
11. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров / В.Б. Боровиков, А.А. Смердов; под ред. В.Б. Боровикова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2014. — 717 с.
12. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. — М.: Издательство Юрайт, 2014. — 857 с.
13. Архив Октябрьского районного суда г. Кирова. Приговор от 14.01.2011. Дело № 1-315. URL: [http:// RosPravosudie.com](http://RosPravosudie.com) (дата обращения 29.08.2016).
14. Архив Советского районного суда г. Липецка. Постановление по делу № 1-158/12. URL: <http:// RosPravosudie.com> (дата обращения 29.08.2016).
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ, первая редакция, исходный текст документа (без изменений и дополнений). URL: <http://pravo.levonevsky.org> (дата обращения 23.08.2016).



УДК 343
ББК 67

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

А.В. СТАРОВЕРОВ,

МГУ им. М.В. Ломоносова

*Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право*

*Научный руководитель: доктор юридических наук,
профессор А.В. Серебrenникова*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены различные мнения ученых в сфере уголовного права и криминологии относительно понятия «организованная преступность». На основе проведенного обзора и анализа мнений автор делает выводы и предлагает свою позицию по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: организованная преступность, преступное сообщество, криминология, уголовное право.

Annotation. In this article we explore various opinions and points of view of several authors in the sphere of criminal law and criminology on the concept of organized crime. Basing on the opinion review and the analysis being made in this article the author gives conclusions and his own position on the issue.

Keywords: organized crime, criminal community, criminal association, criminology, criminal law.

Разработка оптимального понятия организованной преступности, безусловно, имеет существенное значение как для теории права так и для практики правоприменения. Его (понятия) наличие позволит активизировать способы и механизмы борьбы и противодействия этому негативному явлению. Надо отметить, что за последние десятилетия было предпринято множество попыток дефинировать и раскрыть содержание понятия «организованная преступность».

В юридической науке можно усмотреть несоответствие криминологического и правового определений организованной преступности. Криминологическое — раскрывает социальную сущность и особенности этого явления как особой формы преступности, а правовое — закрепляет достаточно формальные признаки, которые должны быть зафиксированы правоохранительными органами. Помимо этого, отличительными чертами правового понятия являются большая формализованность, краткость, акцентированность на правовых аспектах¹.

При этом нельзя не отметить имеющееся сегодня у ряда авторов мнение о том, что лишь в криминологическом смысле возможно дать точную дефиницию организованной преступности.

Несмотря на то, что понятие «организованная

преступность» долгое время в отечественной криминологии не использовалось, в реальной жизни отдельные ее (организованной преступности) признаки имели место.

Достаточно массовый характер организованная преступность в нашем государстве приобрела в 70-е годы XX века, когда широкое распространение получили корыстно-хозяйственные преступления, выражавшиеся в подкупе работников партийных и хозяйственных аппаратов, а также сотрудников силовых ведомств².

Де-юре наличие организованной преступности в СССР не признавали, однако де-факто она существовала уже более двадцати лет и к концу 80-х гг. прошлого столетия приобрела масштабы, о которых официальные власти уже не могли не говорить.

В юридической литературе на рубеже 80-х — 90-х гг. прошлого столетия понятие «организованная преступность» используется в различных аспектах и может обозначать социальное явление, преступное сообщество, систему связей и отношений, определенную форму деятельности и др.

Так, можно выделить позицию А.С. Емельянова, который отмечает глубокую интегрированность организованной преступности в общественный быт и



отношения, что, в свою очередь, детерминирует отнюдь не локальный ее характер, но выходящий далеко за пределы одного региона, если говорить об уровне и масштабе выстраиваемых криминальных связей и отношений².

Похожего мнения придерживается Ю.М. Антонян, утверждая, что организованная преступность всегда предполагает вовлеченность различных социальных групп и страт. Отсюда неизбежно следует рост коррупционной составляющей, а также непрерывное наращивание и оборот преступного капитала⁴.

В свою очередь, В.В. Лунеев также полагает, что организованная преступность в своей основе есть результат социальной деятельности, конечной целью которой является извлечение прибыли, доходов, а также различных выгод материального характера. При этом такая деятельность неизбежно сопряжена с совершением преступлений и правонарушений⁵.

На основании представленных позиций ученых можно сделать вывод о том, что в конце эпохи существования Союза ССР отечественная уголовно-правовая доктрина рассматривала организованную преступность как «союзническую» преступную деятельность криминальных структур, направленную в основном на получение материальных благ⁶.

Стоит отметить, что в настоящее время законодательство не содержит легальной дефиниции понятия «организованная преступность», устанавливая при этом ответственность за различные ее проявления. Подобный подход законодателя вполне объясним, поскольку организованная преступность как явление достаточно изменчиво в зависимости от эпохи, политической и социально-экономической обстановки в государстве и может обладать различными особенностями и характеристиками. Такие метаморфозы весьма затрудняют разработку единой, универсальной дефиниции организованной преступности.

В этой связи в современной отечественной доктрине уголовного права имеются различные подходы к пониманию рассматриваемого понятия.

К примеру, В.В. Агильдин, исследуя понятие организованной преступности, наделяет ее следующими признаками:

- способность к самосохранению;
- сплоченность (на основе тайности) преступной организации (группы) или нескольких подобных организаций;
- извлечение прибыли от незаконной предпринимательской деятельности либо от предпринимательской деятельности, соответствующей закону, но сопряженной с совершением преступлений и правонарушений;
- применение насилия или угроза его приме-

нения, целью которых является обеспечение контроля над соответствующим сегментом рынка⁷.

Заслуживает внимания позиция А.И. Гурова, который, характеризуя организованную преступность как негативное социальное явление, отмечает, что для преступных групп и сообществ такая деятельность, по сути, является бизнесом (промыслом) с одной лишь оговоркой, что основывается она на совершении преступлений. При этом в качестве одного из важнейших факторов успешной деятельности рассматривается выстраивание с помощью коррупционных схем надежной защиты от социального контроля⁸. Схожей позиции придерживается Э.Ф. Побегайло, добавляя, в свою очередь, суждение о том, что одни преступные сообщества неизбежно массово порождают другие не менее устойчивые⁹. Соглашаясь с позицией А.И. Гурова и Э.Ф. Побегайло, А.И. Долгова отмечает, что организованная преступность есть высшее проявление криминальной упорядоченности¹⁰.

В свою очередь В.Д. Малков говорит о том, что организованной преступности присущи в первую очередь следующие признаки:

- организованные преступные формирования и их участники;
- совокупность организованных преступлений (как правило, тяжких и особо тяжких), совершенных на определенной территории за определенный период времени¹¹.

Изучив мнения и взгляды различных ученых, автор в большей степени соглашается с позицией А.А. Христюк, которая под организованной преступностью понимает негативное социальное явление, представляющее собой преступную (а в некоторых случаях и не преступную) деятельность для получения, приумножения и легализации преступных доходов, а также совокупность иерархически построенных организованных преступных формирований, использующих для достижения поставленных целей коррупционные связи и обладающих наивысшей степенью латентности в результате функционирования собственной системы нейтрализации всех форм социального контроля¹².

В заключение статьи представляется важным указать на наличие в современной юридической, уголовно-правовой литературе множества мнений и точек зрения относительно понятия организованной преступности, что, несомненно, представляет собой вполне закономерное явление. Объясняется это отчасти тем, что организованная преступность, как и преступность в целом, — сложное социальное явление, связанное с противоречиями в экономических и социально-политических процессах, которые проис-



ходят в обществе.

При этом организованная преступность есть самостоятельное явление, обладающее собственными отличительными закономерностями развития. Ее признаки, особенности и характеристики неизбежно меняются одновременно с происходящими в обществе преобразованиями. Отсюда можно сделать вывод о том, что такие преобразования всегда являются результатом ее взаимодействия с обществом.

Кроме того, по нашему мнению, организованная преступность не является частью экономической преступности. В этой связи представляется важным указать на то, что при определении понятия организованной преступности ее целесообразно рассматривать как широкое негативное социальное явление, которое включает в себя не только преступления в сфере экономики, но и незаконный оборот наркотических и психотропных веществ, оружия, а также вымогательство, торговлю людьми, коррупцию, бандитизм и др.

В определениях организованной преступности, где понятие раскрывается через организованную преступную деятельность, речь идет не о преступлениях, а именно о преступной деятельности. Это так называемый деятельностный подход к понятию организованной преступности. Согласимся с А.А. Христюк в том, что под термином «преступная деятельность» скрывается иное содержание, чем под термином «преступление»¹³.

Современные тенденции развития организованной преступности свидетельствуют о том, что преступные формирования стремятся к созданию легальных структур (коммерческих предприятий, некоммерческих юридических лиц и пр.), которые, в свою очередь, являются прикрытием для осуществления преступной деятельности. Наличие подобной организационной схемы позволяет преступным сообществам вести свою деятельность не только на государственном уровне, но и на международной арене. Так, легально действуя как в экономике, так и правовом поле государства, организованная преступность является практически незаметной для социального контроля.

Таким образом, на наш взгляд, представляется

возможным выделить криминальную и некриминальную части организованной преступности и сделать вывод о том, что последняя по своему объему является более широким понятием, нежели организованная преступная деятельность, поскольку первая, в том числе включает в себя и организованные преступные формирования.

1 См. Христюк А.А. Понятие и признаки организованной преступности. Организованная преступная деятельность. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С.109-112

2 См. Криминология. Учебник для ВУЗов (под ред. Малкова В.Д.) / Юстицинформ. М., 2006. С. 402

3 См. Емельянов А.С. Понятие организованной преступности и проблемы борьбы с ней // Вопросы организованной преступности и борьбы с ней. М., 1993. С.14.

4 См. Антонян Ю.М., Пахомов В.Д. Организованная преступность и борьба с ней // Советское государство и право 1989. №7. С. 65-74

5 См. Лунеев В.В. Организованная преступность в России: осознание, истоки, тенденции // Государство и право, 1996. № 4.

6 Выводы автора на основе краткого обзора позиций ученых о преобладающем мнении в советской уголовно-правовой доктрине конца 80-х годов прошлого столетия, безусловно, не являются экстраполяцией. Схожие позиции относительно понятия и природы организованной преступности можно встретить в работах и исследованиях следующих авторов: Гонтарь И.Я., Овчинский В.С., Пахомов В.Д., Побегайло Э.Ф., Таганцев В.С., Шнайдер Г.И. и др.

7 См. Агильдин В.В. Организованная преступность: понятие, признаки, вопросы, требующие разрешения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. Иркутск. 2013., № 3. С. 50-55

8 См. Гуров А. И. Организованная преступность — не миф, а реальность. М., 1990. С. 19.

9 См. Побегайло Э. Ф. Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с нею. М., 1990. С. 17.

10 См. Криминология. Учебник для ВУЗов (под ред. А.И. Долговой). / Норма. М., 2005. С. 501

11 См. Криминология. Учебник для ВУЗов (под ред. В.Д. Малкова). / Юстицинформ. М., 2006. С. 406

12 См. Христюк А.А. Понятие и признаки организованной преступности. Организованная преступная деятельность. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С.109-112

13 См. там же.



УДК 34
ББК 67

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ БАЗЫ «ОБЛАЧНЫХ» ТЕХНОЛОГИЙ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ

ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА ЩЕРБАЧЕВА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я.Кикотя

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что облачные технологии в законодательстве не определены конкретно, существует множество понятий, используемых сообществом и участниками рынка, определяющих конкретные категории «облаков».

Некоторое регулирование использования облачных схем находит свое отражение, в Федеральном законе «О персональных данных»¹, однако предмет регулирования данного закона все же напрямую к компьютерным программам не относится.

Ключевые слова: программные обеспечения; интеллектуальная собственность; лицензия; облачные услуги; компьютерные программы; правовая охрана.

Annotation. Analysis of the legislation suggests that cloud technologies specifically are not defined in the legislation, there are many terms used by the community and the participants in the market, defining specific categories of clouds.

The author also notes that some cloud management schemes is reflected, in the Federal law “on personal data”[1], but the subject of this Act all the same directly to computer programs.

Keywords: software; intellectual property; license; cloud services; legal protection of computer programs.

«Облака»: Для понимания этой схемы проанализируем такую ситуацию: время от времени организации необходимо использовать специализированную программу с высокой стоимостью лицензионных отчислений, но ее использование требуется не настолько часто, чтобы ее приобретение оказалось экономически выгодным (к примеру, отправлять налоговую отчетность, обрабатывать некие данные, получение которых занимает дольше времени, чем обработка, моделировать ситуации на основе результатов исследований и т.п.). Также, используемая программа может быть требовательной к специфичному аппаратному обеспечению или среде исполнения. В этом случае на помощь могут прийти так называемые «облачные» решения (от англ. cloud solutions). Суть этой схемы заключается в том, что для обработки данных пользователя на время предоставляется удаленный доступ к программным ресурсам поставщика облачных услуг, т.е. услуг по обработке данных пользователя на программно-аппаратных средствах лицензиата программы. Как правило, предоставляется

либо конкретное приложение (SaaS — Software as a service — приложение как услуга) или операционная система (PaaS — Platform as a service — платформа как услуга), в любом случае, поставщик таких «облачных» решений (если он не является правообладателем) выступает перед правообладателем конкретной программы в роли лицензиата, приобретая необходимые лицензии. И именно поставщик отвечает за соблюдение условий использования программы, как правило, получая специальные условия, допускающие использование программ «в облаке». Это — не прокат в его классическом понимании, когда на время предоставляется экземпляр программы или оборудование с установленным на нем программным обеспечением, а именно услуга по обработке данных заказчика на средствах исполнителя. Как отмечается А.М. Вилиновым², «пользователю облачных сервисов нет необходимости заботиться о ресурсах своего программного обеспечения и оборудования: облака позволяют запускать программы ... используя мощности и вычислительные ресурсы удаленных машин».



Как правило, оказанием облачных услуг занимается или сам правообладатель программы, либо один из уполномоченных им лицензиатов, дистрибьюторов и других распространителей. Многие из поставщиков облачных услуг отдельно подчеркивают, что не предоставляют получателю услуг доступа к экземплярам используемой программы, следовательно, по их мнению, нет и необходимости в лицензионном договоре между поставщиком и получателем облачных услуг. Вопрос не совсем ясный, чтобы можно было с ним согласиться безоговорочно. Если проводить аналогию, это не прокат автомобиля, чтобы самостоятельно доехать на нем, а наем автомобиля с водителем или курьера для доставки груза. Объем необходимых программ, вычислительные мощности и другие параметры могут варьироваться, и их обеспечение находится в компетенции поставщика услуг, пользователь получает ресурсы «из облака» и может оперативно управлять их объемом.

При этом, получает пользователь все же не программу, а именно услуги, как и в случае с приобретением подписки. Однако используется программа именно по указаниям и в соответствии с потребностями пользователя. Таким образом, природа «облачных» услуг во многом зависит от тех условий, которые формирует сам поставщик таких услуг, но считать этот способ использования «чистым» лицензированием все же не следует.

Таким образом, «облачная» схема выгодна тем пользователям, которым либо необходимо использовать ПО нерегулярно, и его приобретение на постоянной основе нецелесообразно, либо приобретение лицензии невозможно исходя из финансовых причин (статьи бюджета, условия выделения средств и т.д.). Использование облаков позволяет серьезно экономить и на оборудовании, необходимом для функционирования компьютерных программ. Пожалуй, не стоит полагаться на облачные технологии при обработке критичных для деятельности данных и процессов, при отсутствии резервного варианта, способного осуществить дублирующие функции. А. Бережной³ отмечал, что проблемы с правовой базой, которая подлежит применению к отношениям, связанным с облачным использованием программ, а также возможные риски потери данных или доступности таких услуг не позволяют полностью полагаться на добросовестность поставщика облачных услуг, и, по мнению А. Бережного, повлекут развитие нормативно-правовой базы и механизмов контроля за ее соблюдением. При использовании облачной схемы важно и соблюдение законодательных требований к обработке персональных данных и другой информации, требующей особого отношения. Кроме того,

максимально четко должен производиться учет результатов от использования таких услуг, если они представляют собой охраноспособные объекты, с обязательным разграничением с поставщиком услуг прав на получаемые результаты.

Тема «облаков» является очень актуальной и порождает множество дискуссий и вопросов по сей день. Недаром, два доклада на секции «VII Международного форума «Интеллектуальная собственность — XXI век»», посвященной правовой охране компьютерных программ, так или иначе затрагивали облачные вычисления и проблемы, возникающие в связи с их использованием. «Елена Войниканис посвятила выступление новым стратегиям регулирования, используемым государством и бизнесом. Большое влияние на подход к авторскому праву, по ее словам, оказало внедрение облачных технологий. Кроме того, новые технологии приводят к необходимости изменения договорной базы, поскольку пользователи не приобретают непосредственно экземпляр программы, а значит, имеют дело не с товаром, а с услугой, а Александр Савельев отметил, что облачная модель дистрибуции вызывает дискуссии в профессиональном сообществе; эксперт представил вниманию участников секции весь спектр существующих мнений по проблеме Software-as-a-Service. В частности, есть позиция, что это часть лицензионного договора, другие утверждают, что имеет место непоименованный договор. Разногласия накладывают свой отпечаток на структурирование договорных отношений, когда дело касается облачных технологий».

Позднее А.И. Савельев⁴ конкретизировал свою точку зрения на тип договорных отношений, применимых к «облачному типу использования и распространения программы», и высказался за то, что в облаках применяется особый способ использования, названный им «предоставление удаленного доступа к программе посредством сети Интернет», и применение лицензионного договора для регламентации использования программы получателем облачных услуг в таком случае является некорректным⁵.

Исходя из вышеизложенного, сделаем вывод о том, что для использования программ в облачной модели распространения, поставщик услуг все же вправе сам определять тот тип договора или их сочетания, который лучше подходит для конкретной программы, и, как уже упоминалось, четко определять права на охраноспособные результаты, полученные при работе программы⁶.

Учитывая, что облачные технологии в законодательстве не определены конкретно, существует множество понятий, используемых сообществом и участниками рынка, определяющих конкретные категории «облаков». В связи с этим стоит отметить статью И.А.



Нестеровой⁷, посвященную как раз адаптации терминологии, устоявшейся на западном рынке к российским реалиям. Однако, доводы об обязательном законодательном регулировании этой области от того же автора выглядят несколько преждевременным, т.к. описанные в статье проблемы облачных технологий касаются взаимодействия с контрольными и правоохранительными органами, а значит, требуют изменения методологической базы таких органов, а не нового законодательства. При этом, как справедливо отмечает А. Лейба⁸, «существует неопределенность в части юридической квалификации отношений в связи с использованием в РФ «облачных» сервисов, поскольку в действующем законодательстве РФ не учтены их особенности и регулируются преимущественно оффлайновые (традиционные) технологии». Действительно, некоторое регулирование использования облачных схем находит свое отражение, например, в Федеральном законе «О персональных данных»⁹, однако предмет регулирования данного закона все же напрямую к компьютерным программам не относится. При этом, можно рассчитывать на позитивные изменения в данной сфере уже в обозримой перспективе: распоряжением Правительства РФ от 30.12.2013 № 2602-р¹⁰ утвержден план мероприятий «Развитие отрасли информационных технологий», в котором совершенствованию законодательства Российской Федерации (в виде подготовки проектов нормативно-правовых актов) для обеспечения развития облачных вычислений посвящен отдельный пункт, с указанием IV квартала 2105 года как отчетного.

Не утихают различные дискуссии на эту тему и в сети интернет. В качестве примера, фонд свободного программного обеспечения (Free Software foundation, FSF) в лице известного и одиозного активиста Ричарда Столлмана (Richard Stallman) относится к облачным услугам крайне негативно, подвергая сомнению их безопасность и надежность: «В случае услуги вместо программы у пользователя нет даже исполняемого файла программы, которая проводит его вычисления: он находится на чужом сервере, где пользователи его не видят и не осязуют. Таким образом, для них невозможно проверить, чем в действительности занята программа, и невозможно изменить ее»¹¹.

Литература

1. Бережной А. Облачные вычисления: Новое или хорошо забытое старое? // <http://samag.ru/archive/article/1214>
2. Вилинов А.М. Социология управления интеллектуальной собственностью. М.: Изд-во РГИИС, 2006.
3. Звезгинцева Е.А. Интернет как особая сфера регулирования авторских прав на программное обеспечение: нарушения авторских прав

в сети Интернет. М.: МГОУ, 201

4. Козубенко Т.С. Проблемы защиты авторских прав в сети Интернет. Воронеж. ин-та МВД России
5. Лейба А. Интернет и «облачные» технологии в России: правовые проблемы. Хозяйство и право. — № 2. — 2015
6. Мешкова К.М. Коллективное управление исключительными авторскими и смежными правами в сети Интернет в РФ и ЕС. М.: Юрист, 2013.
7. Нестерова И.А. Факты и мифы облачных вычислений. Патенты и лицензии. — № 5. — 2014.
8. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2013 № 2602-р (ред. от 05.12.2014) «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Развитие отрасли информационных технологий» // Российская Бизнес-газета, № 6, 2014.
9. Савельев А.И. Использование материалов интернет-архива Wayback Machine в качестве доказательства в арбитражном процессе. М.: Закон, 2013.
10. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О персональных данных» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2015) // Собрание законодательства РФ, 2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451.

1 Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О персональных данных» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2015) // Собрание законодательства РФ, 2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451.

2 Вилинов А.М. Социология управления интеллектуальной собственностью. М.: Изд-во РГИИС, 2006. - С. 12-51.

3 Бережной А. Облачные вычисления: Новое или хорошо забытое старое? // <http://samag.ru/archive/article/1214> - дата обращения 20.08.2016.

4 Савельев А.И. Использование материалов интернет-архива Wayback Machine в качестве доказательства в арбитражном процессе. М.: Закон, 2013. - С. 81.

5 Мешкова К.М. Коллективное управление исключительными авторскими и смежными правами в сети Интернет в РФ и ЕС. М.: Юрист, 2013. - С. 14.

6 Козубенко Т.С. Проблемы защиты авторских прав в сети Интернет. Воронеж. ин-та МВД России, 2010. - С. 88.

7 Нестерова И.А. Факты и мифы облачных вычислений. Патенты и лицензии. - № 5. - 2014. - С.37-42.

8 Лейба А. Интернет и «облачные» технологии в России: правовые проблемы. Хозяйство и право. - № 2. - 2015. - С. 127.

9 Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О персональных данных» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2015) // Собрание законодательства РФ, 2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451.

10 Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2013 № 2602-р (ред. от 05.12.2014) «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Развитие отрасли информационных технологий» // Российская Бизнес-газета, № 6, 2014.

11 Звезгинцева Е.А. Интернет как особая сфера регулирования авторских прав на программное обеспечение: нарушения авторских прав в сети Интернет. М.: МГОУ, 2011. - С. 204.



УДК 34
ББК 67

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЧЕТА НАЛОГА. КАК ИЗБЕЖАТЬ НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

НОДАРИ ДАРЧОЕВИЧ ЭРИАШВИЛИ,

*профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук
доктор экономических наук, профессор,*

лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники;

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ МИРОНОВ,

*начальник кафедры управления и административно-правовых дисциплин
юридического факультета ВЮИ ФСИН России доктор юридических наук, доцент
E-mail: mironov.ufa@mail.ru;*

А.И. ГРИГОРЬЕВ,

*доцент кафедры публично-правовых дисциплин
факультета права и управления ВЮИ ФСИН России,
кандидат юридических наук*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены проблемы, связанные с зачетом излишне уплаченных налогов. Проанализированы решения Конституционного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также разъяснения финансовых и налоговых органов.

Ключевые слова: НДС, НДФЛ, налоговый агент, налог на прибыль, зачет уплаты налога.

Annotation. This work represents consideration of the problems connected including excessively paid taxes.

Keywords: VAT, PIT, tax agent, income tax, tax discharge offsetting.

За последние несколько лет финансовые органы неоднократно меняли свою позицию по поводу зачета переплаты по федеральным налогам. Дело в том, что в соответствии с п. 14 ст. 78 НК РФ зачет излишне уплаченных федеральных, региональных и местных налогов производится по соответствующим видам налогам. Данное правило распространяется на налоговых агентов. Вроде бы все просто. Однако в мелочах кроется проблема. На практике довольно часто имеют случаи, когда у налогоплательщика (организации) имеется недоимка по НДФЛ, а переплата по другим федеральным налогам (например, НДС или налог на прибыль).

В своем последнем письме Минфин России от 30.08.2016 № 03-07-11/50432 отметил, что в п. 9 ст. 226 НК РФ установлен запрет уплаты налога на доходы физических лиц за счет средств налогового агента, так как при зачете в бюджете окажется сумма, принадлежащая налоговому агенту. Это может быть в том случае, когда налоговый агент, до даты фактического получения физическим лицом дохода, в авансовом порядке перечислил налог.

Исходя из буквального толкования налогового законодательства, при получении дохода в виде оплаты труда датой фактического получения налогоплательщиком такого дохода признается последний день месяца, за который ему был начислен доход за выполнение трудовых обязанностей (п. 2 ст. 223 НК РФ). Соответственно, не имеется оснований для исчисления налога, подлежащего удержанию и перечислению в бюджет до истечения указанного срока.

Этой позиции, финансовые и налоговые органы придерживались и ранее (письма Минфина России от 20.11.2009 № 03-02-07/1-515, от 19.02.2009 № 03-02-07/1-81, от 19.02.2010 № 03-02-07/1-69 от 16.09.2014 № 03-04-06/46268, ФНС России от 29.09.2014 №БС-4-11/19714@, от 05.05.2016 №СА-4-9/8116@). В свое время, Конституционный суд РФ в Определении от 22.01.2014 № 41-О сделал вывод о том, что налоговый агент обязан перечислить налоги в бюджет только за счет тех денежных средств, которые им удержаны из сумм произведенных выплат.

С другой стороны, Минфин России не возражал против проведения зачета. В своих письмах от



21.10.2008 № 03-02-07/1-412, от 02.09.2008 № 03-02-07/1-387, от 25.03.2016 № 03-02-07/1/19163 финансовый орган отметил, что налог на прибыль и НДФЛ относятся к федеральным налогам, поэтому правила, предусмотренные ст. 76 НК РФ, применяются в отношении налогоплательщиков и налоговых агентов. Как же в данном случае необходимо поступить налогоплательщику?

Рассмотрим эту ситуацию несколько иначе. В своем письме ФНС России от 29.09.2014 № БС-4-11/19716@ налоговые органы согласились, что у налогового агента, перечислившего НДФЛ ранее даты выплаты соответствующего дохода за счет собственных средств, отсутствуют нарушения и привлечь его к ответственности по ст. 123 НК РФ нельзя. А раз так, то уплаченную сумму за счет средств налогового агента в данном случае надо признавать налогом. Этот вывод подтверждается и судебной практикой.

Можно констатировать, что у судебных органов сформировалась позиция, а именно: налоговые органы не вправе привлечь к налоговой ответственности по ст. 123 НК РФ, если в бюджет досрочно перечисляется удержанный НДФЛ (постановления Московского округа от 30.04.2014 по делу №А41-29659/13, Дальневосточного округа от 11.12.2013 по делу №А59-983/2013 и др.).

В своем постановлении ВАС РФ от 17.12.2002 № 2257/02 отметил, что на основании п. 8 ст. 45 и п. ст. 24 НК РФ правило о досрочной уплате налога распространяется и на налоговых агентов. Так, в постановлении ФАС Поволжского округа от 29.10.2009 по делу №А12-7239/2009 было отмечено, что налоговый агент становится должником перед бюджетом с момента удержания налога из дохода налогоплательщика и неуплаты его в бюджет в установленные сроки. Как следует из материалов дела, сотрудники налогоплательщика получали заработную плату с учетом удержанного НДФЛ. Соответственно, обязанность по уплате налога была исполнена. Исходя из материалов дела, суд встал на сторону налогоплательщика.

Обширная судебная практика свидетельствует о том, что налоговые агенты имеют право на своевременный зачет сумм излишне уплаченных налогов, а налоговый орган обязан произвести зачет в соответствии со ст. 78 НК РФ (постановления ФАС Северо — Западного округа от 07.06.2012 по делу №А56-55596/2011, Западно — Сибирского округа от 02.02.2009 №А46-14455/2008, Московского округа от 19.08.2010 по делу №А41-34968/09).

Необходимо заметить, что прямая формулировка НК РФ о возможности зачета значительно увеличивает шанс отстоять свою позицию в суде. Более того, суды указывают на законность как зачета в счет не-

доимки, так и по текущим платежам (постановление Московского округа от 10.04.2012 по делу №А40-62527/11-116-178).

На наш взгляд, у налогоплательщика (налогового агента) могут возникнуть споры с налоговыми органами в связи с тем, что хоть указанные платежи и относятся к федеральным налогам, однако эти денежные средства зачисляются в различные уровни бюджетной системы. Например, в соответствии со ст. 50 БК РФ НДС в размере 100% зачисляется в федеральный бюджет, налог на прибыль — 18% — в региональный бюджет, 2% — в федеральный бюджет (ст. 284 НК РФ), НДФЛ — 85% — в региональный бюджет, а остальная часть — в местные бюджеты (ст. 56 БК РФ). Кроме этого, суммы перечисленных налогов учитываются в том или ином бюджете по соответствующему КБК и ОКАТО.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что если НДФЛ не был исчислен и удержан из доходов физических лиц, но налоговый агент перечислил денежные средства в бюджет, то такой платеж не является налоговым, следовательно, налоговый агент будет справедливо привлечен к налоговой ответственности по ст. 123 НК РФ, а возможность произвести зачет по другим налогам — невозможен (постановление ФАС Уральского округа от 03.12.2013 по делу №Ф09-13260/13). Налоговые органы вправе доначислить налоговому агенту сумму налога лишь в том случае, если налоговый агент удержал, но не перечислил в бюджет сумму удержанного налога.

Кроме этого, исходя из правовой позиции, изложенной в п. 20 постановления ВАС РФ от 30.07.2013 № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации», денежные средства, которые налогоплательщик уплатил в бюджет досрочно, могут быть признаны излишне уплаченным налогом¹.

В качестве примера можно привести постановление АС Западно Сибирского округа от 23.01.2015 №Ф04-14138/2014. В своем решении суд отметил, запрет на уплату НДФЛ за счет средств налогового агента, установленный п. 9 ст. 226 НК РФ, не касается зачета переплаты по налогу в счет будущих платежей.

Подведя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что у налогового агента есть хорошие шансы отстоять свою позицию в суде.

¹ В своем письме Минфин России от 07.11.2013 № 03-01-13/01/47571 отметил, что при расхождении разъяснений Минфина России с мнением ВАС РФ и (или) Верховного суда РФ налоговые органы должны руководствоваться позициями судов.



УДК 340.14
ББК 67.0

БОРЬБА С РЕЛИГИОЗНЫМ ЭКСТРЕМИЗМОМ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АБДУЛЖАБАР АГАБАЛАЕВИЧ ЮНУСОВ,
профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права
Академии ФСИН России,

доктор юридических наук, профессор
E-mail: abdulzhabar@mail.ru;

АХМЕД АБДУРАХМАНОВИЧ АБДУРАЗАКОВ,
адъюнкт кафедры теории государства и права,
международного и европейского права
Академии ФСИН России

E-mail: abdurazakov1982@gmail.com

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Рассмотрены предпосылки возникновения мусульманского религиозного экстремизма, и той роли, которую в этом процессе играет мусульманская религиозная догматика. Экстремистские течения в исламе апеллируют теми же общими религиозными нормами, что и позитивное мусульманское право, но с той разницей, что данные нормы понимаются буквально. В связи с чем особое значение в данной работе придается различным методам и формам толкования мусульманского права и анализу учений мусульманских правовых школ, возникших на основании этого правотворческого процесса.

Ключевые слова: ислам; мусульманское право; шариат; толкование права; правовые коллизии; терроризм; экстремизм.

Annotation. special attention is paid to the prerequisites of the Moslem religious extremism and the role played by the Moslem religious dogmatics in this process. The extremist movements in Islam appeal to the same common religious norms as the positive Moslem law does, but the difference is that these norms are understood literally. In this connection, the author lays emphasis on various methods and ways of interpreting Moslem law as well as the analysis of the doctrines of Moslem legal schools that appeared on the basis of this law-making process.

Keywords: Islam; moslem law; Mohammedan law; sharia; the right to interpretation; rights conflict; terrorism; extremism.

«Идею социальной справедливости поддерживают все мировые религии» [9, с. 12]. Будучи порождением самого человека, его средой обитания в определенной эпохе как «элементарная потребность в справедливости, жажда добра и счастья на земле» [3, с. 5], она стала не просто верой в существование каких то абстрактных высших сил, не только концепцией сотворения мира и роли в нем человека. Одна единственная догма о бессмертии души, о существовании ада и рая позволила догме обрести неповторимую силу и стать реальным фактором на протяжении многих тысячелетий позволяющим влиять на развитие человечества.

Исторически сложилось так, что религия обладая существенным психологическим потенциалом, механизмом принуждения к выполнению норм, в том числе и через иррациональные механизмы наказания основанных перед страхе человека перед божественным наказанием, воздействуя на людей посредством

их стремления к обретению духовности даже в современном мире хоть и считаясь по большому счету архаичной формой культуры «теперь оказалась в центре самых драматических событий современной истории, и ее идеи и сегодня органически вписываются в мироощущение человечества» [2, с. 371]

Особое внимание сейчас уделяется ситуации сложившейся вокруг ислама, а вернее проблеме его радикализации. По оценке большинства экспертов, мусульмане находятся в настоящее время в состоянии внутриконфессионального раскола между традиционалистами и фундаменталистами. Как пишет об этом Х.Т. Курбанов, раскол происходит по трем направлениям: идеологическому, политическому и каноническому [1, с. 85].

Речь здесь не идет о классических течениях в исламе или же о фундаментальных учениях разных мусульманских религиозно-правовых школ, хотя ко-



нечно их влияние на развитие ситуации существенно, суть этого раскола заключается в радикализации самого мусульманского сообщества вне зависимости от страны или исповедуемого течения в исламе. На сегодняшний день эта проблема всего мирового общества и в первую очередь самих мусульман т. к. с определенной долей уверенности, можно сказать, что в современном мире уже не фундаменталисты ассоциируются с терроризмом и варварством, а уже весь ислам, ассоциативно, в умах людей связан с террором.

Очевидно, что для возникновения такого явления как радикальный ислам в самой религии должны быть соответствующие предпосылки, но сама мысль о том, что одна из авраамических религий является каноническим родоначальником терроризма выходит за рамки общих представлений о религиозных ценностях, и тем не менее следует признать что такие предпосылки действительно существуют. Именно этот фактор пожалуй можно считать ключевым, объясняющим наличие столь существенного количества последователей при изучении внутриконфессионального раскола в исламе. Однако подробное изучение данного явления необходимо начать с исторического анализа обстоятельств приведших к бурному развитию и популяризации авраамических религий.

«Объективная реальность говорит о том, что гуманизм реально не является непременным атрибутом любой религии» [2, с. 377]. Отсылки к призывам к насилию содержатся в той или иной степени во всех авраамических религиях. К примеру, в одной из книг Ветхого Завета содержатся такие слова: «Если твои родные призывают тебя поклоняться иным богам ... то убей их ... побей их камнями до смерти» [11] или же слова из Корана: «сражайтесь с ними, пока не будет искушения и религия вся будет принадлежать Аллаху» [5, с. 157] Догматика с пониманием относится к тому что убийства неприятны для человека и что он может не усмотреть в них блага: «Предписано вам сражение, а оно ненавистно для вас. И может быть, вы ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо, и может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло, — по истине, Аллах знает, а вы не знаете!» [5, с. 50].

Эти цитаты можно уверенно назвать благоприятствующими для использования религии в качестве прикрытия для осуществления экстремистской, в том числе и террористической деятельности. Как мы видим предпосылки или условно говоря «нормативная база» для создания религиозных экстремизма есть во всех авраамических религиях, хотя в современном обществе только исламские догмы дали столь сильный толчок для его развития.

Авраамические религии использовали данные догмы для консолидации общества и регламентации

общественных отношений на заре своего становления как общественного института. К этому надо добавить, что имеющиеся в этих основополагающих источниках правила ведения войны или отношения к иноверцам сложились еще в начальный период становления ислама, его острого соперничества с политическими и идейными противниками, в достаточно сложный период развития человечества. В среде современного позитивного права религиозная догматика при попытке буквального трактования канонических норм легко становится основой деструктивных идей или же применительно к мусульманскому праву основой религиозного экстремизма. Некоторые из этих положений, вырванные из основного исторического контекста, в наше время используются для оправдания проявлений политического экстремизма [2, с. 395].

Если рассматривать данные учения через призму исторического, поступательного развития человечества то понятно, что они были написаны для своего времени и места учитывали ту историческую эпоху и социальную обстановку. Проще говоря это все равно что законодательство средневековой Европы попытаться внедрить в правовую систему стран современного европейского союза, эти нормы просто напросто не будут восприняты обществом как легитимные потому что: «любая система права отражает специфику определенного общества и господствующую в нем систему ценностей» [9, с. 47]. Однако применительно к мусульманам приходится констатировать тот факт, что данные нормы находят все же благодатную почву. Объяснение этому явлению простое, в среде просвещенных мусульман, в странах с нормальным уровнем достатка и экономического развития, данные идеи не получают широкого распространения. Отсюда и понятное стремление мусульман всячески отмежевываться от радикалов в том числе и на уровне использования различных терминов к примеру: «исламское государство» предпочитают называть на арабский лад — ДАИШ [12].

Профессор Л.Р. Сюкияйнен в своих работах также обращает внимание на необходимость развития в среде мусульман правовой культуры и правового просвещения: «чтобы владеть всеми возможными способами реализации шариата в российской правовой жизни... требуются знание права и умение использовать предписания законодательства. Для этого в правовом отношении значительно продуктивнее работать над повышением уровня правовой культуры мусульман и их организаций, нежели добиваться законодательного признания норм шариата. Без грамотного в юридическом отношении обращения с позитивным правом закрепление в законе в прямой или косвенной форме указанных норм останется пустой буквой» [7, с. 25].



Схожую точку зрения мы находим в работах Д.А. Курбановой «наиболее эффективным идеологическим аргументом против проповедников «чистоты» ислама может стать распространение научных знаний об исламе в разных формах. Люди смотрят, как теория работает на деле, и это их привлекает, а иначе будут только пустые слова. Полагаем, что нужен немедленный диалог всех общественных организаций и объединений с властью и друг с другом» [6, с. 100].

Пропаганда радикального ислама эффективна среди малообразованных слоев населения, в местах с развитой самобытной культурой. Также жертвами пропагандистов становятся люди не нашедшие себе места в современном обществе, в т.ч. в среде преступного мира. Определенный интерес в этом аспекте представляет работа профессора политологии Лондонского королевского колледжа Петера Ноймана (Peter Neumann) который отметил что: «Тюрьмы становятся зонами риска радикализации, и это происходит потому, что насилие для гангстерских джихадистов — это больше не средство достижения цели, а сама цель, в которой они ищут смысл» [13]. Другими словами, вне исправительных учреждений радикализация была идеологическим процессом, в ходе которого людям помогали преодолевать страх, психологический барьер перед совершением тяжкого уголовного преступления, а в местах лишения свободы такого рода сложностей нет. В тюремной камере готовность к насилию выше чем в гражданском обществе.

Следует отметить, что и фундаменталисты и традиционалисты находят доказательства верности своей позиции в одних и тех же священных для ислама текстах — в Коране и Сунне. Для обнуления всех цитат из Корана призывающих к насилию, подогревающих умы религиозных фанатиков и толкающих людей на безрассудный и дикий терроризм, можно к примеру использовать один из стихов из того же Корана: «... не бывало, чтобы посланник приводил знамения, иначе как с дозволения Аллаха. Для всякого предела (временного срока — прим. авт.) — свое писание» [5, с. 211] или же стих признающий право на свободу вероисповедания «А если бы пожелал твой Господь, тогда уверовали бы все, кто на земле, целиком. Разве ж ты вынудишь людей к тому, что они станут верующими?» [5, с. 184]. Даже основоположник одного из радикальных течений в исламе Мухаммад ибн Абдель Ваххаб, говорил: «Некоторые религиозно настроенные люди пресекают запрещенное, и в этом они правы; но их ошибка заключается в том, что в своем рвении они доводят дело до розни между братьями» [2, с. 400-401].

Исламские экстремисты, в своем саморазрушительном стремлении подчинить себе весь мусульман-

ский мир прибегают к Корану, вернее, к догматическому, одностороннему толкованию этой главной для мусульман священной книги, выхватывая из контекста отдельные фразы, которые не могут служить характеристикой всего религиозного направления. По мнению ряда российских авторов: «религиозный экстремизм может остановить просвещенный традиционный ислам, для которого характерны умеренность, трезвость и толерантность» [10, с. 12].

Необходимо учитывать, что канонические нормы это не строго кодифицированные и систематизированные нормы современного позитивного права, религиозная догма часто изложена абстрактно — намеками, иносказаниями, аллегориями, не говоря уже о несметном количестве смысловых переводов священных писаний на различные языки «что позволяет без явных подтасовок интерпретировать их содержание прямо противоположным образом» [2, с. 393]. Существует множество неточностей и неясностей в формулировании тех или иных религиозных требований, обязанностей, а также и наличие определенных противоречий между различными религиозными верованиями и даже враждебных суждений в адрес других религий. Это косвенно подтверждается и существованием даже на раннем этапе развития ислама нескольких религиозно-юридических школ и возникновением в мусульманском законоведении особой науки о разногласиях (ильм аль-хилаф) [4, с. 133].

Право на аллегорическое толкование мусульманской догматики, лишает радикальный ислам своего основного оружия — канонических норм призывающих к насилию, иносказательно говоря оно лишает их «юридической силы». Причем это право закреплено, на основании ссылок на Коран и сунны, во всех основополагающих мусульманских правовых школах (масхабах). Более того, без фикха (доктринально-нормативной части мусульманского права) не было бы и такого понятия, как шариат в структуру которого он входит, в свою очередь это означает что религиозно-правовые нормы становятся более правовыми нежели религиозными, и могут подвергаться изменениям сообразно требованиям времени и места как это собственно и было в эпоху распространения ислама. Хотя концепция всех мусульманских течений основываются на Коране и Сунне основных религиозно-правовых источниках в исламе, но тем не менее работа по переводу, трактованию и систематизации норм проводилась людьми. Людми хоть и сведущими в исламе, но не наделенными сакральными правами, т.е. их работы никак нельзя назвать божественным откровением.

Неоднозначный подход ислама к этим проблемам реально показывает его характерную черту — плю-



рализм взглядов, что особенно проявляется в сфере политики, поскольку основные предписания, призванные ее регулировать, были сформулированы на основе иджтихада, под которым исламская мысль понимает рациональный поиск решений по вопросам, точно не урегулированным в Коране и Сунне. Этот пример можно отнести к развитию мусульманского права «во времени», но отражение в доктринально-нормативной его части (фикх) норм обычного права (урф) является примером его развития «в пространстве». Нормы обычая по мере географического распространения ислама серьезно повлияли на мусульманское право, сделав его неоднородным, позволив отразить особенности того или иного этноса, позволили синкретизировать религиозную догматику с местными обычаями.

Подводя итог данного исследования необходимо отметить, что во многих мусульманских странах (даже если они признают официально Коран основным законом) заметна тенденция к изменению канонических норм под требования современного мира. К примеру, в нормах регламентирующих порядок проведения судебно-медицинского вскрытия трупов или же нормы позволяющие обойти заложенный в религиозной догме запрет на взимание процентов. По мнению французского исследователя Р. Шарля: «характер исходного закона Корана как некоего раскрытия божественной истины, наслоение (а не смешение) мирского и духовного в этом мекканском евангелии являются преимуществом и одновременно недостатком мусульманского права. Законность любого договора или обязательства должна с того времени и впредь подчиняться таким моральным правилам, как, например, запрещение взимания процентов. Правила эти, без сомнения, возвышенны, но стеснительны для эпохи капитализма. Непреложность слова божия, так же как и его недостаточность, оказалась злосчастной для правовой системы» [8, с. 13].

Многие мусульмане имеют весьма смутное представление о том, что такое шариат, и чем он отличается от мусульманского права. Не понимая, что такое канонические нормы, какова их структура и реальные возможности, мусульмане идут на поводу тех кто призывает к радикальному исламу. Прямо говоря достаточно архаичные требования чистого религиозного права, при ведении их в обиход в чистом виде станут очевидно несостоятельными в современном мире. Показателен в этом аспекте пример радикального «исламского государства» руководство которого хоть и позиционирует себя сторонниками «чистого ислама» само же занимаются изощренной интерпретацией его норм под современные реалии. Соответственно тем самым они автоматически лишают себя права называть

свои законы божественным откровением. Можно смело утверждать, что религиозные каноны это серьезная ступень, этап в развитии современного права, его роль в духовно-нравственном воспитании человечества неоспорима, но как уже было сказано выше: «для всякого временного предела — свое писание».

Литература

1. Алиева Д.А. Особенности политизации ислама в современном Дагестане // Власть. 2014. №8. 84-87 с.
2. Дзалиев М.И., Иззатдуст Э.С., Киреев М.П. Современный терроризм: социально-политический облик противника. Под общ. ред.: Гордиенко В.В. М.: Академия. 2007 672 с.
3. Донины А. Люди, идолы и боги. Государственное издательство политической литературы. Москва. 1962. 319 с.
4. Климович Л.И. Ислам. Издание второе, дополненное. Изд. «Наука». М.: 1965. 333 с.
5. Коран. Пер. с араб. акад. И.Ю. Крачковского. Предисл. к изд. 1986 г. П. Грязневича; предисл. к изд. 1963 г. В. Беляева, П. Грязневича. М. СП ИКПА. 1990. 511 с.
6. Курбанова Д.А. Традиции и обычаи народов Дагестана в системе мер предупреждения преступности. дис-ция. на соискание степени кан-та юр. наук. М., 2011. 218 с.
7. Сюкияйнен Л.Р. Совместим ли шариат с современным российским правом? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. №3. 4-30 с.
8. Шарль Р. Мусульманское право. Перевод с французского С.И. Волка. Под ред. и с предисл. Е.А. Беляева. Издательство иностранной литературы. М. 1959. 141 с.
9. Юнусов С.А. Принцип справедливости в уголовно-исполнительном праве: вопросы теории: монография. Рязань: Московская академия экономики и права (Рязанский филиал), 2014. 265 с.
10. Юсупова Г. И., Алиева Д. А. Политизация ислама в Дагестане // Исламоведение. 2011. №4. 9-13 с.
11. Второзаконие 13:6-10. Официальный сайт Московского Патриархата. <http://www.patriarchia.ru/bible/deu/13/> (дата обращения 16.10.2016).
12. Резолюция международной конференции: «СМИ онлайн: противодействие ДАИШ на информационном пространстве» URL: http://islam-today.ru/islam_v_rossii/tatarstan/rezolucia-mezdunarodnoj-konferencii-smi-onlajn-protivodejstvie-dais-na-informacionnom-prostranstve/ (дата обращения 16.10.2016).
13. Якоб Шейх (Jakob Sheikh). Пролетаризация джихада стала проблемой URL: <http://inosmi.ru/social/20161014/238019299.html> (дата обращения 16.10.2016).



УДК 355
ББК 65

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ — НОВАЯ ДЕФИНИЦИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ПАДАЛКА,

*адъюнкт кафедры организации
финансово-экономического и тылового обеспечения
Академии управления МВД России*

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

E-mail: vovafartuna@mail.ru

*Научный руководитель: доктор экономических наук,
профессор В.Ф. Гапоненко*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Прослеживается генезис термина «экономическая безопасность», уровни экономической безопасности. Обоснована позиция автора о необходимости введения в экономическую теорию новой дефиниции: «региональная экономическая безопасность» с учетом глобальных процессов интеграции в рамках различных региональных интеграционных союзов. В качестве примера интеграционного регионального объединения рассмотрен Евразийский экономический союз.

Ключевые слова: экономическая безопасность, национальная безопасность, уровни экономической безопасности, региональная экономическая безопасность, обеспечение региональной экономической безопасности, интеграционный региональный союз, экономические интересы, Евразийский экономический союз.

Annotation. The article deals with the genesis of the term «economic security», the levels of economic security. Substantiates the author's position on the need for the economic theory of the new definition of "regional economic security" taking into account the global processes of integration within the various regional integration unions. As an example of the integration of the regional association reviewed the Eurasian Economic Union.

Keywords: economic security, national security, economic security levels, regional economic security, to regional economic security, regional integration union, economic interests, the Eurasian Economic Union.

Термин «экономическая безопасность» возник в 1934 г. в США, когда Президент Рузвельт, создал специальный комитет с таким названием. Комитет вырабатывал меры по выходу из Великой Депрессии. После того, когда эта задача была решена, эта структура расширила свои функции до национальной безопасности, при этом всегда важнейшей составной частью была проблема экономической безопасности.

В России впервые на законодательном уровне единый подход к пониманию «экономической безопасности» был реализован в Федеральном законе от 13 октября 1995г. N 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», утратившим силу в настоящее время¹. Во второй статье данного Закона определялось следующее понятие термина «экономическая безопасность» — это состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень социального, политического и оборонного существования и прогрессивного развития Российской Федерации, неуязвимость и независимость ее экономических интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям.

В Указе Президента РФ от 29 апреля 1996 г. N 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации» не утратившего

свою юридическую силу, не содержится четкого определения термина «экономическая безопасность». При этом интересным представляется тот факт, что в Стратегии указывается на общность политических и экономических интересов государств — участников СНГ².

В Федеральном законе от 8 декабря 2003г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», который заменил 157 — ФЗ, парадоксально, но не содержится понятия «экономическая безопасность»³. Отсутствует содержательное определение «экономической безопасности» также и в Указе Президента РФ от 10 января 2000г. № 24 «О концепции национальной безопасности Российской Федерации». В этом документе представлено понятие «национальной безопасности Российской Федерации» как безопасности ее многонационального народа, носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации⁴.

Согласно Государственной стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утратил силу) под термином «экономическая безопасность» понималось обеспечение такого развития экономики, при котором создаются приемлемые условия для жизни и развития личности, социально-экономической и военно-политической стабильности общества и сохра-



нения целостности государства, успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз⁵.

В действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015г. № 683 не дается определение термина «экономическая безопасность». Понятие «национальной безопасности Российской Федерации» представлено в наиболее полном, развернутом виде и определено как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные уровень и качество их жизни, независимость, суверенитет, территориальная и государственная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие России⁶.

Экономическая безопасность является более конкретным, предметным понятием, чем национальная безопасность. Она является ее материальной основой, фундаментом и наиболее значимой частью национальной безопасности. При этом состояние национальной безопасности государства зависит от жизнеспособности и эффективности экономики государства, ее мобильности и конкурентоспособности.

Касаясь научных трудов российских ученых, отметим, что активная деятельность по проблематике экономической безопасности государства началась с 1990-х годов. Вот, например, что писал профессор Национального исследовательского университета ВШЭ В.С. Паньков об экономической безопасности: «Это такое состояние национальной экономики, которое можно охарактеризовать устойчивостью, определённым «иммунитетом» к воздействию факторов, которые нарушают нормальное функционирование процесса воспроизводства, достигнутого уровня жизни населения, вызывающим повышенную социальную напряжённость в обществе и угрозу существования государства»⁷.

В.К. Сенчагов рассматривает термин «экономическая безопасность» как состояние экономики и институтов власти; И.Ф. Исмагилов, В.В. Сальников, С.В. Степашин — как защиту национальных экономических и социальных интересов государства и общества; Л.И. Абалкин — как совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики и т.д.

Гапоненко В.Ф. полагает, что экономическая безопасность государства должна обеспечиваться эффективностью самой экономики, то есть, она должна защищать сама себя на основе высокой производительности труда, качества продукции, она должна поддерживаться всей системой государственных органов⁸.

Традиционно, ученые-экономисты выделяют экономическую безопасность на следующих уровнях:

- международная (межнациональная) экономическая безопасность;
- национальная (государственная) экономическая безопасность;
- экономическая безопасность региона (как части государства);
- экономическая безопасность субъекта хозяй-

ствования;

- экономическая безопасность личности⁹.

По нашему мнению, в современных геополитических, геоэкономических условиях необходимо введение в экономическую науку новой экономической категории, как одного из уровней экономической безопасности, а именно термина «региональная экономическая безопасность».

Во-первых, в современном мире практически ни одно государство не может полноценно существовать без каких-либо интеграционных союзов. В случае если государство не заставляют, используя политические и другие формы давления вступить в то или иное объединение, то интеграция, как правило, продиктована его национальными и экономическими интересами. В условиях глобальной конкуренции на мировом рынке, государства-союзники вынуждены совместно защищать свои экономические интересы;

Во-вторых, современная система мирохозяйственных связей осуществляется в рамках неолиберального мирового экономического порядка, который основан на жёсткой монетаристской основе. При этом в качестве основного регулятора развития провозглашён стихийный рыночный механизм. Экономически сильные государства, сделав ставку на неолиберальный вариант развития мирового хозяйства, постарались обеспечить для себя господствующие позиции в системе формируемых под их руководством мирохозяйственных отношений. Акцент делается на поощрение радикальной либерализации хозяйственной жизни государства. Вместо концепции развития импортозамещения, национальной промышленности всячески навязываются идеи экспорто-ориентированного развития с участием западных ТНК¹⁰. Западные страны осуществляют в отношении экономически слабых стран политику двойных стандартов. Навязывая таким государствам самые радикальные из своих концепций, они не считают необходимым внедрять их в своих странах. Особенно это касается экономической роли государства;

В-третьих, уже давно приняты, широко используются в международных отношениях дефиниции «региональное объединение», «региональный союз» именно, как объединение нескольких государств в рамках того или иного интеграционного союза. А раз такие дефиниции существуют, значит и термин «региональная экономическая безопасность» имеет право на существование.

Кроме того, существуют именно экономические интеграционные союзы, одним из которых является Евразийский экономический союз.

Естественным нам представляется то, что национальные экономические интересы для каждого государства-участника союза останутся приоритетными. Вместе с тем, существуют такие угрозы экономической безопасности, которые являются общими для всех участников регионального союза. Отметим лишь некоторые из них:

- терроризм, экстремизм и распространение идей всемирного халифата;
- транснациональная (международная) пре-



ступность;

- недружественная геополитическая и геоэкономическая деятельность отдельных государств (группы государств), направленная на подрыв экономических основ страны (интеграционного союза);
- санкции со стороны интеграционных объединений к отдельному государству (группе государств);
- неконтролируемые процессы миграции и др.

Перечисленные выше угрозы актуальны в полной мере для ЕАЭС. Напомним, что в настоящее время в ЕАЭС входят пять государств-участников: Российская Федерация, Казахстан, Белоруссия, Киргизия, Армения. Евразийский экономический союз — это последовательный шаг интеграции Российской Федерации на постсоветском пространстве ¹¹.

По ряду характеристик Евразийский экономический союз занимает значимое место в мире среди других интеграционных образований и передовых, в экономическом плане, государств.

Так, например, численность населения проживающего на территории государств-участников ЕАЭС составляет 182,1 млн. человек, что составляет 2,5 % от мировой численности (по данным 01.06.2016г.). Численность экономически активного населения составляет 92,9 млн. человек, что составляет 2,8 % от мировой численности. При этом уровень безработицы в ЕАЭС составляет 5,3 %, тогда как в Евросоюзе — 10,2%, США — 6,2%, в мире — 8,4%.

Неплохие характеристики ЕАЭС имеет и в таких отраслях как промышленность, энергетика, сельское хозяйство.

Рассматривая общеэкономические показатели ЕАЭС можно констатировать, что его место в мировой экономике не представляется столь значимым.

С нашей точки зрения, решение указанных проблем именно в рамках обеспечения региональной экономической безопасности обусловлено следующими обстоятельствами:

- Россия и другие страны СНГ испытывают целенаправленное воздействие со стороны международных экономических организаций: Международного валютного фонда (МВФ), всемирной торговой организации (ВТО), Международного банка реконструкции и развития (МБРР) и др., деятельность которых в последние годы носит явно политизированный характер;
- региональный уровень взаимодействия зачастую отличается более углубленным и скоординированным характером. Вопросы региональной интеграции сегодня особенно актуальны. Абсолютное большинство государств испытывают на себе все возрастающее влияние глобализации, которая блокирует их возможность самим влиять на экономические, финансовые процессы, воздействующие и на сами страны, и на их население. Кроме того, региональная интеграция позволяет укрепить свои международные позиции, так как объедине-

ние стран — это, безусловно, более весомый игрок на мировой арене, чем отдельное государство ¹²;

- обеспечение экономической безопасности именно в рамках интеграционного объединения различных государств, может быть по своей сути, одним из элементов обеспечения национальной (государственной) экономической безопасности. Скептики возразят, ссылаясь на то, что и в рамках одного союза государственные экономические интересы стран-участниц могут противоречить друг другу. Такая точка зрения имеет право на существование. Вместе с тем, во всей совокупности экономических интересов отдельного государства, несложно выделить общие для всех государств-участников интеграционного объединения, исходя из которых, выработать совместные меры, направленные на предотвращение, противодействие, минимизацию угроз региональной экономической безопасности.

Вернемся к самой дефиниции «региональная экономическая безопасность». При большом разнообразии взглядов отметим, что в дефиниции «экономическая безопасность» базовыми терминами являются: состояние, безопасность, объект, угрозы, субъект и т.д. Также она неразрывно связана с категориями: потребности и интересы. Учитывая рассматриваемый уровень экономической безопасности, это региональные экономические интересы. После их анализа в наднациональных институтах, а при необходимости с использованием общественных институтов, они, по нашему мнению, должны трансформироваться в единую систему в целях развития экономики государств-участников союза, предотвращения и противодействия угрозам региональной экономической безопасности.

Учитывая изложенное, согласно нашей точки зрения «региональная экономическая безопасность — это такое состояние национальных экономик государств, входящих в интеграционное объединение, способное обеспечить поступательное развитие общества, его экономическую, социально-политическую стабильность, высокую обороноспособность в условиях воздействия неблагоприятных внешних и внутренних факторов, а также готовность и способность межнациональных, национальных институтов власти создавать механизмы реализации и защиты региональных экономических интересов в рамках союза, поддержания социально-политической стабильности общества».

Литература

1. Федеральный закон от 13 октября 1995г. N 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности».
2. Федеральный закон от 8 декабря 2003г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».
3. Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. N 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основ-



- ные положения)».
- Указ Президента РФ от 10 января 2000г. № 24 «О концепции национальной безопасности Российской Федерации».
 - Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (с изменениями и дополнениями).
 - Указ Президента РФ от 31 декабря 2015г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»
 - Гапоненко В.Ф. Экономическая безопасность / В.Ф. Гапоненко, А. Л. Беспалько, А.С. Власков // Вопросы экономики. 2007. № 7.
 - Корнилов М.Я. Экономическая безопасность России: Учебное пособие. — М.: РАГС, 2011.
 - Падалка В.В. Евразийская полиция как одна из составляющих механизма минимизации угроз национальной и экономической безопасности Российской Федерации в рамках Евразийского экономического союза // Труды Академии управления МВД России № 2 (38) июнь 2016 г.
 - Паньков В.С. Экономическая безопасность: новые аспекты проблемы // Внешняя торговля. 1992. № 6.
 - Паньков В.С. Экономическая безопасность: сущность и факторы // Страны СНГ в системе мирового хозяйства: проблемы экономической безопасности / Всероссийский научно-исследовательский институт внешнеэкономических связей при Министерстве экономики Российской Федерации. Сборник «Внешнеэкономические связи». Выпуск 8. М., 1992.
 - Райзберг Б.А. Государственное управление экономическими и социальными процессами: Учебное пособие. — М.: ИНФРА-М, 2008.
 - Сенчагов В.К. и др. Экономическая безопасность России: Учебник. — М, 2010.
 - Стрежнева М.И. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Международные процессы. 2012. №2(29).
 - Гапоненко, А.Л. Беспалько, А.С. Власков // Questions of economy. 2007. № 7.
 - Kornilov M.J. The economic security of Russia: Textbook. — М.: RAGS, 2011.
 - Padalka V.V. Eurasian police as one of the components of the mechanism to minimize threats to national and economic security of the Russian Federation in the framework of the Eurasian Economic Union // Proceedings of the Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia № 2 (38) June 2016.
 - Pankov V.S. Economic security: new aspects of the problem // Foreign Trade. 1992. number 6.
 - Pankov V.S. Economic security: the nature and factors // CIS countries in the world economy: economic security issues / All-Russian Research Institute of Foreign Economic Relations at the Ministry of Economy of the Russian Federation. The collection “Foreign economic relations”. Issue 8. М., 1992.
 - Raizberg B.A. State management of economic and social processes: Textbook. — М.: INFRA-M, 2008.
 - Senchagov V.K. The economic security of Russia: Textbook. — М., 2010.
 - Strezhneva M.I. Integration and inclusion as a global management tools // international processes. 2012. №2 (29).
-
- Федеральный закон от 13 октября 1995г. N 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности».
 - Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. N 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)».
 - Федеральный закон от 8 декабря 2003г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».
 - Указ Президента РФ от 10 января 2000г. № 24 «О концепции национальной безопасности Российской Федерации».
 - Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (с изменениями и дополнениями).
 - Указ Президента РФ от 31 декабря 2015г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»
 - Паньков В.С. Экономическая безопасность: новые аспекты проблемы // Внешняя торговля. 1992. № 6.
 - Гапоненко В.Ф. Экономическая безопасность / В.Ф. Гапоненко, А.Л. Беспалько, А.С. Власков // Вопросы экономики. 2007. № 7. С. 89-93.
 - Корнилов М.Я. Экономическая безопасность России: Учебное пособие. — М.: РАГС, 2011. С. 24-28.
 - Сенчагов В.К. и др. Экономическая безопасность России: Учебник. — М, 2010. С. 445,446.
 - Падалка В.В. Евразийская полиция как одна из составляющих механизма минимизации угроз национальной и экономической безопасности Российской Федерации в рамках Евразийского экономического союза // Труды Академии управления МВД России № 2 (38) июнь 2016 г. С. 65-69.
 - Стрежнева М.И. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Международные процессы. 2012. №2(29).

References

- Federal Law of 13 October 1995. N 157-FZ “On state regulation of foreign trade.”
- Federal Law of 8 December 2003. № 164-FZ “On the basis of state regulation of foreign trade”.
- Presidential Decree of 29 April 1996 N 608 “On the State Economic Security Strategy of the Russian Federation (General Provisions)”
- Presidential Decree of 10 January 2000. № 24 “On the Russian Federation’s national security concept.”
- Presidential Decree of May 12, 2009 N 537 “On National Security Strategy of the Russian Federation until 2020” (as amended).
- Presidential Decree dated 31 December 2015. № 683 “On the Russian Federation National Security Strategy”
- Gaponenko V.F. Economic security / V.F.



УДК 740
ББК 88

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ВЫПУСКНИКА
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
МВД РОССИИ**

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ БАДАЕВ,

*кандидат экономических наук, доцент,
ведущий инженер по научно-технической информации
научно-исследовательского отдела Управления организации научной
и редакционно-издательской деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

E-mail: alexandr_badaev_62@mail.ru;

ИРИНА ВИКТОРОВНА УСАЧЕВА,

*кандидат психологических наук, преподаватель
кафедры психологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

E-mail: irina-u @ yandex.ru

*Научная специальность 19.00.03 — психология труда,
инженерная психология, эргономика*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Исследуется динамика профессионального самоопределения личности, его значение в профессиональном самоопределении и профессиональном становлении, стиля профессионально-деятельностного общения будущих психологов органов внутренних дел на разных курсах обучения. Значительное внимание уделено изучению социально-психологических факторов профессионального самоопределения.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, профессиональное развитие, образ будущей профессиональной деятельности, самоопределение, кадровая политика.

Annotation. The authors attempted to study the dynamics of professional self-determination of the individual, its value in professional self-determination and professional formation, style of professional communication of future psychologists of the activity of internal affairs bodies in the different courses of study. Considerable attention is paid to the study of social and psychological factors self-determination.

Keywords: professional identity, professional development, the image of their future professional activity, self-determination, human resources policy.

Данная тема актуальна в связи с необходимостью постоянного совершенствования профессиональной подготовки полицейских, которая начинается в стенах образовательного учреждения, диктуется современными тенденциями развития Российского общества. Кадровая политика министерства, совершенствование нормативной правовой базы, реформирование системы образования и направленность на формирование позитивного имиджа сотрудников ОВД — все имеет свое отражение на социально-психологических компонентах личности учащегося вуза

МВД России и, как следствие, на процессе профессиональной идентификации выпускника вуза.

Профессиональная идентичность служит связующим звеном между гражданской позицией будущего сотрудника ОВД и его профессиональной мотивацией. Изначально, выбор работы в правоохранительных органах тесно связан с выраженностью правового сознания, нравственной социализацией. Эффективная, сознательная интериоризация (процесс перехода внешних явлений во внутренние, психические явления, компоненты, качества личности) ценностей



своей профессии, приведет к осознанному принятию их в качестве руководства к действию, только тогда профессиональная идентичность будет выполнять свои непосредственные функции: ориентационную, структурную (сохранение определенности), целевую (построение модели поведения), сохранение и развитие собственного духовного потенциала.

Профессиональная идентичность тесным образом связана с профессионализацией. Каждому этапу профессионализации (процесс приобретения субъектом труда таких свойств и качеств, которые позволяют ему решать весь спектр производственных задач, т.е. процесс становления человека специалистом в выбранной профессии) соответствует определенное правило поведения, являющиеся общим для всех профессий. Становление профессиональной идентичности, характеризуется включением в профессию — от стадии простого приписывания до стадии внутреннего выбора ценностей, а также норм поведения в своей профессии.

Теоретический анализ проблемы позволил выделить ряд показателей успешности профессионального самоопределения личности, к которым относятся: состояние сформированности профессиональной идентичности, осознание человеком принадлежности к выбранной профессии, к профессиональной группе, наличие профессиональных планов, интернальный локус контроля, удовлетворенность профессиональным выбором.

Среди факторов, препятствующих успешному профессиональному самоопределению молодых людей, можно перечислить: неблагоприятное внешнее окружение, недоверие и не уважение к полиции со стороны населения с одной стороны, наличие внутренних проблем — с другой. В нормативно-правовых актах Министерства внутренних дел Российской Федерации четко обозначена важность подготовки для системы МВД России квалифицированных кадров. Однако, зачастую молодые люди поступают в учебные заведения МВД России, не основываясь на устойчивых взглядах и сформированной мотивации, а, руководствуясь случайными, внешними обстоятельствами. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что уровень профессионального самоопределения курсантов начальных курсов и выпускников вуза МВД России различны и характеризуется рядом факторов.

Для подтверждения данного предположения было организовано и проведено экспериментальное исследование, с целью изучения особенностей профессиональной идентификации учащихся вуза МВД России, а именно отличий на разных этапах профессиональной подготовки представлений о будущей

профессиональной деятельности, стиле профессионального общения.

70 курсантов 1-го и 5-го курсов факультета подготовки психологов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в возрасте от 17 до 25 лет были исследованы по методике, разработанной А.В. Морозовым, на выявление ориентационных стилей профессионально-деятельностного общения и методики, разработанной М. Рокичем, изучения ценностных ориентации и основанной на приеме прямого ранжирования списков ценностей.

На первом этапе анализа результатов исследования были выявлены особенности процесса профессиональной идентичности среди учащихся первого курса. У большей части курсантов (53%) выявлена ориентация на людей, что можно объяснить гуманистической направленностью выбора профессии психолога. В равных долях среди учащихся первого курса распределились ориентация на действие и ориентация на процесс — по 20%, и лишь у 7% учащихся была выявлена ориентация профессионального общения на перспективу, будущее.

Таким образом получились две выборки:

- учащиеся с ориентацией на людей;
- выбравшие другие направленности общения.

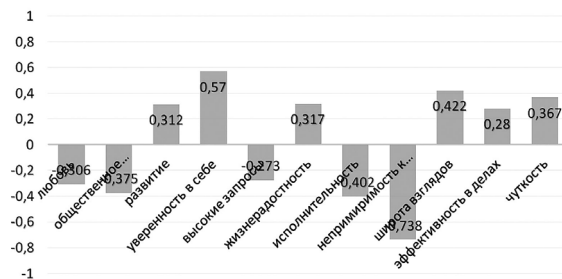
Следующим шагом было выявление, по методу ранговой корреляции Спирмена, корреляционных связей между иерархиями терминальных и инструментальных ценностей по списку М. Рокича. Основные расхождения приходятся на ценности: «Интересная работа», «Аккуратность», «Исполнительность», «Смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов» и «Честность», ранги остальных ценностей достаточно близки. Затем были проанализированы результаты выполнения предложенных методик пятым курсом. У 50% слушателей была выявлена ориентация на процесс профессионального общения. Ориентация на действие и ориентация на будущее выявлены у 20% процентов слушателей соответственно, и у 10% выпускников была выявлена ориентация на людей в процессе профессионального общения.

В сложившихся группах методом ранговой корреляции Спирмена были определены корреляционные связи между иерархиями ценностей в группе выпускников среди слушателей, ориентированных на процесс и выбравшими другие виды направленностей. Основные расхождения приходятся на ценности «Познание», «Развлечение» и «Ответственность», ранги остальных ценностей достаточно близки.

На следующем этапе анализа выявленных социально-психологических факторов профессионального самоопределения учащихся вуза МВД России были выявлены статистически значимые различия в



ранжировании ценностных ориентаций курсантами первого курса обучения и слушателей пятого курса вуза МВД России.



Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- для слушателей пятого курса, по сравнению с первокурсниками, снижена значимость таких терминальных ценностей (общих жизненных самоценностей), как любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком), общественное призвание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе);
- в тоже время для выпускников большее значение приобретают такие цели стремлений, как развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование) и уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений);
- наибольшее отличие было выявлено в ряду инструментальных ценностей, тех средств, черт, которые способствуют достижению целей, а именно: для выпускников становится значимее жизнелюбие (чувство юмора), широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки), эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе), чуткость (заботливость);
- однако, такие характеристики жизнедеятельности как высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания), исполнительность (дисциплинированность), непримиримость к недостаткам в себе и в других — для первокурсников имеет большее значение, чем для слушателей.

В целом, полученные результаты, отражают общую тенденцию в групповых различиях по предпочитаемому стилю профессионально-деятельностного общения. Среди слушателей преобладает ориентация на процесс деятельности, они нацелены на развитие, на уверенность в профессиональной сфере. Для будущих психологов-пятикурсников важно проявлять широту взглядов в деятельности, важна эффективность их общения с людьми, они готовы проявлять

чуткость и жизнелюбие. Первокурсники, еще только начинающие знакомство со спецификой профессии психолога правоохранительной деятельности, только определяющие вектор их профессионального самоопределения, направлены на установление контакта, близости с окружающими, они адаптируются в новом коллективе, для них значимо признание товарищей, в рамках системы они готовы проявлять исполнительность, но мало нацелены на процесс психологической работы.

Выполненной программой экспериментального исследования, была подтверждена выдвинутая гипотеза о наличии ряда социально-психологических особенностей, определяющих процесс профессиональной идентичности слушателей пятого курса вуза МВД России таких, как:

- ценностные ориентации;
- стиль профессионального общения.

Проведенное исследование позволило выявить отличия между профессиональной идентичностью курсантов первого курса, только начинающих знакомство с выбранной специальностью, и слушателей выпускного курса, будущих специалистов-психологов.

Литература

1. Бадаев А.Г., Усачева И.В., Анисеева Н.В. Динамика профессионального Я-образа курсантов-психологов высшего образовательного учреждения МВД России // Вестник МосУ, № 5, М.: 2016.
2. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. 752 с.
3. Дерягина Л.Е. Специфика сенсомоторных реакций сотрудников различных подразделений органов внутренних дел в зависимости от стажа службы Родыгина Ю.К., Дерягина Л.Е., Сидоров П.И., Соловьев А.Г. Экология человека. 2003. № 4. С. 12-15.
4. Деулин Д.В. Организация работы по укреплению служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел Российской Федерации: Учебное пособие. М.: ДГСК МВД России, 2013 — 88 с.
5. Климов Е.А. Психология профессионала. — М.: Изд-во Института практической психологии, 1996.
6. Кон И. С. Открытие Я. М.: Политиздат, 1978. — 367 с.
7. Пашин В.М., Бадаев А.Г. Проблемы и перспективы сотрудничества и взаимодействия органов налоговых (финансовых) расследова-



- ний государств-участников СНГ по обеспечению экономической безопасности // Вестник экономической безопасности МВД России. М., - 2010. — №5.-С.88-92.
8. Усачева И.В. Особенности профессионального Я-образа будущих специалистов — психологов органов внутренних дел: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03. М., 2012. 216 с.
 9. Усачева И.В. Образ «Я» в кадровой политике силового ВУЗа // Вестник Московского Университета МВД России. — 2010. — № 3. — С.62-67.
 10. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М., 1975. С. 89–105.
- References**
1. Badaev AG, Usachev IV, Anikeeva NV Dynamics of professional self-image psychology students of higher educational institution of the Russian Interior Ministry // Herald Mohs, number 5, M.: 2016.
 2. Derkach A. A. Acmeological basis of development of professional. M.: Publishing house of Moscow psychological and social Institute; Voronezh: NPO "MODEK", 2004. 752 s.
 3. Deryagina L. E. characteristics of sensorimotor reactions of the employees of different subdivisions of the internal Affairs bodies, depending on the length of service rodygina Yu. K., Deryagina L. E., Sidorov P. I., Solovyev A. G. human Ecology. 2003. No. 4. S. 12-15.
 4. Deulin D. V. The organization works to strengthen official discipline and legality in the internal Affairs of the Russian Federation: the manual. M.: DGSK the Ministry of internal Affairs of Russia, 2013 — S. 88
 5. Klimov E. A. Psychology professional. — M.: Publishing house of Institute of practical psychology, 1996.
 6. Kon I. S. Open J. M.: Politizdat, 1978. — 367 s.
 7. Pashin V. M., Badaev A. G. Peculiarities of organization of activity of internal Affairs bodies in the system of ensuring economic security // proceedings of the interdepartmental round table 2004, Vol.1. — M.: Academy of economic security interior of Russia, 2005. 3 s.
 8. Usacheva I. V. Features of professional self-image of future specialists — psychologists of the bodies of internal Affairs: dis. ... candidate. psychol. Sciences: 19.00.03. M., 2012. 216 s.
 9. Usacheva I. V. the Image of "I" in the personnel policy of the power of the University // Vestnik of Moscow University of the MIA of Russia. — 2010. — No.3. — S. 62-67.
 10. Yadov V. A. About dispositional regulation of social behavior of the personality // Methodological problems of social psychology / Resp. edited by E. V. Shorohova. M., 1975. S. 89-105.



Налоги и налогообложение: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» / [Н.Д. Эриашвили и др.]; под ред. А.Е. Суглобова, Н.М. Бобошко. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 543 с.

Рассматриваются основы теории налогообложения и налогового права, структура и принципы построения налоговой системы Российской Федерации, порядок уплаты основных налогов Российской Федерации, налоги развитых стран. Дана подробная характеристика основных видов налогов, объектов налогообложения, ставок, льгот, порядка и сроков взимания.

Анализируются проблемные вопросы налоговой нагрузки на налогоплательщиков, налогового прогнозирования и воздействия налоговой системы на экономику страны.

Описаны практически все основные налоги и сборы российской налоговой системы.



УДК 1
ББК 88

РЕЗУЛЬТАТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ЛИЧНОСТНО-СРЕДОВЫХ РЕСУРСОВ НА АДАПТАЦИЮ СОТРУДНИКОВ МВД РОССИИ

ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА КОРНЕВА,

*инспектор отдела учета, анализа и контроля качества
учебного процесса Управления учебно-методической работы
Научная специальность: 19.00.03 — психология труда,
инженерная психология, эргономика
E-mail: ukorneva89@mail.ru*

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье изучаются личностно-средовые ресурсы успешной адаптации сотрудников МВД России к профессиональной деятельности

Ключевые слова: профессиональная деятельность, адаптация, МВД

Annotation. The article explores the personality-sredovye resources successful adaptation of the Russian Interior Ministry officers to professional activity

Keywords: professional activity, adaptation, MIA

Изучение личностно-средовых ресурсов успешной адаптации сотрудников МВД России к профессиональной деятельности осуществлялось путем последовательного изучения копинг-стратегий адаптационного поведения, Я-концепции, локус-контроля, эмпатии, аффилиации, умение использовать социально-поддерживающие сети у сотрудников МВД России. При этом, все сотрудники были разделены на три большие группы:

- 1) группа сотрудников условно здоровых, редко обращающихся за медицинской помощью;
- 2) группа сотрудников регулярно обращающиеся за медицинской помощью, имеющая различные хронические заболевания (язва, гастрит, аллергия и др.);
- 3) курсанты МосУ МВД России.

Эффективность деятельности сотрудников ОВД должна определяться сформированностью оптимальных стратегий копинг-поведения, которые подразделяются на активные и пассивные. Вместе с тем исследователями копинг-поведения не отрицается тот факт, что копинг-стратегии являются динамичными системно-структурированными образованиями.

Отсюда следует вывод, что в «психологических границах» одного человека должны прекрасно «уживаться» вместе как активные, так и пассивные ко-

пинг-стратегии. Более того, они должны составлять в психике личности единое системное образование. При этом активные копинг-стратегии должны формировать, как правило, адаптивные формы поведения в условиях стресса, а пассивные стратегии приводить к дезадаптивному поведению.

На примере изучения поведения в стрессовых ситуациях сотрудников МВД РФ мы изучили особенности и динамику проявления пассивных и активных копинг-стратегий в их копинг-поведении.

В данной части эксперимента принимали участие сотрудники МВД России, всего 280 человек.

Путем анкетирования, интервью, экспертных оценок изучали проявления копинг-стратегий в 4-х типовых ситуациях разной степени сложности и экстремальности:

- ситуация № 1 — стандартная, неопасная;
- ситуация № 2 — нестандартная, неопасная;
- ситуация № 3 — стандартная, опасная;
- ситуация № 4 — нестандартная, опасная.

Выбор типовых ситуаций проводился с учетом типовых профессиональных задач оперативно-служебной деятельности для каждого конкретного контингента сотрудников ОВД.

В результате исследования получались следующие



щие данные. В ситуационном поле №1 адаптивное поведение проявили 70% испытуемых, псевдоадаптивное—25%, дезадаптивное—5%. В ситуационном поле № 2: адаптивное — 50%, псевдоадаптивное — 43%, дезадаптивное — 7%. В ситуационном поле № 3: адаптивное — 35%, псевдоадаптивное — 50%; дезадаптивное — 15 %. В ситуационном поле № 4: адаптивное — 20%, псевдоадаптивное — 65%, дезадаптивное — 15%.

Ситуационное поле № 1 является для нас интересным, прежде всего тем, что в условиях этого стрессового пространства протекает подавляющая часть служебного времени сотрудников ОВД. В этих условиях основная масса сотрудников проявляют адаптивные формы поведения (70%). Адаптивная форма поведения характеризуется использованием копинг-стратегии решения проблем, при этом личность направляет свои усилия на снятие стрессовой ситуации за счет воздействия на сам стрессор.

Например, профессиональная деятельность участковых инспекторов милиции в повседневных (стандартных) неопасных ситуациях включает сбор и анализ информации о правонарушителях, прием граждан, рассмотрение заявлений и жалоб, проверку подучетного элемента и т.д.

Примером ситуации N2 может быть работа по усиленному варианту при проведении различных спецмероприятий.

Действия сотрудников МВД РФ в данной ситуа-

ции будет выступать как адаптивное поведение. При псевдоадаптивном поведении личность руководствуется в основном копинг-стратегией социальной поддержки, действуя по принципу «как все, так и я». Дезадаптивное поведение характеризуется стремлением воздействовать не на сам стрессор, а на снятие негативного эмоционального состояния, вызываемого этим стрессором (при этом сам стрессор остается вне поля активного воздействия со стороны личности).

Рассмотрим в качестве контрастного ситуационному полю № 1 и 2 поведение сотрудников в ситуационном поле № 4 (например, задержание вооруженного претспуника). Действия в этом пространстве сопряжены с опасностью для жизни и здоровья, а также характеризуются неопределенностью алгоритмов поведения. Здесь адаптивное поведение проявляют только 20% участников эксперимента, 65% — псевдоадаптивное, а 15% -- дезадаптивное. Столь незначительное число сотрудников проявивших дезадаптивное поведение объясняется тем, что исследованию подвергались, как правило, сотрудники, имеющие опыт поведения в экстремальных ситуациях. Всю полученную в эксперименте информацию можно свести в одну таблицу распределения вероятностей поведения сотрудников МВД РФ в стрессовых ситуациях (таблица 1).

Таким образом, мы видим, что имеются существенные отличия в типах поведения сотрудников ОВД в различных стрессовых ситуациях (рис.1)

Таблица 1

Копинг-поведение сотрудников МВД РФ в различных стрессовых ситуациях

Тип поведения	Тип ситуации			
	№1 обычная, стандартная, неопасная	№ 2 обычная, нестандартная, неопасная	№ 3 стандартная, опасная	№ 4 нестандартная, опасная
Адаптивное	0,70	0,50	0,35	0,20
Псевдоадаптивное	0,25	0,43	0,50	0,65
Дезадаптивное	0,05	0,07	0,15	0,15

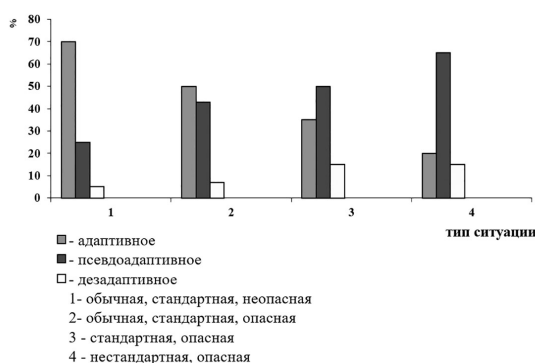


Рис. 1. Типы копинг-поведения сотрудников ОВД в различных стрессовых ситуациях

Различие в поведении сотрудников ОВД в обычных и стрессовых ситуациях, соотношение адаптивного и псевдоадаптивных типов поведения в разных ситуационных полях вполне объяснимо, если принять во внимание следующие рассуждения.

Во-первых, поведение в стрессовой ситуации человека вообще отличается, прежде всего, психосемантической сориентированностью данного поведения в отличие от безусловнорефлекторного поведения у животных (о чем собственно и писал Р.Лазарус).

Во-вторых, истинным регулятором поведения в крайне опасных ситуациях у человека, как правило, выступают нравственные качества, а не животные потребности или денежное вознаграждение. Только высшие формы мотивационного поведения (такие как борьба за свободу, за Родину, за других людей и т.п.) способны повести к самопожертвованию.



В-третьих, любая человеческая ориентировочная основа поведения (высшие мотивы, нравственные качества, мировоззрение) формируется в обществе, под воздействием определенных информационных влияний, общения и личной трудовой, учебной, служебной деятельности.

В свете этих рассуждений мы предположили, что сотрудник МВД РФ находится под воздействием трех основных информационных потоков: 1) информационного потока организованной профессиональной среды; 2) потока средств массовой информации; 3) информационного потока бытового общения.

Находясь под воздействием этих информационных потоков сотрудник МВД РФ является участником двух основных типов деятельности: 1) служебно-профессиональной и 2) деятельности связанной с бытовым общением. Информационные потоки и типы деятельности, в свою очередь, влияют на процесс формирования копинг-поведения и выбор копинг-стратегии.

Под влиянием деятельности у сотрудников МВД РФ формируется, по меньшей мере, двух уровневая структура копинг-стратегии: верхний уровень, с точки зрения формирования признака научности, формируется под воздействием информационного потока организованной профессиональной среды и условно называется «общенаучным»; нижний уровень формируется в основном в информационном потоке бытового общения и в соответствующем типе деятельности и называется «уровнем практического поведения». Информационный поток СМИ обслуживает одинаково оба уровня в зависимости от направленности личностных информационных предпочтений.

Формируемая двухуровневая структура копинг-стратегии является сложным динамичным образованием по разному проявляющем себя в обычной и стрессовой ситуациях.

Рассмотрим подробнее, как это происходит.

Копинг-стратегия сотрудников МВД РФ формируется задолго до стрессовой ситуации, для которой она собственно и предназначена. Формирование это происходит в информационном потоке организованной профессиональной среды (служебные плановые занятия, специальные учебно-практические тренировки, учебно-профессиональная подготовка курсантов и сотрудников в период обучения) и в процессе служебно-боевой деятельности.

На этом этапе формируются соответствующие знания о том, как себя надо вести в стрессовой ситуации, о том, что в ситуации нравственного выбора (то есть выбора между личностно-желаемым и социально-значимым) необходим именно такой, а не другой тип поведения, и, наконец, о том, что такое профессиональный долг, честь, присяга и т.п. Все эти знания закрепляются и переводятся в разряд начальных умений и простых навыков в ходе реальной служебно-боевой и учебно-боевой деятельности. Все это происходит еще в дострессовый период, так сказать,

в «мирное» время.

Верхний уровень копинг-стратегии прекрасно репрезентативен в сознании. Он осознается как знание о том, как надо себя вести в той или иной стрессовой ситуации. Этот уровень имеет позитивную динамику формирования в «мирное» время. Так, по данным наших исследований в обычных и стандартных ситуациях до 70% сотрудников «проявляют» адаптивное поведение, они же уверены, что аналогичным образом будут себя вести и в стрессовых ситуациях. Здесь надо особо отметить один немаловажный факт, что на 80-90% служебная деятельность сотрудников МВД РФ протекает в ситуационном поле № 1, т.е. в решении задач в обычных и стандартных условиях. В этот период времени сотрудники «не догадываются» о существовании копинг-стратегии нижнего уровня, которая «включается» в стрессовой ситуации.

Психологически копинг-стратегия нижнего уровня представляет из себя своеобразную систему из знаний, умений и навыков, формируемых в информационном потоке бытового общения и в соответствующей этому потоку деятельности. С нравственной точки зрения знания, формируемые на этом потоке, носят прагматический характер и в ситуации нравственного выбора учет предпочтению личностно-желаемого в ущерб социально-значимому.

Динамика формирования этого уровня носит скрытый характер и проявляет себя явно (т.е. становится очевидной) лишь в самой стрессовой ситуации. Этот тип поведения наиболее ярко (в «частом виде») проявляется в дезадаптивной форме поведения. Особенность этого типа поведения заключается в том, что он, самый «малочисленный» (всего лишь 15% сотрудников ОВД в самой сложной ситуации его проявляют).

В реальной стрессовой ситуации сотрудники ОВД «выбирают» между адаптивным и дезадаптивным типом поведения, нечто среднее, так называемый, псевдоадаптивный тип. Его проявляют в самой сложной ситуации до 70% испытуемых.

Таким образом, копинг-стратегии верхнего уровня являются хорошо осознаваемыми и чаще проявляют себя в обычных и стандартных ситуациях, эти копинг-стратегии специалисты называют активными. К ним относятся копинг-стратегии преодоления проблем и социальной поддержки.

Копинг-стратегии нижнего уровня неосознаваемы и об их присутствии в ситуациях обычных и стандартных человек, как правило, не знает. К копинг-стратегиям нижнего уровня относят стратегию избегания и, иногда, дистанционирования. Эти копинг-стратегии называют пассивными.

Пассивные копинг-стратегии ведут себя «скрытно» до момента начала воздействия стрессоров к адаптивному реагированию на которые личность не готова. Вот тут в действие вступают пассивные копинг-стратегии ведущие к разрыву дистанции между личностью и стрессором и, в конечном итоге, к избе-



ганию воздействия на стрессор, т.е. к дезадаптивным формам поведения.

О наличии пассивных копинг-стратегий личность узнает (т.е. они становятся репрезентативными) лишь по результатам их деятельности.

Рассмотрим динамику проявления активных и пассивных копинг-стратегий у сотрудников проявляющих адаптивные формы реагирования на стресс в ситуациях различной степени сложности.

В ситуации первого типа (стандартные, неопасные) на сотрудников воздействуют привычные стрессоры, к которым они хорошо адаптированы. При этом копинг-стратегии верхнего уровня являются хорошо осознаваемыми (репрезентативны в сознании), это относится, в первую очередь, к копинг-стратегии решения проблем, во вторую, к стратегии социальной поддержки (эта стратегия в ситуациях первого типа даже чаще бывает не осознаваема). В поведении доминирует стратегия разрешения проблем, копинг-стратегия социальной поддержки выступает в поведении как вспомогательная (когда необходимо активизировать процесс разрешения проблемы). Стратегия избегания у адаптированных сотрудников на этом этапе не проявляется.

В ситуациях второго типа (нестандартные, неопасные) адаптивное поведение проявляют 50% испытуемых (в ситуациях первого типа 70%). С 25% до 43% увеличивается количество сотрудников проявляющих псевдоадаптивное поведение, с 5% до 7% проявляющих дезадаптивное поведение. Динамика изменения копинг-стратегий следующая: хорошо осознаваемой остается копинг-стратегия решения проблем, однако, в поведении она начинает выполнять вспомогательную роль, уступая пальму первенства в поведении копинг-стратегии социальной поддержки. При этом сотрудники искренне считают, что руководствуются стратегией разрешения проблем, а копинг-стратегию социальной поддержки используют лишь как вспомогательную. Копинг-стратегия избегания на этом этапе, как и на предыдущем себя не проявляет. Основное отличие в копинг-стратегиях ситуаций второго типа состоит в изменении внутри системы активных копинг-стратегий. Несмотря на то, что хорошо осознаваемой остается стратегия разрешения проблем, однако в поведении не осознаваемо доминирует стратегия социальной поддержки.

В стрессовых ситуациях третьего типа происхо-

дят дальнейшие изменения в системе копинг-стратегий. При этом динамика изменений затрагивает уже соотношения между активными и пассивными копинг-стратегиями. Ведущей и в плане репрезентативности в сознании и в поведении становится копинг-стратегия социальной поддержки. Вспомним, что основное отличие ситуаций третьего типа в том, что они являются опасными для жизни и здоровья.

Доминирование копинг-стратегии социальной поддержки означает прежде всего, что сотрудники при выборе способов реагирования на стрессоры действуют по принципу: «как все, так и я». Следующая особенность этого типа состоит в том, что вспомогательной в организации поведения становится стратегия избегания (хотя она и продолжает оставаться на неосознаваемом уровне). Копинг-стратегия решения проблем остается осознаваемой, но на выбор поведения влияет слабо. Адаптивное поведение на этом этапе проявляют 35% сотрудников (первый этап — 70%), дезадаптивное — 10%, псевдоадаптивное — 55% сотрудников.

В ситуациях четвертого типа (не стандартное, опасное) доминирующей в поведении становится копинг-стратегия избегания, хотя она и остается неосознаваемой. В сознании репрезентативна стратегия социальной поддержки, хотя в поведении она выполняет вспомогательную функцию. Еще одной особенностью этого этапа является вытеснение копинг-стратегии решения проблем в подсознание.

Сложным для психического мира личности на этом этапе является тот факт, что в качестве репрезентативной в сознании выступает активная копинг-стратегия (социальной поддержки), а поведение организуется на базе пассивной копинг-стратегии избегания.

Таким образом, на примере анализа динамики активных (верхнего уровня) и пассивных (нижнего уровня) копинг-стратегий мы видим, что в организации копинг-поведения значительная роль принадлежит не только сознательным процессам, но бессознательным психическим компонентам. При этом, чем сложнее в стрессовом отношении ситуация, тем роль бессознательного весомее в определении типа ответного реагирования.

Динамика копинг-стратегий в различных стрессовых ситуациях оказалась следующей (таблица 2, рис.2).

Таблица 2

Копинг-стратегии сотрудников МВД РФ в различных стрессовых ситуациях

Тип Копинг-стратегии	Тип ситуации			
	№1 обычная, стандартная, неопасная	№2 обычная, нестандартная, неопасная	№3 стандартная, опасная	№4 нестандартная, опасная
Разрешение проблем	0,75	0,50	0,35	0,15
Социальная поддержка	0,20	0,40	0,55	0,70
Избегание	0,05	0,10	0,10	0,15

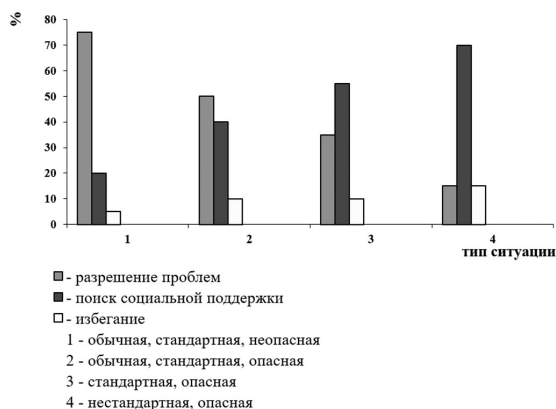


Рис. 2. Типы копинг-стратегий сотрудников МВД РФ в различных стрессовых ситуациях.

В ситуационном пространстве № 1: у 75% исследуемых репрезентативна в сознании и поведении копинг-стратегия разрешения проблем; копинг-стратегия поиска социальной поддержки проявляется у 20% сотрудников, является неосознаваемой и диагностируется только при анализе поведения; копинг-стратегия избегания фактически не осознается и в поведении почти не проявляется (лишь у 5%).

В ситуационном пространстве № 2: у 50% испытуемых в сознании и поведении диагностируется копинг-стратегия разрешения проблем; копинг-стратегия социальной поддержки не осознается как доминирующая, но таковой является в практическом поведении у 40% исследуемых; на этом этапе стратегия избегания практически не изменяет своего положения — у 90% сотрудников она не диагностируется ни в сознании, ни в поведении.

Ситуационное пространство № 3: в этой ситуации лидирующее положение занимает копинг-стратегия социальной поддержки — у 55% сотрудников она проявляется в сознании и поведении (в опасности стадный принцип «я как все» становится доми-

нирующим мотивом поведения); копинг-стратегия разрешения проблем осознаваема и проявляется в поведении лишь у 35% сотрудников; копинг-стратегия избегания усиливает свои позиции, 10% испытуемых устойчиво проявляют ее в поведении, но не в сознании.

Наиболее драматично ситуация складывается в пространстве № 4: у большинства сотрудников поведение становится устойчиво псевдоадаптивным (70% в сознании и поведении предпочитают стратегию поиска социальной поддержки, т.е. стадность поведения резко усиливается). Копинг-стратегия разрешения проблем в сознании и поведении демонстрируют лишь 15% испытуемых; а 15% в поведении предпочитают стратегию избегания.

Таким образом, копинг-стратегии сотрудников МВД РФ в различных по уровню стрессогенности экстремальных ситуациях значительно различаются, за счет снижения значимости стратегии «разрешение проблем» и повышения ориентации поведения на копинг-стратегии «поиск социальной поддержки» и «избегание».

В данной статье были оценены особенности (типы, стратегии, ресурсы) копинг-поведения сотрудников МВД РФ. При выборе методик исследования учитывались прежде всего литературные данные об их валидности, надежности и дифференцированности для оценки личностно-средовых факторов и психологических особенностей личности сотрудников МВД РФ. Результаты анализа профессиональных стресс-факторов сотрудников МВД РФ позволили отметить, что наиболее распространенные экстремальные ситуации и условия, а также стресс-факторы, оказывающие воздействие на сотрудников МВД РФ, требуют научной разработки психологических проблем, и в частности, копинг-поведения, обеспечивающих адекватность противостояния неблагоприятным условиям и эффективность профессиональной деятельности сотрудников МВД РФ.



УДК 159.9.07
ББК 88.8

ПАРАМЕТРЫ ИНТУИЦИИ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ НОРМАТИВНЫХ ДАННЫХ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ МВД

ПАВЕЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ,

доктор биологических наук, заведующий кафедрой
медицинской физики и информатики Физико-технического института
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
E-mail: grigorievpe@cfuv.ru;

ИННА ВИТАЛЬЕВНА ВАСИЛЬЕВА,

доцент кафедры общей и социальной психологии
Тюменского государственного университета
кандидат психологических наук, доцент
e-mail: innavitalievnasilieva@gmail.com;

СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ИВАНЦОВ,

доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры криминологии
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: isv1970@mail.ru;

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ИГНАТОВ,

доктор юридических наук, старший научный сотрудник
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
E-mail: aleksandrignatov@mail.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Прослеживается процесс создания и апробации опросника параметров интуиции, включающего пять основных и пятнадцать дополнительных шкал с целью операционализации определения интуиции, ориентированного на предсказание истинно случайных событий. Получены удовлетворительные данные по показателям надежности по однородности, содержательной валидности. Описаны особенности нормативных данных для гражданских лиц и сотрудников МВД. Сделан вывод относительно специфичности норм показателей интуиции у сотрудников МВД.

Ключевые слова: интуиция, параметры интуиции, нормативы опросника для сотрудников МВД, психометрическое обоснование.

Annotation. The process creation and testing of the questionnaire intuition parameters, including five major and fifteen additional scales for the purpose of determining the operationalization of intuition, based on the prediction of a truly random events is described in article. Satisfactory data on indicators of reliability and uniformity, content validity were obtained. The features of the normative data for civilians and Interior Ministry personnel are discussed. The conclusion regarding the specificity in standards of intuition questionnaire in Interior Ministry personnel was made.

Keywords: intuition questionnaire, parameters of intuition, specifications of questionnaire for Interior Ministry personnel, psychometric justification.

Характеристика онтологических и функциональных особенностей интуиционных явлений затрудняет организацию их психологической оценки: неосознаваемость самого интуиционного процесса, осознание работы интуиции постфактум, негативное влияние вербализации на эффективность интуиционирования, а также мнемические искажения, неизбежные в самоотчетах о ситуациях проявлений интуиции [7, 9].

Понимание интуиции как: «механизма перера-

ботки информации о физически нелокальных, личностно и/или биологически значимых событиях, посредством совокупности психических процессов и воспроизведения в продуктах сознания, деятельности, поведения» [1, с.191] было нами операционализировано в авторском опроснике параметров интуиции.

Методика состоит из двадцати содержательных шкал, пять из которых основные и пятнадцать дополнительные. К основным шкалам относятся сила инту-



иции; точность и уверенность интуиции, временная направленность интуиции; интенциональность интуиции. К дополнительным — направленность на прошлое, настоящее, будущее; позитивное или негативное эмоциональное состояние как фактор интуиции; активация интуиции в обыденных или экстремальных, трудных ситуациях; самосубъектные и межличностные отношения как фактор интуиции; визуальная, аудиальная и кинестетическая модальности интуиции; измененные состояния сознания и уравновешенность как факторы интуиции. Конструкты опросника подобраны таким образом, что отражают включенность интуиции в разные формы активности субъекта, прежде всего, целенаправленной (деятельности, поведения, общения), при этом в различных структурно-функциональных аспектах. Опросник ориентирован на представления респондента об особенностях интуиции в структуре деятельности и поведении, в социальном, личностном и биологическом (прежде всего — витально) значимых ситуациях.

Сила интуиции — это интегральное свойство, характеризующее частоту, выраженность и субъективную и объективную значимость проявлений интуиции. Точность интуиции описывается как уровень детализированности информации, полученной интуитивным путем, необходимой для принятия решения; характеристика уверенности в интуитивном решении, проявляющаяся на континууме от смутного, не рефлексируемого ощущения до глубокой уверенности в том, как именно нужно поступать, какое принимать решение в той или иной ситуации, без рациональных на то оснований.

Произвольность интуиции — характеристика, выражающаяся в возможности по собственному желанию включать интуицию как способ принятия решения в ситуации дефицита информации и времени до исключительно спонтанного возникновения интуитивных подсказок, чье появление не контролируется.

Интенциональность интуиции — субъективное ощущение возможности влиять на ситуацию путем «воления» [6], ментальных или эмоциональных усилий и иных способов действия, сопрягая внутренний психический план с физической реальностью [8], что, по мнению субъекта, находит свое яркое и многократное подтверждение в личном опыте.

Временная направленность интуиции может быть реализована в отношении прошлого, настоящего и будущего. Наиболее ожидаемая реализация интуиции в отношении будущего времени, позволяющая в упреждающем порядке реагировать на события, которые еще не произошли, но произойдут в относительно отдаленном или значительно отдаленном будущем. Реализация интуиции относительно настоящего времени связана с реагированием на события самого ближайшего, непосредственного будущего или удаленных от непосредственного восприятия событий настоящего времени. Реализация интуиции относительно прошлого проявляется в знании отно-

сительно событий, которые уже произошли, и о которых у субъекта не могло быть информации, полученной от органов чувств рациональным путем.

Психометрическая проверка опросника проводилась на гражданской выборке из 70 человек. Спецификация опросника была разработана следующим образом: в качестве содержательных областей выступали параметры интуиции (сила, точность, временная направленность и интенциональность), а в качестве манифестаций — области профессиональной деятельности, направленность психического и физического состояния, обыденность или экстремальность ситуаций интуитивирования, самосубъектность отношений и межличностные отношения, доминирующие репрезентативные системы получения информации и уровень измененности состояний сознания, от ясного бодрствования до, трансовых состояний, сна. Наиболее «сильными» шкалами по вкладу в оценку целостного феномена интуиции, были позиционированы шкалы силы и точности интуиции, на них было отведено по 30% создаваемого стимульного материала; на шкалу временной направленности — 20%, и шкалы произвольности и интенциональности в силу более редкой представленности в выборке (вывод был сделан на основе ранее собранных нарративов, ссылка) — по 10%. Для манифестаций распределение вклада было равномерным, по 20%. Для первоначальной версии опросника, в целях психометрической проверки пунктов теста по показателям трудности и дискриминативности, было разработано 207 утверждений.

По результатам итем-анализа было оставлено 85 пунктов, отвечающих нормативным данным по показателям трудности и дискриминативности и в приближении к запланированному процентному распределению в спецификации: сила интуиции — 29%, точность — 25%, временная направленность — 19%, произвольность — 16%, интенциональность — 11%.

Шкала ответов частотная: почти никогда (0 баллов), редко (1), часто (2), почти всегда (3). Все вопросы прямые, то есть, чем больше баллов набирает испытуемый, тем выше показатель интуиции. Постфактум, помимо основных шкал, были выделены дополнительные шкалы, соответствующие манифестациям опросника.

Проверка валидности и надежности создаваемого опросника.

Надежность опросника параметров интуиции подтверждается тем, что все его шкалы коррелируют между собой, то есть являются гомогенными, коэффициент корреляции должен быть равен и выше 0,55 ($r \geq +0,55$).

Конструктивная валидность опросника обеспечивалась соответствием теоретического концепта и описываемых характеристик поведения в опроснике. Содержательная валидность опросника проверялась на основе связи шкал с показателями других валидных методик, отражающими близкие компоненты характеристик интуиции:



- Опросник Д. Кейрси;
- Опросник интуитивного стиля С. Эпстайна;
- Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко;
- Тест эмоционального интеллекта Д.В. Люсина;
- Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта;
- Шкала толерантности к неопределённости С. Баднера (версия Т.В. Корниловой);
- Шкала толерантности к неопределённости Д. МакЛейна (версия Е.Н. Осина);
- Методика оценки уровня интуиции (опросник Е.А. Науменко).

Показатель «Сила интуиции» прямо пропорционально связан со следующими характеристиками: N (Intuition — интуиция) $\pm 0,39$; F (Feeling — чувство) $\pm 0,45$; интуитивная способность $\pm 0,61$; использование интуиции $\pm 0,56$; интуитивный канал эмпатии $\pm 0,54$; интуитивность $\pm 0,36$. Таким образом, мы полагаем, что шкала «Сила интуиции» измеряет интуитивные способности.

Показатель «Точность интуиции, уверенность в интуиции» положительно связан со шкалами: интуитивная способность $\pm 0,56$; использование интуиции $\pm 0,54$; интуитивный канал эмпатии $\pm 0,48$; интуитивность $\pm 0,42$; понимание чужих эмоций $\pm 0,52$; управление чужими эмоциями $\pm 0,55$; межличностный эмоциональный интеллект $\pm 0,59$. Итак, полагаем, что шкала «Точность интуиции, уверенность в интуиции» измеряет то, насколько индивид уверен в том, что чувствует, воспринимает, и насколько его чувствительность соответствует действительности.

Шкала «Произвольность интуиции» положительно связана с показателями: интуитивная способность $\pm 0,50$; использование интуиции $\pm 0,50$; интуитивный канал эмпатии $\pm 0,45$; понимание чужих эмоций $\pm 0,51$; управление чужими эмоциями $\pm 0,37$; межличностный эмоциональный интеллект $\pm 0,51$; интуитивность $\pm 0,37$. По полученным показателям можно сделать вывод, что анализ шкалы «Произвольность интуиции» показывает, насколько человек может включать в нужный момент интуицию.

Показатель «Интенциональность интуиции» позитивно коррелирует со шкалами: интуитивная способность $\pm 0,56$; использование интуиции $\pm 0,49$; интуитивный канал эмпатии $\pm 0,46$; понимание чужих эмоций $\pm 0,51$; управление чужими эмоциями $\pm 0,55$; межличностный эмоциональный интеллект $\pm 0,57$; понимание эмоций $\pm 0,48$; управление эмоциями $\pm 0,37$; интуитивность $\pm 0,43$. Из полученных данных видно, что эта шкала измеряет способность индивида произвольно направлять, использовать определенное время интуицию, в то же время управляя чужими эмоциями.

Показатель «Временная направленность интуиции» пересекается по смыслу со шкалами: интуитивная способность $\pm 0,42$; позитивный аффект $\pm 0,43$. Показатель «Позитивное эмоциональное/физическое

состояние как фактор интуиции» связан со шкалами: интуитивная способность $\pm 0,42$; интуитивность $\pm 0,45$. Показатель «Самосубъектные отношения в структуре интуиции» связан со шкалами: интуитивная способность $\pm 0,51$; позитивный аффект $\pm 0,5$. Но с другими показателями у данных шкал значимых связей нет, что, возможно, указывает на инкрементный характер валидности данных шкал.

Шкала «Негативное эмоциональное/физическое состояние как фактор интуиции» коррелирует с показателями: S (Sensation — сенсорика) $\pm 0,47$; N (Intuition — интуиция) $\pm 0,47$; F (Feeling — чувство) $\pm 0,36$; интуитивная способность $\pm 0,52$; использование интуиции $\pm 0,54$; понимание эмоций внутриличностное $\pm 0,41$. Это указывает на значимый вклад данной шкалы в общую валидность методики, но требуются дополнительные процедуры проверки для связи именно с отрицательными эмоциональными состояниями.

Показатель «Активация интуиции в экстремальных и трудных ситуациях» связан со шкалами: S (Sensation — сенсорика) $\pm 0,37$; N (Intuition — интуиция) $\pm 0,37$; интуитивная способность $\pm 0,59$; использование интуиции $\pm 0,6$; интуитивный канал эмпатии $\pm 0,56$; толерантность к неопределённости $\pm 0,36$; межличностный эмоциональный интеллект $\pm 0,48$; установки, способствующие эмпатии $\pm 0,43$; интуитивность $\pm 0,4$. Таким образом, мы полагаем, что шкала «Активация интуиции в экстремальных и трудных ситуациях» измеряет интуитивные способности в нестандартных опасных условиях.

Анализ показателей шкалы «Активация интуиции в повседневной жизни» через связь со шкалами: E (Extraversion — экстраверсия) $\pm 0,36$; I (Introversion — интроверсия) $\pm 0,36$; S (Sensation — сенсорика) $\pm 0,39$; N (Intuition — интуиция) $\pm 0,39$; интуитивная способность $\pm 0,6$; использование интуиции $\pm 0,56$; интуитивный канал эмпатии $\pm 0,53$; идентификация в эмпатии $\pm 0,36$; межличностный эмоциональный интеллект $\pm 0,54$; отношение к неопределённым ситуациям $\pm 0,36$ позволяет сделать вывод, что данная шкала измеряет способность использовать интуицию в повседневной жизни.

Шкала «Межличностные отношения в структуре интуиции» связана с данными шкалами: интуитивные способности $\pm 0,54$; использование интуиции — $0,48$; интуитивный канал эмпатии $\pm 0,48$; установки, способствующие эмпатии $\pm 0,37$; идентификация в эмпатии — $0,45$; понимание чужих эмоций $\pm 0,67$; управление чужими эмоциями $\pm 0,55$; межличностный эмоциональный интеллект $\pm 0,69$. По полученным данным видно, что шкала «Межличностные отношения в структуре интуиции» измеряет интуитивные возможности в межличностных отношениях.

Показатель «Аудиальная модальность интуиции» связан со следующими характеристиками: F (Feeling — чувство) $\pm 0,4$; интуитивная способность $\pm 0,4$; использование интуиции $\pm 0,42$;



интуитивность $\pm 0,45$; установки, способствующие эмпатии $\pm 0,39$. При рассмотрении показателя «Визуальная модальность интуиции» в связи со следующими характеристиками: интуитивная способность $\pm 0,43$; использование интуиции $\pm 0,4$; интуитивный канал эмпатии $\pm 0,37$; понимание чужих эмоций $\pm 0,55$; интуитивность $\pm 0,38$. Показатель «Кинестетическая модальность интуиции» связан со следующими характеристиками: понимание собственных эмоций $\pm 0,39$; интуитивность $\pm 0,38$. Шкала «ИСС (измененные состояния сознания)» связана с данными шкал: S (Sensation — сенсорика) $\pm 0,39$; N (Intuition — интуиция) $\pm 0,39$; интуитивная способность $\pm 0,46$; использование интуиции $\pm 0,52$; интуитивный канал эмпатии $\pm 0,48$. Анализ показателей шкалы «Уравновешенность как условие функционирования интуиции» через связь со шкалами: интуитивная способность $\pm 0,47$; использование интуиции $\pm 0,45$; рациональный канал эмпатии $\pm 0,41$; установки, способствующие эмпатии $\pm 0,41$; идентификация в эмпатии $\pm 0,36$; межличностный эмоциональный интеллект $\pm 0,45$; понимание своих эмоций $\pm 0,41$. Показатель «Направленность интуиции на прошлое» связан со следующими характеристиками: понимание собственных эмоций $\pm 0,41$; управление своими эмоциями $\pm 0,46$; межличностный эмоциональный интеллект $\pm 0,43$; внутриличностный эмоциональный интеллект $\pm 0,42$; понимание эмоций $\pm 0,46$; позитивный аффект $\pm 0,41$. Показатель шкалы «Направленность интуиции на настоящее» связан со следующими характеристиками: S (Sensation — сенсорика) $\pm 0,36$; N (Intuition — интуиция) $\pm 0,36$; интуитивная способность $\pm 0,51$; использование интуиции $\pm 0,4$; интуитивный канал эмпатии $\pm 0,6$; понимание чужих эмоций $\pm 0,6$; понимание своих эмоций $\pm 0,43$; межличностный эмоциональный интеллект $\pm 0,62$; общий уровень эмоционального интеллекта $\pm 0,53$; понимание эмоций $\pm 0,56$; интуитивность $\pm 0,45$. Показатель «Интуиция в профессиональной деятельности» связана со следующими шкалами: E (Extraversion — экстраверсия) $\pm 0,41$; I (Introversion — интроверсия) $\pm 0,41$; T (Thinking — логичность) $\pm 0,37$; F (Feeling — чувствование) $\pm 0,38$; интуитивная способность $\pm 0,59$; использование интуиции $\pm 0,49$; интуитивный канал эмпатии $\pm 0,47$; установки, способствующие эмпатии $\pm 0,48$; идентификация в эмпатии $\pm 0,39$; управление чужими эмоциями $\pm 0,62$; межличностный эмоциональный интеллект $\pm 0,47$; управление эмоциями $\pm 0,37$; позитивный аффект $\pm 0,43$.

По полученным данным видно, что шкалы соотносятся с интуитивными способностями в общем. Однако специфично в соответствии с их содержанием, валидность еще предстоит установить.

Шкала «Направленность интуиции на будущее» связана с показателями следующих характеристик: S (Sensation — сенсорика) $\pm 0,37$; N (Intuition — интуиция) $\pm 0,37$; использование интуиции $\pm 0,52$; интуитивная

способность $\pm 0,51$; понимание чужих эмоций $\pm 0,5$; понимание своих эмоций $-0,44$; межличностный эмоциональный интеллект $\pm 0,55$; понимание эмоций $\pm 0,55$; позитивный аффект $\pm 0,4$; отношение к неопределенным ситуациям $\pm 0,36$. Полученные данные позволяют нам сделать вывод, что показатель «Направленность интуиции на будущее» отражает проявление интуиции на картинах будущего.

Материалы и методы получения нормативных данных по опроснику.

Были сопоставлены результаты прохождения опросника мужчинами — сотрудниками МВД (возраст 19-45 лет, 218 человек) и аналогичными по возрасту гражданскими лицами (296 человек). Группа женщин в данном исследовании не рассматривалась ввиду нерепрезентативности выборки сотрудниц МВД, полученной на настоящий момент. Тестирование для сотрудников МВД проводилось анонимно для снижения социальной тревожности.

Сначала результаты опросника по выборкам гражданских лиц и сотрудников были объединены в общий пул, и по ним была проведен перевод данных из сырых баллов по каждой шкале в z-шкалу стандартных отклонений (со средним арифметическим, равным нулю, и стандартным отклонением, равным единице). Таким образом, все без исключения данные были приведены к единому масштабу.

Далее, после проверки на нормальность распределения общей выборки по каждому из пунктов опросника по критерию Шапиро-Уилка, который подтвердил отсутствие отличий, был применен критерий Стьюдента для независимых выборок с целью выявления значимости различий между результатами каждой группы по каждой из шкал, а сами результаты представлялись в виде среднего арифметического как точечной оценки и стандартной ошибки как интервальной оценки.

Результаты.

В таблице 1 представлены средние и стандартные отклонения для каждой шкалы опросника, а также указаны значения критерия Стьюдента и соответствующий уровень значимости.

Сравнительный анализ нормативных данных гражданских лиц и сотрудников МВД показал, что по всем параметрам интуиции показатели сотрудников МВД являются более низкими, из чего необходимо сделать следующие выводы:

1) особенности профессиональной деятельности сотрудников МВД, связанные с охраной правопорядка, поддержание социально нормативного поведения, требуют преимущественной ориентации на зафиксированные нормы закона, осознаваемые, рациональные правила; и отступление от одобряемого способа принятия решения в сторону иррационального способа вызывает у сотрудников напряжение, тревогу, страх быть признанным неполноценным, не соответствующим занимаемой должности, поэтому результаты внешнего самоотчета искажены этими факторами;



Таблица 1

Результаты статистического анализа различий в уровнях значений шкал опросника представлений о своей интуиции у гражданских лиц и сотрудников МВД мужского пола.

Название шкалы опросника	Значения у гражданских лиц-мужчин в единицах z-шкалы	Значения у сотрудников МВД — мужчин в единицах z-шкалы	Значения критерия Стьюдента и уровень значимости различий
Сила интуиции	0,13±0,88	-0,50±0,97	t=7,59, p<10 ⁻⁶
Точность интуиции, уверенность в интуиции	0,23±0,91	-0,42±0,94	t=7,86, p<10 ⁻⁶
Произвольность интуиции	0,24±0,97	-0,46±0,93	t=8,31, p<10 ⁻⁶
Интенция/психокинез	0,12±0,93	-0,48±0,91	t=7,40, p<10 ⁻⁶
временная направленность интуиции	0,24±0,88	-0,57±0,89	t=10,33, p<10 ⁻⁶
Позитивное эмоциональное/физическое состояние как фактор интуиции	0,04±1,01	-0,52±0,88	t=6,67, p<10 ⁻⁶
Негативное эмоциональное/физическое состояние как фактор интуиции	0,03±0,84	-0,67±0,85	t=9,20, p<10 ⁻⁶
Активация интуиции в экстремальных и трудных ситуациях	0,15±0,96	-0,54±0,88	t=8,48, p<10 ⁻⁶
Активация интуиции в повседневной жизни	0,07±0,88	-0,44±0,89	t=6,40, p<10 ⁻⁶
Самосубъектные отношения в структуре интуиции	0,12±0,93	-0,48±0,95	t=7,09, p<10 ⁻⁶
Межличностные отношения в структуре интуиции	0,14±0,90	-0,61±0,88	t=9,44, p<10 ⁻⁶
Аудиальная модальность интуиции	0,04±0,88	-0,57±0,93	t=7,52, p<10 ⁻⁶
Визуальная модальность интуиции	0,22±0,82	-0,68±0,90	t=11,62, p<10 ⁻⁶
Кинестетическая модальность интуиции	0,12±0,99	-0,44±0,90	t=6,66, p<10 ⁻⁶
Измененные состояния сознания как фактор интуиции	0,05±0,85	-0,55±0,89	t=7,62, p<10 ⁻⁶
Уравновешенность как условие функционирования интуиции	0,17±0,97	-0,59±0,88	t=9,23, p<10 ⁻⁶
Направленность интуиции на прошлое	0,12±0,89	-0,59±0,97	t=8,37, p<10 ⁻⁶
Направленность интуиции на настоящее	0,14±0,91	-0,57±0,86	t=9,06, p<10 ⁻⁶
Направленность интуиции на будущее	0,18±0,90	-0,69±0,84	t=11,15, p<10 ⁻⁶
Интуиция в профессиональной деятельности	0,03±0,89	-0,37±0,96	t=4,75, p<10 ⁻⁵

2) реальный уровень интуиции сотрудников МВД не является низким [2, 4, 5], поскольку данные получаемые по тестам объективного плана не меньше по уровню, чем у гражданских лиц [3], но методы субъективного самоотчета вносят искажения в результаты оценки интуиции, которые необходимо учитывать;

3) адекватная оценка интуитивных проявлений должна быть осуществлена только в соответствии с нормативами, полученными на профессиональных когортах.

Литература

1. Васильева И.В., Григорьев П.Е. Интуиция: от противоречивости теоретических объяснений к методологии доказательного эмпирического исследования // Вестник ТюмГУ. Педагогика. Психология. — 2014. — № 9. — С. 189–195.
2. Васильева И.В., Григорьев П.Е., Иванцов С.В., Игнатов А.Н. Особенности интуиции в предсказании опасности у сотрудников правоохранительных органов // Вестник Московского университета МВД России. — 2016. — № 7. — С. 237–240.
3. Григорьев П.Е., Васильева И.В. Зависимость эффективности предсказания аффективно окрашенных изображений от удовлетворенности базовых потребностей // Пространство и Время. — 2015. — № 3 (21). — С. 350–358.
4. Васильева И.В., Григорьев П.Е., Иванцов С.В., Игнатов А.Н. Особенности интуиции у осужденных за насильственные преступления // Человек: преступление и наказание. 2016. № 2(93). С. 108–114.
5. Григорьев П.Е., Васильева И.В., Игнатов А.Н. Индивидуально–психологические корреляты особенностей интуитивного предсказания опасных ситуаций сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Краснодарского университета МВД. — 2016. — № 1(31). — С. 196–201.
6. Калинин В.К. На путях построения теории воли // Психологический журнал. — 1989. — Т. 10, № 2. — С. 46–55.
7. Пономарев Я.А. Психика и интуиция. М.: Политиздат, 1967.
8. Юнг К.Г. Об энергетике души / Пер с нем. В. Бакусева — М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2010.
9. Berry D., Broadbent D. Implicit learning in the control of complex systems // Complex problem solving / P. Frensch, J. Funke (Eds.). 1995. P. 131–150.



УДК 34
ББК 67

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МИХАИЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ КОСТЕННИКОВ,

*доктор юридических наук,
профессор Всероссийского института повышения
квалификации сотрудников МВД России,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации*

Email: m-2263768@yandex.ru;

ГАИК ВСЕВОЛОДОВИЧ МАРЬЯН,

*кандидат юридических наук
доцент Высшей школы экономики*

E-mail: gaik1975@mail.com

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Министерство внутренних дел в истории нашей страны всегда играло ключевую роль, а его сотрудники выполняли самые важные и ответственные государственные задачи и функции. Поэтому служба в органах и организациях системы МВД России имеет ключевое значение в деле обеспечения правопорядка, а также в вопросах защиты прав и свобод человека и гражданина. Кроме этого, правоохранительная служба в органах и организациях системы МВД России вносит определенный вклад в дело экономического развития страны, она также направлена на улучшение качества жизни людей и создание условий для их профессионального и социального развития.

Ключевые слова: служба, полиция, сотрудник, полицейский, государство, право, чиновник, реформа, МВД, ОВД.

Annotation. the Ministry of internal Affairs in the history of our country has always played a key role, and its staff performed the important and responsible tasks and functions. Therefore the service in bodies and organizations of the interior Ministry of Russia is of key importance in ensuring the rule of law and the protection of the rights and freedoms of man and citizen. In addition, law-enforcement service in bodies and organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia makes a certain contribution to the economic development of the country, it also aims to improve the quality of people's lives and creating conditions for their professional and social development.

Keywords: service, police, officer, police, state, law, officer, reform, Ministry of interior, police Department.

Государственная служба вообще и служба в органах внутренних дел в частности — необходимый атрибут современного российского государства. Государственная служба, каких бы видов она не была, в каких бы формах не реализовывалась, всегда направлена на осуществление государственной политики, а также на применение тех функций, которые, собственно, и закреплены за государством. Государственная служба — объективный институт государства. Как верно отметил А.А. Демин, «... поскольку наличие государственных служащих — неотъемлемый признак наличия самого государства, то и государственная служба существует везде, где есть государственная форма организации общества. Ее наличие и функционирование не зависит от наличия или отсутствия законодательства о государственной службе, наоборот, законодательство иногда

верно отражает объективные тенденции появления деятельности государственных служащих, а иногда в законодательстве выдаются желаемые ее черты за действительные»¹.

Действительно, государственная служба как публично-правовой институт находится в непосредственной диалектической связи с государством и, как следствие этого, занимает промежуточное звено между гражданином и должностным лицом, осуществляющим те или иные государственные полномочия. Заметим, что государственная служба, как публично-правовое образование, является предметом изучения различных научных дисциплин, у каждой из которых свой предмет в исследовании и понимании соответствующего феномена.

Несмотря на то, что государственная служба изучается в различных аспектах, тем не менее, наиболее предметно этот институт исследован именно в



области права, а если быть более точным — рассматриваемое образование весьма предметно изучается в науке административного права. Как верно отмечает А.А. Гришковец, «...государственная служба — один из важнейших, фундаментальных институтов административного права»².

В этой связи бесспорным представляется тот факт, что административное право занимает центральное место в механизме правового регулирования государственно-служебных отношений, однако следует признать, что и другие отрасли российского права также касаются обозначенного предмета правового воздействия.

В частности, Конституция Российской Федерации задает вектор в развитии законодательства о государственной службе, в этом документе отмечается, что граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе (п. 4 ст. 32), а также то, что федеральная государственная служба находится в ведении Российской Федерации (п. 1 ст. 71). Как первое, так и второе предписание Конституции нашей страны имеют самое непосредственное отношение к правовому регулированию, а также и к организации государственной службы, осуществляемой в системе МВД России. Государственная служба, как публично-правовое образование представляет собой иерархически выстроенный институт, обладающий рядом сущностных признаков, на которые будет обращено внимание чуть ниже. Государственная служба — это место, где гражданин может реализовать свою трудовую правосубъектность, а если сказать иными словами — свои способности в сфере труда. Кроме того, государственная служба обладает властным потенциалом, в связи с чем прохождение службы осуществляется в установленном правовом режиме, предполагающем ее особый статус и функциональный потенциал. Государственную службу реализует определенная категория специально подготовленных людей, которые имеют статус государственных служащих. Все эти, а также ряд иных признаков качественно отличают государственную службу от иных видов социально-полезной и трудовой деятельности людей. Необходимо отметить, что цель нашего исследования не стоит в рассмотрении всего института государственной службы, наша задача затронуть лишь один важнейший сегмент соответствующего образования, на который содержится указание в названии настоящей работы. Исходя из этого, заметим, что служба в органах внутренних дел соотносится с институтом государственной службы как часть к целому. Поэтому, в силу объективных обстоятельств, она обладает определенным качественным своеобразием, а также функциональным предназначением, тем не менее, некоторые общие признаки государственной службы все же присущи службе в органах внутренних дел. Об особенностях службы в органах и организациях системы МВД России будет сказано также несколько ниже, а сейчас представляется необходимым изложить в целом наше понимание института госу-

дарственной службы в российском праве, которое сложившиеся к настоящему времени в юридической литературе. Такой подход, как представляется, позволит системно подойти к определению сущностных признаков службы в органах внутренних дел. Более того, государственная служба, осуществляемая в системе МВД России в целом, не может развиваться автономно без взаимодействия с иными видами государственной службы. На данный факт обратил также внимание в свое время П.П. Сергун, подчеркнувший, что государственную службу в органах внутренних дел нельзя рассматривать как «некую оторванную, абсолютно самостоятельную категорию от общего развития государственной службы Российской Федерации». При этом цитируемый автор отмечает, что «если государственную службу определить в качестве родового объекта, то государственная служба в органах внутренних дел будет выступать как разновидность родового объекта, а именно — видовым объектом»³.

Именно обозначенный методологический как полагаем подход следует использовать при исследовании службы в органах внутренних дел, как разновидности федеральной государственной правоохранительной службы. Для подкрепления высказанного суждения представляется необходимым обратиться к теоретическому анализу института государственной службы.

В ходе реформирования государственной службы, в начале 2000-х годов был принят Федеральный закон от 27 мая 2003 г. «О системе государственной службы Российской Федерации»⁴, который определил, что система государственной службы включает в себя следующие виды государственной службы: государственная гражданская служба; военная служба; и другие виды государственной службы (ст. 2). Все эти виды государственной службы между собой, так или иначе, логически взаимосвязаны, поскольку каждый из них позволяет государству реализовывать поставленные перед ним задачи и функции в соответствующей сфере. Исходя из предмета исследования, наибольший интерес для нас представляет институт правоохранительной службы, поскольку именно в его содержании функционирует государственная служба, осуществляемая в органах и организациях системы МВД России.

Правоохранительная служба — это вид службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина. Таким гражданам присваиваются специальные звания и классные чины. Исходя из своего содержания, служба в органах внутренних дел является, по сути, правоохранительной службой (термин в настоящее время отменен). Отметим, что обозначенный вид государственной службы весьма многочислен. Сотрудники полиции, а также иные сотрудники МВД России выполняют задачи



по защите прав и свобод граждан, осуществляют комплекс мер по противодействию преступлениям и административным правонарушениям. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации»⁵ специально не акцентирует внимание на правоохранный аспект службы в органах и организациях системы МВД России. В частности, названный закон определяет, что служба в органах внутренних дел — «это федеральная государственная служба, представляющая собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в органах внутренних дел Российской Федерации, а также на должностях, не являющихся должностями в органах внутренних дел» (ст. 1). Такой подход, как нам представляется, далеко не в полной мере соответствует содержательному аспекту служебной деятельности, осуществляемой в сфере внутренних дел. В представленном определении акцент (и это логично) должен быть сделан на правоохранный характер службы в органах внутренних дел. Исходя из этого положения, Е.В. Позднякова под государственной службой в органах внутренних дел предлагает понимать «...урегулированную нормами права служебную деятельность граждан Российской Федерации, осуществляемую на профессиональной основе за соответствующее вознаграждение, направленную на реализацию задач и функций, стоящих перед органами внутренних дел, посредством замещения должностей правоохранительной службы, учрежденных в органах внутренних дел, характеризующую определенным административно-правовым статусом сотрудников»⁶.

В представленном определении службы в органах внутренних дел акцентируется внимание на необходимости замещения лицом должности в органах и организациях системы МВД России. Кроме того, служебная деятельность в органах внутренних дел напрямую перекликается с реализацией задач и функций, стоящих перед МВД России. Помимо всего прочего, служба в органах внутренних дел связана с реализацией тех задач, которые прямо вытекают из Федерального закона от 7 февраля 2011 г. «О полиции»⁷.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что служба в органах внутренних дел является федеральной государственной службой, которая осуществляется на должностях, созданных в органах и организациях системы МВД России сотрудниками, назначенными на соответствующие должности и которым присвоены специальные звания.

Служба в органах внутренних дел носит профессиональный характер, в связи с этим к сотрудникам, претендующим на замещение соответствующих должностей предъявляются определенные требования к уровню их профессионального образования. В настоящее время для замещения большинства должностей в системе государственной службы, осуществляемой в органах внутренних дел, необходимо на-

личие высшего юридического образования. Помимо специальных званий, сотрудникам органов внутренних дел при сдаче соответствующих экзаменов может быть присвоена классность. В отличие от государственной гражданской службы — сотрудники, проходящие службу в органах внутренних дел, имеют льготное исчисление выслуги лет, а также более высокое социальное обеспечение, нежели государственные гражданские служащие.

В завершении рассмотрения особенностей государственной службы в органах внутренних дел представляется возможным отметить, что для этого вида государственной службы характерна весьма существенная централизация в вопросах правового регулирования прохождения службы, более высокие требования, касающиеся морально-психологической и физической подготовки сотрудника, кроме того, в сфере внутренних дел установлен более жесткий режим служебной дисциплины. Все эти, а также ряд иных особенностей качественно отличают службу в органах внутренних дел от иных видов служебной деятельности, осуществляемой в государственном аппарате.

Литература

1. Гришкoveц А.А. Государственная гражданская служба. — М., 2014. — С. 8.
2. Демин А.А. «Система добычи» и «система заслуг» как способы комплектования кадров государственной службы // Вестник РУДН. Серия юридические науки. — 1996. — № 2. — С. 41.
3. Сергун П.П. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: состояние и теория развития. — Саратов, 1998. — С. 50.
4. Позднякова Е.В. Правовое регулирование прохождения государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2010. — С. 8.

1 См.: Демин А.А. «Система добычи» и «система заслуг» как способы комплектования кадров государственной службы // Вестник РУДН. Серия юридические науки. — 1996. — № 2. — С. 41.

2 См.: Гришкoveц А.А. Государственная гражданская служба. — М., 2014. — С. 8.

3 См.: Сергун П.П. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: состояние и теория развития. — Саратов, 1998. — С. 50.

4 Собрание законодательства РФ. — 2003. — № 22. — Ст. 2063.

5 Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 49 (ч. 1). — Ст. 7020.

6 См.: Позднякова Е.В. Правовое регулирование прохождения государственной службы в органах внутренних дел Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2010. — С. 8.

7 Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 900.



УДК 1
ББК 88

ОТЕЦ И МАТЬ В СОЗНАНИИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

АРТУР АЛЕКСАНДРОВИЧ РЕАН

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. В статье приводятся результаты масштабного эмпирического исследования, проведенного в восьми регионах разных федеральных округов России. Общий объем репрезентативной выборки составил более 7000 человек. Выборку составили респонденты из больших и малых городов России, а также из сел, из полных и неполных семей, из семей с 1-2 детьми и многодетных семей.

Показано, что в структуре жизненных ценностей молодежи семья занимает первое место. Установлено, кроме того, что подавляющее число респондентов считают наличие семьи обязательным условием счастья. Показано, что для большинства респондентов их нынешняя, родительская семья не является ориентиром и образцом. Показано, что репродуктивные установки молодежи преимущественно связаны с наличием в будущем двух-трех детей, что не соответствует современной реальной демографической статистике. Выявлено, что более половины респондентов одобрительно относятся к гражданским бракам. Вместе с тем, к рождению детей вне брака отношение молодежи менее терпимое.

Установлено, что наибольшее влияние на молодежь в процессе их взросления оказывает мать. Отцы, занимая второе место, проигрывают матерям с большим разрывом. Выявлено, что обобщенные портреты матери и отца оказались полностью положительными. То есть они не содержали ни одной негативной характеристики. Общие качества, которые попали в первую десятку наиболее популярных в описаниях, как отца, так и матери, следующие: добрый, надежный, заботливый, ответственный, семейственный, умный. Различия в образах матери и отца состоят не в оценке представлений по критерию «позитивно - негативно», а в модальности характеристик.

Ключевые слова: семья, ценности, отношение к семье, образ отца, образ матери, роль отца, отношение к родителям, семейная подготовка, семьеведение, социальная перцепция.

Annotation. The article presents the results of a large-scale empirical study carried out in eight regions of different federal districts of Russia. The total volume of a representative sample of more than 7000 people. The sample comprised respondents from large and small cities of Russia, as well as from villages, of complete and incomplete families, families with 1-2 children and large families. Shows that values youth family occupies the first place. Found, moreover, that the overwhelming number of respondents consider mandatory condition of family happiness. It is shown that for the majority of respondents to their current parent family is a guide and role model. It is shown that the reproductive youth Setup is predominantly linked to in the future, two or three children that does not correspond to the modern real demographic statistics. Revealed that more than half of the respondents belong to civil marriages approvingly. However, the birth of children out of wedlock attitude youth.

Keywords: family, family values, attitudes, the image of the father, the mother, the father's role, relevant to parents, family training, sem'vedenie, social perception.

Ценности детей и родителей, хотя и не идентичны, но вполне согласуются друг с другом. Так, в одном из исследований был проведен сравнительный анализ ценностей детей и родителей (по методике М. Рокича). Оказалось, иерархия их для отцов такова: «здоровье, семья, материальная обеспеченность, любовь, свобода, независимость»; для матерей — «семья, здоровье, любовь, материальная обеспеченность, чувство долга, ответственность». В структуре же ценностей их детей-старшеклассников поднялась значимость ценностей «свобода, независимость» — что для психологов, конечно, не является удивительным. Но такие ценности, как «здоровье, любовь,

семья» сохранили свои высокие позиции и в этой выборке (Ясюкова, 1996).

Думая о своей будущей семье, строя жизненные планы, молодые люди, естественно, исходят из определенных представлений о своей будущей семье, опираются на ее определенные образы. Исследования показывают, что главным источником представлений о семье молодежь, прежде всего, считает родительскую семью — 53,2% респондентов. Второе и третье места в этом списке источников представлений занимают мнение друзей — 23,1% и литература — 21,2% (Кухтевич, 1997).

Отношение к семье в ходе взросления меняется.



В процессе социализации группа ровесников в значительной степени замещает родителей (происходит “обесценивание” родителей — по выражению Х. Ремшмидта). Перенос центра социализации из семьи в группу ровесников приводит к ослаблению эмоциональных связей с родителями. Необходимо заметить, что замечания относительно “обесценивания” родителей в подростковом и юношеском возрасте являются очень распространенными и даже, можно сказать, стали общим местом. Например, для подросткового возраста описана специальная поведенческая особенность “реакция эмансипации”. Сделаны даже попытки объяснить ее с эволюционно-биологической точки зрения. Вся эта тенденция, конечно, верна как общее направление возрастного развития личности. Однако глобализация этих представлений, гиперболизация идеи о “замещении родителей” группой сверстников — мало соответствует реальной психологической картине.

Имеются данные о том, что хотя родители как центр ориентации и идентификации отступают в этом возрасте на второй план, это относится лишь к определенным областям жизни. Для большинства молодых людей родители и особенно мать остаются главными эмоционально близкими лицами.

Так, в одном исследовании немецких ученых, было показано, что в проблемных ситуациях наиболее эмоционально близким, доверенным лицом для подростка, прежде всего, служит мать, а затем, в зависимости от ситуации в разной последовательности — отец, подруга или друг. В другом исследовании, выполненном на отечественной выборке, старшеклассники ранжировали, с кем они предпочли бы проводить свое свободное время — с родителями, с друзьями, в компании сверстников своего пола, в смешанной компании и т.д. Родители оказались у юношей на последнем (шестом) месте, у девушек — на четвертом месте. Однако, отвечая на вопрос, “С кем бы ты стал советоваться в сложной житейской ситуации?” — и те и другие поставили на первое место мать. На втором месте у мальчиков оказался отец, у девочек — друг, подруга. Иначе говоря, с друзьями приятно развлекаться, но в трудную минуту лучше обратиться к маме (Кон, 1989).

Наши данные, полученные позднее на выборках подростков, юношей и девушек подтверждают эту тенденцию. Как показано в одном таком исследовании (А.А.Реан, М.Ю.Санникова) в системе отношений личности к социальному окружению, в том числе определялось отношение к обоим родителям и сверстникам, именно отношение к матери оказалось наиболее положительным. Было установлено, что снижение положительного отношения к матери, увеличение негативных дескрипторов (характеристик) при описании матери коррелирует с общим ростом негативизации всех социальных отношений личности.

Можно полагать, что за этим фактом стоит фундаментальный феномен проявления тотального негативизма (негативизма ко всем социальным объектам,

явлениям и нормам) у тех личностей, для которых характерно негативное отношение к собственной матери. В целом, как установлено в исследовании, негативное отношение к матери является важным показателем общего неблагоприятного развития личности (Реан, 2013). Нарушение взаимоотношений в системе «мать, отец — дети», как многократно было показано во многих и отечественных, и зарубежных исследованиях, ведет к формированию склонности к деструктивному поведению, агрессии, «уходу на улицу» (безнадзорности) и др. (Реан, 2013; Ремшмидт, 1994; Семья..., 2010; Understanding aggressive, 1996; Specht W., 1991).

Говоря о высоком значении роли матери, стоит остановиться и на влиянии отца на становление личности подростка, юноши, девушки. К сожалению, в последние годы выявляется устойчивая тенденция снижения роли отца, его значимости и влияния на воспитание и становление личности ребенка. Так, в фундаментальном исследовании, под названием «Семья и родительство в современной России», выполненном Институтом социологии РАН, было установлено, что доля тех, кто назвал отца значимым лицом, оказавшим в процессе взросления на личность наибольшее влияние, снизилась с 41,1% (в старшей возрастной группе 40-44 года) до 31,8% (в молодежной группе 16-19 лет).

Чем слабее становилась фигура отца, тем более укреплялась в сознании респондентов фигура матери. В молодежной группе (16-19 лет) доля тех, кто оценивал роль матери как самую значительную, составила 73,3%, в то время как в старшей возрастной группе (40-44 года) — таких было 61,9% (Семья и родительство...).

В этом исследовании, правда, имеется один существенный методологический недостаток. С ответами современной молодежи о роли отца в их становлении, сравниваются ответы взрослых 40-летних людей. И на этом на основании делаются выводы о том, дескать, как было раньше и как стало теперь. С психологической точки зрения, однако, вовсе не факт, что ответы 40-летних взрослых и ответы этих же респондентов на этот же вопрос, но более двадцати лет назад, то есть в возрасте 16-19 лет — совпали бы. Ретроспективные оценки чаще всего отличаются от оценок непосредственных. И дело здесь даже не просто в элементарном забывании. А дело в том, что отсроченные, отдаленные оценки и представления о значимых и любимых людях, как правило, являются более положительными, чем оценки непосредственные «здесь и сейчас». Тем более, когда, именно как в этом случае, мы говорим о людях, которые уже давно распрощались с подростковым, юношеским максимализмом и бунтарством.

Несмотря на сказанное, все-таки мы должны констатировать, что роль и влияние матери и отца не равнозначны. Кроме того, следует подчеркнуть, что влияние родительской семьи — это не просто влияние родителей. Это именно влияние семьи. Семьи, как со-



циального организма, как системы. Семья представляет собой систему взаимодействующих элементов, где не только родители влияют на детей, но и дети на родителей (Parke, Buriel, 1998; Кайл, 2002). В результате этого взаимодействия, хотим подчеркнуть мы, и появляется новая реальность под названием «семья». И эта реальность такова, что совокупность элементов ее составляющих не равна целому. Это системное целое — «семья» — больше, чем только ее составляющие элементы: мать, отец, дети. Это новое системное качество, или, если угодно, — новый организм.

Масштабное исследование изучения отношения молодежи к институту семьи и семейным ценностям было организовано нами в восьми субъектах федерации России и охватывало четыре федеральных округа: Приволжский, Сибирский, Уральский, Центральный.¹ Общий объем выборки составил 7000 человек. Из этой выборки на все методики и все вопросы анкеты, без пропусков, ответили 5561 человек.

Для исследования была сформирована выборка старшеклассников из больших и малых городов России, а также из сел, из полных и неполных семей, из семей с 1-2 детьми и многодетных семей.

Выборка была репрезентативной по всем основным параметрам. Возрастной состав выборки: 14 лет — 0,4%, 15 лет — 9,1%, 16 лет — 49,9%, 17 лет — 37,5%, 18 лет — 2,3%, старше — 0,8%.

Характеристика выборки по классам обучения: десятый класс — 57% одиннадцатый класс — 43%.

Состав выборки по полу: женский — 57,9%, мужской — 42,1%.

Состав выборки по месту проживания. Города с населением до 100 тысяч человек — 19,9%, города с населением от 100 тысяч до 500 тысяч человек — 21%, города с населением от 500 тысяч человек — 32,4%, деревня или село — 18,2%, поселок городского типа — 8,5%.

Характеристика выборки по составу семьи: Мать, двое детей — 6,5%, Мать, один ребенок — 11,3%, Мать, трое и больше детей — 2%, Отец, двое детей — 0,4%, Отец, один ребенок — 0,9%, Отец, трое и более детей — 0,6%, Отец, мать, двое детей — 41,5%, Отец, мать, один ребенок — 22,5%, Отец, мать, трое детей — 14,3%.

В процессе исследования применялись: специально составленный социологический опросник, методика изучения ценностных ориентаций Ш. Шварца, методика ценностных ориентаций «Поговорки» в модификации А. А. Реана, методика семантического дифференциала, многофакторный личностный опросник FPI, методика «80 прилагательных» А.А. Реана, методика «Стили родительского поведения». В настоящей работе приводятся и обсуждаются результаты только части исследования. А именно обсуждаются результаты по различным блокам социологического опросника, а также по методике «80 прилагательных», в части касающейся родителей.

Ведущими ценностями в своей жизни респон-

денты назвали следующие: Семья, Любовь, Здоровье. Это доминирующая тройка. Причем, даже внутри нее «семья» занимает лидирующее положение, с большим отрывом от двух других. Семью, как наиболее значимую ценность, выбрали 72,5% опрошенных. В то время как занимающую второе место «любовь» — 58,4%, а находящуюся на третьем месте ценность «здоровье» — 52,4%. В пятерку наиболее значимых вошли также такие ценности, как «друзья» (43,6%) и «успех» (36,1%). Другие ценности, такие как, деньги, карьера, признание, работа — по числу выборов остались за пределами первой пятерки.

Таким образом, эти данные, четко фиксирующие приоритетное значение семьи в структуре жизненных ценностей молодежи, опровергают часто озвучиваемое, а иногда и агрессивно навязываемое мнение о том, что семья это будто бы анахронизм, и что у этого института нет будущего.

Другое дело, что возникает резонный вопрос: почему при таком высоком значении «семьи» в структуре ценностей молодежи, все-таки столь высок процент разводов в стране? И особенно среди молодежи, в первые годы брака. К обсуждению этого вопроса удобнее всего будет обратиться сейчас, и вот в каком контексте.

Как показало наше исследование, абсолютное большинство молодежи полагает, что нужно специально готовить человека к созданию семьи путём обучения семейным ценностям. Так считают 66% респондентов. Только 15% опрошенных полагают, что этого делать не надо, а еще 19% — затруднились с ответом. Эти данные внушают оптимизм. Во-первых, потому, что если человек хочет, чтобы его чему-то обучали, то это недвусмысленно свидетельствует о его интересе к предмету и теме обучения. В нашем случае об интересе к теме семьи, семейной жизни. Ну а, во-вторых, оптимистичность этих данных еще и в том, что здесь есть основания для чисто прагматического, утилитарного интереса именно для психологов, а также и для педагогов. Ну, действительно, если к созданию семьи надо специально готовить, то кому же этим заниматься, как не психологам, в дружном взаимодействии с педагогами.

Оптимизм, к сожалению, несколько поубавится при знакомстве с другими данными нашего исследования. Оказалось, что только 38% респондентов считают необходимым преподавание специального курса по вопросам семьи и семейной жизни в школах. Еще 38%, то есть ровно столько же, полагают, что делать этого не надо, а 24% — затруднились с ответом.

Казалось бы, на лицо очевидное противоречие этих данных с ранее приведенными результатами. Да к тому же, как все это соотносится с высоким интересом к теме семьи и семейной жизни, доминированием семьи в структуре жизненных ценностей? И все-таки, противоречия здесь нет, и одни данные не отменяют значения других. Мы полагаем, что в совокупности эти результаты требуют следующей интерпретации. Да, большинство молодежи считает, что обучать ос-



новам семейной жизни, семейным ценностям надо. Но это обучение не может и не должно сводиться к прямому предметному обучению в школе. Основам семейной жизни учит, привитию семейных ценностей способствует, в первую очередь, сама семья, в которой человек растет и социализируется. Не случайно, поэтому, с позиций психологии семью можно называть моделью основного жизненного тренинга. Именно уклад семьи, господствующие в ней ценности, социальные позиции и установки, система взаимоотношений между членами семьи — вот то, что обучает и готовит к будущей семейной жизни.

Кстати, что касается предметно-урочного обучения. Мы полагаем, что недостаточно внимания уделяется у нас потенциалу других предметов в контексте подготовки к семейной жизни. Даже на первый взгляд понятны широкие возможности, в этом плане, таких предметов, как литература и история.

Подытоживая рассуждения на эту тему, хотелось бы подчеркнуть. Мы полагаем все-таки, что в общей системе целенаправленной подготовки молодежи к успешной семейной жизни, специальный предмет по семейной тематике («этика и психология семейной жизни», «семьеведение» или др.) совершенно необходим. Да, как один из элементов системы, но элемент крайне важный. И связано это, среди прочего, и с тем обстоятельством, что современная семья не справляется с функцией подготовки молодежи к семейной жизни, то есть не способна в необходимой мере осуществлять семейную социализацию.

«Хотите ли Вы, чтобы Ваша будущая семья была похожа на ту, в которой Вы выросли?», — спросили мы респондентов в нашем исследовании. Только 42% из них ответили, что да, хотели бы этого. Строго отрицательно ответили на этот вопрос 34%, а еще 24% — выразили сомнение, затруднившись с ответом.

Таким образом, для 58% молодежи их нынешняя, родительская семья не является ориентиром и образцом. Это реальная проблема. Возможно, именно она даже является одной из причин неготовности молодежи к браку, и причиной высокой статистики разводов в первые же годы супружества. Ведь если семья не является ориентиром и образцом, то где взять эти ориентиры, где научиться поведенческим образцам жизни в семье, как приобрести столь необходимые поведенческие умения и навыки? Решение этой проблемы в первую очередь предполагает, конечно, организацию работы даже не с молодежью, а с самими родителями или, что еще лучше, с семьей в целом.

Большой интерес представляет вопрос о том, кто из членов семьи наиболее повлиял на респондентов в процессе их взросления, кто оказал наибольшее влияние на их становление. Мать в этой связи назвали 57,5% опрошенных, а отца только 23,7%. Остальные члены семьи — бабушка, дедушка, старший брат/сестра — получили незначительное количество выборов.

Высокое влияние матери на становление лично-

сти — факт, безусловно, отрадный. Однако настораживает, что отцы проигрывают со слишком большим «счетом». Психологически это, вероятно, объясняется большей эмоциональной близостью матери к детям. Но, также представляется, что значительную роль играет здесь элементарный временной фактор. Отцы, как правило, проводят с детьми значительно меньше времени, чем матери. В современных условиях многие из них подрабатывают на второй работе. Более того, как нам говорили в ходе выборочных интервью, многие отцы работают вахтовым методом, уезжая на две недели каждый месяц, в другие города и регионы. В связи с наличием такой тенденции в снижении роли отца, стоит однозначно приветствовать возникающие в России общественные движения и инициативы, направленные на повышение роли отца в семейном воспитании. Психологическое сообщество только выиграет, если вовремя присоединится к этим движениям и окажет им профессиональную психологическую поддержку.

Мы уже отметили выше, что влияние, как дедушек, так и бабушек на становление личности в ходе взросления отметило лишь незначительное число респондентов. Интересным, однако, представляется тот факт, что приоритет и здесь принадлежит женскому полу — бабушек назвали 8,2% опрошенных, а дедушек почти в два раза меньше — 4,3%.

Говоря об отношении к гражданским бракам, 54% респондентов сказали, что «это нормально», 17% считают, что «это недопустимо», и 29% затруднились с ответом. Однако отношение к рождению детей вне зарегистрированного брака уже не столь одобряемо. Нормальным явлением считают рождение детей вне брака только 35%, столько же (35%) полагают это недопустимым, и опять же 29% затруднились с ответом. Конечно, интересно было бы исследовать гендерные различия в ответах на оба этих вопроса. Гипотетически мы предполагаем, что ответы юношей будут отражать более терпимую позицию, как на первый, так и на второй вопрос, а ответы девушек будут менее терпимыми и более негативными. Проведение такого анализа гендерных различий по всей выборке в настоящее время нами предпринимается.

Что же, по мнению респондентов, является основной причиной создания семьи. Первое место, со значительным отрывом от других названных причин, занимает «любовь» (65%). Вторая по значимости причина «взаимопонимание» (18%). На третьем месте — «рождение и воспитание детей» (6%). Другие причины набрали еще меньшее количество выборов, в пределах 2-3%.

Коррелируют с этими данными и представления респондентов о том, каковы главные условия благополучного брака. Первое место опять занимает «любовь». Второе место — «взаимная поддержка». Третье место — «умение идти на компромиссы».

Показательно, что подавляющее число респондентов считают наличие семьи обязательным условием счастья (68%). С этим не согласны 21% опрошен-



ных, и еще 12% затруднились с ответом. Мы считаем эти данные, конечно, отрадными. Ведь вопрос был поставлен в категоричной форме — является ли семья обязательным условием счастья. И на это 68% старшеклассников определенно отвечают «да». При этом ответ «нет» ведь не исключает семью из списка условий счастья, он только исключает ее из обязательного условия счастья.

В связи с постоянно обсуждаемыми на всех уровнях проблемами, связанными с демографической ситуацией в стране, интересно было бы посмотреть, сколько детей планируют иметь в своей будущей семье респонденты. Как оказалось, иметь одного ребенка планируют 15% опрошенных, двоих — 49%, троих — 39%, более трех — 8%, ни одного — 9%.

Следует прокомментировать тот факт, что 9% не хотят иметь детей вообще. В целом это могло бы вызвать удивление. Но в данном исследовании эта цифра вполне закономерна, ведь 7% респондентов заявили, при ответе на другой вопрос, что они вообще не планируют создавать семью. Относительно других цифр можно сказать, что они не вполне соответствуют реальной статистике. Семьи с тремя детьми в реальности не так распространены, а семей с одним ребенком, напротив, значительно больше. Большинство семей в России имеют одного ребенка или двоих детей. Если репродуктивные установки, озвученные респондентами в этом исследовании, будут в действительности реализованы, то это внесет определенный позитивный вклад в современную демографическую ситуацию.

Специальная часть нашего исследования была посвящена изучению представлений старшеклассников об отце и матери. Заметим, что в современной отечественной психологии имеются фундаментальные исследования образа ребенка в сознании взрослых — педагогов и родителей (Ситников, 2001; Ситников, Кедич, 2016; Регуш, 2016; Реан, 2013; Реан, Коломинский, 1999; Рождественская, 2004; и др.). Эти исследования служат основой для разработки стратегий эффективного взаимодействия детей и взрослых, для успешной организации процесса воспитания и социализации. В такой же мере для построения эффективного общения и взаимодействия детей и взрослых важны и исследования, проливающие свет на эту проблему с другой стороны — анализ представлений детей о взрослых, и в первую о родителях.

В ходе нашего исследования, по методике «80 прилагательных» А.А. Реана, был получен список наиболее популярных характеристик, которыми старшеклассники описывают своих родителей. Эти обобщенные портреты матери и отца оказались полностью, абсолютно положительными. То есть они не содержали ни одной негативной характеристики. Этот факт, на наш взгляд, более, чем отрадный. И имеет большое практическое значение. По крайней мере, эти данные свидетельствуют о том, что разговоры о кризисе взаимоотношений между детьми и родителями сильно преувеличены. Или конфликт между

ними носит не глубоко психологический, а поверхностный, зачастую даже и просто показной характер. Установленный факт исключительно позитивного восприятия личности собственных родителей, создает хорошие основания для позитивных отношений на поведенческом уровне. Возможно, эти слова прозвучат слишком афористично, но я убежден, что очень часто мы оцениваем поступки не по их реальному содержанию, а потому, как мы относимся к человеку, их совершившему. Пусть это и не всегда так, но тенденция такая, конечно, существует.

Несмотря на общую социально-перцептивную картину, естественно, материнский и отцовский портреты отличались друг от друга по конкретным качествам. Назовем те общие качества, которые одинаково часто употребляются в описаниях, как отца, так и матери: добрый, надежный, заботливый, ответственный, семейственный, умный.

Дифференцированно портреты матери и отца, по первой десятке наиболее часто называемых респондентами качеств, выглядят следующим образом.

Мать, по оценке респондентов, она в первую очередь: заботливая, добрая, аккуратная, ласковая, искренняя, семейственная, надёжная, человечная, ответственная, умная. Как видим, большинство дескрипторов отражают эмоциональные и моральные качества. Если рассмотреть их по классам отношений (например, по В.Н. Мясищеву или Б.Г. Ананьеву), то большинство дескрипторов связано с характеристикой отношений к другим людям. Существенно меньше характеристик, связанных с отношением к делу, и совсем нет — с отношением к самой себе.

Отец, по оценке респондентов, он в первую очередь: добрый, авторитетный, заботливый, надёжный, весёлый, семейственный, умный, мудрый, ответственный, искренний. Большинство дескрипторов, и в этом случае, отражают эмоциональные и моральные качества. Но при этом несколько увеличивается вес когнитивных составляющих портрета.

С интересом можно посмотреть и на анти-топ качеств. Это те качества, которые не характерны для представлений старшеклассников о своих родителях, качества, которые реже всего упоминаются в родительских портретах. Для отца, например, такими не характерными качествами, по мнению респондентов, являются: завистливый, глупый, трусливый, бездушный, лживый. А для матери в анти-топ качеств входят: глупая, бездушная, завистливая, неблагодарная, лживая. Список, как видим, похож. И все эти качества в обоих случаях, и относительно отца, и относительно матери, упоминаются в описаниях реже всего.

Тенденция, однако, такова, что в относительном выражении эти негативные качества в случае с отцом имеют больший вес, чем в случае с матерью. Иначе говоря, негативные дескрипторы в портретах отца и матери могут иметь одинаковое низкое ранговое место, но при этом разный вес в процентном выражении. Так, например, дескриптор «глупый», входящий в анти-топ



самой непопулярной пятерки качеств, в портрете матери имеет вес 2%, а в портрете отца — 5%. Дескриптор «лживый» в портрете матери имеет вес 2%, а в портрете отца — 6%, такое же соотношение по характеристике «бездушный» — вес 2% в портрете матери, против 6% в портрете отца. С сожалением мы вновь должны констатировать, что отцы опять «проигрывают» матерям. Почему респонденты чаще видят негативные качества именно у отцов? Отцы, в самом деле, хуже (пусть и в небольших пределах 5-6%)? Или дети предъявляют им более жесткие требования, задают более высокие стандарты? Или с отцами чаще складываются более негативные или менее доверительные отношения? А эти негативные отношения, как хорошо известно в психологии, детерминируют и негативное восприятие личности другого. Ответы на эти вопросы, думается, могут оказаться различными в каждом конкретном случае, в каждой конкретной семье. Однако, что ясно уже сейчас, практической психологии семьи и детства, психологии семейного консультирования важно обратить особое внимание на проблему отцовства. А затем и поспособствовать привлечению к вопросам отцовства внимания всего общества. Это тем более важно, что в психологии хорошо известно, различия вклада отцов и матерей в становление, развитие, социализацию личности. Мы сейчас говорим не о силе, не о величине этого вклада, то есть не о его количественной составляющей. Речь идет о качественной специфике влияния отца и матери на процесс развития личности ребенка. Отец и мать, можно так выразиться, отвечают за различные стороны социализации личности. По Э. Фромму, например, любовь матери к ребенку безусловна, а любовь отца — условна. В том смысле, что она обусловлена выполнением определенных требований, правил социального поведения. Позиция о существовании такой дихотомии в отцовской и материнской любви на сегодняшний день является широко принятой в психологии, если не сказать даже общепринятой. Существование такого различия в отцовском и материнском подходе приводит к важным практическим следствиям. По существу, именно благодаря такому сочетанию и возможна наиболее полная и эффективная социализация личности. С одной стороны, безусловная любовь приводит к формированию чувства защищенности, уверенности, позитивной я-концепции. С другой стороны, условная любовь является стимулом формирования установок на просоциальное и социально адаптивное поведение, стимулом усвоения норм, правил и навыков успешного просоциального поведения личности.

Литература

1. Кайл Р. (Kail R.) Тайны психики ребенка. М. 2002.
2. Кон И.С. Психология ранней юности. М. 1989.
3. Крайг Г. (Craig G.) Психология развития. СПб. 2000.
4. Кухтевич Т.Н. Молодежь России-97: мозаика рубежа века. // Молодежь-97: надежды и разо-

чарования. М. 1997. С. 6-15.

5. Психология человека от рождения до смерти. / Под ред. А.А. Реана. М. 2015.
6. Реан А.А. Психология личности. СПб. 2013.
7. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб. 1999.
8. Реан А.А., Москвичева Н.Л. Подросток и семья. // Психология подростка. / Под ред. А.А. Реана. СПб. 2007. С. 203-233.
9. Регуш Л.А. Социальная перцепция как основание эмпирических прогнозов в педагогической деятельности. / Социально-психологическая перцепция в системе образования. СПб. 2016. С. 21 — 32.
10. Ремшмидт Х. (Remschmidt H.) Подростковый и юношеский возраст. М. 1994.
11. Рождественская Н.А. Способы межличностного познания: психолого-педагогический аспект. М. 2004.
12. Росстат, Россия в цифрах, 2015: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/05-07.htm
13. Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи. // Социологические исследования. — 2007. С. 37 — 43.
14. Семья и родительство в современной России. М. 2009.
15. Семья: психология, педагогика, социальная работа. / Под ред. А.А. Реана. М. 2010.
16. Ситников В.Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых. СПб. 2001.
17. Ситников В.Л., Кедич С.И. Образ объекта и субъекта педагогической деятельности. / Социально-психологическая перцепция в системе образования. СПб. 2016. С. 32 — 59.
18. Собкин В.С., Кузнецова Н.И. Российский подросток 90-х: движение в зону риска. М. 1998.
19. Ясюкова Л.А. Сравнительный анализ жизненных ценностей старшеклассников и их родителей. // Преемственность поколений: диалог культур. СПб. 1996. С. 112-113.
20. Parke, R.D., Buriel R. Socialization in the family: Ethnic and ecological perspectives. // W. Damon (Ed.), Handbook of child psychology (vol. 3). New York. 1998.
21. Specht W. (Hg). Die Gefährliche strasse. Jugendkonflikte und Stadtteilarbeit. Bielefeld, 1991.
22. Understanding aggressive behavior in children. New York, 1996.

1 Научные руководители исследования проф. А.А. Реан и проф. С.Б. Малых. Координатор исследования по методической части А.Ю. Фенин, координатор исследования по организационной части С.В. Кардаильский.



УДК 1
ББК 88

ИНСТРУМЕНТЫ СРАВНЕНИЯ ПРОЕКТОВ ПО РАЗВИТИЮ БИЗНЕСА

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СЛЕСАРЕВА,

*кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры информатики и
математики Московского университета*

МВД России имени В.Я.Кикотя

E-mail: vremya-ne-jdet@ya.ru;

ДЕНИС ЕВГЕНЬЕВИЧ СМИРНОВ,

*старший преподаватель кафедры прикладной информатики
Финансового университета при Правительстве РФ*

E-mail: vremya-ne-jdet@ya.ru

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Представлена модель анализа изменений параметров безубыточности при осуществлении мероприятий по развитию бизнеса, реализующая выполнение расчетов, необходимых для исследования влияния планируемых мероприятий на изменение прибыли и финансовой прочности предприятия. Приведены задачи оценки чувствительности бизнеса к изменениям базовых параметров деятельности предприятия.

Ключевые слова: CVP — анализ, модель анализа изменений параметров безубыточности, реорганизация и (или) развитие бизнеса.

Annotation. In the article the model of the analysis of parameters changes of break-even in the implementation of measures for business development, implementing the calculations required to study the effect of planned activities on the changes in profits and financial strength of the enterprise. Given the challenges of estimating the sensitivity of business to changes in the basic parameters of activity of the enterprise.

Keywords: CVP — analysis, model analysis changes in the parameters of break-even, reorganization and (or) business development.

Управленческие решения по реорганизации бизнеса могут быть весьма разнообразны. Однако, если мероприятия по реорганизации или развитию бизнеса сколько-либо масштабны, все они в конечном счете так или иначе влияют на такие экономические характеристики деятельности предприятия, как: объем выручки от реализации, величину постоянных затрат, удельные переменные затраты на денежную единицу реализации. В конечном итоге это влияет не только на изменения в прибыли и рентабельности, но и на положение точки безубыточности, финансовую прочность и уровень операционного риска. Исходя из этого, одним из наиболее общих методологических инструментов анализа последствий принятия управленческих решений по реорганизации бизнеса является анализ безубыточности (CVP-анализ).

Простой, но достаточно общей моделью описания последствий принятия управленческих решений по реорганизации бизнеса является их представление в виде описания изменений в объеме выручки, вели-

чине удельных переменных затрат на денежную единицу реализации и совокупной величине постоянных затрат. Эти изменения приводят к изменениям в объеме получаемой прибыли, порога рентабельности и уровня финансовой прочности. Для исследования влияния планируемых мероприятий на параметры безубыточности предприятия можно использовать простую компьютерную модель.

Ее общий вид, представленный в формате электронных таблиц, отражен на рис.1.

Модель анализа изменений параметров безубыточности при осуществлении мероприятий по развитию бизнеса реализует выполнение расчетов, необходимых для исследования влияния планируемых мероприятий на изменение прибыли и финансовой прочности предприятия. В рамках модели предполагается, что каждое рассматриваемое мероприятие может привести к изменению выручки, удельных переменных затрат на единицу реализации, а также постоянных затрат предприятия.



	A	B	C	D	E	F	G	H	I
1			Мероприятия по развитию бизнеса						
2		База	1	2	3	4	5	6	7
3	Выручка	100000	90000	100000	118000	121000	125000	104000	111000
4	изменения - % к базе		-10%		18%	21%	25%	4%	11%
5	изменения в сумме								
6	Переменные затраты	50000	45000	41000	59000	60500	62500	54600	58275
7	на единицу выручки	0,50	0,50	0,41	0,50	0,50	0,50	0,53	0,53
8	изменения - % к базе							5%	5%
9	изменения на величину			-0,09					
10	Маржинальный доход	50000	45000	59000	59000	60500	62500	49400	52725
11	Постоянные затраты	30000	23500	40000	40000	40000	40000	30000	30000
12	изменения - % к базе								
13	изменения в сумме		-6500	10000	10000	10000	10000		
14	Прибыль	20000	21500	19000	19000	20500	22500	19400	22725
15	изменения - % к базе		8%	-5%	-5%	3%	13%	-3%	14%
16	Порог рентабельности	60000	47000	80000	80000	80000	80000	60000	60000
17	Финансовая прочность, %	40%	48%	20%	32%	34%	36%	42%	46%

Рис.1. Модель анализа изменений параметров безубыточности при осуществлении мероприятий по развитию бизнеса

В столбце «База» задаются начальные значения показателей: текущий объем выручки, текущие удельные переменные затраты и суммарные постоянные затраты. На их основе определяются текущие значения маржинального дохода, прибыли, порога рентабельности и финансовой прочности.

Каждый последующий столбец характеризует отдельное мероприятие и/или сценарий его осуществления. В предположениях модели столбцы (мероприятия, сценарии) считаются независимыми.

Характеристики мероприятий (сценариев) определяются путем указания предполагаемых отклонений исследуемых показателей от их базовых значений. Изменения задаются как положительный или отрицательный прирост указанных параметров конкретным значением или в виде процента к базовому значению показателя.

По заданным параметрам изменений, характеризующим отдельные сценарии, в модели рассчитываются все остальные зависимые показатели модели.

Модель анализа изменений параметров безубыточности при осуществлении мероприятий по развитию бизнеса позволяет решать широкий круг задач.

Прежде всего, это задачи оценки чувствительности бизнеса к изменениям базовых параметров деятельности предприятия. В частности, модель позволяет ответить на следующие вопросы.

1. Как изменится прибыль предприятия при изменении выручки на заданный процент или величину?

2. Как изменится прибыль, порог рентабельности и финансовая прочность при изменении удельных переменных затрат на денежную единицу реализации?

3. Как изменится прибыль, порог рентабельности и финансовая прочность при изменении постоянных затрат.

При анализе последствий планируемых мероприятий может использоваться комплексный анализ изменений в двух или трех параметрах.

Модель позволяет быстро выявить последствия различных решений по развитию бизнеса, так или

иначе связанных с прямыми изменениями выручки от реализации, объема и структуры затрат. При этом существует возможность осуществления многовариантных расчетов и сравнения альтернатив при различных оценках изменений базовых параметров.

Кроме того, при использовании инструмента «Подбор параметра», с помощью модели можно решать задачи обратного счета следующего или похожего содержания:

а) на какую величину может снизиться выручка для сохранения той же массы прибыли при заданном уменьшении постоянных затрат.

б) насколько должны уменьшиться переменные затраты на денежную единицу выручки при заданном возрастании постоянных затрат для сохранения объемов текущей прибыли.

в) на сколько процентов должна увеличиться выручка при заданном возрастании переменных затрат на денежную единицу выручки для того, чтобы обеспечить прирост прибыли на заданный процент.

Литература

- Смирнов Д.Е. Технологическая платформа создания открытого программного обеспечения экономического анализа, основанного на облачных вычислениях // Вестник экономической безопасности № 3, 2016 г.
- Смирнов Д.Е. Предпосылки применения облачных технологий при решении задач экономического анализа // Вестник Московского университета МВД России № 7, 2016 г.
- Лапин В.В., Слесарева Е.А. Информационные системы в экономике: учебное пособие. — М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.
- Слесарева Е.А. Информационные системы в экономике. Разработка прикладного решения средствами ИС: Предприятие 8.2: учебно-методическое пособие. — М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.
- Ищенко А.А. Концептуальная структурно-логическая схема автоматизации производства экспертного исследования по вопросу правильности исчисления налога на добавленную стоимость // Экономика и предпринимательство, № 12-3, 2014
- Кинякин В.Н., Слесарева Е.А. Концепт алгоритма для начинающих // Вестник Московского университета МВД России № 7, 2016 г.



УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналами «Закон и право», «Государственная служба и кадры», Международным журналом «Актуальные проблемы административного права и процесса», «Вестник Московского университета МВД России», которые заинтересованы в развитии науки, поддерживают интересные проекты и приглашают всех желающих стать участниками данных проектов.

Мы предлагаем Вам принять участие в обсуждении вопросов «круглого» стола:

«Актуальные вопросы современного административного права и процесса»

1. Современное состояние и тенденции развития предмета и системы российского административного права.
2. Формирование и развития административного и административно-процессуального законодательства в России.
3. Административно-процессуальное право как самостоятельная отрасль системы права Российской Федерации.
4. Административно-правовое регулирование государственного контроля и надзора в Российской Федерации.
5. Административно-правовое регулирование безопасности в Российской Федерации.
6. Административные регламенты и административные процедуры в деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.
7. Проблемы классификации и кодификации мер административного принуждения, применяемых в России.
8. Актуальные проблемы административной ответственности в Российской Федерации.
9. Современное состояние и тенденции развития досудебного разрешения административных споров в России.
10. Актуальные проблемы понимания и систематизации административного процесса России.
11. Судебный административный процесс в России.

Статьи будут проиндексированы и получают статус ВАКовских.
В «круглом» столе примут участие ведущие ученые, специалисты, теоретики и практики в рассматриваемой области юриспруденции из разных стран.

Язык конференции: русский, английский.

*С уважением,
председатель оргкомитета*